QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

1968: A Soviet Historian in America

War: Vectors of Sociocultural Adaptation

Russian Art and Politics

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 2

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 2

Уральский федеральный университет

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 2
http://qr.urfu.ru

Ural Federal University

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь, сентябрь, декабрь)

•

Учредитель – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

•

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

•

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: http://qr.urfu.ru

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June, September, December)

•

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia

•

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

•

"Quaestio Rossica" is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia's culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal's website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's website: http://qr.urfu.ru

Журнал индексируется в *Web of Science*.

The journal is indexed in *Web of Science*.

•

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

•

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 2

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Reviews Section Editor: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Lead Translator: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Secretary Associate: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 2

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), п*о культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); редактор перевода: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сиэтл, Университет Восточного Вашингтона); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

QUAESTIO ROSSICA Vol. 4. 2016. № 2

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Challenges of the Times and the Adaptability of Humanity [in English, in Russian] 7

Challenges of the Times and the Adaptability of Humanity [in English, in Russian] 7

Scientia et vita

Sergei Zhuk. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War [in English, in Russian] 15

Sergei Zhuk. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War [in English, in Russian] 15

Problema Voluminis

Русское искусство с политикой и без

Russian Art with and without Politics

Евгений Алексеев, Евгений Бурденков. «Иконография» Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества 45

Yevgeny Alekseev, Yevgeny Burdenkov. "The Iconography" of Comrade Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking 45

Andrew McGregor, Robert Lagerberg. Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena* 80

Andrew McGregor, Robert Lagerberg. Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena* 80

Ирина Вепрева, Наталия Купина. Очередь на Серова: феномен русскости 95

Irina Vepreva, Natalia Kupina. The Queue for Serov: The Phenomenon of Russianness. . . . 95

Война горячая и холодная

Hot and Cold Wars

Илья Ратьковский. «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса 109

Ilia Ratkovsky. The Red Army's "Perm Catastrophe" and Iron Felix's Terror Strategy Development 109

Василий Христофоров. Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) 119

Vasily Khristoforov. American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945). 119

Юлия Матвеева. Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции 137

Yulia Matveeva. World War II in the Literary Perception of Three Waves of Russian Emigration. 137

Содержание

Елена Плахина, Ирина Белякова. Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе . .159

Contents

Elena Plakhina, Irina Belyakova. Running around the Vicious Circle: Cold War Images in the Contemporary Russian and American Print Media . . 159

Disputatio

Olga Sidorova. Images of Russia and the Russian People in the Contemporary English Novel . . 183

Natalia Nikonova, Lidia Dmitrieva. The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair 195

Olga Sidorova. Images of Russia and the Russian People in the Contemporary English Novel . . 183

Natalia Nikonova, Lidia Dmitrieva. The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair 195

Heritage

Nomina et scholae

Вим Куденис. Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России 209

Wim Coudenys. Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia 209

Recensiones

Валерий Каминский. Пятилетие журнала «Новейшая история России»: научный потенциал, новые источники и смелые идеи 233

Сергей Любичанковский. Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия 267

Yakov Lazarev. Bifurcations, Discontinuities and the 'Russian Trace' in the Construction of the Ukrainian Nation. 276

Об авторах 290

Сокращения 295

Valery Kaminskiy. The Fifth Anniversary of the Contemporary History of Russia: Scholarly Potential, New Sources, and Audacious Ideas 233

Sergei Lyubichankovsky. The Russian Peasantry and World War I as a Problem for Russian Historiography 267

Yakov Lazarev. Bifurcations, Discontinuities, and the 'Russian Trace' in the Construction of the Ukrainian Nation. 276

On the authors 290

Abbreviations 295

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2016.2.156

CHALLENGES OF THE TIMES AND THE ADAPTABILITY OF HUMANITY

In this instalment of *Quaestio Rossica*, we have expanded the thematic breadth of the *Scientia et vita* section. Previously, our authors have written about what provoked their interest in Russian history and culture, and how this influenced their lives and careers. In the present issue, however, *Sergei Zhuk* (Muncie, USA) has gone a step further and presented material on his teacher Nikolai Bolkhovitinov, one of the most esteemed Russian Americanists. Zhuk takes one year in the life of his mentor, 1968, as the foundation for his article: it was in this year that Bolkhovitinov was forced to look differently at the trajectory of early American history and re-evaluate the strengths and weaknesses of Russian historiography. We present the first part of this article in the current issue.

Problema Voluminis explores two themes. The first concerns the interconnection between art and official ideology, especially with regard to the limits of adaptation or attempts at rejection. In relation to this, art scholar *Yevgeny Alekseev* (Ural Federal University) and historian *Yevgeny Burdenkov* (Yekaterinburg History Museum) have provided an article entitled 'The "Iconography" of Comrade Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking'. This piece analyses the official instructions of the party director of the Yakov Sverdlov Museum as he sought to represent the different stages in the life of this particular Soviet leader. The authors' combination of analytical methods taken from art history and an archival source base offers us a convincing way to understand official mythmaking in the Soviet era.

In his film *Elena* (2011), Andrey Zvyagintsev, one of the best directors in contemporary cinema, created a myth about the moral aspects of modern Russian life that rejected the position of the official ideology. This film provoked a great deal of controversy because of its harsh and pessimistic representation of the situation in Russia today. Australian scholars *A. McGregor* and *R. Lagerberg* (University of Melburn) take an analytical look at the issues at the heart of Zvyagintsev's film in their article 'Aspirations of Home in (Post-)Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena*'. Finally, *Irina Vepreva* and *Natalia Kupina* (Ural Federal University) have written an article which culminates our discussion on art and ideology. In 'The Queue for Serov: The Phenomenon of Russianness', they use a rather unusual lens for analysing the manifestation of 'national' qualities such as patience and inclination to revolt: the queue that formed for an exhibition of Valentin Serov's paintings in Moscow (October, 2015 – January, 2016).

The second topic of *Problema Voluminis* is also dedicated to adaptation, but this time in the conditions of war. War as a social phenomenon gives birth to extremely varied forms of adaptation and constantly tests their limits. Even if we look at historical agents who are only indirectly affected by war or discuss cold wars rather than hot ones, it is still pertinent to ask how people adapt to processes aimed at destroying human life.

For instance, in his controversial article on 'The Red Army's "Perm Catastrophe" and Iron Felix's Terror Strategy Development', *Ilia Ratkovsky* (State University of Saint Petersburg) examines Felix Dzerzhinsky's military expedition to the eastern front of the Russian Civil War in January, 1919. The author suggests that Dzerzhinsky's personal acquaintance with the armed struggle played a great role in the development of his self-image as 'Iron Felix'. As a witness to the chaos of the conflict and an investigator into the mass murder of Red Army soldiers and local residents after the 'Perm catastrophe', Dzerzhinsky began to consider terror as a weapon to be used against 'counterrevolutionary officers': this included the terrible practice of death lists.

Meanwhile, *Vasily Khristoforov* (Russian State University for the Humanities) continues his study of the fate of Llewellyn Thompson, an American diplomat in wartime Moscow. This piece analyses different aspects of Thompson's activities, many of which cost him a great deal of time, money, and effort: he was, after all, the only diplomat left in the consulate after his colleagues were evacuated to Kuibyshev. However, even as the frontline of the war retreated from Moscow, there was little calm in the American embassy: debates about opening a second front deepened the squabbles among the American diplomats and made conversations with the Soviet leadership all the more difficult. Furthermore, as he struggled with these great questions, a personal second front opened up for Thompson: his career and home life began to clash.

Yulia Matveeva (Ural Federal University) also looks at the Second World War, considering the perception of the conflict in the Russian émigré circles: she convincingly portrays the drama that unfolded as writers from different waves of emigration argued uncompromisingly.

Of course, wars do not necessarily require frontlines, enemies, or armies. *Elena Plakhina* and *Irina Belyakova* (Tyumen State University) look at the modern reproduction of Cold War clichés in the American and Russian print media, despite the fact that there is no armed conflict between the two powers.

In the *Disputatio* section, we present articles that examine the junctures between Russian and non-Russian philology and cultural studies. In *Olga Sidorova's* (Ural Federal University) 'Images of the Russian People and Russia in the Contemporary English Novel', the works of three British novelists (Penelope Lively, Penelope Fitzgerald, and Helen Dunmore) are analysed in order to show the development of Russia's image in the British discourse. She demonstrates how negative stereotypes are ceding their position to a deeper understanding of Russia based on a consideration of its traumatic 20th-century history.

Natalia Nikonova and *Lidia Dmitrieva* (Tomsk State University) turn their attention to the changing image of poet revolutionary Georg Herwegh

in the Russian discourse. It is undoubtedly the case that Herwegh, a close friend of the democratic émigré circles, was and remains a crucial figure in Russian literary criticism. However, while Soviet historians glorified the works of the poet for their revolutionary spirit and didactic value, the authors of this piece show that modern researchers have concentrated more on the romantic relations between Herwegh and Natalia Aleksandrovna, the wife of Alexander Herzen.

In *Heritage. Nomina et Scholae*, we continue to publish *Wim Coudenys'* (Catholic University, Leuven) review of the importance of translation in the early stages of Russian historiography. He reveals the moments of conflict that emerged when mistakes were discovered in Russian histories written during the 18th century. Coudenys' intelligent systematisation of his material, much of which has not been subjected to previous examination, and his masterly formulation of the scholarly problems in this particular field are particularly deserving of praise.

For the first time in *Quaestio Rossica*, this issue will use the *Recensiones* section to present a survey of events and projects in the academic world alongside the normal selection of reviews. We have given space to a general overview of the peer-reviewed scholarly Journal *Noveyshaya istoriya Rossii (The Contemporary History of Russia)* (Saint Petersburg), which was established five years ago. *Vladimir Kaminsky* (Ashdod), the author of this piece, seeks to divide the Journal's articles into 16 different categories in order to facilitate critical analysis of its content: his conclusions will undoubtedly assist in the optimisation of the Journal's structure.

Equally, *Sergei Lyubichankovsky* (Orenburg State Pedagogical University) proffers a report on the debate 'Russian Peasantry and World War I', which was held on 11 April 2014 in the Historical Archive Institute of the Russian State University for the Humanities and subsequently published in *Novyi Istoricheskii Vestnik* (Iss. 2, 2016). He rightly states that this debate marks the rebirth of academic interest in interrelations between the peasantry and state structures under the pressure of war. The discussion also touched upon issues surrounding the mentality and economic position of the peasantry, the biggest social group in Russia in the early 20th century.

Finally, *Yakov Lazarev* (Ural Federal University) dedicates his review 'Bifurcations, Discontinuities and the "Russian Trace" in the Construction of the Ukrainian Nation' to a recent monograph by Ukrainian historian Sergei Plokhii. Lazarev analyses Plokhii's discussion of the 'Cossack myth' and the material used in the research; furthermore, he examines the extent to which the political background and certain methodological choices have influenced the argument of this particular book.

Larisa Soboleva,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
Konstantin Bugrov,
Institute of History and Archaeology, UB of RAS, Yekaterinburg, Russia.
Translated by James Whyte

© Whyte J., translation, 2016

В этом выпуске мы расширяем тематику первой рубрики журнала *Scientia et vita*. В предыдущих номерах наши авторы писали о том, что послужило стимулом их интереса к российской истории и культуре и как это повлияло на их карьеру и жизнь. Для текущего выпуска материал о своем учителе Николае Болховитинове, одном из крупнейших российских американистов, подготовил *Сергей Жук* (Университет Болла). Автор взял за основу один год из жизни ученого, но этот год заставил Болховитинова иначе посмотреть на трактовку ранней американской истории и оценить достоинства и недостатки исторической науки в отечестве. Публикуется первая часть статьи.

Рубрика *Problema Voluminis* представлена двумя направлениями. Одно связано с проблемой взаимодействия искусства и господствующей идеологии, границами адаптации или стремления к отторжению от нее. Статья искусствоведа *Евгения Алексеева* (Уральский федеральный университет) и историка *Евгения Бурденкова* (Музей истории Екатеринбурга) «"Иконография" Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества» содержит анализ уникального комплекса исторических документов – официальных указаний партийного директора Музея имени Якова Свердлова о том, как должна быть написана картина, изображающая различные этапы жизни советского партийного лидера. Сочетание искусствоведческого анализа с привлечением архивных источников дает убедительный результат в плане понимания мифотворчества советской эпохи.

Иной, отторгающий официальную идеологию миф о нравственной стороне современного российского бытия создает один из лучших режиссеров современного кино Андрей Звягинцев в фильме «Елена» (2011). Фильм вызвал многочисленные отзывы и самые противоречивые мнения изображением беспросветности бытия и жесткостью оценок. Поэтому столь интересен для нас взгляд на проблематику звягинцевского фильма, представленный австралийскими исследователями *А. Макгрегором* и *Р. Лагербергом* (Мельбурнский университет) в статье «Aspirations of Home in (Post-)Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena*». Завершением темы с очень необычного ракурса является статья *Ирины Вепревой* и *Натали Купиной* (Уральский федеральный университет) «Очередь на Серова: феномен русскости», увидевших проявление национальных качеств (терпения и бунтарства) в феномене спонтанно возникшей очереди на выставку картин Валентина Серова (Москва, октябрь-январь 2016 г.).

Вторая тема рубрики *Problema Voluminis* тоже посвящена адаптивности, но в условиях войны. Война как социальный феномен, порождая самые разные формы приспособления, постоянно тестирует предел человеческой адаптации. Даже когда речь идет зачастую о войне холодной, а не «горячей», и герои статей этой рубрики сталкивались с войной лишь опосредованно, не снимается вопрос о том, каким образом люди адаптируются к процессу, нацеленному на уничтожение людей.

Тему открывает полемическая статья *Ильи Ратьковского* (Санкт-Петербургский государственный университет) «"Пермская

катастрофа" Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса» о военной командировке Феликса Дзержинского на Восточный фронт в январе 1919 г. Автор предполагает, что личное столкновение Дзержинского с военным опытом сыграло огромную роль в появлении пугающего образа Железного Феликса: став свидетелем военного хаоса, расследуя грабежи и массовые убийства красноармейцев и местных жителей, последовавшие за «пермской катастрофой», Дзержинский выработал собственный взгляд на террор в отношении «контрреволюционных офицеров», включая жестокую практику расстрелов по спискам. *Василий Христофоров* (Российский государственный гуманитарный университет) в статье «Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945)» продолжает изучать судьбу американского дипломата Льюэллина Томпсона, оказавшегося в военной Москве. Автор анализирует разные стороны деятельности Томпсона, на которого свалилась масса хлопот организационного и хозяйственного толка. Но даже когда линия боев откатилась от Москвы, спокойствия в посольстве США было мало: на фоне дебатов об открытии второго фронта все глубже становились дрязги между американскими дипломатами, все труднее становилось вести переговоры с советскими руководителями. А рядом с этими большими вопросами для Томпсона развертывался собственный второй фронт: личная жизнь вступила в конфликт с интересами карьеры. *Юлия Матвеева* (Уральский федеральный университет) в статье «Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции» рассматривает восприятие войны в эмигрантской среде разных волн – от В. Андреева до А. Зиновьева и убедительно показывает драмы и противоречия писателей разных поколений. Впрочем, чтобы оказаться на войне, зачастую не нужны ни линия фронта, ни противник, ни армия: так, в статье *Елены Плахиной* и *Ирины Беляковой* (Тюменский государственный университет) «Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе» авторы анализируют воспроизводство военных клише и штампов в контекстах, чрезвычайно далеких от реального военного противостояния.

В рубрике *Disputatio* представлены статьи, выполненные на стыке российской и зарубежной филологии и культурологии. В статье *Ольги Сидоровой* (Уральский федеральный университет) «Images of the Russian People and Russia in the Contemporary English Novel» на основе анализа творчества ряда британских авторов (Пенелопы Лайвли, Пенелопы Фицджеральд, Хелен Данмор) показано, как возник и менялся образ России и россиян в творчестве писателей Великобритании и как негативные стереотипы уступили место более глубокому пониманию, основанному на восприятии драматизма судьбы России в XX в. *Наталия Никонова* и *Лидия Дмитриева* (Томский государственный университет) обратились в своей статье «The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair» к изменениям в трактовке образа немецкого поэта-революционера Георга Гервега. Безусловно,

Гервег, близкий к кругам демократической русской эмиграции, был и остается «своей» фигурой в российском литературоведении; но если советские историки литературы прославляли творчество поэта за революционно-назидательный пафос, то интересы современных исследователей в большей степени сосредоточены на романтических отношениях Гервега и жены Александра Герцена Натальи Александровны.

В рубрике *Heritage. Nomina et Scholae* продолжается публикация изысканий *Вима Кудениса* (Католический университет г. Лёвена) «Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России». Автор выявляет конфликтные моменты, возникающие при обнаружении ошибок в описании русской истории в XVIII в. Следует высоко оценить не только умение автора систематизировать материал, но и филигранное мастерство в постановке научных проблем на материалах, которые, казалось бы, ранее неоднократно подвергались изучению.

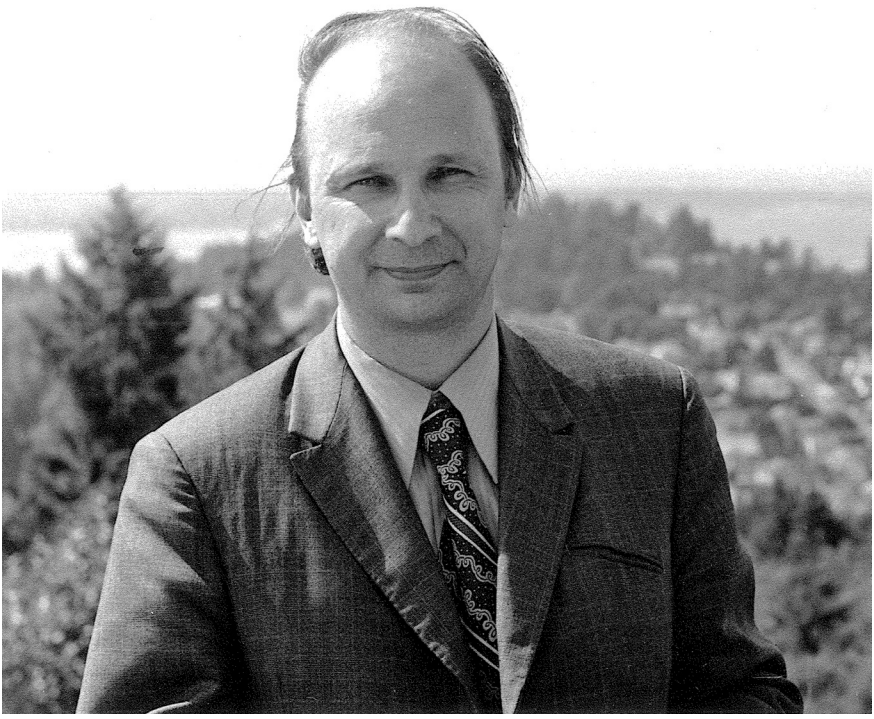
В этом номере *Quaestio Rossica* наряду с рецензиями в разделе *Recensiones* впервые вводится обзор научных событий и проектов. Вниманию читателей предложен обзор научного рецензируемого журнала «Новейшая история России» (Санкт-Петербург), с момента выхода первого номера которого прошло пять лет. Обзор статей журнала, подготовленный *Владимиром Каминским* (Ашдод), отличается критическим настроем, их авторская систематизация (выделено 16 направлений) несомненно будет способствовать оптимизации структуры издания.

Критический обзор всероссийской дискуссии «Российское крестьянство и Первая мировая война», состоявшейся в 11 апреля 2014 г. в Историко-архивном институте РГГУ и опубликованный в журнале «Новый исторический вестник» (2016, № 2), представлен в подробном анализе *Сергея Любичанковского* (Оренбургский государственный педагогический университет) «Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия». Автор обстоятельно рассматривает выступления участников дискуссии, справедливо отмечая возрождение интереса к теме, прежде всего – к взаимоотношениям крестьянства и государственных структур в ситуации войны, к выявлению умонастроений и экономического положения крестьянства, которое в начале XX в. все еще оставалось крупнейшей социальной группой России.

Рецензия *Якова Лазарева* (Уральский федеральный университет) «Bifurcations, discontinuities and the “Russian trace” in the Construction of the Ukrainian Nation» посвящена монографии украинского историка Сергея Плохия. Анализируя обрисованный исследователем «казацкий миф», критик дает объективную оценку использованным материалам, степени академизма в методах исследования и политической подоплеке, в определенной степени повлиявшей на ученого.

Лариса Соболева,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.
Константин Бугров,
Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН,
Екатеринбург, Россия

Scientia
et vita



Nikolay N. Bolkhovitinov. 1968

Scientia et vita

DOI 10.15826/qr.2016.2.157
УДК 930(470)"4968"+327.54+327.8(73:470)

1968: ONE YEAR IN THE LIFE OF A SOVIET AMERICANIST, OR AMERICAN INFLUENCE AT HOME AND ABROAD DURING THE COLD WAR*

Sergei Zhuk
Ball State University,
Muncie, Indiana, USA

This essay is based on the author's recent research about American studies in the Soviet Union during the Cold War. Using various archival documents, personal papers, diaries, memoirs, contemporary periodicals, and more than 70 interviews, this essay explores how one year, 1968, changed the life of Nikolay N. Bolkhovitinov (1930–2008), a Soviet historian and the author of pioneering studies on Russo-American relations. During this year, Bolkhovitinov used funding from the American Council of Learned Societies (ACLS) to support his first research trip to the USA, where he intended not only to discover 'the real America' through various forms of cultural consumption, but also to build his international reputation as a historian of early America and an expert in Russo-American relations.

Keywords: American studies; knowledge production; US-Soviet relations; Cold War.

Очерк основан на материалах нового исследования автора по истории советской американистики времен холодной войны. С использованием различных архивных документов, личной переписки, дневников, мемуаров, современных периодических изданий и более 70 интервью в очерке исследуется, как события 1968 г. изменили течение жизни Николая Болховитинова (1930–2008), советского историка, автора оригинальных исследований начала истории российско-американских отношений. В указанный год Болховитинов благодаря финансированию Американского совета ученых обществ совершил научную поездку в США, за время которой он не только открыл для себя реальную Америку через различные формы культурного потребления, но и начал создавать себе

* *Citation*: Zhuk, S. (2016). 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 15–42. DOI 10.15826/qr.2016.2.157.

Цитирование: Zhuk S. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 15–42. DOI 10.15826/qr.2016.2.157.

© Zhuk S., 2016

международную репутацию историка ранней Америки и эксперта по истории российско-американских отношений.

Ключевые слова: советская американистика; производство знания; советско-американские отношения; холодная война.

Overall, the recent research in Western and Russian post-Soviet historiography about knowledge production during the Cold War ignores the role of the pioneers of 'academic détente' (the improvement of relations between US and Soviet scholars): one such individual was Nikolay N. Bolkhovitinov (1930–2008), one of the founders of American studies in the Soviet Union.[2]

The real rise of Bolkhovitinov's academic career took place after the successful defence of his doctoral dissertation on the origins of Russo-American relations in 1965: this coincided with the Brezhnev era, otherwise known as 'the era of stagnation.' 'As far as I can recall we did not feel in October-November 1964 that something had changed since the replacement of Khrushchev with Brezhnev,' Bolkhovitinov noted in one of his interviews:

> Everything looked the same. I remember only the feeling of relief my wife and I shared when Khrushchev had gone. Everybody, including us, was tired of Khrushchev's experimentation and his unpredictability. We did not appreciate that we had lived through the great era of new hopes and expectations under Khrushchev. Only after 1968, after the suppression of the 'Prague Spring', did I realise finally that all our hopes for socialist reforms were over, and Lyudmila and I really began missing Khrushchev's era. But during 1964–1966, I was so busy with my doctoral dissertation that I did not pay special attention to the political situation, which did not directly affect my life those days.[3]

American influences at home

In the spring of 1965, Bolkhovitinov met for the first time his American colleague Lyman Henry Butterfield, the director of the Institute of Early American History and a historian of the early American Republic who was involved in the publication of the papers of the Adams' family. Professor Butterfield came to Moscow looking for archival documents relating to John Quincy Adams' mission to imperial Russia in 1809–1814. In April, Butterfield asked the administration of the American Council of Learned Societies (ACLS) to help him to organise this visit in Moscow. Frederick Burkhardt, ACLS president, requested that S. K. Romanovsky, chairman of the USSR State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries, 'receive this American scholar and provide him with necessary contacts' in the USSR Academy of Sciences:

[2] Among numerous recent publications, only one has emphasised the role of Nikolay Bolkhovitinov [Russian/Soviet Studies…]. Compare with my old publication: [Zhuk, 2013a].

[3] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004 (here and further on in the article, unless indicated otherwise, all the interviews of N. Bolkhovitinov and his colleagues are cited from recordings kept in the author's private collection). For the Soviet people's reaction to Khrushchev's fall, see the memoirs of Bolkhovitinov's contemporaries and colleagues: [Arbatov, p. 104–141; Познер, с. 306–307; Черкасов, с. 201–209].

> I enclosed a letter… to Academician [Isaak Izrailevich] Mints about the proposed visit to the Soviet Union of Dr. L. H. Butterfield. Dr. Butterfield expects to travel as a tourist and to leave this country for the Soviet Union on May 14… regards The Adams Papers, of which Dr. Butterfield is Editor in Chief, as a most important historical project [ACLS]. We shall be grateful for any assistance you can give Dr. Butterfield in meeting Soviet scholars and in obtaining access to appropriate materials.[4]

Meanwhile, Butterfield had already read an article written by Bolkhovitinov about Russian diplomacy and the American Revolution, which was published in English translation in a series edited by M. E. Sharpe [Болховитинов, 1964а, с. 31–46]. This is why Butterfield immediately referred to Bolkhovitinov as 'the only world-renowned Soviet specialist in the history of early Russo-American relations in Moscow' during his first meeting with officials from the USSR Academy of Sciences. After this conversation, the representatives of the international department from the Institute of History directed the American guest to Bolkhovitinov. These officials supervised a few meetings between the young Soviet Americanist and Butterfield in various Moscow archives. It was a unique experience for Bolkhovitinov to be able to share his professional expertise with a famous American historian. Although the KGB followed the American throughout the trip, Bolkhovitinov very much enjoyed these few days of collaboration with Butterfield. Bolkhovitinov used his spoken English for professional discussions for the first time, helping Butterfield to locate the archival files related to Quincy Adams' visit to Russia, especially the 'notes exchanged with [Russian] Chancellor Rumyantsev and the instructions and dispatches sent by and to the Russian Foreign Office and its representatives in the United States.'[5]

Bolkhovitinov was instrumental not only in finding all these archival files for the American visitor, but also in arranging to have them copied on microfilm. Grateful for this help, Butterfield later arranged for all the materials related to Russia in the Adams Papers in the Massachusetts Historical Society to be copied and sent to Moscow for the use of Soviet scholars. Bolkhovitinov was the first Soviet historian to incorporate all of the appropriate information from this collection into his own research: he did so in the autumn of 1965, when the first microfilm reels reached Moscow. Throughout his life, Bolkhovitinov preserved his memories of this first personal 'academic exchange' with the American historian, which affected not only his research, but also his perception of historical scholarship in the United States. As he was to note later, 'for my entire life, Professor Butterfield became for me a living symbol of a decent and professionally competent historian from the West.'[6]

This meeting with the American scholar led to Bolkhovitinov's first encounter with KGB officers from the Institute's international department. They approached Bolkhovitinov in early 1965 because they had 'a special

[4] Letter of April 19, 1965 from Frederick Burkhardt, ACLS President, to Mr. S. K. Romanovsky, Folder "Correspondence with State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries" [Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS. F. 2. P. 789].

[5] Interview with Robert Ivanov, Moscow, 19 March 1991 [Butterfield, Levin, p. 17].

[6] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 12 June 1991.

written request from Professor Butterfield about his plan to meet a particular Soviet scholar – Nikolay Bolkhovitinov'. One of these officers instructed Bolkhovitinov about 'what to do and how to behave with an American visitor.' Moreover, this officer reminded him to write a 'special report about the conversations [with Butterfield]', which Bolkhovitinov had to submit immediately ('two days maximum') after his meetings. Reluctantly following the KGB officer's instructions to the letter, Bolkhovitinov spent an entire afternoon in May 1965 reporting '(1) the biography and scholarship of Professor Butterfield, (2) the topics of the discussed issues and conversations during the meetings with this American guest, and (3) the various thoughts, considerations, suggestions and propositions, expressed by Professor Butterfield'.[7] The entire procedure of organising the meetings with Butterfield and the subsequent contacts with the KGB were Bolkhovitinov's most lasting impressions from the spring of 1965.[8]

Another influence on Bolkhovitinov during this period of transition from Khrushchev to Brezhnev was the 'new wave' of American popular culture, which influenced even middle-aged intellectuals like the Bolkhovitinovs through a 'sudden influx' of American movies in Moscow theatres during 1964-66 [Raleigh, 133-135]. This trend was noted by Bolkhovitinov and fellow Americanists such as Nikolay Sivachev and Robert Ivanov. Moreover, as Bolkhovitinov later recalled, during the spring of 1965, he, a few of the Soviet experts in US politics and culture, and many Soviet scientists were invited by officials from the Central Committee of the CPSU for a special 'closed screening' of two American anti-war movies to decide whether they were appropriate for Soviet audiences. One of these films was Stanley Kramer's *On the Beach* (1959) while the other was the British-American *Dr. Strangelove* (1964), directed by Stanley Kubrick. Although all the Soviet Americanists who attended the screening recommended these films for a wider release, they were never shown in the Soviet Union, since their vision of the 'graphic results of nuclear war' was 'too intimidating for a normal Soviet viewer.' However, other, less 'intimidating' films 'made in the USA' were on the screens of all Moscow's major movie theatres.[9]

> Even the Moscow International Film Festival in the summer of 1965 featured prominently not only American movies, but also real American movie stars like Steve McQueen, a favourite among Soviet fans of the western *The Magnificent Seven,* and Carroll Baker, who met with the Soviet public and was interviewed by Soviet journalists.[10] Using the personal connections of his father in the USSR Academy of Sciences, Bolkhovitinov obtained a few tickets to see some of the films shown at the festival between 6 July and 20 July 1965.[11] After seeing these

[7] This was a typical KGB requirement for all personnel of the Soviet Academy of Sciences and the universities [Черкасов, с. 315].

[8] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 12 June 1991.

[9] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004. See also: [English, p. 106].

[10] About the popularity of American movies in Moscow in may 1964, see: [Карцева, с. 16]; see also: [Советский экран, 1965, № 13, с. 24] and the back page with a photo of Caroll Baker, and the front page of no. 14 with a photo of Steve McQueen [Roth-Ey, p. 115–120].

[11] For a detailed description of the Moscow International Film Festival in 1965, see: [Советский экран, № 16, с. 1, 6].

> movies, he was frustrated with the low quality of American 'commercial films': After watching recently in local movie theatres such talented and serious movies like *On the Beach*, *Dr. Strangelove*, and *The Catered Affair*, we were shocked with the obviously commercial character of the films presented by American guests during the festival… Many of us could not understand why the festival judges awarded the Silver Prize for the best movie to the cheap and silly American comedy *The Great Race (Bol'shie gonki)*.[12]

As Bolkhovitinov noted, it was 'another disappointment' in relation to the United States. As far as I can recall, the assassination of Kennedy in 1963 was my first real disappointment which destroyed my old illusions about the USA. This stupid comedy film by Blake Edwards about the 1908 New York-Paris automobile race with talented American actors like Jack Lemmon, Tony Curtis, and Natalie Wood demonstrated how the American film director's pursuit of the low tastes of the public, driven by a desire to make money by attracting this public to the movies, would lead to the 'commercial killing' of cinematic art. In contrast to the serious American movies presented during the Moscow festival, films like *To Kill a Mockingbird* and *The Defiant Ones* (in the Russian release – *Bonded by One Chain*), *The Great Race* was another disappointment with America, revealing the purely entertainment-focused and commercial character of American culture. Paradoxically, these revelations about American mass culture not only fit our prevailing Soviet ideological clichés about American capitalist civilisation, but also contributed to my new sceptical attitude towards western capitalism.[13]

Everyday working routine

From the 1960s, Bolkhovitinov's life completely depended on the academic politics and practices within his research institute, the Institute of History (after 1968, the Institute of World History) at the USSR Academy of Sciences. These practices remained the same after the overthrow of Khrushchev. Many of Bolkhovitinov's colleagues from the Institute of History confirmed that 'nothing changed dramatically' in the routine of their academic lives after 1964.[14] They still had only two 'office days' (*prisutstvennye dni*) (usually Mondays and Wednesdays) per week, when they worked in their offices for a couple of hours. Soviet scholars from academic institutions such as the Institute of History in Moscow only had to attend official meetings once a week (usually on Wednesdays). All other

[12] Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997. Bolkhovitinov is mistaken about the exact name of the prize. In Moscow, this film was awarded the so-called Silver Prize and a special prize for achievements in film technology. See: [Советский экран, № 16, с. 1]. It was released in the Soviet Union relatively late in 1976, ten years after its original release in the USA. In relation to *The Catered Affair*, Bolkhovitinov was referring to the 1956 movie known as *Wedding Party*, a family drama film directed by Richard Brooks. It was released in the USSR under the title *Svadebnyi zavtrak* (*Wedding Breakfast*).

[13] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 21 May 2001.

[14] See the memoirs of Soviet scholars who worked at the Institute of History: [Nekrich, p. 179–244; Гутнова, с. 258–271, 274–279; Гуревич, с. 208–239].

days were so-called 'library days' when they were supposed to do research either in archives or libraries.[15] This system of office days was typical for the institutes of the Soviet Academy of Sciences, especially in Moscow. Another contemporary described this system in ISKAN in the 1970s:

> There is an 'office day'… at the Institute [of the USA and Canada]. And at different institutes these days are different. In my institute they were Monday, Wednesday, and Friday. We knew that Arbatov [the director of the Institute of the USA and Canada] would appear after lunch… or sometime after 3. So after 3 he should show up… At the Institute of the International Workers' Movement, they had a better position: they had only two office days. They had Tuesdays and Fridays… Many researchers, then, did their work at home. Library and security regulations were circumvented [op. cit.: Dash, p. 198, 199].

Compared to the heavy teaching loads and service obligations at the provincial colleges and universities, a job at the academic institutes was considered to be 'a great privilege, a scholarly paradise' or, as Aleksandr Fursenko called it, an 'academic *sinecura* (a careless life)'.[16] A 'normal' teaching load for a professor of history at Moscow State University (MGU) was two or three courses per semester, while the average teaching load at the provincial Soviet universities in Dnepropetrovsk and Odessa was four to six courses per semester.[17]

Bolkhovitinov acknowledged that he and his colleagues had much better conditions for research than scholars teaching in Soviet colleges. As he later explained:

> On average during 1964–66, I spent six to eight hours every day either in the library or at home, writing or rewriting my material, first for my doctoral dissertation and then for my book. Frankly speaking, I visited the Institute only once a week, sometimes once every two weeks. I had a plenty of time to sleep, relax, and think about revising my material.[18]

Using his free time productively, Bolkhovitinov prepared a series of scholarly articles that eventually became the chapters of his doctoral dissertation: they were subsequently incorporated into a book which he published in 1966.[19]

At the end of January 1966, Bolkhovitinov began to prepare his doctoral dissertation for publication. The length of his manuscript was two times

---

[15] See interviews with Marina Vlasova, Vadim Koleneko and Sergei Burin on 20 February 1996, Moscow, and the e-mail message from Vladislav Zubok, 27 May 2013.

[16] Interview with Aleksandr Fursenko, Moscow, 19 March 1991.

[17] Interviews with Viktor Kalashnikov, Marina Vlasova and Aleksandr Mikhailyuk on 26 March 1992.

[18] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 21 May 2001.

[19] During 1965, all of his newly researched material was published as articles and chapters in various Soviet journals and books [Болховитинов, 1964а, с. 203–239; Он же, 1964б, с. 73–88; Болховитинов, Семенов, с. 389–415; Болховитинов, 1965а, с. 153–159; Он же, 1965б, с. 102–113].

longer than was officially allowed by the Soviet academic press *Nauka*, the traditional venue for books by Moscow scholars employed at the Academy of Sciences. Bolkhovitinov's opponents tried to stop the publication of his manuscript in this prestigious Soviet academic press. However, constant strong support from his former mentor Aleksei Efimov, who had important connections with *Nauka*, protected Bolkhovitinov's manuscript. Eventually, under pressure from Efimov, *Nauka*'s editors accepted the manuscript and approved its original uncut version. This was the happiest period of Bolkhovitinov's life. As he recalled later, 'the spring of 1966 was the happiest time in my entire life, nobody interfered in my manuscript preparation; all my corrections were accepted without any criticism' [Болховитинов, б. г., с. 46, 47].[20]

Even his opponent G. Sevostyanov stopped harassing him for awhile. Between 1966 and 1968, Sevostyanov had very cordial relations with the young scholar and supported all Bolkhovitinov's initiatives, including the publication of his book. This was because Sevostyanov was trying to create a coalition of supporters in the 'American' department (*sektor*) in his plot to overthrow Boris Mikhailov, its old head. In this power struggle, Sevostyanov needed Bolkhovitinov's support. Therefore Bolkhovitinov had 'the best working conditions at the department ever' and 'surprisingly very friendly relations with Sevostyanov' for two years.[21]

The publication of his book in June 1966 made Bolkhovitinov 'the new young rising star' in Soviet American studies. He became famous as the youngest researcher of US history in the Soviet Union: his two books became the foundation for the serious and meticulous exploration of the history of the United States and Russo-American relations in the 18th and 19th centuries. As one of Bolkhovitinov's colleagues noted, the publication of this new book signified 'the birth of the Bolkhovitinov phenomenon in Soviet historiography' [Комиссаров, с. 16].

Professor Ilya Savvich Galkin, the chair of MGU's department of modern and contemporary history, invited the new celebrity to deliver lectures for the faculty and students of Moscow University. At the beginning of 1967, he asked Bolkhovitinov to write a review of a new textbook about the historiography of modern and contemporary Europe and America prepared by Galkin's colleagues from MGU.[22] In the same year, Galkin offered Bolkhovitinov the teaching position of adjunct (or visiting) professor of history. Moreover, Galkin, who sincerely liked the young talented scholar, even promised him a future promotion to full professor [Болховитинов, б. г., с. 47–48].[23] However, a few of Bolkhovitinov's Americanist colleagues in Galkin's department felt unhappy about having such a successful and talented young historian as

[20] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004. Both Robert Ivanov and Igor Dementiev confirmed the existence of these anti-Bolkhovitinov intrigues at the *Nauka* publishing house during my conversations with them on 22 March 1991, Moscow.

[21] Interviews with Robert Ivanov and Sergei Burin, Moscow, 6 September 1998. Citations are from Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997.

[22] It was published in 1969 (with V. A. Dunaevsky as its co-author) in: [Вопросы истории, 1969, № 7, с. 151–155].

[23] See Galkin's biography in: [Дементьев]. See also his memoirs in: [Галкин].

their rival. Professor Igor Dementyev, a former student of Galkin's, began complaining about losing his students to this newcomer from the Institute of History. Eventually, as a result of this pressure, Galkin had to change his offer in 1967. Instead of the official position of adjunct professor, Bolkhovitinov got a much less prestigious and less lucrative teaching assignment. He was paid by the hour as a lecturer and there was no promise of a professorship. Bolkhovitinov kept teaching at MGU until 1974 on these conditions, sometime even supervising students' diploma work [Там же].[24]

As Bolkhovitinov later recalled, the most remarkable year for his personal and academic work was 1968. First of all, the Institute of History was officially divided in two institutes, one dedicated to the history of the USSR and the other to world history. The department of 'American countries' was transformed into the department of USA and Canadian history and was moved to the Institute of World History. As a member of this department, Bolkhovitinov was promoted to senior research fellow (*starshii nauchnyi sotrudnik*). However, he was frustrated because he lost direct contact with experts in pre-revolutionary Russian history like A. A. Zimin, V. T. Pashuto, and A. A. Preobrazhenskii, the scholars who had inspired him in his own archival research.[25]

The major figure behind the reorganisation of the Institute of History in 1968 was Sergei Pavlovich Trapeznikov, an old friend of Leonid Brezhnev: he had worked with the Soviet premier since 1948 as the director of the Higher Party School in Moldavia. Afterwards, Brezhnev brought Trapeznikov to Moscow, where he made a good career: he was elected a member of the Central Committee of the CPSU in 1966 and made the Committee's head of the department of scientific and teaching institutions. In 1966, Trapeznikov tried to become a member of the Academy of Sciences, but an overwhelming majority of Soviet academicians (the active members of the Academy) voted against him. As a result, the humiliated Trapeznikov decided to take revenge.[26] Another practical reason for the division of the Institute was the position of its communist party organisation, which rejected the official decision of the CPSU Central Committee to expel Aleksandr Nekrich from the party for his criticism of Soviet leadership during WWII [Болховитинов, 1997, с. 73; see also: Markwick, 203ff.].

According to Nekrich's memoirs, one of '[Trapeznikov's] many acts of revenge' included the aggressive division of the 'free-thinking' Institute of History. Many of its scholars were publicly critical about the deficient intellectual abilities and subpar academic expertise possessed by 'this party apparatchik', who officially specialised in 'Soviet agrarian history'. Therefore, through-

[24] Galkin tried to play a difficult game with his colleagues during his department meetings in the late 1960s. See: [Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 962. Л. 14–22].

[25] As Aleksandr Nekrich noted in his memoirs, 'by decree of the Central Committee secretariat and the presidium of the Academy of Sciences, the Institute of History was divided in two: the Institute of USSR History and the Institute of World History' ('the organisation period lasted a year…') [Nekrich, p. 221].

[26] See also the first Soviet "unofficial" biography of Brezhnev: [Медведев, кн. 1, с. 64–65, 143–145].

out the entirety of 1968, Trapeznikov personally supervised the division of this academic organisation into two very different institutions [Nekrich, p. 221]. As an 'expert' in Soviet history, he tried to create a special institute for the history of the USSR which would be loyal to him: he removed from its personnel those real experts in Soviet history who could be potential rivals. As a result of these manoeuvres, this institute became more conservative and 'lost academic leadership to the Institute of World History, whose personnel were still more open-minded and ready for dialogue with western historians.'[27]

Meanwhile, in 1968, Dr Sevostyanov, Bolkhovitinov's old opponent of, finally won his struggle for power in the department of American history and became its chair, thus changing the nature of its leadership. Instead of control by the Central Committee of the CPSU, which had been represented by Boris Mikhailov, the previous leader and an expert in the history of the international working class, Sevostyanov, a former intelligence officer, now reintroduced KGB control. He had already been working as acting chair (*ispolniaiushchii obiazannosti zaveduiushchego*) as early as September 1967. Eventually, in April 1969, Sevostyanov's appointment was approved by the administration of the Institute of World History.[28] During his first years in power, Sevostyanov treated Bolkhovitinov as his ally and supported his academic career, especially in 1968. When Bolkhovitinov reminded Sevostyanov about his need to go to the United States to continue his research in American archives and libraries, Sevostyanov not only publicly supported Bolkhovitinov's request, but also organised a special meeting to discuss Bolkhovitinov's so-called 'scientific plan' for his research trip abroad. However, Sevostyanov, who 'praised Bolkhovitinov's academic achievements in public', had at the same time always objected to Bolkhovitinov's applications in his conversations with officials from the Institute's international department [Болховитинов, б. г., с. 46].[29]

Bolkhovitinov's first trip to America in 1968

Despite the secret objections of Sevostyanov, the international department eventually approved Bolkhovitinov's application 'for a business trip abroad' in January 1968. According to Bolkhovitinov, this was, for him, one of the most important events of that year. As a result of this visit, Bolkhovitinov not

[27] I quote my interview with Robert Ivanov, Moscow, 6 September 1998.

[28] See an official Soviet publication openly praising the professional background of Sevostyanov as a Soviet spy and KGB intelligence officer before his academic career in 1950. It was published as *Nauchnaia zhizn* (*Scholarly Life*) in *Amerikanskii ezhegodnik* during perestroika [Бурин, с. 211–215]. After his 'spy career' in both Byelorussia and the Far East during WWII, Sevostyanov was sent by the KGB to the Higher Diplomatic School of the Ministry of Foreign Affairs in 1947, from which he graduated with a *kandidatskaia* dissertation. He defended this dissertation in 1950, after which the KGB recommended him to the Institute of History. In 1960 he defended his doctoral dissertation and was appointed in September 1967 as acting head of the department of the history of the USA and Canada. In April 1969, Sevostyanov was officially approved as its chair. See also: [Новые члены Академии наук СССР; Григорий Николаевич Севостьянов]; and chapt. 6 of this book.

[29] Robert Ivanov also confirmed this fact (interview with Robert Ivanov and Vadim Koleneko, Moscow, 6 September 1998).

only found new documents and literature in American archives and research libraries about the history of early Russo-American relations, but also established personal contacts with American experts in US history and the history of diplomacy. This visit exposed Bolkhovitinov to new information available through American mass media about the situation in his own country and the rest of the socialist bloc. Finally, this first (and longest) visit to the United States revealed to Bolkhovitinov new aspects of American everyday life and civilisation, which allowed him to change his 'preconceived and ideologically biased perceptions of American realities.'[30]

Bolkhovitinov began applying for permission to go to the United States as early as 1959, when the first rumours regarding Soviet-American agreements on academic exchanges reached his colleagues at the Institute of History. Moreover, some Americanists from Moscow State University and Bolkhovitinov's 'American department', such as Nikolay Sivachev and Irina Beliavskaya, had already travelled on a regular basis to the West, and America in particular, through these Soviet-American agreements. As Aleksandr Nekrich recalled, at the end of the 1950s and during the 1960s, Soviet historians 'from the department of US and Canadian history were working in the archives at libraries in the United States, some having been there two or three times'.[31]

In 1960, after failing so many times with his applications for a business trip to America, Bolkhovitinov approached officials from the Institute's international department and asked them frankly about 'what to do to expedite the process of his travel applications.' These officials (who were directly connected to the KGB) suggested that he first become a member of the communist party and then apply for tourist travel to the socialist countries of Europe 'to demonstrate his ideologically correct behaviour while traveling abroad.' They reminded him that he had to fill out a special form for travel abroad called a *spravka-ob'ektivka*, which would reflect not only the details of his biography, including information about the arrest of his father in the 1930s, but also his previous personal contacts with foreigners.[32] Bolkhovitinov followed these suggestions, joining the Institute's communist party organisation in 1961 and then applying for a trip to socialist Czechoslovakia, which he visited in 1963 as a tourist with a group of representatives from the Soviet Academy of Sciences.[33] As Bolkhovitinov revealed later, his 'opening of the capitalist West' started with his visits to such socialist countries as Czechoslovakia in 1963 and Poland, Hungary, and Bulgaria in 1966. After these visits, the most important revelation

[30] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 12 June 1991.

[31] See detailed information about the visits to the USA of Bolkhovitinov's colleagues from the Institute of History, such as Irina Beliavskaya, Viktor Malkov, Boris Mikhailov, and Grigory Sevostyanov, during the academic year of 1962–63 in Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 [ACLS. F. 2. P. 789], ACLS, folder "Programs of Exchanges of Scholars in the Humanities and Social Sciences between the ACLS and the Academy of Sciences of the USSR" (Revised on 11/19/1968), p. 2.

[32] Regarding the documentation for visits to foreign countries, see: [Dash, p. 11–12; Черкасов, с. 216]; especially endnote 2 about the *spravka-ob'ektivka* of Nikolay Inozemtsev, the director of IMEMO.

[33] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004.

for him was the level of openness to 'Western capitalist influences' in Eastern Europe compared to that in contemporary Soviet society. Bolkhovitinov recalled that not only were some elements of 'western mass media', such as British and West German periodicals, available in local newsstands, but also 'the completely different (from our Soviet) mentality and perception of the outside world among Eastern European intellectuals, including the local historians.'[34]

'Moreover, I became envious', Bolkhovitinov noted, 'of the East European level of freedom and how our socialist colleagues from neighbouring Eastern European countries could easily connect with intellectuals from the West, especially with scholars from the United States of America.'[35] Many of Bolkhovitinov's colleagues were also inspired by their communication with historians from the countries of 'the socialist camp'. As Aron Gurevich, a famous Soviet medievalist and Bolkhovitinov's colleague, recalled in his memoirs about his first visit abroad to socialist Poland in 1967, his conversations and discussions with Polish historians like Stanislav Pekarchyk, who had invited him to visit Warsaw, opened new intellectual horizons. Influenced by French representatives of the *Annales* school, who had visited Poland just one year before Gurevich and delivered lectures about their theoretical approach, his Polish colleagues shared with him their sincere admiration for current French historiography and Western 'freedom of expression and imagination.' These Polish hosts joked about living in the 'socialist camp': 'yes, it is true that both Soviet historians and Polish scholars live in the same socialist camp, but the life in our Polish "camp" barracks is much happier (*veseleie*) than in your Soviet barracks' [Гуревич, с. 187].

After his trips to Eastern Europe, Bolkhovitinov kept visiting the international department of the Institute of History on a regular basis, reminding its officials about his applications for a business trip to the United States. In November 1967, these officials surprised Bolkhovitinov by informing him about 'an open vacancy' in 'the list of candidates for the research trip to the capitalist countries.' According to contemporaries who had lasting connections with the Institute's international department, 'various assistants from the apparatus of the CPSU Central Committee supported Bolkhovitinov's candidacy for a research trip to America, referring to his unique expertise and his help in providing Soviet diplomats with important historical facts about Russo-American diplomatic relations.'[36]

---

[34] Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997. With regards to the notion of 'openness' in Soviet society after Stalin, see: [Zhuk, 2011, p. 123–158].

[35] Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997.

[36] One of Bolkhovitinov's former colleagues, the Americanist Ivan Krasnov, complained that 'Bolkhovitinov's name was especially supported by Adzhubei's former people from the Central Committee.' Both Vadim Koleneko and Robert Ivanov, who had very good personal connections with the Institute of World History's international department, noted 'the special relations between the Central Committee's advisers and Bolkhovitinov' (I quote interviews with Vadim Koleneko, Robert Ivanov, and Marina Vlasova, 21 March 1991, Institute of World History, Moscow). Vlasova's father worked for the CPSU Central Committee's apparatus. Using these connections, Vlasova invited Bolkhovitinov to sit on her *kandidatskaia* dissertation panel at the MGU department of history in 1986.

In early December 1967, after frequent visits to the international department to provide its officials with the necessary paperwork (official letters of recommendation from the Institute's communist party and trade union organisations), Bolkhovitinov finally received approval for a research trip of six months to the United States as an exchange scholar in the cooperative programme between the American Council of Learned Societies (ACLS) and the Soviet Academy of Sciences. According to ACLS documents, the Soviet organisers were still hesitant about Bolkhovitinov's candidacy and kept 'the vacancy in the exchange list' open for a very long time: it was not until November 1967 that Bolkhovitinov's name was finally approved and sent to America as an additional 'Soviet exchange scholar-historian.'[37] On 7 December 1967, ACLS officially accepted Bolkhovitinov's nomination 'for a six-month visit to the US'. By New Year's Eve in 1968, Bolkhovitinov's name was submitted to the USSR Ministry of Foreign Affairs, and he was officially allowed to go to the United States from February to August 1968.[38]

A few weeks before this trip, in January 1968, Bolkhovitinov received a phone call from the Institute's international department about the need for a 'special conversation with and instructions from the travel experts' of this department. When Bolkhovitinov came to the office, he was introduced to a young gentleman who called himself 'a travel expert'. After a very long conversation about the research plans for Bolkhovitinov's trip to America, this 'travel expert' proposed that they continue this 'interesting talk' in an 'unofficial and informal atmosphere.' This 'travel expert' gave the address of his own apartment and asked Bolkhovitinov to visit next day. As Bolkhovitinov later recalled, this apartment in downtown Moscow was 'a secret rendezvous place' arranged by the KGB: the 'travel expert' was an undercover KGB officer. During the next meeting in the apartment, this officer made Bolkhovitinov a 'direct offer' to collaborate with the KGB and 'politely requested' that Bolkhovitinov provide them with 'special information' during his trip in America. Shocked by such a proposal, Bolkhovitinov could not respond at first, stammering: he then decided to 'play the fool [*igrat' duraka*]'.[39] After five minutes of silence, Bolkhovitinov promised the officer that he would think his offer over and then contact him via the special telephone number that had been provided. However, Bolkhovitinov never called the KGB officer back and rejected any future meetings with this 'expert', finding various excuses. Bolkhovitinov was afraid that his rejection of collaboration with the KGB would result in the

[37] See the folder "Programs of Exchanges of Scholars in the Humanities and Social Sciences between the ACLS and the Academy of Sciences of the USSR," Exchanges in 1966–1967 for 1968 page 5, in II : 789: Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS.

[38] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004; [Болховитинов, б. г., с. 47; Butterfield, Levin, p. 18]. See also: [Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS. F. 2. P. 789; ACLS, Library of Congress, Manuscript Collection, Folder "Administration of IIE [Institute of International Education (New York)]," Letter of December 7, 1967, from Charlotte Bowman, ACLS Administrative Secretary, to Mrs. Ann Doherty, IIE: 'I enclose a copy of a translation of a letter from the Academy of Sciences of the USSR, dated November 11, but only recently received, in which N. N. Bolkhovitinov is nominated for a six-month visit… (We didn't take time to translate the last two pages – Mr. Bolkhovitinov's bibliography.)'

[39] Interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004.

cancellation of his trip. Surprisingly, the very same officer visited Bolkhovitinov's house a few days before his departure to the United States. Frightened, Bolkhovitinov invited the officer for a cup of tea and, after a long conversation, promised to meet him again after the trip to resume 'their negotiations'. Bolkhovitinov explained that 'he was too busy packing and mentally preparing for his trip to continue this serious conversation.' Despite all these tricks to avoid 'negotiations' about collaboration with the KGB, Bolkhovitinov was still afraid that the journey would be cancelled. Even as he touched down in New York in February, he believed that his 'travel would be stopped by the KGB.'[40]

* * *

Большинство современных исследований западной и российской историографии о гуманитарной науке в период холодной войны не в должной степени оценивают роль таких пионеров «академической разрядки», как Николай Николаевич Болховитинов (1930–2008), один из основателей американистики в Советском Союзе[41].

Взлет академической карьеры Николая Болховитинова начался в 1965 г. после успешной защиты докторской диссертации о начале российско-американских отношений. Этот период правления Леонида Брежнева известен как эпоха застоя, хотя сам Болховитинов отмечал в одном из интервью:

> Честно говоря, насколько я припоминаю, мы не очень почувствовали какие-то изменения в октябре-ноябре 1964 г. в связи с заменой Хрущева Брежневым. <…>
>
> Все выглядело без изменений. Правда, я вспоминаю, что я и жена вздохнули с облегчением, когда узнали, что Хрущева сняли. Все, включая нас, устали от хрущевских экспериментов и его непредсказуемости. Мы даже не успели оценить, что мы жили в великую эпоху надежд и больших ожиданий при Хрущеве. Только после 1968 г., после подавления «Пражской весны», я окончательно осознал конец всем нашим надеждам на реформирование социализма; а Людмила (жена Болховитинова. – *С. Ж.*) и я стали ощущать, что нам недоставало хрущевской эпохи. Но на протяжении 1964–1966 годов я был настолько занят докторской диссертацией, что особо не обращал внимания на политическую ситуацию в стране, которая напрямую меня не затрагивала[42].

---

[40] Quotations from my interview with N. N. Bolkhovitinov, Moscow, 10 July 2004; see also: [Болховитинов, б. г., с. 49–50].

[41] Среди недавних многочисленных исследований о холодной войне см. единственное исследование, в котором подчеркивается роль Николая Болховитинова [Russian/Soviet Studies…]. Ср. с недавней публикацией: [Zhuk, 2013a].

[42] Интервью с Николаем Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г. Здесь и далее, если не указано иначе, все интервью с Н. Болховитиновым и его коллегами цитируются по аудиозаписям из личного архива автора статьи. Ср. с мемуарами: [Arbatov, p. 104–141; Познер, с. 306–307; Черкасов, с. 201–209]. О детстве и студенческих годах Болховитинова и о влиянии на его академическую карьеру американского кино, джаза и его учителей А. В. Ефимова и Л. И. Зубока в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) в 1948–1953 гг. см.: [Zhuk, 2013b].

Американские влияния внутри Советского Союза

Весной 1965 г. впервые в своей жизни Николай Болховитинов встретился лицом к лицу с американским коллегой, историком ранней Американской Республики Лайманом Генри Баттерфилдом, директором Института ранней американской истории, который занимался публикацией бумаг семьи Адамса. Профессор Баттерфилд прибыл в Москву в поисках архивных документов, касавшихся миссии Джона Куинси Адамса в имперскую Россию в 1809–1814 гг. Договариваясь о возможности его визита, президент ACLS Фредерик Буркхардт еще в апреле 1965 г. просил советскую администрацию в лице С. К. Романовского (председателя Госкомитета СССР по культурным связям с зарубежными странами) «помочь д-ру Баттерфилду в организации его встречи с советскими учеными и в разрешении доступа ему к соответствующим материалам»[43].

К тому времени Баттерфилд уже успел прочитать статью Болховитинова о российской дипломатии и американской революции, которая была опубликована в английском переводе в нью-йоркской серии публикаций, редактировавшихся М. Е. Шарп [Болховитинов, 1964, с. 31–46]. Во время первой же встречи с чиновниками советской Академии наук профессор Баттерфилд сослался на Болховитинова как «на единственного всемирно известного советского специалиста по истории ранних российско-американских отношений, который проживает в Москве»[44]. После этого разговора представители международного отдела Института истории направили американского гостя к Болховитинову. Эти же чиновники присутствовали на встречах молодого советского американиста с профессором Баттерфилдом в различных московских архивах. Эти встречи стали незабываемым опытом для Болховитинова, который смог поделиться профессиональными открытиями с известным в своей области американским историком. Болховитинов по-настоящему наслаждался этими несколькими днями совместного сотрудничества с профессором Баттерфилдом. Впервые в своей жизни Болховитинов в процессе профессионального общения помогал американскому ученому найти архивные документы, относящиеся к визиту Джона Куинси Адамса в Россию, особенно «записки Адамса, которыми тот обменялся с [российским] канцлером Румянцевым, и всевозможные инструкции и депеши, посланные и полученные российским иностранным департаментом и его представителями в Соединенных Штатах»[45].

Болховитинов был основной фигурой не только в процессе архивных поисков, но и при организации микрофильмирования советских

---

[43] Письмо президента Американского совета научных сообществ Фредерика Буркхардта С. К. Романовскому от 19 апреля 1965 г. Папка «Переписка с Государственным комитетом по культурным связям с зарубежными странами» // Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS. F. 2. P. 789.

[44] Ibid., p. 11.

[45] Интервью с Робертом Ивановым, Москва, 19 марта 1991 г. [Butterfield, Levin, p. 17].

архивных материалов для американского гостя. Будучи благодарным за эту помощь, по возвращению домой в США профессор Баттерфилд в ответ моментально организовал микрофильмирование всех документальных материалов из коллекции бумаг Адамса в Массачусетском историческом обществе, относящихся к Российской империи, и отправку этих пленок из Бостона в Москву для использования советскими исследователями. Николай Болховитинов оказался первым советским историком, который включил соответствующую информацию из этой коллекции в собственное исследование осенью 1965 г., когда первые пленки прибыли в Москву. На всю последующую жизнь Болховитинов сохранил добрую память о своем личном академическом обмене с американским историком, о том опыте, который повлиял на его исследовательские интересы и на его понимание добросовестного исторического исследования. Как он отметил позднее: «Для всей моей жизни профессор Баттерфилд оказался живым символом порядочного и профессионально компетентного западного историка»[46].

Эта встреча с американским ученым привела к первому столкновению Болховитинова с офицерами КГБ из международного отдела Института истории. Еще в начале 1965 г. они вызвали Болховитинова в отдел по поводу «особого письменного запроса профессора Баттерфилда о его плане встречи с определенным советским исследователем – Николаем Болховитиновым» в Москве. Один из этих офицеров инструктировал Болховитинова, «что делать и как вести себя с американским гостем». Офицер напомнил ему о необходимости «специального донесения обо всех разговорах», которое Болховитинов должен был предоставить в отдел немедленно после встреч с иностранным гостем («два дня максимум»). Вынужденно следуя рекомендациям офицера КГБ, Болховитинов в мае 1965 г. докладывал о «(1) биографии и научной деятельности профессора Баттерфилда, (2) темах обсуждаемых вопросов и разговоров во время встреч с этим американским гостем и (3) различных мыслях, предложениях, советах и пожеланиях, высказываемых профессором Баттерфилдом»[47]. Вся эта контролируемая процедура встреч с профессором Баттерфилдом и последующих контактов с КГБ оставила у Болховитинова самые негативные впечатления.

Можно отметить несомненное влияние на все советское общество той поры американской массовой культуры, и прежде всего «неожиданный наплыв» американского кино в московских кинотеатрах в течение 1964–1966 гг. [Raleigh, p. 133–135]. Николай Болховитинов и его коллеги-американисты, такие как Николай Сивачев и Роберт Иванов, заметили, что в этот период новые американские кинокартины демонстрировались по всей Москве. Более того, как вспоминал Болховитинов позднее, в течение той же весны 1965 г. он и несколько советских экспертов по американской политике и культуре и многочисленные советские ученые были приглашены чиновниками Цен-

[46] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 12 июня 1991 г.
[47] Это было типичным требованием КГБ [Черкасов, с. 315].

трального комитета КПСС для специального закрытого просмотра двух американских антивоенных фильмов, чтобы решить, насколько они приемлемы для советской публики. Один из них был картиной Стенли Крамера «На берегу» (1959), а другой – британо-американским фильмом «Доктор Стренджлав» (1964), поставленным Стэнли Кубриком. Хотя все советские американисты, посетившие просмотр, рекомендовали разрешить фильмы для демонстрации в широком прокате, эти картины никогда не были показаны в Советском Союзе как «чрезмерно устрашающие нормального советского зрителя наглядными результатами ядерной войны» [English, p. 106], хотя иные, «менее устрашающие» фильмы, «сделанные в США», вышли на экраны всех основных кинотеатров Москвы[48]. На Московском кинофестивале летом 1965 г. был организован официальный показ американского кино, на который были приглашены звезды Голливуда, такие как Стив Маккуин (любимец поклонников американского вестерна «Великолепная семерка») и Кэрролл Бэйкер, которые встречались с советской публикой и давали многочисленные интервью советским журналистам[49]. Используя личные связи своего отца в Академии наук СССР, Николай Болховитинов достал несколько билетов на конкурсные просмотры фестивальных фильмов с 6 по 20 июля 1965 г.[50] Согласно его реакции после просмотра американских фильмов на московском фестивале, он был сильно разочарован низким качеством американских «коммерческих кинокартин», показанных в Москве[51]. Как отметил Болховитинов, для него это было «очередным разочарованием, связанным со страной», которая стала объектом его академических интересов.

> Насколько я помню, убийство Кеннеди в 1963 г. было моим первым настоящим разочарованием, которое разрушило мои прежние иллюзии о США. И опять этот глупый комедийный фильм Блэйка Эдвардса об автомобильной гонке Нью-Йорк – Париж 1908 г. с такими талантливыми актерами как Джек Леммон, Тони Куртис и Натали Вуд продемонстрировал то, как американский режиссер, потакая низким вкусам публики, движимый желанием заработать больше денег и привлечь зрителей, в итоге коммерчески убивает кинематографическое искусство. По сравнению с серьезными американскими картинами, представленными на московском фестивале, такими как «Убить пересмешника» и «Скованные одной цепью»

[48] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г. Ср.: [English, p. 106].

[49] О популярности американского кино в Москве в 1964 и 1965 г. см.: [Карцева, с. 16; Советский экран, 1965, № 13, 24 и обложка № 14]. Ср.: [Roth-Ey, p. 115–120].

[50] См.: [Советский экран, № 16, с. 1, 6].

[51] Письмо Н. Н. Болховитинова, Москва, 29 января 1997 г.: «После просмотра таких талантливых и серьезных картин, как “На берегу” и т. п., мы испытали естественный шок от очевидного коммерческого характера недавних фильмов, представленных американскими гостями на московском фестивале... Мы не могли понять, как можно было награждать такую жалкую поделку, как американская комедия “Большие гонки”». Ср.: [Советский экран, № 16, с. 1].

(*The Defiant Ones*), «Большие гонки» стали моим следующим разочарованием по поводу Америки, поскольку этот фильм еще раз подтвердил мое мнение о чисто развлекательном и коммерческом характере американской культуры. Парадоксально, но все эти мои наблюдения не только вписывались в советские идеологические клише об американской капиталистической цивилизации, но и способствовали формированию моего скептического отношения к западному капитализму[52].

Научная повседневность советских американистов

Начиная с 1960-х гг. вся жизнь Болховитинова полностью зависела от академической политики Института истории (после 1968 г. – Института всеобщей истории) Академии наук СССР. Все академические практики этого института оставались неизменными и после свержения Хрущева. Многие коллеги Болховитинова из Института истории подтверждали, что «ничего не изменилось коренным образом» в рутине их академической жизни после 1964 г.[53] Они по-прежнему имели только два рабочих, так называемых присутственных дня (обычно в понедельник и среду), когда они посещали свои кабинеты в институте всего на несколько часов. На самом деле советские ученые, работающие в академических институтах, таких, как Институт истории, должны были посещать официальные заседания только раз в неделю (обычно по средам). Все остальные дни недели назывались «библиотечными днями», когда институтские сотрудники должны были проводить исследовательскую работу в архивах или библиотеках[54]. Система присутственных дней существовала во всех институтах советской Академии наук, особенно в Москве. Вот так описывала подобную систему работы в Институте США и Канады в 1970-е гг. другая современница событий Галина Орионова:

> Главный рабочий день был присутственный день в Институте США и Канады. В разных академических институтах эти дни выбирались поразному. В моем институте это были понедельник, среда и пятница. Мы знали, что Арбатов (директор Института США и Канады) появляется на работе обычно после обеда... или где-то после трех часов дня. Поэтому мы тоже появлялись на работе обычно после трех... В Институте международного рабочего движения было лучше: они имели только два присутственных дня – вторник и пятницу… Поэтому многие исследователи делали свою работу дома. Никто, конечно, не следовал установленным правилам работать в библиотеках [op. cit.: Dash, c. 198, 199].

По сравнению с тяжелой преподавательской нагрузкой и служебными обязанностями в провинциальных учебных институтах и уни-

[52] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 21 мая 2001 г.

[53] См. мемуары коллег Болховитинова: [Nekrich, p. 179–244; Гутнова, с. 258–271, 274–279; Гуревич, с. 208–239].

[54] Интервью с Мариной Власовой, Вадимом Коленеко, Сергеем Буриным, Москва, 20 февраля 1996 г.; электронное письмо Владислава Зубока, 27 мая 2013 г.

верситетах, работа в академических институтах столицы считалась «большой привилегией, научным раем» или, как позднее Александр Фурсенко назвал это явление, «академической синекурой»[55]. Нормальная преподавательская нагрузка профессора истории в МГУ включала два-три общих или специальных курса в семестр, а средняя нагрузка в провинциальном советском университете в Днепропетровске и Одессе была четыре-шесть курсов в семестр[56].

Болховитинов и сам признавал, что он и его коллеги из академических институтов имели гораздо более комфортные условия для исследовательской работы, чем преподаватели в советских вузах. Как он объяснял впоследствии:

> В течение 1964–1966 годов в среднем я проводил шесть-восемь часов ежедневно в библиотеке или дома, чтобы написать или переписать свой материал, вначале для моей докторской диссертации, а затем для моей книги. Честно говоря, я появлялся в институте один раз в неделю, иногда даже один раз в две недели. У меня было много времени для сна, отдыха и осмысления того материала, который я исследовал и описывал[57].

Используя свое свободное время продуктивно, Болховитинов подготовил для публикации целую серию научных статей, которые стали главами докторской диссертации, которую он защитил в 1965 г.[58]

В конце января 1966 г. Болховитинов начал подготовку докторской диссертации для публикации. Объем рукописи в два раза превышал официальные требования, предъявляемые к изданию научных книг академическим издательством «Наука». Противники Болховитинова пытались приостановить публикацию его рукописи в престижном академическом издательстве, но постоянная настойчивая поддержка его научного руководителя и коллеги Алексея Ефимова спасла рукопись. В итоге под давлением Ефимова редакторы «Науки» даже согласились с запредельными размерами рукописи. Это был самый счастливый период творческой жизни Болховитинова в Отечестве. Как он заметил позже, «весна 1966 г. был самым счастливым временем моей жизни; никто не мешал мне готовить мой текст публикации; все мои исправления были приняты без возражений» [Болховитинов, б. г., с. 46, 47][59].

Даже его личный недруг и ветеран разведки КГБ Г. Севостьянов вдруг перестал докучать ему своей критикой и нападками. Севостьянов

---

[55] Интервью с Александром Фурсенко, Москва, 19 марта 1991 г.

[56] Интервью с Виктором Калашниковым и Александром Михайлюком (Днепропетровск, 20 марта 1992 г.) и с Мариной Власовой, Москва, 26 марта 1992 г.

[57] Интервью с Николаем Болховитиновым, Москва, 21 мая 2001 г.

[58] На протяжении 1965 г. его публикации появились в различных изданиях [Болховитинов, 1964а, с. 203–239; Он же, 1964б, с. 73–88; Болховитинов, Семенов, с. 389–415; Болховитинов, 1965а, с. 153–159; Он же, 1965б, с. 102–113].

[59] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г. И Роберт Иванов, и Игорь Дементьев подтвердили существование анти-Болховитиновских интриг в издательстве.

неожиданно восстановил дружественные отношения с молодым ученым и стал всячески поддерживать его изыскания. Как выяснилось после 1966 г., Севостьянов пытался создать коалицию своих сторонников в секторе истории США, планируя сменить прежнего главу этого сектора Бориса Михайлова. В этой борьбе за власть в предстоящих выборах нового руководителя сектора Севостьянов искал поддержки Болховитинова. Вследствие этого в течение двух лет Болховитинов имел «лучшие, чем когда либо, условия для работы в секторе» и «удивительно дружеские отношения с Севостьяновым»[60].

Публикация книги в июне 1966 г. сделала Болховитинова новой молодой восходящей звездой советской американистики. Он стал известен как самый молодой исследователь американской истории в Советском Союзе, который уже опубликовал две монографии, послужившие основанием для очень серьезного, основанного на скрупулезном анализе документов исследования истории США XVIII–XIX вв. и начала российско-американских отношений. Как впоследствии заметил один из коллег Болховитинова, публикация этой новой книги означала «появление феномена Болховитинова в советской историографии» [Комиссаров, с. 16].

Профессор Илья Саввич Галкин, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МГУ, пригласил Николая Болховитинова читать лекции для преподавателей и студентов университета. В начале 1967 г. он попросил Болховитинова написать рецензию на новый учебник по историографии новой и новейшей истории Европы и Америки, подготовленный коллегами Галкина из МГУ[61]. Более того, Галкин, которому искренне нравился этот молодой талантливый ученый, даже пообещал ему ставку профессора истории по совместительству на кафедре новой и новейшей истории МГУ [Болховитинов, б. г., с. 47–48][62].

Но некоторые из коллег-американистов с кафедры Галкина опасались иметь в качестве сослуживца успешного и талантливого историка, в котором они видели прежде всего конкурента. Один из них, бывший студент Галкина профессор Игорь Дементьев, начал открыто жаловаться, что его студенты предпочитают теперь этого «визитера» из Института истории. В результате этих постоянных жалоб Галкин вынужден был изменить условия договора с Болховитиновым, который остался на кафедре как лектор-почасовик без академического статуса профессора. На этих условиях Болховитинов преподавал в МГУ вплоть до 1974 г., иногда даже имея возможность руководить студентами-дипломниками [Там же][63].

---

[60] Интервью с Робертом Ивановым и Сергеем Буриным, Москва, 6 сентября 1998 г. Письмо Н. Н. Болховитинова, Москва, 29 января 1997 г.

[61] Эта большая рецензия была опубликована в 1969 г. в соавторстве с В. А. Дунаевским в журнале «Вопросы истории» (1969. № 7. С. 151–155).

[62] Биографию И. С. Галкина см.: [Дементьев]; см. также мемуары И. С. Галкина [Галкин].

[63] Галкин старался противостоять многочисленным интригам против Болховитинова. См. об этом: [Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 962 Л. 14–22].

Как впоследствии вспоминал Болховитинов, 1968 г. был наиболее удачным в плане его личной жизни и академической карьеры. Во-первых, в течение этого года Институт истории был разделен на два – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Сектор американских стран превратился в сектор истории США и Канады, который был переведен в Институт всеобщей истории. Уже будучи сотрудником этого сектора, Болховитинов, к тому времени защитивший докторскую диссертацию, получил должность старшего научного сотрудника. Несмотря на такое продвижение по службе, Болховитинов был разочарован, поскольку он утратил непосредственные контакты с серьезными исследователями российской дореволюционной истории, такими как А. А. Зимин, В. Т. Пашуто и А. А. Преображенский, с теми учеными, которые вдохновили его недавно на его собственные архивные изыскания и которые переехали теперь в новый Институт истории СССР[64].

Главным же лицом, начавшим реорганизацию Института истории в 1968 г., был старый друг Леонида Брежнева Сергей Павлович Трапезников, с 1948 г. работавший с ним в Молдавии в качестве директора Высшей партийной школы. Впоследствии Брежнев перевел Трапезникова в Москву, где тот сделал неплохую карьеру, в 1966 г. был избран членом ЦК КПСС и главой отдела науки и учебных заведений в том же самом ЦК. В 1966 г. Трапезников попытался стать действительным членом Академии наук СССР. К чести советской академии, большинство ее членов проголосовали против его кандидатуры. В результате униженный Трапезников решил отомстить академикам [Медведев, с. 64–65, 143–145]. Другим основанием для разделения института послужила решительная позиция институтского парткома, который категорически отверг официальное решение ЦК КПСС об исключении историка Александра Некрича из партии за критику советского руководства в период Второй мировой войны, которую он выразил в своей книге о начале Великой Отечественной войны [Болховитинов, 1997, с. 73; см. также: Markwick, 203ff.].

Если согласиться с мнением А. Некрича, то насильственное разделение «свободомыслящего» Института истории в 1968 г. было своего рода местью Трапезникова ученым, которые открыто критиковали низкие интеллектуальные способности и «отсутствие академических данных этого партийного аппаратчика», официально специализировавшегося в сфере «советской аграрной истории» [Nekrich, p. 221]. В качестве «эксперта» по советской истории он попытался создать особый Институт истории СССР, который бы подчинялся его приказам, предварительно убрав из состава его сотрудников своих потенциальных соперников – настоящих специалистов по советской истории. В результате подобных маневров Трапезникова Институт истории СССР стал более консервативным, «сдав академическое ли-

[64] Как писал в своих мемуарах Александр Некрич, «указом секретариата Центрального Комитета и президиума Академии наук Институт истории был разделен на два: Институт истории СССР и Институт мировой истории» («процесс реорганизации длился год…») [Nekrich, p. 221].

дерство Институту всеобщей истории, состав которого оставался все еще непредвзятым, открытым ко всем прогрессивным влияниям и готовым к диалогу с западными историками»[65].

Тем временем в 1968 г. старый недруг Болховитинова Севостьянов выиграл борьбу за власть в секторе американской истории и стал его главой, коренным образом изменив природу руководства данного подразделения института, исполняющим обязанности которого он был назначен в сентябре 1967 г. Вместо контроля со стороны ЦК КПСС, осуществлявшегося прежним руководителем сектора Борисом Михайловым, специалистом по истории международного рабочего класса, бывший советский разведчик и офицер КГБ Григорий Севостьянов перенес на этот сектор прямой контроль КГБ. В конечном итоге в апреле 1969 г. назначение Севостьянова заведующим нового сектора истории США и Канады было окончательно одобрено администрацией Института всеобщей истории[66]. В первые годы своего руководства Севостьянов относился к Болховитинову как к своему союзнику и поддерживал его академическую карьеру. Когда же Болховитинов напомнил Севостьянову о необходимости своей поездки в США, чтобы продолжить исследование в американских архивах и библиотеках, Севостьянов открыто поддержал просьбу Болховитинова о научной командировке и организовал специальное собрание их сектора, чтобы обсудить так называемый научный план Болховитинова для его предстоящей исследовательской поездки за рубеж. Правда, как выяснилось позже, в 1966 и 1967 г. Севостьянов, «расхваливавший на людях академические достижения Болховитинова», в то же время всячески препятствовал продвижению его документов на выезд в США и отказывался поддерживать его в разговорах с администрацией из международного («первого») отдела института [Болховитинов, б. г., с. 46] [67].

1968 г.: первая поездка Болховитинова в Америку

Несмотря на тайные интриги и возражения Севостьянова, международный отдел все-таки одобрил запрос Болховитинова о его научной командировке за рубеж в январе 1968 г. Болховитинов считает, что эта первая в его жизни научная командировка в Соединенные Штаты стала

[65] Интервью с Робертом Ивановым, Москва, 6 сентября 1998 г.

[66] В официальных советских публикациях выражалось открытое восхищение профессиональным прошлым Севостьянова как выдающегося советского разведчика и офицера КГБ перед началом его академической карьеры в 1950 г. Такую информацию можно было найти в рубрике *Научная жизнь* в издании *Американского ежегодника* времен перестройки [Бурин, с. 211–215]. После своей «шпионской карьеры» вначале в Белоруссии, а затем на Дальнем Востоке во время и после Второй мировой войны в 1947 г. Севостьянов был послан КГБ в Высшую дипломатическую школу Министерства иностранных дел СССР, которую он закончил, защитив диссертацию в 1950 г., и был рекомендован КГБ для трудоустройства в Институте истории. В 1960 г. он защитил докторскую диссертацию и был назначен в сентябре 1967 г. исполняющим обязанности главы сектора истории США и Канады. См. также: [Новые члены Академии наук СССР; Григорий Николаевич Севостьянов].

[67] Роберт Иванов также подтвердил этот факт (интервью с Робертом Ивановым и Вадимом Коленко, Москва, 6 сентября 1998 г.).

самым важным событием 1968 г. В результате командировки Болховитинов не только нашел в американских архивах и научных библиотеках новые документы и литературу об истории ранних американо-российских отношений, но и установил свои собственные личные контакты с американскими экспертами в области американской истории и истории дипломатии. Во время посещения Америки Болховитинов жадно впитывал новую и по форме, и по содержанию информацию о событиях в его собственной стране и во всем социалистическом блоке, информацию, которая была доступна через различные формы американских масс-медиа. И наконец, этот первый (и самый длительный) визит в США открыл Болховитинову новые стороны американской повседневной жизни и американской культуры, что позволило ему полностью избавиться от «предубеждений и скептических настроений по поводу американской действительности»[68].

Болховитинов подавал запросы на поездку в США начиная с 1959 г., когда первые слухи о советско-американских соглашениях по поводу академических обменов достигли его коллег в Институте истории. Некоторые американисты из МГУ и из его собственного «американского» сектора, такие как Николай Сивачев и Ирина Белявская, уже регулярно путешествовали на Запад, особенно в Америку, используя правила тех же советско-американских соглашений[69].

В 1960 г. после многочисленных безуспешных попыток подать заявку на научную командировку за рубеж Болховитинов решился подойти к работникам международного отдела института и спросил у них совета о том, «что делать, чтобы запросы о поездке в США завершились успехом». Эти чиновники, напрямую связанные с КГБ, посоветовали ему, во-первых, стать членом партии, а затем подать заявку на туристическую поездку в социалистические страны Европы, чтобы продемонстрировать «свое идеологически правильное поведение в время путешествия за рубежом». Они также напомнили ему, что он должен будет заполнять специальную форму для разрешения на зарубежную поездку, так называемую *справку-объективку*, которая бы не только освещала детали его автобиографии, но и содержала информацию об аресте его отца в 1930-е гг., а также о его предыдущих личных контактах с иностранцами[70]. Болховитинов последовал этим рекомендациям, вступил в Коммунистическую партию в 1961 г., а затем оформил документы на турпоездку в социалистическую Чехословакию, которую и посетил в 1963 г. в составе специальной туристической группы представителей Академии наук[71]. Как признавался сам Болховитинов, его

[68] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 12 июня 1991 г.

[69] См. документы о поездках в США коллег Болховитинова Ирины Белявской, Виктора Малькова, Бориса Михайлова и Григория Севостьянова в 1962–1963 гг. в американских документах [Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS. F. 2. P. 789; Programs of Exchanges of Scholars in the Humanities and Social Sciences between the ACLS and the Academy of Sciences of the USSR (Revised on 11.19.1968), page 2 // ACLS. F. 2. P. 2].

[70] См.: [Dash, p. 11–12, Черкасов, с. 216, ссылка 2].

[71] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, 10 июля 2004 г.

«открытие капиталистического Запада» началось с визитов в такие социалистические страны, как Чехословакия в 1963 г. и Польша, Венгрия и Болгария в 1966 г. Наиболее яркое впечатление на него произвел уровень «открытости западным капиталистическим влияниям» в восточноевропейских социалистических странах по сравнению с закрытостью советского общества. Болховитинов также вспоминал не только некоторые образцы западных масс-медиа, таких как британские и западногерманские журналы в киосках восточноевропейских городов, но и «полностью отличные от нашего советского стиля ментальность и восприятие внешнего мира среди восточноевропейских интеллектуалов, включая местных историков»[72].

«Более того, – вспоминал Болховитинов, – я начинал завидовать восточноевропейскому уровню свободы и тому, как наши социалистические коллеги из соседних стран Восточной Европы могли легко контактировать с западными интеллектуалами, особенно с учеными из Соединенных Штатов Америки»[73]. Многие коллеги Болховитинова тоже вспоминали, как их вдохновляло личное общение с историками из стран социалистического лагеря. Так, Арон Гуревич, известный советский историк-медиевист, коллега Болховитинова из того же Института истории, вспоминал в своих мемуарах о своей первой туристической поездке за рубеж в социалистическую Польшу в 1967 г., о своих разговорах и спорах с польскими историками, такими как Станислав Пекарчик, который пригласил его посетить Варшаву, о том, как эти разговоры открыли для него новые интеллектуальные горизонты. Находясь под влиянием французских ученых, представителей школы Анналов, которые за год до приезда Гуревича посетили Польшу и прочитали там лекции о своих теоретических подходах, его польские коллеги поделились с ним своим искренним восхищением перед современной французской историографией и восторгами по поводу «западной свободы выражения и исторического воображения». Его польские друзья так шутили по поводу своей жизни в социалистическом лагере: «Да, и вы в СССР, и мы в Польше живем в одном и том же социалистическом лагере, но жизнь в нашем польском лагерном бараке значительно веселее, чем в вашем советском бараке» [Гуревич, с. 187].

После каждой своей поездки в восточноевропейские страны Николай Болховитинов продолжал регулярно заходить в международный отдел Института истории, напоминая его работникам о своих намерениях посетить США. И однажды в ноябре 1967 г., к удивлению Болховитинова, ему сообщили об одной открытой вакансии в списке кандидатов на научную командировку в капиталистические страны. По свидетельству современников, которые имели длительные связи с международным («первым») отделом Института истории, «различные ассистенты Центрального комитета КПСС поддержали кан-

[72] Письмо Н. Н. Болховитинова, Москва, 29 января 1997 г. О понятии открытости советского общества после Сталина см.: [Zhuk, 2011].

[73] Письмо Н. Н. Болховитинова, Москва, 29 января 1997 г.

дидатуру Болховитинова для зарубежной командировки в Америку, аргументируя тем, что он являлся уникальным экспертом в истории российско-американских отношений, и его знания и опыт помогут советским дипломатам правильно интерпретировать решения американских политиков и дипломатов»[74].

В начале декабря 1967 г. после частых визитов в международный отдел и предоставления его работникам всех необходимых бумаг для выезда за рубеж, включая официальные характеристики от институтских организаций компартии и профсоюзов, Болховитинов наконец-то был официально утвержден как кандидат на научную командировку на шесть месяцев в США в качестве участника академического обмена в рамках совместной программы Американского совета ученых обществ (ACLS) и Академии наук СССР. Согласно документам ACLS, советские организаторы обмена все еще сомневались в правильности своего выбора, сохраняя заявку не заполненной в течение года вплоть до ноября 1967 г., когда кандидатура Болховитинова была наконец-то одобрена, и информация о нем была отправлена в Америку письмом с припиской: «это советский участник обмена – историк, не включенный в первоначальный список»[75]. Только 7 декабря 1967 г. ACLS дал официальное подтверждение на полугодовую поездку Болховитинова в США. 31 декабря 1967 г. американская сторона послала свой список советских участников академического обмена, включив в него имя Болховитинова, на утверждение в Министерство иностранных дел СССР, которое официально разрешило ему въезд в США с февраля по август 1968 г.[76]

За несколько недель до поездки в январе 1968 г. Болховитинову неожиданно позвонили из международного отдела института о необходимости «особого разговора со специалистами по зарубежным поездкам об инструкциях для отправляющихся в международные научные командировки». Когда Болховитинов зашел в международный

---

[74] Бывший коллега Н. Н. Болховитинова американист-историк Иван Краснов жаловался, что «имя Болховитинова особенно подчеркивалось людьми из окружения Аджубея из Центрального Комитета, которые открыто поддерживали кандидатуру Болховитинова» (из интервью с Вадимом Коленеко, Робертом Ивановым и Мариной Власовой в Институте всеобщей истории, Москва, 21 марта 1991 г.). Отец Власовой работал в аппарате ЦК КПСС. Используя эти связи, Марина Власова пригласила Болховитинова в качестве оппонента на защиту своей кандидатской диссертации в 1986 г.

[75] Programs of Exchanges of Scholars in the Humanities and Social Sciences between the ACLS and the Academy of Sciences of the USSR [ACLS. Exchanges in 1966–1967 for 1968. P. 5. F. 2. P. 789: Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968].

[76] Интервью с Н. Н. Болховитиновым 10 июля 2004 г.; [Болховитинов, с. 47; Butterfield, Levin, p. 18]. Ср.: [Exchange agreements between the US and USSR, 1958–1968 // ACLS. F. 2. P. 789; Library of Congress, Manuscript Collection, Folder "Administration of IIE [Institute of International Education (New York)]; письмо от Шарлотты Бауман, административного секретаря Американского совета по научным обществам, к миссис Энн Доэрти (Институт международного образования) от 7 декабря 1967 г. : «я прикрепляю копию перевода письма от Академии наук СССР, датированного 11 ноября, но полученного только недавно, в котором Н. Н. Болховитинова называют претендентом на полугодовую командировку» (мы не стали переводить последние две страницы – биографию господина Болховитинова).

отдел, ему сразу же представили молодого человека, назвавшегося «экспертом по загранпоездкам». После достаточно длительного разговора о будущих исследовательских планах в период командировки Болховитинова в США этот «эксперт» предложил Николаю продолжить «этот интересный разговор» в «неофициальной атмосфере». Он дал адрес своей квартиры и попросил Болховитинова прийти туда на следующий день. Как впоследствии рассказывал Болховитинов, эта квартира в самом центре Москвы служила местом секретных встреч для КГБ, а «эксперт по загранпоездкам» был его сотрудником. Во время следующей встречи этот офицер, не церемонясь, напрямую предложил Болховитинову сотрудничество с КГБ и «вежливо попросил» Болховитинова периодически пересылать ему «специальную информацию» во время его командировки в Америку. Находясь в состоянии шока от такого предложения, Болховитинов не нашелся, что ответить, а затем решил, по его собственному выражению, «играть дурака»[77]. После кратковременной паузы Болховитинов пообещал, что он подумает об этом предложении и затем свяжется с ним по особому телефонному номеру, который тот ему дал. В результате он так и не позвонил и старался избегать новых встреч, находя на то различные причины. Больше всего он боялся того, что его отказ от сотрудничества с КГБ приведет к запрету на поездку в США. К величайшему его удивлению, тот же самый офицер посетил его дома за несколько дней до его отъезда в Соединенные Штаты. Перепуганный Болховитинов пригласил офицера на чашку чая и после длительной беседы был вынужден пообещать встретиться с ним непосредственно перед поездкой, чтобы продолжить «переговоры». Тем временем, как Болховитинов объяснил позднее, он «был настолько занят упаковкой вещей и ментальной подготовкой перед поездкой, что у него просто не было времени для последующей встречи и продолжения серьезного разговора»[78]. До последней минуты, вплоть до посадки его самолета в Нью-Йорке в феврале 1968 г. он боялся, что его «снимут с самолета и не позволят больше летать в США люди из КГБ»[79].

Список литературы

Архив Московского государственного университета (МГУ). Ф. 9. Оп. 8. Д. 962.

Болховитинов Н. Личная переписка: 1987–1997 гг. (Письма, адресованные автору, находятся в его личном архиве).

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М. : Наука, 1966. 638 с.

Болховитинов Н. Н. К вопросу о позиции США в войне Латинской Америки за независимость // Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826) / под ред. Н. М. Лаврова. М. : Наука, 1964. С. 203–239.

Болховитинов Н. Н. Русская дипломатия и война США за независимость 1775–1783 годов // Новая и новейшая история. 1964. № 1. С. 73–88.

[77] Интервью с Н. Н. Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г.

[78] Там же.

[79] Я цитирую интервью от 10 июля 2004 г. и его воспоминания [Болховитинов, б. г., с. 49–50].

Болховитинов Н. Н., Семенов С. И. От «доктрины Монро» к «Союзу ради прогресса» / под ред. И. М. Лемина. М. : Наука, 1965. С. 389–415.

Болховитинов Н. Н. Война Латинской Америки за независимость и позиция России // Вопр. истории. 1965. № 11. С. 153–159.

Болховитинов Н. Н. Становление научных и культурных связей между Америкой и Россией // История СССР. 1965. № 5. С. 102–113.

Болховитинов Н. Н. В архивах и библиотеках США: находки, встречи, впечатления //Американский ежегодник. 1971. М. : Наука, 1971. С. 329–341.

Болховитинов Н. Н. О времени и о себе: заметки историка // Историки России. Вып. 1. М. : Наука, 1997. С. 70–79.

Болховитинов Н. Н. Воспоминания [М., б. г.]. [отпечатанная на машинке рукопись, 62 страницы, которая начинается фразой «Счастливая пора детства»] (Оригинал находится у вдовы Н. Н. Болховитинова Людмилы Антоновны Болховитиновой. Автор использовал свою копию оригинала).

Бурин С. Н. К 75-летию академика Г. Н. Севостьянова // Американский ежегодник. 1990. М. : Наука, 1991. С. 211–215.

Галкин И. С. Тропами моей жизни : На посту ректора МГУ // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 90–112; № 5. С. 111–132.

Григорий Николаевич Севостьянов : [некролог] // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 245–248.

Гуревич А. История историка. М. : РОССПЭН, 2004. 284 с.

Гутнова Е. В. Пережитое. М. : РОССПЭН, 2001. 462 с.

Дементьев И. П. Илья Саввич Галкин // Портреты историков : Время и судьбы / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2004. Т. 4. Новая и новейшая история. С. 105–123.

Карцева Е. Что человеку надо // Советский экран. 1965. № 2. С. 16.

Комиссаров Б. Н. Ас отечественной американистики (к 70-летию Н. Н. Болховитинова) // Русское открытие Америки : сб. ст., посв. 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова / под ред. А. О. Чубарьяна. М. : РОССПЭН, 2002. С. 5–36.

Медведев Р. Личность и эпоха : Политический портрет Л. И. Брежнева. М. : Новости, 1991.

Новые члены Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1988. Вып. 2. С. 123–126.

Познер В. В. Прощание с иллюзиями. М. : АСТ, 2013. 478 с.

Черкасов П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений : Портрет на фоне эпохи. М. : Весь мир, 2004.

Arbatov G. The System: An Insider's Life in Soviet Politics. N. Y. : Random House, 1992. 380 p.

Butterfield L. H. Introduction // Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / transl. by E. Levin. Cambridge ; Mass., Harvard University Press, 1975. P. 10–18.

Dash B. L. A Defector Reports: The Institute of the USA and Canada. Falls Church, VA, Delphic Associates, 1982.

English R. Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War. N. Y. : Columbia University Press, 2000. 401 p.

Kurilla I. Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / ed. by V. I. Zhuravleva. Lanham, MD and Boulder ; CO, Rowman and Littlefield's Lexington Press, 2015. 306 p.

Markwick R. D. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974 / Raleigh D. J. (Foreword). N. Y. : Palgrave, 2001. 327 p.

Nekrich A. Forsake Fear: Memoirs of an Historian / transl. by D. Lineburgh. Boston : Unwin Hyman, 1991. 293 p.

Raleigh D. J. Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia′s Cold War Generation. N. Y. : Oxford University Press, 2012. 420 p.

Roth-Ey K. Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 315 p.

Zhuk S. Closing and Opening Soviet Society (Introduction to the Forum Closed City, Closed Economy, Closed Society: The Utopian Normalization of Autarky) // Ab Imperio. 2011. № 2. P. 123–158.

Zhuk S. I. 'Academic Détente': IREX Files, Academic Reports, and 'American' Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era // Cahiers du monde russe. 2013a. Vol. 54. No. 1–2. P. 297–328.

Zhuk S. I. Inventing America on the Borders of Socialist Imagination: Movies and Music from the USA and the Origins of American Studies in the USSR // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2013b. Vol. 2. No. 2. P. 249–288.

References

Arbatov, G. (1992). *The System: An Insider's Life in Soviet Politics.* 380 p. New York, Random House.

Arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Moscow State University Archive]. Stock 9 (Kafedra novoy i noveyshey istorii, mezhdunarodnye svyazi). List 8. Dossier 962.

Bolkhovitinov, N. (n.d.). *Lichnaya perepiska: 1987–1997 gg.* [Personal Correspondence: 1987–1997]. (Pis′ma, adresovannye avtoru, nakhodyatsya v lichnoy kollektsii avtora).

Bolkhovitinov, N. N. (1966). *Stanovlenie russko-amerikanskikh otnosheny, 1775–1815* [The Beginning of Russian-American Relations, 1775–1815]. 638 p. Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (1964). *K voprosu o pozitsii SShA v voyne Latinskoy Ameriki za nezavisimost′* [About US Position in the War of Independence in Latin America]. In Lavrov, N. M. (Ed.) *Voyna za nezavisimost′ v Latinskoy Amerike (1810–1826)* (pp. 203–239). Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (1964). Russkaya diplomatiya i voyna SShA za nezavisimost′, 1775–1783 godov [Russian Diplomacy and US War of Independence, 1775–1783]. In *Novaya i noveyshaya istoriya, 1,* pp. 73–88.

Bolkhovitinov, N. N. (1964). Russian Diplomacy and the US War for Independence of 1775–1783. In *Soviet Studies in History, Vol. 3, No. 2,* pp. 31–46.

Bolkhovitinov, N. N. & Semenov, S. I. (1965). Ot "doktriny Monro" k "Soyuzu radi progressa" [From Monroe Doctrine to the Alliance for Progress]. In Lemin, I. M. *Dvizhushchie sily vneshnei politiki SSHA* (pp. 389–415). Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (1965). Voyna Latinskoy Ameriki za nezavisimost′ i pozitsiya Rossii [Latin American War of Independence and Russian Position]. In *Voprosy istorii, 11,* pp. 153–159.

Bolkhovitinov, N. N. (1965). Stanovlenie nauchnykh i kul′turnykh svyazey mezhdu Amerikoy i Rossiey [The Beginning of Scientific and Cultural Relations between America and Russia]. In *Istoriya SSSR, 5,* pp. 102–113.

Bolkhovitinov, N. N. (1971). V arkhivakh i bibliotekakh SShA: nakhodki, vstrechi, vpechatleniya [In US Archives and Libraries: Findings, Meetings, Impressions]. In *Amerikansky ezhegodnik. 1971* (pp. 329–341). Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (1997). O vremeni i o sebe: zametki istorika [About Time and Myself: Notes of a Historian]. In *Istoriki Rossii, Iss. 1,* pp. 70–79. Moscow, Nauka.

Bolkhovitinov, N. N. (2005). *Vospominaniya* [Memoirs]. 62 p. Moscow. [Otpechatannaya na mashinke rukopis′ 62 stranits, kotoraya nachinaetsya frazoy "Schastlivaya pora detstva"]. (Original nakhoditsya u vdovy Bolkhovitinova, Lyudmily Antonovny Bolkhovitinovoy. Avtor ispol′zoval svoyu kopiyu originala).

Burin, S. N. (1991). K 75-letiyu akademika G. N. Sevost′yanova [To 75-years Celebration of Academician G. N. Sevostyanov]. In *Amerikansky ezhegodnik. 1990* (pp. 211–215). Moscow, Nauka.

Butterfield, L. H. & Levin E. (Transl.). (1975). Introduction. In Bolkhovitinov, N. N. *The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815* (pp. X–XVIII). Cambridge, Mass., Harvard University Press.

Cherkasov, P. (2004). *IMEMO. Institut Mirovoy Ekonomiki i Mezhdunarodnykh Otnosheniy. Portret na fone epokhi* [IMEMO. Institute of World Economy and International Relations. A Portrait at the Background of the Epoch]. 572 p. Moscow, Ves′ mir.

Dash, B. L. (1982). *A Defector Reports: The Institute of the USA and Canada.* Falls Church, VA, Delphic Associates.

Dement′ev, I. P. (2004). Il′ya Savvich Galkin [Ilya Savvich Galkin]. In Sevost′yanov, G. N. (Ed.). *Portrety istorikov : Vremya i sud'by. Vol. 4. Novaya i noveyshaya istoriya* (pp. 105–123). Moscow, Nauka.

English, R. (2000). *Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War.* 401 p. New York, Columbia University Press.

Galkin, I. S. (1998). Tropami moey zhizni: Na postu rektora MGU [Along the Paths of My Life: Being Rector of Moscow State University]. In *Novaya i noveyshaya istoriya, 4,* pp. 90–112; *5,* pp. 111–132.

Grigory Nikolaevich Sevost′yanov: [nekrolog]. [Grigory Nikolaevich Sevostyanov: Obituary]. (2013). In *Novaya i noveyshaya istoriya, 3,* pp. 245–248.

Gurevich, A. (2004). *Istoriya istorika* [History of a Historian]. 284 p. Moscow, ROSSPEN.

Gutnova, E. V. (2001). *Perezhitoe* [The Life Lived]. 462 p. Moscow, ROSSPEN.

Kartseva, E. (1965). Chto cheloveku nado [What a Human Needs]. In *Sovetsky ekran, 2,* p. 16.

Komissarov, B. N. (2002). As otechestvennoy amerikanistiki (k 70-letiyu N. N. Bolkhovitinova) [An Ace at the Russian American Studies (For N. N. Bolkhovitinov's 70th Birthday Anniversary]. In Chubar′yan, A. O. (Ed.). *Russkoe otkrytie Ameriki. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu akademika Nikolaya Nikolaevicha Bolkhovitinova* (pp. 5–36). Moscow, ROSSPEN.

Kurilla, I. & Zhuravleva, V. I. (Eds.). (2015). *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. 306 p. Lanham, MD and Boulder, CO, Rowman and Littlefield's Lexington Press.

Markwick, R. D. (Raleigh, D. J. (Foreword)). (2001). *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974*. 327 p. New York, Palgrave.

Medvedev, R. (1991). *Lichnost′ i epokha: Politichesky portret L. I. Brezhneva* [Personality and Epoch: L.I. Brezhnev's Political Portrait]. 336 p. Moscow, Novosti.

Nekrich, A. (Lineburgh, D. (Transl.)). (1991). *Forsake Fear: Memoirs of an Historian*. 293 p. Boston, Unwin Hyman.

Novye chleny Akademii nauk SSSR [New Members of the Academy of Sciences of the USSR]. (1988). In *Vestnik Akademii nauk SSSR, Iss. 2,* pp. 123–126. Moscow.

Pozner, V. V. (2013). *Proshchanie s illyuziyami* [A Farewell to Illusions]. 478 p. Moscow, AST.

Raleigh, D. J. (2012). *Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia's Cold War Generation*. 420 p. New York, Oxford University Press.

Roth-Ey, K. (2011). *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War.* 315 p. Ithaca, Cornell University Press.

Zhuk, S. (2011). Closing and Opening Soviet Society (Introduction to the Forum Closed City, Closed Economy, Closed Society: The Utopian Normalization of Autarky). In *Ab Imperio, 2,* pp. 123–158.

Zhuk, S. I. (2013). 'Academic Détente': IREX Files, Academic Reports, and 'American' Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era. In *Cahiers du monde russe, Janvier –juin, vol. 54, No. 1–2,* pp. 297–328.

Zhuk, S. I. (2013). Inventing America on the Borders of Socialist Imagination: Movies and Music from the USA and the Origins of American Studies in the USSR. In *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia, Vol. 2, No. 2,* pp. 249–288.

The article was submitted on 05.03.2016

Problema Voluminis

Russian Art with and without Politics

Hot and Cold Wars

Problema Voluminis

Русское искусство с политикой и без

Война горячая и холодная

RUSSIAN ART WITH AND WITHOUT POLITICS

DOI 10.15826/qr.2016.2.158
УДК 7.04+75.041(470.5)+398.316.462+929Свердлов

«ИКОНОГРАФИЯ» ТОВАРИЩА АНДРЕЯ (ЯКОВА СВЕРДЛОВА) И МЕХАНИЗМ СОВЕТСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Евгений Алексеев
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Евгений Бурденков
Музей истории Екатеринбурга,
Екатеринбург, Россия

THE ICONOGRAPHY OF COMRADE ANDREI (YAKOV SVERDLOV): A MECHANISM OF SOVIET MYTHMAKING*

Yevgeny Alekseev
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Yevgeny Burdenkov
Yekaterinburg History Museum
Yekaterinburg, Russia

The article considers the mechanism underlying the mythmaking of "comrade Andrei" (Yakov Sverdlov), a Soviet chieftain, referring to the art collection of the Ya. M. Sverdlov Museum (presently, the City Museum of Yekaterinburg). Kept in the Scientific Archive of the Museum, instructions and detailed descriptions of paintings ordered as well as transcripts of subsequent discussions attended by the so-called old Bolsheviks and representatives of the Institute of History

* *Citation*: Alekseev, Ye., Burdenkov, Ye. (2016). The Iconography of Comrade Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking. *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 45–79. DOI 10.15826/qr.2016.2.158.

Цитирование: *Alekseev Ye., Burdenkov Ye.* The Iconography of Comrade Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 45–79. DOI 10.15826/qr.2016.2.158 / *Алексеев Е., Бурденков Е.* «Иконография» Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 45–79. DOI 10.15826/qr.2016.2.158.

© Алексеев Е., Бурденков Е., 2016

of the (All-) Russian Communist Party (Bolsheviks), artists' commentaries and suggestions along with the opinions and estimations of some officials help trace the process of planning and realization of different art projects, depicting the image and revolutionary activity of Yakov Sverdlov. The status of customers acquired along with their positions, meant that Soviet officials (heads of museums, factories, instructors of regional committees, and CEOs of local agricultural institutions) would solve all the issues, underlying the "production of art". It was them who decided on the themes, plots and images and offered the format and compositions of paintings and their methods of creation; they also chose the appropriate studies and painting versions, controlled the realization and development of the concept and interfered with all the details to their liking. The authors demonstrate that the customers, i.e. representatives of the local authorities had the same tastes and cultural preferences as the public. In their creation of Yakov Sverdlov's iconography, they followed the images and compositional patterns that had already been tested (with paintings depicting Lenin and Stalin) and kept the image of "the chieftain of Ural workers" within the assigned framework. Despite the fact that they observed all the iconographic compositional patterns, the creators (both customers and artists) failed to reach any impressive results in their mythologisation of "the chieftain of Ural workers". The majority of paintings they created were limited to documentary and everyday themes. The customers rejected any artistic allegory, symbolic implications or artistic generalization, aiming at a reconstruction of a real revolutionary life which led to one-sided plots, aiming at a certain reconstruction of "the real revolutionary times", which made Ya. Sverdlov's image inexpressive and dull.

Keywords: 20th century Ural fine arts; socialist realism; Ya. M. Sverdlov; historico-revolutionary painting; socialist realism; mythologisation of power.

Механизм создания мифа о советском вожде Товарище Андрее (Якове Свердлове) рассматривается в статье на примере художественной коллекции Музея Я. М. Свердлова (ныне – Музея города Екатеринбурга). Сохранившиеся в научном архиве музея инструкции и подробные описания заказывавшихся картин, стенограммы последующих обсуждений с участием старых большевиков и сотрудников Института истории ВКП(б), объяснения и предложения художников, мнения и оценки конкретных чиновников позволяют проследить процесс разработки и последующего выполнения произведений, представлявших образ и революционную деятельность Якова Свердлова. Статус заказчиков, обретенный вместе с должностью, обязывал советских чиновников (заведующих музеями, директоров предприятий, инструкторов обкомов, председателей правления местных организаций Союза художников и т. п.) решать вопросы, связанные с «производством искусства». Именно они задавали темы, сюжеты и образы, предлагали формат, композиционное решение картины и технику исполнения, отбирали эскизы и варианты, контролировали процесс развития замысла, вмешиваясь при желании во все детали. Авторы отмечают, что у заказчиков – представителей местной власти были те же вкусы и культурные предпочтения, что и у массовой публики. Они выстраивали иконографию Якова Свердлова по определенным

образцам и композиционным схемам (на примере картин с Лениным и Сталиным), вписывая «вожака уральских рабочих» в отведенные для него рамки. Обозначив все «иконографические» композиционные схемы, творцы (заказчики и художники) добились в плане мифологизации «вождя уральских рабочих» весьма скромных результатов. Большинство созданных картин оказались ограниченными документально-бытовой стилистикой. Заказчики отвергали любой намек на художественную аллегорию, символику или художественное обобщение, желая получить некую реконструкцию «реальной революционной жизни», что привело к заметной однобокости сюжетов, отнюдь не отражающей сложности революционного времени, и к невыразительности образа Я. Свердлова.

Ключевые слова: изобразительное искусство Урала XX в.; социалистический реализм; Я. М. Свердлов; историко-революционная картина; мифологизация власти.

О заказном характере советского искусства написано немало, современные исследователи в основном единодушны в негативной оценке «указующей роли государства», именуя художников, активно исполнявших госзаказ, то халтурщиками, то жертвами системы, споря лишь о допустимых границах компромисса. Так, В. С. Манин, повествуя о событиях, произошедших после постановления ЦК ВКП(б) 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», резюмирует: «Отныне художники творили по расписанию, всякое отклонение от которого считалось недопустимым. Интеллект художника, его редкостный творческий дар были закуплены госучереждениями. Редкий из художников устоял перед соблазном продажи своего творческого труда. Тех же, кто пытался идти независимыми путями в искусстве, почти автоматически исключали: из жизни, из общественного обихода. Тем самым доказывался марксистский тезис В. И. Ленина, что жить в обществе и быть от него свободным нельзя» [Манин, с. 167].

Впрочем, в работе художников «по расписанию», в стабильном заработке, гарантированном государством, видели и несомненную пользу. Это отмечал уже А. В. Луначарский в статье «Итоги выставки государственных заказов к десятилетию Октября» (1928). Нарком просвещения был уверен: «Удачной надо признать выставку как начало более или менее крепкой связи между государством и миром художников, связи, которая будет обоюдно полезной. Изобразительные искусства в нашей стране никоим образом не могут нормально развиваться без поддержки государства. Частный рынок вряд ли когда-либо оживет у нас, а общественный рынок нуждается еще в значительной обработке, развитии и определении» [Художественная жизнь Советской России, с. 257–258]. Даже в наше время ряд исследователей придерживается мнения, что благодаря разумным шагам партийного руководства в указанный преиод была создана «демократическая конкуренция» на госзаказы: «Образование в 1932 г. Союза художников, куда были приглашены практически все бывшие

“попутчики” и даже “классовые враги”, восстановило нормы демократического плюрализма – неотъемлемую часть буржуазной картины мира с его дифференциацией потребителей. Буржуазное искусство, как оказалось, вполне могло существовать и при коммунистическом строе, и все дальнейшее развитие советского официального искусства это подтвердило» [Дёготь, с. 135].

Созданное в 1928 г. Главискусство (Главное управление по делам художественной литературы и искусства) поставило отношения с художниками на регулярную основу: государство финансировало процесс создания произведений, заказывало картины, организовывало выставки готовых работ, поездки художников на заводы и в колхозы. В 1930–1950-х гг. система несколько раз была реорганизована, но механизм взаимоотношений художника и государства оставался прежним. Как писал В. С. Турчин: «Началось плановое производство искусства, порой никому не нужного. Министерство культуры заняло после ЦК партии руководящее положение, потом, с 1934 года, Академия художеств СССР, а также с 1936 года – Государственный комитет по делам искусства. “Комбинаты” по живописи, графике и скульптуре распределяли заказы на создание “тематических работ”: “сказки” для детсадов, “натюрморты” для столовых, “пейзажи” для домов отдыха, “жанровые сцены” для клубов и т. п. “Лишние” работы ссылались в запасники, в провинциальные музеи, а то и просто по окончании финансового года сжигались или разбивались во дворах Союзов и комбинатов» [Турчин, с. 348–349]. Искусствовед видит проблему в бюрократизации художественного процесса, в обезличивании заказчика и неясности художественных задач. При этом возникает невольное ощущение, что государственная машина функционирует сама собой, настроенная и запущенная непосредственно «великим кормчим», она механически поощряет покорных и карает ослушников. На поверку это оказывалось далеко не так. Б. Иогансон считает, что на художников оказывалось гораздо меньше идеологического давления, нежели на деятелей литературы и кинематографа, подозревая, что Сталин был индифферентен к изобразительному искусству[1], «в нем трудно заподозрить истового любителя живописи или скульптуры» [Иогансон, с. 560]. Исследователь культа Сталина в изобразительном искусстве Я. Плампер специально останавливается на проблеме заказчиков и меценатов, замечая, что из всего сталинского окружения «покровителем художников»

[1] После 1917 г. Сталин посетил лишь две художественных выставки в 1926 и 1933 гг. Известен отзыв Сталина, оставленный после посещения 10-й выставки Ассоциации художников революционной России (1926): «В общем, по-моему, хорошо». Художник Е. Кацман зафиксировал в своем дневнике реакцию Сталина на выставку «15 лет Красной армии» (1933): «…Сталин про картины Бродского сказал: “Живые люди”. <…> Остановился Сталин около картины Тихого “Купание красноармейцев”. “Хорошая картина, – сказал Сталин и, обращаясь к Ворошилову, продолжал, – почему хорошая, живое небо, живые люди, живая вода, так нужно делать картины…”» [Плампер, с. 211].

можно назвать лишь К. Е. Ворошилова, который приятельствовал с отдельными мастерами, заказывал батальные полотна и собрал коллекцию картин [Плампер, с. 224–253].

Лозунги, с которыми партийные вожди обращались к художникам, при четкости указаний («Мы должны усилить борьбу за подлинное реалистическое искусство»; «Искусство победоносной страны должно воспитывать пламенные чувства советского патриотизма, любви к великой родине социализма…»; «Народ хочет видеть образные, яркие, красочные изображения своих вождей…» [Агитация за счастье, с. 23–24]) были лишены инструкций, разъясняющих последовательность их выполнения. Конкретные требования к мастерам озвучивали руководители средней руки (директора предприятий, заведующие музеями, инструкторы обкомов, председатели правления местных организаций Союза художников и т. п.), которые были не свободны от контроля сверху, а значит, ограничены в правах, но все же могли высказывать свои личные мнения и оценки, направлять и контролировать деятелей искусства. Плампер, отмечая немало противоречий между заказчиками, особо рассматривает, «кто именно на нижних уровнях властной иерархии имеет право устанавливать советский канон» и определять образ того или иного партийного деятеля (Свердлова, Калинина, Дзержинского и проч.) [Плампер, с. 295].

Статус заказчиков, обретенный вместе с должностью, обязывал чиновников решать все текущие и злободневные вопросы, связанные с «производством искусства». Именно они задавали темы, сюжеты и образы, предлагали формат, композиционное решение картины и технику исполнения, отбирали эскизы и варианты, контролировали процесс развития замысла, вмешиваясь при желании во все детали. От их культуры и вкуса, смелости, толковости или бестолковости зависели порой конечный результат и качество заказной работы. При этом в отношении чиновников к художественным заказам и задачам заметны несогласованность и противоречивость. В мрачное время 1930–1940-х, когда бюрократы любого ранга не были застрахованы от «роковых ошибок» и мучительно старались угадать «правильное» решение, работа с художником обретала особую сложность. Официальные заказчики тяготели к проверенным и безопасным шаблонам, но понимали, что «наверху» от них ждут инициативных предложений «в борьбе за подлинное реалистическое искусство».

Соцреализм как явление идеологическое изначально предполагал строгость и тщательную редакцию заданного текста, но в действительности предлагаемая художникам задача оказывалась невнятной, порой эскизной, с явными лакунами в прочтении сюжета. В силу этого оказывалась возможна личная интерпретация заданной программы. Но как бы ни поступил мастер, остался ли в жестких рамках заказа или художественно развил предложенный «тезис», продемонстрировал послушание или своеволие, ответственность за работу полностью ложилась на него.

Механизм создания произведений в рамках госзаказа можно рассмотреть на примере художественной коллекции Музея Я. М. Свердлова[2]. Собрание картин о революционной деятельности Товарища Андрея, созданных в 1930–1980-х гг., насчитывает 27 работ (имеются также графические и скульптурные произведения). Сохранившиеся в научном архиве музея инструкции и подробные описания заказываемых картин, стенограммы обсуждений с участием старых большевиков и сотрудников Института истории ВКП(б), объяснения и предложения художников, мнения и оценки конкретных чиновников позволяют проследить процесс разработки и последующего выполнения произведений, представляющих образ Свердлова.

«Требовалось поднять музей идейно»: картина как документ эпохи

Вальтер Беньямин, посетивший Третьяковскую галерею во время пребывания в Москве в январе 1927 г., писал: «И эти стены, заполненные повествующими картинами, изображениями сцен из жизни самых разных сословий, превращают галерею в огромную детскую книгу с картинками». Сообщая о значительном числе посетителей, Беньямин отмечает, что экспозиция состоит из картин «в духе буржуазной живописи», но близка и привлекательна простому народу своей доходчивостью. Философ размышляет о том, что «художественное воспитание (как это очень хорошо дает понять Пруст) осуществляется вовсе не приобщением к “шедеврам”. Ребенок или пролетарий, занимающийся самообразованием, с полным правом считает шедевром совсем не то, что коллекционер. Значение таких картин преходяще, но очень основательно…» [Беньямин, с. 114–115].

Партийные вожди желали превратить в «книгу с картинками» любой музей и любое выставочное пространство. Отношение к изобразительному искусству было ограничено идеологической целесообразностью и агитационными задачами. Как только в городе Свердловске, носящем имя «великого организатора, одного из первых соратников Ленина-Сталина», появляется посвященный ему музей, остро встает проблема с экспонатами. Копии документов и фоторепродукции наряду с немногочисленными вещами, принадлежавшими Свердлову либо его родственникам и товарищам по борьбе, не производили особого впечатления на массы и не демонстрировали яркой картины жизни великого революционера. Крупноформатные живописные иллюстрации были необходимы не только как украшение экспозиции, они становились главным итогом всей работы по сбору информации о Я. Свердлове и переработке этих материалов в системе представлений об истории ВКП(б).

[2] Мемориальный музей Я. М. Свердлова в Свердловске (Екатеринбурге) возник в 1940 г. как филиал Уральского областного музея революции, через три года был преобразован в самостоятельную структуру. В 1950 г. получил наименование «Государственный мемориальный музей имени Я. М. Свердлова». Закрыт в 1991 г., на его основе создан Музей истории Екатеринбурга.

Во главе учреждений культуры стояли непрофессиональные, но преданные партии люди. Их представления о направлении работы музея отражены в сохранившихся воспоминаниях директора Музея Я. М. Свердлова М. И. Клепинина[3]:

> Требовалось поднять музей идейно… наладить научную работу… Требовалось особое внимание обратить на сбор материалов на Урале. <…> Наполнили музей 80 экспонатами, написали две картины: «Подпольная партийная школа, организованная Я. М. Свердловым», «Ленин, Сталин и Свердлов в кабинете В. И. Ленина». Пишется картина «Первое выступление Я. М. Свердлова в 1905 г.»… Восстановили комнату, в которой была организована Я. М. Свердловым подпольная школа агитаторов-пропагандистов большевиков [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 56. Д. 1013. Л. 7об].

Взяв на себя роль заказчика, руководство музея столкнулось с серьезной проблемой по разработке образа Свердлова. «Вожак уральских рабочих» выглядел далеко не эффектно, гражданская жена Якова Михайловича К. Т. Новгородцева-Свердлова, описывая свое первое впечатление от встречи с ним, замечает:

> Внешний вид юноши ничем на первый взгляд не привлекал внимания. Был он среднего роста, стройный, подтянутый. Густые волнистые черные волосы упрямо выбивались из-под слегка сдвинутой на затылок кепки. <…> Все на нем было поношено, но выглядело чисто и опрятно [Свердлова, с. 9].

Товарищи по борьбе отмечали небольшой рост и худощавость Свердлова, а также его аккуратность, недаром Сталин именовал его чистюлей [Хрущев, с. 59]. Серая внешность для революционера-подпольщика скорее достоинство, но для государственного деятеля, образ которого должен тиражироваться, серьезный недостаток, и советские художники немало потрудились над «сакрализацией» фигур вождей, в которых визуализировались их выдающиеся качества.

Качества, которыми, по воспоминаниям жены и соратников, обладал Свердлов, могли быть приписаны любому партийному вождю и борцу революции: великолепная память – «стоило ему раз встретиться с человеком, как образ нового товарища отчетливо запечатлевался в ней на многие годы», интуиция и проницательность – мог «с первого

---

[3] Клепинин Михаил Ильич (1902–1970) – директор Мемориального музея Я. М. Свердлова (1945–1950). Родился в деревне Лягушино Ирбитского уезда в крестьянской семье, был батраком (1910–1919). Участник Гражданской войны. В 1921 г. вернулся в родную деревню, занимал должности председателя колхоза, избача, председателя сельсовета (1928–1934). Учился в Высшей сельскохозяйственной школе (1934–1937), работал инструктором-лектором Союза воинствующих безбожников в Свердловске (1937–1940). С 1941 г. – в рядах РККА, политрук. Оперуполномоченный УН КГБ Свердловска (1943–1945). В 1945 г. назначен директором Мемориального музея Я. М. Свердлова. После увольнения работал учителем истории в школе рабочей молодёжи, затем преподавателем труда в школе г. Сысерти.

взгляда определить сущность, наклонности, способности человека», любовь к трудящимся – «беспрестанно общался с рабочими, не только учил их, но и сам постоянно учился у передовых рабочих». Кроме того, «товарищ Андрей» «чуток и внимателен к товарищам», «прям и правдив», «мужественно переносил все невзгоды и лишения» и поражал необычайной скромностью и простотой. Главное же достоинство – это «исключительное внимание к ленинским указаниям». И характеристика близкого человека завершалась абсолютно общей фразой, что «борьба за интересы трудящихся, за дело партии была целью и смыслом всей жизни Якова Михайловича, в этой борьбе он находил свое счастье» [Свердлова, с. 15, 20, 21]. Более конкретно и выразительно описывают поведение и характер председателя ВЦИК товарищи по партии. «Внутреннего огня в нем, конечно, было много, но внешне это был человек абсолютно ледяной. Когда он был не на трибуне, он говорил неизменно тихим голосом, тихо ходил, все его жесты были медленны», – замечал А. В. Луначарский [Луначарский и др., с. 322].

Симпатизировавший Я. Свердлову Л. Д. Троцкий вспоминал, что тот «был невысокого роста, очень худощавый, сухопарый, брюнет с резкими чертами худого лица. Его сильный, пожалуй, даже могучий голос мог показаться не соответствующим физическому складу. В еще большей степени это можно бы, однако, сказать про его характер. Но таково могло быть впечатление лишь поначалу. А затем физический облик сливался с духовным, и эта невысокая худощавая фигура со спокойной, непреклонной волей и сильным, но не гибким голосом выступала как законченный образ» [Там же, с. 334–335]. Также Троцкий рассказывает, что именно Свердлов ввел в 1917 г. среди большевиков моду на кожаную «форму», появляясь в общественных местах в «облачении черной кожаной брони» [Там же, с. 335]. С легкой руки Свердлова кожаные тужурки с брюками, крагами и картузами, предназначавшиеся в годы Первой мировой для механизированных войск, авиации, экипажей броневиков, бронепоездов и самокатчиков, стали фирменной одеждой комиссаров и чекистов.

Интеллигентная внешность товарища Андрея, его субтильность и неизменное пенсне придавали ему сходство с земским деятелем царского режима, что мешало художникам выразить его «внутренний огонь». Зрители легко могли спутать изображение председателя ВЦИК с тем же Троцким: та же буйная прическа, пенсне, бородка клинышком. Возможно, поэтому Свердлова старались изображать спокойно-рассудительным, с мягким взглядом чуть печальных глаз, в отличие от динамично-резкого, с ироничным или сердитым прищуром председателя Реввоенсовета.

Образ Товарища Андрея в изобразительном искусстве поначалу складывался спонтанно. На картинах столичных мастеров он занимал почетное место в окружении Ленина, и авторы были озабочены лишь его внешней узнаваемостью. Более полновесная характеристика Свердлова появится в популярных историко-революционных кинофильмах конца

Ленин в 1918 году. Кадр из фильма. Реж. М. Ромм. В роли Я. Свердлова – Л. Любашевский. 1939

Lenin in 1918. A film still. Director M. Romm. L. Lyubashevsky as Ya. Sverdlov. 1939

1930-х гг. «Выборгская сторона» (1938, режиссеры Г. Козинцев, Л. Трауберг) и «Ленин в 1918 г.» (1939, режиссер М. Ромм). Значение Товарища Андрея в официальной партийной истории демонстрировал и художественный фильм «Яков Свердлов» (1940, режиссер С. Юткевич). В этих фильмах Свердлову отведена роль верного «адъютанта» Ильича, исполнительного и заботливого, но не самостоятельного и в меру пассивного, что еще больше подчеркивает образ деятельного, уверенного в себе Сталина, который и реализует все замыслы вождя мирового пролетариата. Но сам факт того, что Свердлов наряду со Сталиным и Дзержинским представлял на киноэкране ленинское окружение, символизировал его высокий статус в исторической партийной иерархии, а кинематографическая фигура председателя ВЦИК, созданная актером Л. Любашевским, стала основой для всех художников, работавших впоследствии над образом Товарища Андрея.

«Научная разработка картин»: сюжет в представлении заказчика

В архиве Музея Екатеринбурга (бывшего музея Я. М. Свердлова) сохранился уникальный комплекс документов – инструкции, разработанные директором Клепининым для художников (апрель-май 1947). Чиновник использовал форму технических заданий и, по всей видимости, отталкивался в своих указаниях от конкретных образцов, высокопарно назвав свои наставления «научной разработкой» (прил. 1–10). Его инструкции малограмотны, стилистически корявы, а порой сумбурны, в них отсутствует единая система подачи материала – одни тексты начинаются с указания размеров предполагаемого полотна, другие – с поверхностного описания революционных событий, напоминающего школьные рефераты: «Приезд Я. М. Свердлова 1905 г. осенью на Урал в г. Екатеринбург – это был не простой приезд Я. М. Свердлова…»

Бывший оперуполномоченный УНКГБ (управления Народного комиссариата государственной безопасности) Клепинин имел опыт в проведении оперативно-розыскных мероприятий, поэтому и свою деятельность на посту директора музея начал со сбора сведений о биографии Свердлова. При музее был создан ученый совет, куда

вошли «старые большевики» и сотрудники Института истории ВКП(б). Клепинин опрашивал свидетелей, просматривал опубликованные воспоминания и документы, отбирая факты, которые казались ему важными и художественно выразительными, поэтому инструкции местами напоминают официальный протокол с места происшествия, правда, довольно бестолковый: автор делает акцент на отдельных малозначимых деталях и художественно невыразительных моментах. В одной из них отмечено:

> Показать в картине, что Свердлов выступает с крыльца заводской конторы, высота крыльца от земли 1 метр. Я. М. Свердлов стоит между двух колонн, а всего четыре колонны, здание одноэтажное.

В другой зафиксировано:

> Со стороны Я. М. Свердлова показать три простых стула, по ту и другую стороны стола длинные скамьи и против Свердлова три стула[4].

Упоминается, что на Товарище Андрее был пиджак в мелкую полоску, что после выступления в Реже «старичок» Барахнин «свез Я. М. Свердлова в коробе с навозом», что во время митинга боевой дружины Свердлов выступал возле «толстой березы».

Клепинину кажется чрезвычайно важным дать художнику пространственную ориентировку, указать стороны света и направления движения:

> «Изобразить Я. М. Свердлова стоящего на глыбе лицом на восток…», «Я. М. Свердлов обращен лицом на юго-восток, перед ним вся масса…», «Показать массу с запада, юга и севера на ногах, с востока разнообразно…», «у камня Я. М. Свердлов, лицом на восток, без фуражки, фуражка в левой руке…».

То, что во время различных выступлений Товарищ Андрей поворачивается лицом именно «заре навстречу», подается как документальный факт. Директор музея не думал о том, как художник сможет показать, куда именно смотрит «вожак уральских рабочих», и смогут ли зрители сориентироваться на картинной плоскости и понять символику представленной ситуации.

Не менее важным для Клепинина является указание на время происходящего события:

> «В картине показать ясный осенний день, полдень», «Показать теплый осенний день, 10 час. утра (сентябрь)», «Время – весна 10–11 часов дня, день ясный (май)».

[4] Здесь и далее цитаты из архивных источников приводятся без изменений, с сохранением стиля, орфографии и пунктуации оригинала.

В инструкциях немало цифр, которые демонстрируют масштабность революционных мероприятий:

> «На собрании присутствовало 480 чел.», «присутствовало около 2000 чел.», «на подпольном собрании присутствует около 200 человек», «присутствовали рабочие в количестве пятидесяти человек», «на сидениях изобразить слушателей преимущественно рабочих, один-два гимназиста, человек 30–35».

Директор требует от художников точности во всем, порой определяет и расстояние между объектами и персонажами: «по левую сторону Свердлова в метрах пяти старик-дружинник держит красный флаг». Он желает, чтобы автор живописного полотна показал «поляну, которая обозначала круг среди соснового леса, круг поляны 70 м в диаметре».

В разработках Клепинина оговорены позы и жесты персонажей. На революционных мероприятиях под открытым небом Свердлова предписывается изображать с вытянутой вперед правой рукой, в левой он должен держать фуражку. На конспиративных квартирах Товарищ Андрей может вести себя более естественно; так, предлагается представить его с карандашом в правой приподнятой руке.

Необходимо было передать портретное сходство не только «вожака», но и его уральских соратников, чьи личности удалось установить: «Показать… около Я. М. Свердлова актив: Ермаков, Порошин, Барахнин, Черепанов, Вилонов, Батурин, Клавдия Тимофеевна[5], Авейде, Митюнины». Важно и правильно разместить персонажей, не перепутав, кто где стоял или сидел:

> За круглым столом в средине Я. М. Свердлов, по правую сторону его любимец – активный член партии Черепанов, в ряд с Черепановым Авейде, в ряд с Авейде Клавдия Тимофеевна – это неразрывные подруги. Далее разместить три человека из отвлеченных рабочих. По левую сторону от Я. М. Свердлова – Сыромолотова, Батурина, Вилонова и трех отвлеченных фигур.

Клепинин пытается описать и переживания подпольщиков во время выступления партийного лидера:

> Черепанова изобразить за работой писания решения заседания. Авейде серьезно смотрит на Свердлова и с большой внимательностью слушает. Клавдия, упершись одной рукой в стол, повернув лицо в сторону присутствующих, выражает этим жестом серьезность выступления Свердлова. Сыромолотова показать с раскрытой книгой, указывающим пальцем на строку, повернув лицо к Свердлову, как бы этим самым вы-

[5] Супруга Я. М. Свердлова Клавдия Тимофеевна Свердлова (урожденная Новгородцева).

ражающим восхищение глубокой политической мысли марксистско-ленинской теории в выступлении Я. М. Свердлова. Батурина показать облокотившимся на стол, подпершим рукой голову, повернув голову в сторону Свердлова, с затаившим вниманием слушает Свердлова не отводя с него глаз. Вилонов пишет в маленькую книжку из выступления Свердлова, повернув голову в сторону Свердлова.

Здесь автор инструкций отходит от стиля официального протокола, стремясь к личностной интерпретации сюжета.

Наряду с дотошными описаниями «реальной картины революционных событий» в инструкциях ставятся задачи по выявлению «сакральной» сущности Товарища Андрея:

Показать пламя путеводной звезды в то время на Урале в лице Я. М. Свердлова, как несгибаемого ленинца не щадя своей жизни для блага революции.

Автор «научных разработок» не понимал ни специфики изобразительного искусства, ни художественных задач и крайне смутно представлял себе композиции предлагаемых сюжетов, большинство его указаний либо невыполнимы, либо бессмысленны. Но малограмотный провинциальный чиновник среднего звена верил в чудодейственную силу циркуляров, с помощью которых создаются произведения соцреализма, и требовал от художников их неукоснительного соблюдения.

«Откуда вы взяли такого Свердлова, у нас такого не было…»: взаимоотношения заказчика и художника

Начало коллекции живописных полотен было положено двумя картинами В. С. Зинова[6]. Одна из них – «Свердлов за письменным столом. Председатель ВЦИК» (1930-е) – экспонировалась еще в Уральском областном музее революции, другая – «Посещение Лениным больного Свердлова» (1940) – была написана специально к открытию музея. Первое полотно точно воспроизводило фотографию председателя ВЦИК в рабочем кабинете. Художник старательно перенес на холст все детали обстановки и «раскрасил» композицию в зеленовато-охристой гамме. Но сам фотографический «исходник» явно неудачен для демонстрации образа вождя: на снимке Свердлов с печально-отчужденным видом сидит, отвернувшись от письменного стола с бумагами, в его фигуре чувствуются вялость и усталость. Цветное воспроизведение лишь усилило ощущение тоскливости и неясности.

Живописная этюдность второй картины не совсем вяжется с ее трагическим содержанием – изображены последние минуты жизни

[6] Зинов Виктор Семенович (1908–1991) – живописец. Учился в Уральском художественном техникуме у Е. О. Машкевича, В. А. Синайского (1923–1927). Работал в Уральском областном музее революции и в редакции газеты «Уральский рабочий».

«выдающегося революционера», однако все представлено подчеркнуто буднично: белоснежные простыни, врач в белом халате – руки в карманах. Свердлов столь же отрешен и безучастен, а в лице Ленина, изображенном в профиль, трудно прочесть какие-либо чувства и эмоции.

Последующие полотна для музея художники пишут уже по инструкциям, разработанным Клепининым. Директор требует в первую очередь показать место Свердлова в партийной иерархии, заказывая живописцу П. А. Воинкову[7] картину «Свердлов, Ленин и Сталин в кабинете» (1947), предложив ему «художественно выразить беседу товарищеского разговора в содружестве трех вождей революции по укреплению нашего многонационального государства и по укреплению большевистской партии» (прил. 10).

Заданный Клепининым сюжет по тем временам был рискованным и требовал особо взвешенного подхода даже к второстепенным деталям. Как замечает Я. Плампер: «Как всегда, важнейшим вопросом в советских искусствоведческих дискуссиях являлись отношения Сталина с другими персонажами на художественных репрезентациях. Например, к 1949 г. стали каноном изображения Сталина, слушающего Ленина с глубоким вниманием и уважением – обязательно в бесконфликтной гармоничной ситуации, но ни в коем случае не с подчиненной позиции школьника» [Плампер, с. 296]. Клепинин полагает, что будет правильно

> …поместить В. И. Ленина в середине, у стола, сидящего в кресле, со слегка повороченной головой в сторону И. В. Сталина. И. В. Сталина показать в сидячем виде в кресле по левую сторону В. И. Ленина с выражением лица, излагающего свою серьезную мысль. Я. М. Свердлова показать в картине по правую сторону В. И. Ленина, сидящего в кресле, профилем к тов. Сталину с выраженным лицом внимательного выслушивания т. Сталина.

Далее в инструкции следуют фразы: «Сходства лиц применительно к тому времени», «Одежда согласно данным о том времени», «Кабинет и всю обстановку в нем взять то, что сейчас есть в музее В. И. Ленина». Таким образом, в случае каких-либо исторических неточностей или ошибок вся ответственность перекладывается на плечи художника. «Научная разработка» завершается требованием: «Рамки, багет шириною 15 см».

Для посредственного рисовальщика Воинкова, не набившего еще руку на портретах вождей, представить сюжет в плакатном духе – лучший выход из положения. Хотя и это удалось ему не в полной мере, живописное решение откровенно примитивно.

На первом плане – плоскость стола, обтянутого зеленым сукном, с аккуратно расставленными письменными принадлежностями

[7] Воинков Павел Архипович (1918–1993) – живописец. Окончил Пермское художественное училище (1938).

и разложенными бумагами. Вожди на фоне книжных полок выглядят мелковато, непродуманность цветового решения приводит к дробности и аляповатости. Забавно выглядит симметричное расположение персонажей: фигура Ленина в центре представлена почти в фас («со слегка повороченной головой»), на одинаковом расстоянии от Ильича восседают Свердлов и Сталин, ведущие, судя по всему, неторопливую беседу. Композиция картины напоминает иконографическую схему ветхозаветной Троицы. Это ощущение усиливается благодаря соблюдению принципа изокефалии и торжественной геральдичности первого плана, где вместо чаши с головой тельца (прообраз крестной жертвы) изображен письменный прибор (инструмент вождя).

Художнику удалось остаться в рамках инструкции, но «художественный» результат несколько обескуражил заказчиков. В протоколе расширенного заседания ученого совета отмечено, что председатель художественного совета С. А. Иванов критически отнесся к «творению» Воинкова:

> Слишком яркие цвета даны столу, книгам, необходимо поработать над лицом Ленина. Картина написана удовлетворительно, после исправления недостатков картину можно экспонировать [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 8].

Присутствующие отметили, что у Ленина слишком рыжие волосы, а поза Свердлова слишком напряжена. В итоге было решено признать картину удовлетворительной и после исправления указанных недочетов поместить в музейную экспозицию. Даже чувствуя, что с картиной «что-то не так», доморощенные эксперты не могли понять, в чем проблема, и уж тем более объяснить это художнику. Вполне вероятно, что придирки и замечания члены ученого совета высказывали «на всякий случай», чтобы впоследствии их не обвинили в утрате бдительности. Умеренная оценка работы не помешала Воинкову получить внушительный заказ на 14 картин.

Написанное им вскоре полотно «Свердлов проводит занятия в подпольной школе пропагандистов-агитаторов, 1905 год» (1948) тоже основывалось на инструкции не терпящего любой самодеятельности директора Клепинина. По заданию необходимо было «разместить людей в картине так: Свердлов на ногах за столом излагает лекцию. Он в пиджаке и черной рубашке. Перед ним исписанная бумага, левой рукой оперся на стол, жестикулируя правой рукой, подчеркивающей главные моменты в его изложении» (прил. 9). Кроме того, перечислены ближайшие сподвижники, названо общее число слушателей и поясняется, что сиденья сделаны из досок, «положенных на бакланы». Как и желал заказчик, художник изображает три окна, занавешенные красными полотнищами, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на красной материи, портрет Карла Маркса в простенке и даже «свечу в бутыли» на столе. Исполнительность

живописца, правда, не повысила художественного качества картины. Зритель видит в основном спины и затылки слушателей – невыразительных статистов. Свердлов «в пиджаке и черной рубашке» с расплывчатым лицом – трафаретный типаж лектора-подпольщика.

Не остался без работы и Зинов. По заказу руководства музея он выполняет холст «Выступление Свердлова на I свободной Уральской конференции РСДРП(б) в 1917 г.» (1948). Уровень его мастерства заметно выше, нежели у Воинкова, но это не уберегло его от критики. Сославшись на мнение вдовы Свердлова, старый большевик Д. Наранович авторитетно уточнял:

> …Вместо того, чтобы Яков Михайлович был подтянутым, он растрепанный. Он был не такой и в президиуме он редко был. Во время конференции он как-то сбоку стоял, всех осматривал, изучал и, в частности, с места и доклады делал, помню доклад о международном положении [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 34].

Инструкции Клепинина оказались далеко не полными по части информативного материала, и члены ученого совета – ветераны революционного подполья и живые свидетели деятельности Свердлова всегда имели повод придраться и заявить, что исполненная сцена не соответствует исторической правде. Для многих представителей «старой гвардии» подобная деятельность оставалась последней возможностью заявить о своей значимости в революции, и они обсуждали заказные картины с особой щепетильностью.

Старый большевик И. П. Павлов[8] на одном из заседаний откровенно заявлял:

> Я картину – выступление тов. Свердлова у Каменных Палаток – забраковал, отказался ее принять. Спрашиваю, что это за картина? Это, говорит, выступление Я. М. Свердлова на массовке. Спрашиваю, который из них. А вот стоит, выступает. Никакого сходства. Спрашиваю, откуда вы взяли такого Свердлова, у нас такого не было. Не обязательно, говорит, нужна точность. <…> Пришлось спорить. <…> Небрежно относятся к историческим документам, небрежно обращаются с историческими людьми, не говоря уж о наших вождях [Там же. Л. 32].

Ведущую роль среди членов ученого совета играла К. Т. Новгородцева-Свердлова, с мнением которой должны были считаться все. Вдова желала, чтобы в любой ситуации Товарищ Андрей был представлен опрятным и сдержанным:

---

[8] Павлов Иван Петрович (1889–1959) – советский партийный деятель. Член РСДРП с 1906 г., участник боевых организаций народного вооружения при Уфимском комитете РСДРП. Участник Гражданской войны на Урале. С 1932 г. работал на различных должностях в банках Свердловска, в отделе искусств при обкоме ВКП(б) (1940–1941), в штабе УРВО (1941–1945). Член ученого совета Музея Я. М. Свердлова (1945–1955).

> Зачем нам иностранцам, – а в этом музее бывают иностранцы, – показывать товарища Свердлова в таком неприбранном виде? Я. М. сидит, несколько развалившись, в такой расслабленной позе, распахнутый, без пояса, вот на это я очень крепко обращаю внимание. <…> Когда Я. М. переходил из тюрьмы в тюрьму, он имел смену белья, у него была смена рубашек, он имел узелок с собой, и никто никогда здесь в Свердловске не скажет, что Я. М. приходил на какое-нибудь собрание грязный, в разорванной рубашке, запущенный… И, если он встречал когда-нибудь немножко распущенного товарища, безразлично в ссылке ли, в вагоне по этапу, в тюрьме, он ему говорил, у меня есть иголка и нитка, пришей себе пуговицу, так ходить нельзя [Архив МИЕ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10].

Болезненно отреагировала Клавдия Тимофеевна и на собственное изображение в сюжете полотна «Арест Я. М. Свердлова и К. Т. Новгородцевой в Перми в 1906 году». Хотя картина обсуждалась и проходила «контрольные этапы», холст переделывался несколько раз, менялись художники, ее героиня каждый раз находила новый повод для недовольства:

> Я здесь обращаю внимание на одну фигуру, эту женщину, которая изображает меня. Она здесь изображает (извините за грубость выражения) растерявшуюся тетю, провинциалку, буржуазную хозяйку. Фигура Якова Михайловича более или менее удалась. Я считаю, что мне тут не повезло, мягко говоря. Это мелочь. Я должна оговориться: эту картину (арест) мне показывали, и по моим указаниям товарищ художник ее исправлял. Сомневаться в искренности этой работы было бы непозволительно с моей стороны. Он исправил, и когда я поглядела, то вижу, что она недостаточно хороша [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 27].

После этого картину отправили на доработку Г. А. Мелентьеву[9], и художник постарался придать боевой подруге Свердлова более решительный вид и выразительную внешность.

Как правило, консультанты ограничивались придирками к сюжетной линии, деталям одежды, позам и жестам героев и не касались живописных приемов или манеры исполнения. Только единожды представитель Горсовета Л. Г. Брейвель посчитал, что в сцене ареста «следовало дать Свердлова и Новгородцеву в светлых тонах, а полицейских и шпиков дать в темных тонах» [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 40].

Деятельный Клепинин, желавший поставить производство картин о жизни Свердлова на поток, организует в 1950 г. встречу старых большевиков с художниками, чтобы последним стало понятно, как «подлинно верно изображать в художественном искусстве Якова Михайловича,

[9] Мелентъев Герман Александрович (1888–1967) – живописец. Учился в Казанской художественной школе у Н. И. Фешина и П. П. Бенькова (1909–1915), затем в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств у В. Е. Маковского (1915–1918). Преподавал изобразительное искусство в Кунгуре (1918–1931), в Пермском художественном училище (1931–1935), затем в Свердловском.

как лучше произвести образ Я. М. Свердлова, соратника Ленина-Сталина, который вместе с Лениным-Сталиным укрепляли и воспитывали Ленинскую большевистскую партию…» [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 31–32]. По мнению директора, все проблемы будут решены, когда соратники подробно объяснят и передадут «жесты, поведение Я. М. Свердлова, приемы его на собраниях, на митингах, в выступлениях, быту» [Там же]. Присутствовавший на мероприятии председатель Свердловского отделения Союза художников Д. М. Ионин[10] отметил «в порядке самокритики», что работа, проведенная художниками «по созданию настоящего, действительного образа Я. М. Свердлова» не удовлетворяет ни их самих, ни зрителей, заверив присутствующих, что каждый художник «сильно вырос за 10–15 лет и хочет создать такую картину, чтобы она отвечала требованиям, которые предъявляют сейчас партия и правительство в последних идеологических постановлениях ЦК партии» [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 33–34].

Художники действительно были заинтересованы в сотрудничестве с музеем, каждый из них желал получить заказ на картину и был готов при необходимости не раз переделывать и исправлять свое детище. Это послушание объясняется не влюбленностью в «несгибаемого ленинца» и не верой в «указующую роль» партийных консультантов, а трудными условиями существования мастеров искусства в уральской провинции. Заказ сулил неплохой заработок, кроме того, наличие работы в музейном собрании повышало статус художника в глазах общества. Хорошо понимая это, Клепинин не скупится на обещания, заявляя, что музей имеет право «приобретать непосредственно у художников уникальные картины. Если художник написал хорошую вещь, только утвердить ее на Совете и будем покупать, пусть 10, 20, 30 тыс. стоит, мы будем покупать» [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 70–72]. Ради этого стоило терпеть косноязычные инструкции и придирки идейных борцов за светлое будущее.

«Внутреннего огня в нем, конечно, было много, но внешне это был человек абсолютно ледяной…»: невыразительный образ героя

Художник Н. Г. Чесноков[11], подчеркивающий в своих мемуарах политическую неангажированность и неприязнь к советским

[10] Ионин Давид Маркович (1916–1987) окончил Свердловское художественное училище (1940). Председатель правления Свердловской организации Союза художников СССР, возглавлял вечернюю школу художников-оформителей при Союзе художников, руководил изостудией при Окружном доме офицеров; избирался в Свердловский горком КПСС и Областной совет народных депутатов (1950–1960).

[11] Чесноков Николай Гаврилович (1915–2004) учился в Ленинградском художественно-педагогическом училище (1937–1939), Ленинградском государственном художественном институте им. И. Е. Репина (1939–1941) и в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова (1944–1947). Преподавал в Свердловском художественном училище.

чиновникам, вспоминает о заказной работе для музея Свердлова с явным удовольствием:

> Член правления Союза и член художественного совета, молодой еще, но в Свердловске признанный художник Олег Дмитриевич Коровин настоял, чтобы мне передали заказ на картину для музея Якова Михайловича Свердлова. Это должна была быть многофигурная композиция с историческими персонажами во главе с Я. М. Свердловым. <…> Надо было иметь немало смелости, чтобы взяться за столь сложную по задаче картину. Но я обрадовался заказу и не сомневался, что справлюсь с ним. Добрейшая Антонина Григорьевна[12] предоставила мне крохотное, но отдельное помещение в музее, и там в сорок восьмом и в сорок девятом годах с увлечением и страстью мучился я над первой в моей жизни сложной картиной. <…> Больше года бился над этим холстом и все-таки осенью сорок девятого отважился представить свой труд на суд художественного совета. Картину приняли! Больше того, она произвела сильное впечатление на художников, очевидно, потому, что картинщиков в свердловском Союзе было всего несколько человек. За эту картину в 1950 г. меня перевели из кандидатов в члены Союза художников [Чесноков, с. 146–147].

Первый опыт Чеснокова «Выступление Свердлова на Каменных Палатках с призывом к вооруженному восстанию» (1951) был признан удачным, хотя заметно, что художник с бóльшим увлечением живописал каменные породы, нежели участников революционного сборища. Розовощекие лица собравшихся этюдно-условны, а Свердлов в белой рубахе (естественно, с указующим жестом и фуражкой в кулаке) выглядит шаблонно. Чувствуется, что в своей работе над образом «лидера уральских большевиков» мастер ориентировался на памятник Свердлову (1927, скульптор М. Я. Харламов), но, скорее всего, именно старательно-ученический характер полотна понравился членам ученого совета. В следующей картине «Заседание екатеринбургского комитета РСДРП(б) 19 октября 1905 года» (1951) Чесноков попытался дать более точные портретные характеристики главных персонажей. Консультанты отметили узнаваемость образов Н. Вилонова, К. Новгородцевой, М. Авейде, Н. Батурина и особенно то, что художнику удалось передать на лицах присутствующих «восхищение глубокой политической мысли марксистско-ленинской теории в выступлении Я. М. Свердлова» (прил. 6).

Благодаря деятельности Клепинина Музей Я. М. Свердлова обрел в 1950 г. статус государственного, что дало ему большие финансовые возможности, но и усилило контроль со стороны местной партийной элиты. Самого директора в этом же году уволили, якобы «за растрату».

[12] Имеется в виду Деменева Александра Георгиевна (1897 – после 1958) – директор Музея Я. М. Свердлова (1950–1958). Окончила педагогический факультет Пермского государственного университета (1927). Работала преподавателем истории в школах Пермской области (1927–1931), инспектором ГорОНО Свердловска, директором ТЮЗа (1937–1945), сотрудником в отделе искусств при Свердловском горсовете (1945–1948), инструктором отдела пропаганды и агитации (1949).

Новое руководство сохранило уже устоявшуюся практику работы с художниками, с помощью сотрудников Института истории ВКП(б) был написан новый тематико-экспозиционный план и подготовлены технические задания. К разработке сюжетов картин привлекали и научных специалистов из Музея революции СССР. По мысли партийных инструкторов, главной темой экспозиции должно было стать отражение того, «что Свердлов глубоко изучал марксистско-ленинские произведения, воспитывался под руководством Ленина и Сталина» [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 29]. По заказу музея Б. В. Витомский[13] пишет картину «Я. М. Свердлов изучает работу В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" в екатеринбургской тюрьме» (1951). Было учтено и мнение К. Т. Новгородцевой-Свердловой, которая утверждала:

> Книга эта имела для уральских большевиков особую, ни с чем не сравнимую ценность. Она была прислана лично Лениным И. А. Теодоровичу, сидевшему вместе с Яковом Михайловичем. В тюрьму книга передавалась в расшитом виде, отдельными тетрадями, и тюремная администрация, ровно ничего не поняв по своему невежеству в мудрой ленинской работе, беспрепятственно пропустила ее в камеру. Яков Михайлович читал и перечитывал «Материализм и эмпириокритицизм» без конца. В ленинском труде он находил исчерпывающий ответ на наиболее сложные вопросы философии, убедительные аргументы для споров с противниками марксизма [Свердлова, с. 100].

Старый большевик и сокамерник Свердлова Н. М. Давыдов[14] проконсультировал живописца по поводу тюремного интерьера и бытовых сторон жизни заключенных. Основываясь на указаниях очевидца, художник выстроил композицию, которая и была утверждена. Товарищ Андрей изображен в штатской одежде, сидящим на койке (в екатеринбургской тюрьме, судя по воспоминаниям, царили либеральные порядки); возможно, поэтому его спокойная поза и открыто разложенные листы книги не вязались с представлениями советских зрителей о царских тюрьмах. Да и сам Свердлов напоминает больше земского учителя, проверяющего тетрадки, нежели страстного революционера, который «не жил, а горел ярким пламенем».

Желание добавить страсти в революционную биографию Свердлова вызвало сюжет картины Б. В. Волкова[15] «Побег Свердлова из

---

[13] Витомский Борис Михайлович (1918–1975) – живописец. Окончил Свердловское художественное училище (1947).

[14] Давыдов Николай Михайлович (1890–1963) – советский партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1906 г. Находился в Екатеринбургском тюремном замке совместно со Свердловым, оставил воспоминания об этом периоде. После Февральской революции – член Исполнительного комитета Екатеринбургского городского совета. Активный участник Гражданской войны, затем директор Верх-Исетского завода (1919–1924, 1927–1930). В 1930-х гг. работал в трестах «Уралмет», «Востокосталь».

[15] Волков Борис Васильевич (1918–1979) – живописец. Учился в Свердловском художественном училище (1937–1939). Окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина (1951).

Нарыма» (1956). Художник изображает борьбу революционеров с разбушевавшейся стихией, уделив особое внимание романтично-мрачному пейзажу. Но хотя автор полотна детально знал историю побега (лодка перевернулась посреди Оби, беглецы плыли в ледяной воде, пока их не спасли местные рыбаки), он не смог или не захотел придать образу товарища Андрея предельное героическое напряжение. Даже в минуту смертельной опасности, среди свинцовых волн Оби лицо партийного вождя остается спокойным, а движения кажутся медлительными.

И. Голомшток в известной работе «Тоталитарное искусство» приводит ряд композиционных схем, которые и определяли иконографию вождя: «вождь – вдохновитель и организатор побед», «вождь – мудрый учитель» и более трогательная тема «вождь – человек (или друг детей…)» [Голомшток, с. 212–213]. В эти схемы укладываются все разработанные чиновниками и осуществленные художниками полотна о жизни и деятельности революционера: Свердлов – вдохновитель, выдающийся организатор и председатель ВЦИК, Свердлов – учитель уральских рабочих, и лишь тема «Вождь – друг детей» не была раскрыта, видимо, из-за отсутствия соответствующего эпизода в воспоминаниях. Слабой компенсацией можно считать картину Б. В. Волкова «Свердлов в Туруханском крае с местным населением» (1951), где герой, по замыслу автора, занимается обучением остяков грамоте. Собственно, пламенный революционер и здесь погружен в себя – что-то сосредоточенно пишет, а колоритные представители местного населения по-детски непосредственно взирают на этот таинственный для них процесс.

Тема взаимоотношений Свердлова и Ленина представлена в полотне В. А. Терехина[16] «Посещение Я. М. Свердловым больного Ленина» (1954). Открыточная красочность создает жизнеутверждающую атмосферу, на болезнь Ильича (после покушения 30 августа 1918 г.) указывают лишь белая подушка за спиной вождя да озабоченный взгляд Н. Крупской. Фигура Свердлова доминирует в композиции (на время болезни Ленина он замещает его на посту председателя Совета народных комиссаров), он стоит с развернутой картой, информируя вождя революции о положении дел в республике. Еще более близкие отношения между соратниками запечатлены в картине «Я. М. Свердлов предупреждает Ленина в июльские дни 1917 года» (1957) художника И. И. Симонова[17]. В изображенной сцене Свердлов выступает в роли спасителя вождя мирового пролетариата, что соответствует воспоминаниям М. И. Ульяновой:

[16] Терехин Владимир Алексеевич (1920–1990) – живописец. Учился в Свердловском художественном училище (1937–1941), затем окончил Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова (1951).

[17] Симонов Игорь Иванович (род. 1927) – живописец, педагог, народный художник РСФСР (1973). Окончил Свердловское художественное училище (1948), затем Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1954).

> В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда» – о разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дома совершенно не замеченными [цит. по: Свердлова, с. 236].

Картина в точности иллюстрирует ее слова: непромокаемое пальто накинуто на плечи Ильича, а Свердлов бросает стремительный взгляд в окно, чтобы затем вместе с вождем покинуть дом «совершенно не замеченными». Правда, здесь невольно возникает комический эффект: неподвижный Ленин с равнодушно-отрешенным лицом напоминает сомнамбулу, а им управляет деятельный и заботливый друг-соратник. Иллюзорная точность в передаче предметов обстановки и фигур персонажей усиливает ощущение муляжности, некой нарочитой постановочности и фальши.

Со второй половины 1950-х гг. у художников появляется определенная свобода действий в выборе сюжетов и трактовки композиционных решений. Не все мастера, правда, спешили этим воспользоваться, работа в рамках инструкций оказывалась во многом удобной, так как не требовала ни собственной позиции, ни художественной изобретательности. Да и проблем с руководством музея было намного меньше, халтура, выполненная в рамках заказа, принималась, а вещи новаторские и сложные вызывали подозрения.

Долго и обстоятельно разрабатывает сюжет «Индийская делегация вручает Свердлову меморандум» (1957) Г. С. Мосин[18]. Малозначительный эпизод в бурной деятельности председателя ВЦИК кажется художнику живописно привлекательным. В это время Мосин учился в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина, и для него заказ на крупную историко-революционную картину для музейной экспозиции был несомненной удачей. Сохранившиеся в архиве письма художника руководству музея иллюстрируют процесс его работы над картиной. Отправляя директору форэскиз будущего полотна, художник отмечает:

> Форэскиз еще не эскиз, а только мысль эскиза и, безусловно, должен быть снабжен некоторыми комментариями… Я позволю себе кратко описать сюжет композиции, на котором я остановился в данный момент: зритель должен находиться в зале вместе с делегатами, а президиум, где развертывается действие, на втором плане, чтобы чувствовалось некоторое расстояние между ними, которое необходимо для более реальной трактовки события. <…> Все стоят, и в зале, и в президиуме аплодируют,

[18] Мосин Геннадий Сидорович (1930–1982) – живописец, график, художник-монументалист, скульптор. Заслуженный художник РСФСР (1981). Окончил Свердловское художественное училище (1951), затем Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1957).

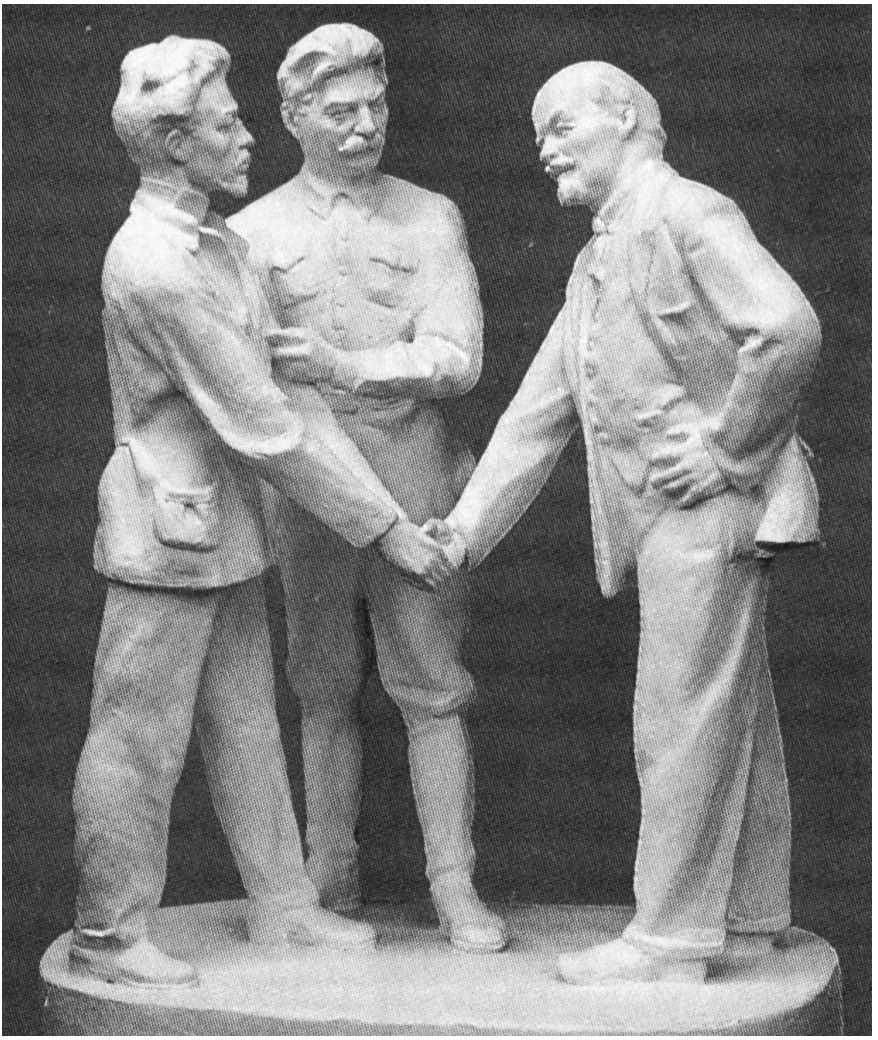
т. к. индийский делегат в этот момент передает послание Я. М. Свердлову. В президиуме В. И. Ленин, Калинин, Дзержинский и др. Справа от передающего воззвание – группа индийских делегатов. Зал должен бурно реагировать, т. к. это событие по описанию того времени было необычайно [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1. С. 4].

Из письма видно, что художнику важно передать эмоциональную атмосферу всей сцены, но при этом сама фигура Свердлова его мало интересует. На завершенном полотне председатель ВЦИК в форме защитного цвета, хоть и представлен в центре, не кажется значительной фигурой. Кумачовая скатерть, темно-красный ковер, белые одежды членов индийской делегации передают ощущение праздника, а выразительные фигуры на первом плане, представленные в различных ракурсах («бурно реагируют»), снижают официальную сухость мероприятия.

Живописная серия, основанная на фактах биографии Свердлова, будет пополняться в 1960–1980-е гг., пусть и не столь стремительно, как ранее. Появятся работы, написанные в яркой индивидуальной манере, но в «иконографии» Товарища Андрея никакой роли они уже не сыграют. При этом, обозначив все «иконографические» композиционные схемы, творцы (заказчики и художники) добились в плане мифологизации «вождя уральских рабочих» весьма скромных результатов. Большинство созданных картин оказались ограниченными документально-бытовой стилистикой; по крайней мере, так их воспринимал зритель. Заказчики, желавшие получить некую реконструкцию «реальной революционной жизни» (естественно, определенным образом идеализированную), не принимали приемы аллегории или символику, художественное обобщение или гротеск, без которых оказалось невозможно передать героическое напряжение, накал борьбы и торжество победы.

Задачу показать в лице Свердлова «пламя путеводной звезды», о которой, пусть и сумбурно, заявлял директор Клепинин, попытался решить лишь Эрнст Неизвестный[19]. По заказу музея он выполняет небольшую гипсовую скульптуру «Первая встреча» (1952), представляющую момент знакомства Свердлова и Ленина по инициативе Сталина (ил. 2). В подобном сюжете самодеятельность не допускалась; впрочем, начинающий скульптор вряд ли желал демонстрировать индивидуальное прочтение сцены и характеров персонажей. В скульптурной композиции все шаблонно и идеологически выверено: прямая фигура Свердлова, который (понимая всю торжественность момента) обеими рукам отвечает на рукопожатие вождя русской революции; лукавый Ильич с традиционным вежливо-предупредительным наклоном корпуса; иронично-доброжелательный Сталин, придержи-

[19] Неизвестный Эрнст Иосифович (род. 1925) – скульптор, график. Учился в Академии художеств в Риге (1946–1947), затем в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова (1947–1954). С 1977 г. живет в США.



2. Э. И. Неизвестный. Первая встреча. 1952. Гипс

E. I. Neizvestny. The first meeting. 1952. Plaster

вающий Товарища Андрея «за локоток». В оригинальной камерной работе есть ощущение тиражной парковой скульптуры с ее холодной безликостью.

Другое дело – выполненный тем же скульптором барельеф «Я. М. Свердлов призывает к вооруженному восстанию» (1953–1954, гипс), композиционная схема которого напоминает шедевр Франсуа Рюда «Марсельеза» (1833–1836) (ил. 3, 4). Страстный исступленный порыв крылатой богини победы, реющей над выступившими в поход добровольцами 1792 г., трансформировался у Неизвестного в экспрессивную фигуру «вожака уральских рабочих», вознесенную

3. Ф. Рюд. Выступление добровольцев в 1792 году (Марсельеза). 1833–1836. Триумфальная арка, Париж

F. Rude. La Marseillaise (The Departure of the Volunteers of 1792). 1833–1836. Arc de Triomphe, Paris

над борцами за народное дело, тоже визуально крылатую благодаря развевающемуся за спиной знамени. От Рюда – и многоплановость рельефа, и желание придать реалистическим образам декоративную ритмику. Подробно проработанные фигуры молотобойца, рабочего с винтовкой, крестьянина с серпом и подростка с сучковатым ство-

4. Э. И. Неизвестный. Я. М. Свердлов призывает к вооруженному восстанию. 1953–1954. Гипс

E. I. Neizvestny. Ya. M. Sverdlov Calls for an Armed Uprising. 1953–1954. Plaster

лом-древком знамени выстраиваются в динамично-плакатную композицию. Есть здесь и толика революционной романтики в духе работ И. Д. Шадра. Эта далеко не лучшая работа скульптора демонстрирует альтернативную мифологию Товарища Андрея, основанную на аллегорическом языке и выразительной символике образа вождя.

Однако провинциальные чиновники-заказчики, опасаясь неконтролируемого подтекста, пренебрегали таким подходом к мифотворчеству.

«Пламя путеводной звезды…»: без правды и без мифа

Коллекция картин, посвященных Я. М. Свердлову, – своеобразный коллективный продукт художников и чиновников, результат процесса создания «иконографии местночтимого вождя». Отсюда однородность и усредненность художественного качества работ, несмотря на разную степень даровитости авторов, и ограниченность агитационными задачами в рамках соцреалистической эстетики. Ведь «не властью и не массой рождена была ситуация соцреализма, но властью-массой как единым демиургом. Их единым творческим порывом рождено было новое искусство. Соцреалистическая эстетика – продукт и власти, и масс в равной мере. Она была рождена одновременно эстетическим горизонтом и требованиями масс; имманентной логикой революционной культуры; заинтересованностью власти в консервации массовых вкусов…» [Добренко, с 108–109].

Заказчик был в равной мере и представителем власти (на местах), и представителем масс (по вкусам и культурным предпочтениям). Он выстраивал иконографию Свердлова по определенным уже опробованным образцам и композиционным схемам (на примере картин с Лениным и Сталиным), вписывая «вожака уральских рабочих» в отведенные для него рамки. «Иконографии» Ленина и Сталина начинали складываться благодаря деятельности разнообразных творцов, получивших от власти своеобразный кредит доверия и предлагавших свое прочтение образа. Тут важную роль играл первоначальный эмоциональный настрой художника, его понимание образа и индивидуальный творческий поиск, что не мешало партийным чиновникам корректировать процесс, отбирая хрестоматийные образцы и тиражируя их. Вокруг «избранного» формировался корпус «неканонических» произведений, малоизвестный обывателю, но ценный для творчески активных мастеров. Серьезную роль в складывании «иконографии вождя» играли общественное мнение и всевозможный фольклор, определявшие «живое начало» и романтический ореол.

В 1940-х – начале 1950-х гг. о кредите доверия не могло быть и речи, сухие подробные инструкции и проверки авторитетных комиссий заменяли творческие поиски живописцев. Не могли художники ориентироваться и на фольклор о «вожаке уральских рабочих» за неимением такового. Последнее обстоятельство, кстати, смущало вдову пламенного революционера, и на одном из заседаний ученого совета она предложила обратиться к П. П. Бажову с просьбой написать сказ о жизни подпольщика:

> Следовало бы нам, Ученому Совету, попросить тов. Бажова, чтобы он написал сказы. <…> Я не писатель, но чувствую, что выйдут замечательные

> сказы, и нужно было бы нам тов. Бажова всячески на это дело настроить, не отходя от него, не терять времени. <…> Бажов может создавать такие сказы, которыми будет зачитываться не Свердловск и Свердловская область, а весь Советский Союз [Архив МИЕ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 12].

Однако Бажов, явно не желая, чтобы его «настраивали», ответил отказом, сославшись на сложность подобного заказа: «Одно дело написать сказы о Тараканьем мыле, и другое дело – о Свердлове» [Там же, л. 42].

Выскажем предположение, что Свердлов оказался для Урала личностью чужеродной, и все усилия официальной пропаганды по «раскручиванию» его свершений и заслуг не сделали Товарища Андрея любимым и близким для обывателя. Зритель воспринимал образ Свердлова как «дополнительный»: на митингах или на партийных заседаниях он всегда оставался лишь доверенным лицом Ленина-Сталина, верным учеником (пусть и самым лучшим), неутомимым «адъютантом-секретарем» (пусть и посвященным во все дела). Плакатная фигура «вожака рабочих» была лишена обаяния и жизненной убедительности, и дело не улучшали многочисленные скучные свидетельства соратников, бытовые подробности и документальные материалы. Ничего сверхординарного, таинственного или захватывающе привлекательного не видит зритель на полотнах, изображающих Свердлова, запечатленного в разных позах и ситуациях, но с одним и тем же отрешенно-равнодушным выражением лица. Уральские художники, понимавшие воздействие визуального языка на зрительские массы, возможно, пытались придать его образу большую выразительность и монументальность, хотели уйти от бытовой повседневности к эффектной аллегории, к красочному мифу о пламенном революционере. Но для руководства музея, старых большевиков и сотрудников института истории ВКП(б) нужна была лишь точная иллюстрация выверенного текста, без художественной многозначительности, без субъективной эмоциональности. Меньше всего заказчикам нужен был миф о Свердлове (как, впрочем, о любом большевистском вожде), ибо, выйдя за рамки иллюстративно-плакатной продукции, миф этот становился неуправляемым и мог свободно варьироваться, а то и трансформироваться, порождая в безднах народного сознания опасные ассоциации[20].

---

[20] Интерес вызывают лишь курьезные моменты и грубые ошибки. Так, на картине Д. Кобозеева «Совет Народных Комиссаров за обсуждением в 1920 г. проекта создания Уральского университета» Я. М. Свердлов изображен в компании В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского и В. Д. Бонч-Бруевича. Заказчики (руководство Уральского политехнического института) и художник не учли, что умерший в 1919 г. Товарищ Андрей никак не мог присутствовать на подобном заседании. Историк К. Д. Бугров считает, что в картине представлена попытка институтского истеблишмента увязать историю создания Уральского госуниверситета не только с Лениным, но и с локальным эпонимом – Свердловым, в честь которого был переименован город. А учитывая, что картина была написана в 1980 г., можно предположить, что чиновники эпохи застоя уже смутно представляли себе жизненные вехи «вожака уральских рабочих». Анекдотическое несоответствие исторической правде не мешает картине украшать вестибюль центрального корпуса УрФУ.

* * *

Известная картина Г. Мосина и М. Брусиловского «1918 год» (1964) вызвала гнев местной партийной элиты по той причине, что соавторы, работая над заказным полотном, демонстративно пренебрегали любыми указаниями «сверху», отвергали «консультантов» и желали высказать не общепринятую точку зрения, а личное мнение о «вожде великой революции». В группе ленинских соратников на этой картине резко выделяется Свердлов, стоящий по стойке смирно и своей ледяной (вспомним мнение А. В. Луначарского) сущностью оттеняющий образ неистового Ильича. Его знаменитая кожаная тужурка приобретает стальной блеск и граненые формы, но есть в его фигуре траурная печаль и отрешенность фаталиста. Можно сказать, что здесь образ «вожака уральских рабочих» наконец-то обрел монументальную силу и психологическую выразительность. Но время актуальности мифа о великом революционере уже ушло.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Научная разработка картины «Первое выступление Я. М. Свердлова среди рабочих Екатеринбурга в сентябре 1905 года»

1. Собрание проходило в лесу за ж. д., т. е. за станцией между УЗТМ и ВИЗ.

2. На собрании присутствовало 480 чел. Рабочих ВИЗа, з. Ятес, Макаровский фабрики, Гранильной фабрики.

3. Были расставлены посты: один пост в сторону ж. д. станции, второй пост в сторону ВИЗ и третий пост в сторону северо-запада.

4. <…>.

5. На собрании присутствовали: Клавдия Тимофеевна Свердлова, сестры Митюнины и др.

6. Размер картины: 2 Х 1,5 м.

7. Место где было собрание, небольшой возвышенности.

8. В картине показать поляну, которая обозначала круг среди соснового леса, круг поляны 70 м в диаметре.

9. <…>.

10. <…>.

11. В картине изобразить, что на средине поляны лежала каменная глыба – валун.

12. Изобразить, что на поляне были, хотя редко березовые кусты, валежины дерева, сломыши дерева.

13. Изобразить Я. М. Свердлова стоящего на глыбе лицом на восток, с вытянутой вперед правой рукой, в левой руке держит фуражку.

14. Фигуру Я. М. Свердлова изобразить 20 годов.

15. Присутствующих на собрании показать в виде замкнутого кольца круг Свердлова, это в то время означало обезопасить Я. М. Свердлова от неожиданных налетов жандармов, но больше показать массы с восточной стороны.

16. Показать массу с запада, юга и севера на ногах, с востока разнообразно, ближние к Свердлову в сидящем виде, а задние на ногах.

17. В картине показать рядом со Свердловым т. Черепанова державшего Красное Знамя. Знамя небольшого размера, неподалеку Свердлова актив: Сыромолотов, Батурин, Глухих, Клавдия Тимофеевна, Ермаков П. З. и 2–3 чел. незнакомых лиц.

18. <…>.

19. В картине показать ясный осенний день, полдень [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 2].

Приложение 2

Научная разработка картины
«Выступление Я. М. Свердлова в Реже 1905 год»

1. Размер картины 1,8 Х 1,2 м.

2. На собрании на котором присутствовало около 2000 чел.

3. В картине показать выступление Я. М. Свердлова держа в правой руке фуражку.

4. Я. М. Свердлов обращен лицом на юго-восток, перед ним вся масса.

5. Показать в картине, что Свердлов выступает с крыльца заводской конторы, высота крыльца от земли 1 метр. Я. М. Свердлов стоит между двух колонн, а всего четыре колонны, здание одноэтажное.

6. В правую сторону от Я. М. Свердлова улица и дома, в левую сторону заводская ограда, плотина и пруд.

7. Показать в картине домну старого образца, плотину и пруд.

8. С правой стороны показать лавки, крестьян у телег приехавших на рынок.

9. Показать в картине через улицу 2-х этажный дом заводчика.

10. Показать в картине, что около Я. М. Свердлова стоит актив – боевая дружина, которая стеснила жандармов, не дала арестовать Свердлова, в особенности показать жандармов, растерянных в количестве 8 человек. Показать старичка около Свердлова Барахнина Я., который после собрания свез Я. М. Свердлова в коробе с навозом.

11. День осенний, ясный [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 3].

Приложение 3

Научная разработка картины «Первое выступление Я. М. Свердлова по приезде на Урал в 1905 г. В лесу между Уралмашем и ВИЗом»

1. <…>.

2. Показать в картине основной кадр рабочих, основных предприятий Екатеринбурга, завод ВИЗ, гранильная фабрика, завод Ятес, Макаровская фабрика.

3. Показать художественно, на подпольном собрании присутствует около 200 человек.

4. Расположение масс: примерно: форма удлиненного замкнутого круга.

5. …Написать Я. М. Свердлова, стоящего на возвышенности, лицом на восток, излагающего речь с приподнятой правой рукой, как клич, державшего в присогнутой руке фуражку. В осеннем пальто, черная косоворотка, рубашка, сапоги, в возрасте 20 лет.

6. Около самого Свердлова показать актив – Сыромолотов, Батурина, Вилонова, Черепанова, Авейде, Клавдию Тимофеевну как бы небольшой, во второй замыкающий круг, это в то время делалось для защиты от нападения жандармов.

7. В средине этого круга показать т. Черепанова с красным флагом, это было впервые (этот красный флаг хранился в музее, но от халатного хранения при директоре Киселеве флаг был потерян).

8. Показать теплый осенний день, 10 час. утра /сентябрь/.

9. Округом сосновый лес, вдали виднеются Уральские горы.

10. Собрание охраняли с четырех сторон, из охраны Матюнина Екатерина [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 4].

Приложение 4

Научная разработка картины «Заседание Комитета РСДРП руководимого Я. М. Свердловым осенью 1905 года»

…Приезд Я. М. Свердлова 1905 г. осенью на Урал в г. Екатеринбург, – это был не простой приезд Я. М. Свердлова, работая на Урале как представитель Ленинской партии, с определенными заданиями, с партийным поручением ЦК. <…>.

Задача художника живописью показать глубину содержания картины, как исторического партийного факта, выражающего серьезность обсуждаемого вопроса на Комитете, весь центр внимания сосредоточен на выступлении Я. М. Свердлова и Комитете, показать Я. М. в центре собрания за столом выступающим. Образ его соответствовал с тем временем, т. е. к 20 годам его возраста. Показать его форму одежды, без головного убора, в черной рубахе с косым воротом, в костюме, сапоги, пенсне, его пальто – черное с плюшевым воротником висит на стене.

Показать членов комитета: Клавдия Тимофеевна, Авейде, Сыромолотов, Вилонов, Черепанов, Батурин и другие человек 9 не больше. <…>.

Заседание проходит ночью, при свете керосинной лампы со стеклом, стоящей на столе [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 5–6].

Приложение 5

Научная разработка картины «Заседание комитета РСДРП в квартире Клавдии Тимофеевны Новгородцевой-Свердловой 1905 г.»

1. <…>.

2. В картине показать присутствующих на подпольном заседании комитета 13 человек: Я. М. Свердлова, Клавдию Тимофеевну Новгородцеву, Авейде,

Сыромолотова, Черепанова, Батурина, Вилонова, шесть человек отвлеченных, рабочих и служащих.

3. Показать всех раздевших /снявших пальто/.

4. Присутствующих на заседании комитета РСДРП разместить следующим порядком:

5. а) за круглым столом в средине Я. М. Свердлов, по правую сторону его любимец – активный член партии Черепанов, в ряд с Черепановым Авейде, в ряд с Авейде Клавдия Тимофеевна – это неразрывные подруги. <…>. По левую сторону Я. М. Свердлова Сыромолотова, Батурина, Вилонова и трех отвлеченных фигур. Со стороны Я. М. Свердлова показать три простых стула, по ту и другую стороны стола длинные скамьи и против Свердлова 3 стула.

6. Движение и внимание присутствующих: Я. М. Свердлов стоя /темперамент его; он не любил сидеть во время выступления/ излагает доклад, левой рукой уперши на стол, а в правой приподнятой руке карандаш, лицо его и жест руки художественно показать серьезность момента в изложении доклада. Свердлова /в пенсне, на нем пиджак /мелкая полоска на пиджаке/ черная косоворотка, гимназический пояс. Перед Я. М. Свердловым лист исписанной бумаги. Я. М. Свердлова изобразить применительно к 20 годам его возраста. Черепанова изобразить за работой писания решения заседания. Авейде серьезно смотрит на Свердлова и с большой внимательностью слушает. Клавдия, упершись одной рукой в стол, повернув лицо в сторону присутствующих, выражает этим жестом серьезность выступления Свердлова. Сыромолотова показать с раскрытой книгой, указывающим пальцем на строку, повернув лицо к Свердлову, как бы этим самым выражающим восхищение глубокой политической мысли марксистско-ленинской теории в выступлении Я. М. Свердлова. <…>.

7. Обстановка комнаты: гардероб, койка, зеркало, круглый стол, 6 стульев, 2 скамейки, шторы на окнах, на 2-х дверях драпировки, комната обита обоем, на полу дорожка [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 7–8].

Приложение 6

Научная разработка картины «Выступление Я. М. Свердлова в ноябре 1905 года в городском театре (сейчас кино “Октябрь”)»

1. Показать в картине, что большевики от подпольных узких собраний, митингов, которые до этого проводились в глухих местах, в лесу, на островах Верх-Исетского пруда, Марьина роща, Каменные палатки и т. д. переходят к открытым массовым собраниям и митингам. <…>.

2. На митинге показать полный зал народа и народ показать разный и в разном с перевесом рабочих.

3. <…>.

4. Я. М. Свердлова показать 20-ти летним: выступающий на митинге, стоящий у правого конца стола, с расположением рук к жестикуляции, Я. М. Свердлова показать в полосатом пиджаке, без фуражки, рубашка косоворотка, черная, пояс ремень, в сапогах.

5. Около Свердлова разместить актив: Батурин, Вилонов, Клавдия Тимофеевна, Авейде, Ермаков, Порошин, Кляр, Митюнина.

6. Внутренний вид и обстановку театра взять того периода [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 9].

Приложение 7

Научная разработка картины «Подпольное собрание в лесу около Сысерти 1905 г., на котором выступает и проводит Я. М. Свердлов»

1. Показать работу большевиков в лице Я. И. Свердлова не только в центре Урала в Екатеринбурге, но и на периферии.

2. Показать, как большевики начинали и проводили политическую работу по просвещению масс, как давали политическое воспитание в духе марксизма-ленинизма.

3. Показать метод работы большевиков с массами с начала подпольные собрания, уходили в леса, овраги и т. п.

4. Показать пламя путеводной звезды в то время на Урале в лице Я. М. Свердлова, как несгибаемого ленинца не щадя своей жизни для блага революции.

5. Собрание проходило в 2-х километрах от Сысерти в лесу у пруда, в ямах у двух больших камней, название камней Сивко-Бурко.

6. Показать два валуна камня в ямах, круг камней сначала мелкий сосновый лес, а за ним толстый сосновый лес с юга лес проваливается в пруд.

7. На собрании присутствовали рабочие в количестве пятидесяти человек.

8. Размещение присутствующих у камня Я. М. Свердлов, лицом на восток, без фуражки, фуражка в левой руке, правая рука вытянута призывающая пролетариат к борьбе, на нем пиджак, черная рубаха, косоворотка, брюки полугалифэ, сапоги…

9. Показать в лесу четырех часовых охраняющих собрание.

10. Время – весна 10–11 часов дня, день ясный /май/ [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 10].

Приложение 8

Научная разработка картины «Митинг боевой дружины»

1. Показать, что это первая революционнее вооруженная сила большевиков Урала, созданная соратником Ленина-Сталина Я. М. Свердловым в 1905 г. <…>.

2. Показать генеральские дачи в этом березовом леву, кругом расположились дружинники. Масса разная, преимущественно рабочие, но и служащие, гимназисты, с бородами мужики.

3. Я. М. Свердлова показать на небольшой возвышенности /ящик/ около толстой березы, около Я. М. Свердлова актив: Ермаков, Порошин, Барахнин, Черепанов, Вилонов, Батурин, Клавдия Тимофеевна, Авейде, Митюнины. Рядом со Свердловым поместить комиссара Сыромолотова. По левую сторону Свердлова в метрах пяти от старик-дружинник держит красный флаг.

4. Время – начало ноября, лист обвалился, снега не было, день ясный, полдень.

5. Показать далеко на фоне лес.

6. Показать 2–3 дачных домика.

7. Я. М. Свердлов в осеннем пальто, в руках шляпа, момент выступления Свердлова с вытянутой к верху рукой, а массу показать в момент приветствия Свердлова, кто высоко бросил шапку, фуражку, кто поднял руки.

8. Показать отряды санитаров женщин в кругу.

9. Местах пяти показать патрулей.

10. Так как это недалеко от ж. д. в лесу показать идущий поезд, дым его и пар.

11. Около собравшихся на митинг показать ребят в возрасте 10–15 лет и 2–3 женщин в годах на руках о ребятами издали любуются собравшимися [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 11].

Приложение 9

Научная разработка картины «Подпольная партийная школа агитаторов, пропагандистов большевиков, организованная Я. М. Свердловым в 1905 г. Октябрь»

1. Показать, что впервые на Урале в истории партии большевиков в лице Я. М. Свердлова организовали партийную учебу. <…>.

2. Показать, что преподавателями занятия партийной школы были Я. М. Свердлов и Батурин. <…>.

3. Разместить людей в картине так: Свердлов на ногах за столом излагает лекцию. Он в пиджаке и черной рубашке. Перед ним исписанная бумага, левой рукой оперся на стол, жестикулируя правой рукой, подчеркивающей главные моменты в его изложении.

4. На скамейках, на табуретах показать Клавдию Тимофеевну, Авейде, Сыромолотова, Батурина, Ермакова, у печки за малым столом, на котором лежат книги…

5. На сидениях изобразить слушателей преимущественно рабочих, один-два гимназиста, человек 30–35.

6. Обстановка комнаты все та же, т. е.: стол на подмостках, на нем керосиновая лампа и свеча в бутыли, стул за столом 3 табурета, сидения из досок, положенных на бакланы, небольшой стол у печки, печь голландская, дверь, 3 окна занавешены, впереди на красном материале лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», портрет Карла Маркса в простенке, занятия происходят ночью [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 12].

Приложение 10

Научная разработка картины «Ленин, Сталин и Свердлов»

1. Это первое народное, советское правительство в борьбе истории человечества.

2. Художественно выразить беседу товарищеского разговора в содружестве трех вождей революции по укреплению нашего многонационального государства и по укреплению большевистской партии.

3. Поместить В. И. Ленина в середине, у стола, сидящего в кресле, со слегка повороченной головой в сторону И. В. Сталина. И. В. Сталина показать в сидячем виде в кресле по левую сторону В. И. Ленина с выражением лица, излагающего свою серьезную мысль. Я. М. Свердлова показать в картине по правую сторону В. И. Ленина, сидящего в кресле, профилем к тов. Сталину с выраженным лицом внимательного выслушивания т. Сталина.

4. Сходство лиц применительно к тому времени.

5. Одежда согласно данных о том времени.

6. Кабинет и всю обстановку в нем взять то, что сейчас есть в Музее В. И. Ленина.

7. Размер картин: 2 Х 1,8 м.

8. Рамки: багет шириной 15 см [Архив МИЕ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 13–14].

Список литературы

Агитация за счастье : Советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф ; Бремен : Интерартекс-Эдицион Теммен, 1994. 320 с.

Архив Музея истории Екатеринбурга (МИЕ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1, 2, 6, 9, 11.

Беньямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. М. : Ad Marginem, 1997. 224 с.

Голомшток И. Тоталитарное искусство. М. : Галарт, 1994. 296 с.

Дёготь Е. Советское искусство между авангардом и соцреализмом : 1927–1932 // Наше наследие. 2010. № 93–94. С. 134–147.

Добренко Е. Формовка советского читателя : Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академич. проект, 1997. 321 с.

Иогансон Б. Первые тридцать лет Московского союза художников (1932–1962) : Мифы, реальность, парадоксы // Искусствознание. 2012. № 3–4. С. 537–563.

Манин В.С. Искусство в резервации : Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 264 с.

Плампер Я. Алхимия власти : Культ Сталина в изобразительном искусстве / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Новое лит. обозрение. 2010. 496 с.

Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 1985. 400 с.

Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты : Политические портреты / под общ. ред. В. В. Журавлева, В. Т. Логинова, А. П. Ненарокова. М. : Политиздат, 1991. 463 с.

Сталин И. В. О Я. М. Свердлове // Пролетарская революция. 1924. № 11. С. 107–108.

Турчин В.С. Образ двадцатого… М. : Прогресс-Традиция, 2003. 648 с.

Хрущев Н.С. Мемуары // Вопр. истории. 1992. № 1. С. 59.

Художественная жизнь Советской России. 1917–1932 : сб. материалов и документов. М. : Галарт, 2010. 420 с.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 56. Д. 1013.

Чесноков Н. Г. Претворенная в жизнь мечта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 316 с.

References

Agitatsiya za schast'e : Sovetskoe iskusstvo stalinskoy epokhi [Propaganda of Happiness. The Soviet Art of the Stalin Era]. (1994). 320 p. Dusseldorf–Bremen, Interarteks-Editsion Temmen.

Arkhiv Muzeya istorii Ekaterinburga [The Archive of the Yekaterinburg History Museum]. Stock 1. List 2. Dossier 1, 2, 6, 9, 11.

Ben′yamin, V. & Romashko, S. (Transl.). (1997). *Moskovsky dnevnik* [Moscow Diary]. 224 p. Moscow, Ad Marginem.

Golomshtok, I. (1994). *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian Art]. 296 p. Moscow, Galart,

Degot′, E. (2010). *Sovetskoe iskusstvo mezhdu avangardom i sotsrealizmom. 1927–1932* [Soviet Art between the Avant-Garde and Socialist Realism. 1927–1932]. In Nashe Nasledie, 93–94, pp. 134–147.

Dobrenko, E. (1997). *Formovka sovetskogo chitatelya: Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury* [The Formation of the Soviet Reader: The Social and Aesthetic Prerequisites of Soviet Literature Perception]. 321 p. Sankt Petersburg, Akademichesky proekt.

Ioganson, B. (2012). *Pervye tridtsat' let Moskovskogo soyuza khudozhnikov (1932–1962) : Mify, real'nost', paradoksy* [The First 30 Years of the Moscow Artists Union (1932–1962). Myths, Reality, Paradoxes]. In *Iskusstvoznanie, 3–4,* pp. 537–563.

Manin, V. S. (1999). *Iskusstvo v rezervatsii: Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1917–1941 gg.* [Art in a Reservation: Russia's Artistic Life between 1917 and 1941]. 264 p. Moscow, Editorial URSS.

Plamper, Ya. & Edel′man, N. (Transl.). (2010). *Alkhimiya vlasti: Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [The Alchemy of Power: Stalin's Cult of Personality in Fine Arts]. 496 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Sverdlova, K. T. (1985). *Yakov Mikhaylovich Sverdlov* [Yakov Mikhailovich Sverdlov]. (4th ed.). 400 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Lunacharsky, A., Radek, K. & Trotsky, L. (1991). *Siluety: Politicheskie portrety* [Silhouettes: Political Portraits]. 463 p. Moscow, Politizdat.

Stalin, I. V. (1924). *O Ya. M. Sverdlove* [About Ya. M. Sverdlov]. In *Proletarskaya revolyutsiya, 11,* pp. 107–108.

Turchin, V. S. (2003). *Obraz dvadtsatogo…* [The Image of the 20th…]. 648 p. Moscow, Progress-Traditsiya.

Khrushchev, N. S. (1992). *Memuary* [Memoirs]. In *Voprosy istorii, 1,* p. 59.

Khudozhestvennaya zhizn' Sovetskoy Rossii. 1917–1932 : Sbornik materialov i dokumentov [The Artistic Life of Soviet Russia. 1917–1932 : A Collection of Materials and Documents]. (2010). 420 p. Moscow, Galart.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsy Sverdlovskoy oblasti [The Documentation Centre of the Social Institutions of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 56. Dossier 1013.

Chesnokov, N. G. (2000). *Pretvorennaya v zhizn' mechta* [A Dream Come True]. 316 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo Ural′skogo universiteta.

The article was submitted on 15.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.159
УДК 791-21(470)+791.233:316.74

ASPIRATIONS OF HOME IN POST-SOVIET RUSSIA: DOMESTIC SPACES AND NATIONAL RESONANCES IN ANDREY ZVYAGINTSEV'S *ELENA**

Andrew McGregor
Robert Lagerberg
School of Languages and Linguistics,
University of Melbourne,
Australia

This article analyses the role of domestic living space and its connection with identity in the Russian feature film *Elena* (Andrey Zvyagintsev, 2011), winner of the Grand Jury Prize at the 2011 Cannes Film Festival. The film uses a spatially symmetrical structure based on two separate apartments frequented by the film's eponymous heroine, both of which represent distinct socio-economic and historical aspects of Soviet and Post-Soviet life. The first is Elena's husband's large, modern, upmarket and centrally located apartment that is as cold, tomb-like and indeed lifeless as it is chic. The second is her son's older, tiny, squalid relic of the Soviet past situated on the periphery, with its claustrophobic walls providing a sense of human contact and warmth, despite its toxic air of decadence, indolence and violence. As in the earlier Russian film *Little Vera* (Vasili Pichul, 1988), it will be argued that in *Elena*, identity is inextricably linked with physical living space in a specifically Russian context. *Elena* is an ironic ode to the apartment, both Soviet and modern. Drawing on Marc Augé's theory of the *non-place*, it will be argued that the universal aspiration to live in comfort, while human and understandable, is shown, in the post-Soviet landscape depicted by Zvyagintsev's powerful film, to result in a form of living death.

Keywords: (Post-)Soviet Russia; National Identity; Domestic Space; *Elena*; Andrey Zvyagintsev; Non-places; Marc Augé.

В статье анализируется роль домашнего пространства и его связь с идентичностью персонажей в российском игровом фильме «Елена» (режиссер Андрей Звягинцев, 2011), получившем специальный приз

* *Citation*: McGregor, A., Lagerberg, R. (2016). Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 80–94. DOI 10.15826/qr.2016.2.159.

Цитирование: McGregor A., Lagerberg R. 1968: Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena* // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 80–94. DOI 10.15826/qr.2016.2.159.

© McGregor A., Lagerberg R., 2016

жюри программы «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля в 2011 г. Действие фильма происходит в двух симметричных пространствах – квартирах, в которых бывает героиня фильма. Оба пространства представляют разные социально-экономические и исторические аспекты советской и постсоветской жизни. Первое – большая дорогостоящая современная квартира мужа Елены, расположенная в центре города: эта квартира холодна, подобно склепу, и безжизненна в своей изысканности. Второе пространство – квартира сына Елены – крохотное убогое жилище времен советского прошлого, расположенное вдалеке от центра города, тесное, но дающее почувствовать близость и человеческое тепло, несмотря на спертую атмосферу упадка, праздности и насилия. Подобно тому, как это происходит в фильме «Маленькая Вера» (режиссер Василий Пичул, 1988), идентичность персонажей в «Елене» неразрывно связана с физическим пространством, в котором они живут, в специфическом русском контексте. «Елена» – ироническая ода квартире, как советской, так и современной. Обращаясь к теории «ничейного пространства» Марка Оже, авторы пытаются доказать, что универсальное стремление к комфортной жизни, общечеловеческое и понятное, в постсоветском пространстве впечатляющего фильма А. Звягинцева изображено как смерть при жизни.

Ключевые слова: постсоветская Россия; национальная идентичность; пространство дома; «Елена»; Андрей Звягинцев; «ничейное пространство»; Марк Оже.

The aim of this article is to examine the role of domestic spaces – essentially two apartments – in the Russian feature film *Elena* (Andrey Zvyagintsev, 2011), in particular their role in the ironic subversion of the messages implied in the film's surface structure. In this way the approach and findings of the present article resemble to some degree those of a previous paper [Lagerberg, McGregor] in which the apartment in the film *Little Vera* (Vasili Pichul, 1988) was shown to be both central to the film, as well as an ironic device used to undermine the more positive images of (apartment) living spaces in Soviet/Russian cinema. To the extent that the Soviet-era apartment (*квартира*) is such a fundamental and recognisable part of modern Russian culture, and its role so much to the forefront in the above-mentioned films, any discussion of it is *ipso facto* concerned with wider notions of Russian identity and nationality, which will also be discussed below in their turn.

Elena was screened in Competition at the 2011 Cannes International Film Festival, where it was awarded the prestigious Grand Jury Prize. The film was met with generally good critical acclaim at the Festival and in the media upon its release later that year.[1] While a taut screenplay, good acting, intelligent cinematography and the music of Philip Glass accounted for much of that positive appraisal, the film also operates at a more complex level: ostensibly

[1] See, for example, the review in *The Guardian* newspaper: [Bradshaw]; or the "four star" ratings on the television show: [At the Movies].

a film whose main storyline involves one family's upwardly-mobile move from a shabby, Soviet-era flat to a chic and spacious city apartment through the deadly machinations of the central and eponymous protagonist, Elena. This rather "idealistic" surface plot is, as we shall argue, negated by an implicit and subtle irony involving the two main living spaces of the film.

A theoretical approach which is particularly well suited to an analysis of cultural concepts connected with (domestic) spaces in the modern context is Marc Augé's theory of *non-places*, as developed in his seminal work *Non-Places: An Introduction to Supermodernity* [Augé][2]. This paper will, therefore, examine *Elena* in the light of Augé's work, in particular the extent to which his theory of *non-places* may, in certain instances in this supermodern globalised world, be as applicable to the domestic space as it is to the increasingly ubiquitous public spaces of airports, hotels, shopping centres and other typical *non-places*. While the home may be defined as private and personal, as opposed to public and impersonal, it will be argued here that the domestic space, far from being a comforting and reassuring destination in itself, can be read as liminal [Thomassen, p. 322], as transitory, as a space "in-between" a departure from an apparently undesirable past situation or location and a perceived – and indeed illusory – arrival at a point of socially aspirational self-realisation.

Augé defines *place* as "relational, historical and concerned with identity". It stands to reason, therefore, that he should define *non-place* as "a space which cannot be defined as relational, or historical, or concerned with identity" [Augé, p. 63]. Augé hastens to point out, however, that the distinction between *place* and *non-place* is not to be imagined as a mutually exclusive binary opposition: "[The non-place] never exists in pure form; places reconstitute themselves in it; relations are restored and resumed in it… Place and non-place are rather like opposed polarities: the first is never completely erased, the second never totally completed; they are like palimpsests on which the scrambled game of identity and relations is ceaselessly written" [Augé, p. 64].

Indeed, as it shall be argued in this article in relation to the domestic space: "The possibility of *non-place* is never absent from any place" [Augé, p. 86]. The focus of this article is, then, on the peculiarly Russian evocation of what we shall argue are the *non-places* inhabited by the characters in two living spaces in the film *Elena*, and, therefore, we attempt a reinterpretation of the film as a somewhat pessimistic, sombre appraisal of modern Russian life and its Soviet roots, as well as a comment on the age-old debate which has focussed on Russia's identity and place in the world. At the heart of the argument is the fact that these two *non-places* are central to the identity and the motivations of the main characters and, indeed, account for the entire structure of the film and the vast majority of the scenes in it.

[2] Augé's work was originally published in French in 1992 by Seuil under the title *Non-Lieux, Introduction à une anthropologie de la surmodernité,* which was subsequently translated into English and published in 1995 by Verso under the title *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Reference in this article is made to the second edition of the English translation, which was published in 2008 by Verso.

Non-place 1: the modern apartment

Both the plot and locational structure of *Elena* are strikingly symmetrical as each of them is determined by the two living spaces (the apartments) which bind Elena (who is herself the central link in both plot and location) psychologically and physically. The two apartments establish and develop the central theme of the film, namely the question of Russia's past and future identity (with the present an apparently perpetual liminal space of its own), the old and new, Soviet and Post-Soviet. The depiction of two apartments from different historical periods is representative of the linear progression of Russian history, yet, at the same time, this progression is caught in the particular Bakhtinian "time-space warp" of the film, Soviet and modern, as it were, juxtaposed both temporally and physically. The force of this is to open up the age-old debate about Russia's identity, going back to Petr Chaadaev's *Philosophical Letter* of 1836 in which he berated Russia's lack of

1. Elena's husband's apartment. Still from *Elena.* A. Zvyagintsev. 2011

national history and dignity, imbuing it with a new sense of post-colonial disconnectedness: "We do not belong to any of the great families of the human race; we are neither of the West nor of the East, and we have not the traditions of either. Placed, as it were, outside of time, we have not been touched by the universal education of the human race" [Chaadaev, p. 162]. Both the atmosphere of the Soviet-era apartment and the displaced "universality" of the modern apartment show two aspects of *non-place* respectively, *non-place* as physically alienating living-space and *non-place* as aesthetically alienating living-space (Fig. 1). As Clowes puts it with reference to Chaadaev, "[C]haadaev's words eerily anticipate Julia Kristeva's image of the postcolonial condition when he asserted, 'we Russians' are 'strangers to ourselves'" [Chaadaev, p. 164; Clowes, p. 11]. Although, of course, Russia was not literally colonised, the Soviet era represents a period of cultural colonisation, with the post-Soviet period its post-colonial equivalent. The film explores contemporary identity by using the embodiment of the past

(the older apartment) within the present time-space. As Augé observes, "individual and collective identity is always constructed in relation to and in negotiation with otherness", the latter here represented by the older apartment [Augé, p. 9].

The film opens (and closes – there will be more on this framing technique below) with a striking and lengthy shot of Vladimir's modern apartment as it awakens at dawn through the branches of a leafless tree and the rather sinister cawing of a crow. The living space – both this particular apartment as well as the motif of living space – thus appears as the central element from the very outset. The location for the setting is unknown. The apartment could be located in any city in Russia, and indeed the world. No human voice is heard for several minutes, even when the camera enters the apartment; language is absent. Indeed, there is no explicit mention during the entire film about its actual location, i. e. either what town or country it is set in. This universal quality of the apartment is also important. Its international appeal and amenity make it all the more characteristic of a *non-place*, and indeed we find ourselves "in a world where there is no longer an elsewhere" [Augé, p. 22]. We are not in some culturally specific Russian space in this apartment, making it all the more appealing for Elena's family seeking to escape the confines of their cramped and typically (culturally specific) Soviet apartment, and, at the same time, seeking to escape their and the nation's past.

As the camera moves from exterior to interior, the people who inhabit the apartment, Elena and her husband Vladimir, almost take second stage to the spacious apartment itself through which the camera is free to move and linger as it chooses. The series of long shots that serve to showcase the modern apartment, much like a feature article in the pages of *Vogue Living* magazine, resemble a *still-life* – aesthetically beautiful and yet seemingly impossible to live in, highlighted by the absence of any dialogue initially and the sense of the characters being almost strangers to themselves and their environment. The way the apartment is shot reflects "the spatial overabundance of the present" , with the *non-places* of Augé's *supermodern* world characteristically large in scale, dwarfing the human subject, and ensuring that "the dominant aesthetic is that of the cinematic longshot" [Augé, p. 13, 28]. This is the postscript to Soviet culture then, a curiously vapid yet comfortable world, where everything appears to be in place, but lacking any defining sense of realness.

At the film's opening we see the early morning routine of Elena and her husband Vladimir who, as we shall learn later, has been married before. Even without this knowledge, however, the strained, formal and artificial character of their marriage is apparent. All this is played out in the large, spacious, modern apartment that the wealthy Vladimir has acquired through his business interests. Elena's son Sergei, his wife Tatiana and their son Alexander meanwhile live in a shabby, Soviet-era apartment in a remote suburb to which Elena must travel at length on public transport. Sergei is desperate for Elena to get hold of a considerable sum of money to pay for

his son to enter a private college so that he can avoid military conscription. Subsequently, Elena's husband (in one of the few scenes not involved with one of the two apartments) has a heart attack in a swimming pool, recovers, and, while still in hospital, has a meeting with his estranged daughter Yekaterina (from his previous marriage), a world-weary and cynical young woman whose aloofness seems to define a universal characteristic of modern youth rather than subscribe to a specifically Russian cultural context. After this meeting, Vladimir resolves to leave his daughter the lion's share of his will and tells Elena of his intention. Before the will is formalised, Elena decides she must kill her husband as a way of gaining access to at least some of his money and thus giving her grandson the chance to escape military service. After murdering Vladimir with an overdose of Viagra, a somewhat ironic end for a man wielding his power and virility with gusto late in life, Elena takes money from the safe to her son's family. After an extremely violent gang brawl in which Alexander is badly beaten up, the film ends with what can only be assumed to be the apparently permanent arrival of Sergei and his family in the spacious apartment of the late Vladimir.

After the initial longshot of Elena's (separate) bedroom, we are presented with a fragmented and fractured image of the protagonist looking at herself in the mirror, brushing her hair in a repetitive and despondent fashion. The image is reminiscent of François Truffaut's Antoine Doinel in his mother's bedroom in *Les quatre cents coups* (*The 400 Blows*) (1959) – another depiction of a protagonist who finds himself in a space in which he does not belong and who resorts to crime in order to escape his domestic and social predicament and find his own identity. The space of the modern apartment may well be universal in its appeal, but just as apparent is Elena's isolation in it, both within and beyond the confines of her marriage. As Augé puts it: "The current globality consists of networks that produce both homogenization and exclusion." Elena is alone both in her marriage and in the modern world. Her physical appearance, middle-aged and thick-set with the requisite headscarf tied under her chin, suggests Soviet Russia, leaving Elena cutting a somewhat anachronistic figure in "a world thus surrendered to solitary individuality" [Augé, p. 9, 63].

Elena moves slowly through the house, opening doors with a noise which increasingly seems to suggest the heavy sound of a tomb being opened – important later when the reverse sound, the door to Vladimir's bedroom being closed, signals his imminent demise after he is poisoned and his apartment becomes his tomb. The irony is increased by the fact that Elena is his personal carer and a nurse by profession.

The wide space and lack of (human) movement which the apartment is able to give to the camera is utilised to the maximum: as Vladimir and Elena have breakfast together, the camera is able to take in with ease the entire length of the table at whose opposite ends they sit. The viewer is acutely aware of the magnitude of the space that separates the two characters. The composition of the shot places an empty chair in the centre of the frame, once again reminiscent of Truffaut's landmark film (1959), except

that in this instance the protagonist occupying the chair is not the young Antoine Doinel, but rather the "spatial overabundance" [Augé, p. 28] that characterises the *non-place* in which the couple lives. Indeed, the fact that the camera is able to rest and take in the scene without movement highlights even more acutely the tense and unnatural tone of their dialogue and their slight movements and gestures. The intention of this opening scene is ironic: the modern, chic apartment, appearing at dawn from the city gloom as if the harbinger of a better future, is not a home to its two inhabitants; rather, it represents a *non-place* for them as they live out their dysfunctional lives and marriage within it. The marriage is essentially a sham, a convenience for both Vladimir and Elena. The dysfunctional balance is only disturbed when Elena attempts to extend the significance of their union to her own family. Then it becomes apparent the extent to which her marriage is a fantasy, sustained by the apartment in which she appears to be more of a maid and a nurse than a wife, living in her own quarters and performing her housekeeping tasks diligently and perfunctorily. What should be a triumphant movement up the social scale for her through the economic benefits of her marriage thus becomes like "[c]ertain places [that] exist only through the words that evoke them, and in this sense they are *non-places*, or rather, imaginary places: banal utopias, clichés" [Augé, p. 77].

The rendering of Elena's domestic space as a *non-place* is further evidenced by the juxtaposition of the scene involving her pottering in the kitchen with the shot of her standing immediately afterwards in the lift lobby outside the apartment. The décor is almost identical – modern, aesthetically pleasing and yet lifeless. Likewise, once she finds herself downstairs in the street, the streetscape appears just as universal, soulless and artificial. This exterior scene is reminiscent of Jacques Tati's 1967 film *Playtime*, for which Tati constructed an entire cityscape of homogenised modern buildings architecturally designed and engineered for a promising future, and yet assuring a dehumanising and unsettling present. When Elena boards the tram and then the train to visit Sergei and his family, we are in an even more universal and familiar *non-place*, sitting in silence with our physically and emotionally isolated protagonist whose constant movement between her two worlds betrays her stagnation: "The traveller's space may thus be the archetype of non-place" [Augé, p. 70]. It is interesting to note that the other archetypal *non-places* in the film also play similar roles: as Vladimir drives to the fitness centre in his plush car, he is strangely unable to tune the radio to any station which suits him – indeed, the impression is almost one of a man who owns a manifestly underused car. The outside world which he sees populated with ordinary working people and pedestrians is hermetically sealed from him just as the only audible sounds we can hear come from within the car. The fitness centre, though by no means empty, almost becomes the scene of his death as he suffers a heart attack while swimming, then flounders and floats on the surface of the water unnoticed for several moments before he is rescued. Finally, the hospital where he is, of course, brought back to health, has as its longest scene the dialogue

between Vladimir and his adult daughter, a scene which makes clear the dysfunctional relationship between them and the almost nihilistic level of cynicism which has become the norm for his daughter. All these locations add to the general sense of unease and displacement which the characters of the film exhibit to some degree.

Non-place 2: the Soviet apartment

In order to reach Sergei's Soviet-era flat, Elena must traverse what can only be described as a *no man's land* flanked by forest on the one hand and the towering presence of Soviet-era (possibly nuclear) power installations on the other. The distance between the two apartments is clearly more than geographical. The contrast with Vladimir's apartment could not be greater: as Elena leaves Vladimir's building, she is given a polite greeting from the concierge on the ground floor, whereas upon arriving at Sergei's dilapidated, Soviet-era block of flats she is greeted by a rather intimidating group of youths, the same youths who will later be involved in a gang

2. Elena's apartment. Still from *Elena*. A. Zvyagintsev. 2011

fight of extreme violence with Sergei's son Alexander in their midst. The framing technique employed in the film plays a key role in this respect, since the opening scenes of the film deliberately cause the viewer's eye to become gradually accustomed to both the spacious and luxurious interior of Vladimir's modern flat, as well as the almost indolent pace of the action and movement of the protagonists (Fig. 2). The shock is, therefore, all the greater as the journey takes the viewer progressively back into a different time-space dimension characterised by one of the quintessential images of communist-era East European life: the apartment. The director in no way mitigates the force of this effect, choosing rather to highlight the sense of incarceration by portraying Sergei framed, a solitary figure, on the middle balcony of a dilapidated block of flats. This is surely one of the most striking images in the film: as Elena approaches the apartment of her son on foot, we are presented with a medium shot of Sergei himself as he stands perfectly

centred in the middle balcony of the apartment block, an image where geometry and culture intersect – humankind framed and defined by its living spaces with the historical context (here Soviet) also present. Sergei is smoking, and lets fall from his lips a ball of spit which he watches fall to the ground some distance below. Just as the film's opening scene makes it clear that we are dealing first and foremost with the theme of living spaces and their relation to human life, so here too we see the human race defined and contained by its living space. The descent of the ball of spit is determined by gravity as much as the life of this particular man is confined by the *non-place* he is forced to inhabit. As Augé observes: "What he is confronted with, finally, is an image of himself… The space of non-place creates neither singular identity nor relations; only solitude and similitude" [Augé, p. 83].

Once the camera enters the apartment which belongs to Sergei and his wife Tanya, the cramped and stifling living conditions come to the fore and stand in direct contrast with the preceding scenes in the film. Whereas in Vladimir's apartment the camera has had the space to roam freely and rest on objects without inhibition, in Tanya and Sergei's apartment the camera cannot find the space to rest on anything, confined as it is by the cramped conditions and the people living there. There is an irony to this also: while the modern apartment certainly provides space and comfort, the camera is static, reflecting a curious lack of movement and dynamism on the part of the protagonists who live in it; although the camera, like the people who live there, has the freedom to roam and explore uninhibited by spatial restrictions, its movements are slow and unadventurous. By contrast, the restricted and somewhat squalid apartment of Sergei and Tanya results in a constant fluidity of camera movement, occasioned, of course, by the need to move in order to capture the protagonists, but, nevertheless, giving a sense of motion and life in comparison to the first apartment.

In this regard, *Elena* resembles another Russian film, *Malen'kaia Vera/Little Vera* (Pichul, 1988), which, we have argued previously [Lagerberg, McGregor], represents an ironic ode to the Soviet apartment. In both of these films the Soviet-era apartments are filmed in such a way that the impression given is one of intensely close and difficult living conditions. As Beardow writes, "The camera brilliantly catches the cramped conditions. When it tracks back, it is as if there is not enough room for it; it is almost squeezed out…" [Beardow, p. 16]. Of course, to a large degree, this is a direct result of the actual conditions of these apartments, namely that they are physically small and close and their inhabitants are in the low-income bracket; nevertheless, it seems that the atmosphere is deliberately heightened by the filming technique, rather than mitigated by it, precisely because the role of the apartments in both films is of primary importance. The role of the apartment in *Little Vera* certainly differs in some respects from that which it plays in *Elena*, most notably, perhaps, because in *Little Vera* the majority of the film is filmed in only one apartment. The apartment in *Little Vera* can be viewed as a cultural topos *par excellence*: as lack of living space represents the most tangible and visible manifestation of Soviet everyday life. This is represented time after time

in Soviet literature and film, and *Little Vera* lays bare its completed journey from ideal of the Soviet state to a suffocating antithesis of liveable conditions. From the "noble" topos (common place) of the apartment as the necessary corequisite of (post)-revolutionary domestic living space, the apartment in this film becomes the absolute commonplace, where vulgarity (*пошлость*) and everyday humdrum existence (*быт*) meet in a deadly combination, viz non-living space. As Svetlana Boym puts it in her seminal work on Soviet/Russian mythologies of everyday life, "Common place refers to both the organization of space and the organization of speech. This trope has degraded through history: from the noble Greek *topos*, a site of classical argument, it has turned into the modern commonplace, the synonym for a cliché" [Boym, p. 11]. The difference between the portrayal of the Soviet apartment in each film is essentially structural: whereas in *Little Vera* it is the central focus of the entire film, in *Elena* it represents the more obvious *non-place* and its cultural connotations from which Elena attempts to rescue her relatives. It, in turn, is counterbalanced by the less obvious *non-place* – the modern apartment – to which her relatives are brought, but which is shown to be little more than an equally empty and meaningless space in cultural and philosophical terms.

In a curious way, however, the atmosphere in Sergei and Tanya's confined apartment is more life-affirming than in Vladimir's apartment. Although Sergei and his son continue to play on the computer in spite of Elena's arrival and Tanya's pleading for them to join them in the kitchen, the overall impression is of a family with at least some degree of interaction, though, of course, the close physical living conditions enforce that to some degree. Nevertheless, in this apartment, just as in Vladimir's, we are within the realm of the *non-place* again: the thudding sounds of the computer game echoing through the other rooms of the apartment are akin to the almost lifeless sounds of the televisions in Vladimir's apartment which are switched on *de rigeur* every waking hour of the day (and night). The squalor of Sergei's apartment block is clearly instrumental in moulding the identity of Sergei's son Alexander who, towards the end of the film, is involved in a violent fight for no apparent reason with another gang living on the same estate: domestic *non-places* lead to non-reason and to non-lives. Sergei's son's involvement with the gang is perhaps indicative of the struggle for identity experienced by all of Elena's family. Just as the young male seeks to have his identity bolstered by involvement with a group of equally lost and misguided delinquents, so too does Elena's family's rise – through social aspiration at all costs – seem to fall in line with Augé's observation that: "The temptation to narcissism is all the more seductive… in that it seems to express the common law: do as others do to be yourself" [Augé, p. 85].

The film's conclusion

After Elena has murdered Vladimir and taken the required amount of money to her son, the film concludes with the "invasion" by Elena's relatives (Sergei and his family) into the late Vladimir's apartment, ostensibly on

a permanent basis. One of the final images is that of Sergei and Tanya's youngest child, the baby. While in the cramped conditions of their Soviet-era flat, the baby is never seen alone, but is constantly held by either mother or grandmother (Elena). With the move of Sergei's family to Vladimir's spacious apartment we see the rather disturbing image of the baby placed alone in a bedroom, indeed on Vladimir's deathbed, suggesting the overriding irony – that while living conditions here are vastly superior, there is also moral emptiness: the cuckoo has taken over the nest, but the nest determines lives and it will not bring to this invader any more joy than it did to the rightful owner. It also reiterates the ironic fact already mentioned that, notwithstanding the more difficult living conditions in Sergei and Tanya's apartment, the latter is nevertheless more full of vitality than the more luxurious apartment of Vladimir.

Prior to this scene, the film explores the question of Elena's feelings of guilt as she travels from her own apartment to that of her son's in order to deliver the ill-gotten money; the train journey, in particular, concentrates on the question of Elena's conscience even though it is made almost entirely without dialogue. For much of the journey Elena is depicted in close-up, her facial and hand movements betraying her sense of tension as the police stop the train before allowing it to move on again. In truth, it is perhaps not so much Elena's conscience which is troubled as the possibility of being arrested by the police, and it is this which momentarily changes the tenor of the film to that of a thriller. However, as the train moves off again after its brief stop, our attention is drawn by the comment "Look!" made by some other passengers and the shift of the camera to a horse which has fallen and apparently died or, perhaps, been struck down, near the railway crossing through which the train on which Elena is travelling passes. The image of the horse, coupled with the preceding sense of impending doom as a result of the murder committed, is obliquely, but unquestionably, connected with Dostoevsky, in particular *Crime and Punishment*, in Part 1 Chapter 5 of which Raskolnikov dreams of a mare being battered to death by a group of peasants.[3] While the actual details differ in many essentials – the dream in Dostoevsky's novel occurs before the crime and acts more as a stimulus to the crime than as an examination of Raskolnikov's guilty conscience (see, for example: [Shaw, p. 135–136; Snodgrass, p. 232–233]), the scene in *Elena* serves to link the protagonist psychologically and morally with Raskolnikov in the Russian tradition and is certainly Dostoevskian in its tenor and its treatment of crime and conscience in an urban setting. However, the inevitable conclusion to be drawn from *Elena* is that the immoral act of murdering the innocent horse (i.e. Vladimir) plays a limited role in comparison to the drawn-out drama of Raskolnikov's battle with his own conscience: by the time Elena reaches the apartment of Sergei and Tanya her struggle appears to be over, as does the threat of any

[3] Other images of horses representing innocent victims of human cruelty in Russian literature are Vronsky's rough handling of the mare Frou-Frou during a horse race in *Anna Karenina* resulting in its death, and Mayakovski's poem «Хорошее отношение к лошадям» (*Kindness to Horses*), a moving account of a horse which falls in the street to the amusement of the passers-by.

legal consequences. Just as traditional place becomes *non-place* in *Elena*, so traditional right and wrong become intertwined and ultimately vapid and meaningless in the supermodern world.

Just as the film opened to the lifeless awakening of Vladimir and Elena as their day begins, so at the film's end – the closing of the frame – the camera draws away after showing the vacuous scene of the new inhabitants making themselves comfortable and Sergei settling down to television and a bowl of snacks. From *non-place 1* to *non-place 2*, the migration appears complete; yet, for the viewer, it seems far from final. The family's occupation of the post-Soviet living space seems in no way convincing as a long-term proposition, and one wonders how long it will take for these illegitimate interlopers to be "found out". Indeed, late in his book, Augé refers in one instance to the experience of *non-place* as being "out-of-place": a space in which one "tastes for a while… the passive joys of identity-loss, and the more active pleasure of role-playing" [Augé, p. 83, 91].

The final shot of the film, the closing frame as it were, takes us back out of the domestic space that Elena's family has claimed for itself and shows the apartment from a distance, perhaps yet another suggestion that this is simply another further evolution in a transitory existence. Ultimately it is the space itself that will most likely outlast and outlive its inhabitants as they pursue a universal goal of social aspiration through the acquisition of increasingly desirable living space: "A movement whose only end [is] itself", where people are as much in transit in their domestic space as they are, increasingly, in the ever more prominent *non-places* of shopping malls, airports and hotels. Augé also reaches the potentially disturbing conclusion that "in the world of supermodernity people are always, and never, at home" [Augé, p. 71, 87].

In a discussion of Soviet culture and living spaces, Boym discusses the iconography of a well-known 1952 Socialist Realist painting, *The New Apartment*, which portrays the arrival of a family in their "new" communal apartment:

> The painting is neither reflective nor self-reflective: people and objects hardly cast any shadows here, and there is no mirror hidden in the corner. The scene flaunts its perfect bright visibility and transparency of meaning. <…> It is the way the culture wishes to see itself and to be seen, without thinking about the act of seeing. This is a perfect Socialist Realist genre scene, not an accurate portrayal of a Soviet apartment [Boym, p. 7].

The final scene in *Elena* in some ways represents an ironic inverse of this kind of image: while the Soviet apartment in *Elena* lays bare the shortcomings of that era's living spaces and the culture and ideology that gave rise to them, the modern apartment takes us almost full circle to the brave new world of spacious and luxurious living in Russia. The final scene of the modern apartment is, in a sense, a replica of that described by Boym above *mutatis mutandis* and with a liberal serving of irony

thrown in. While the more squalid aspects of the Soviet apartment are now far removed (even Sergei's son now appears miraculously unscarred from his recent brawl), the metaphysical questions "What to do next? How to live?" seem to be answered by the promise of television, snacks and the solitary baby. In this way the film as a whole can be seen as a commentary on the wider debate of Russia's national identity, which goes back to the 19th century and Chaadaev's first *Philosophical Letter* mentioned above. The film's ostensible premise of linear progression and concomitant progress from Soviet to post-Soviet is, as it were, framed in this final "family" scene, but, at the same time, the sense of cultural and moral emptiness which is highlighted by, for example, wide physical space, lack of movement and banal dialogue, only serves to undermine what is portrayed in this particular "painting". Rather than portraying a progression from *non-place* to place, the film offers a somewhat sombre appraisal of Russian national identity as a shift to just another instance of a non-national *non-place* characterised by the sense of universal displacement typical of supermodernity.

In conclusion, *Elena* depicts modern Russia through the prism of two *non-places*, the modern luxurious apartment and the more cramped and squalid Soviet-era flat. Identity is inextricably linked to physical space in the Russian context, and given that these living spaces represent *non-places*, the lives depicted in the film can be read, as we have done here, as non-lives. Though both living spaces scarcely possess any redeeming moral features, each shows a different aspect of Russian life. While the Soviet-era apartment is "warmer" in some ways, with more human life and contact, its indolence and decadence are toxic, most evidently in Alexander's character. The modern apartment is, by contrast, cold and tomb-like, lifeless and even non-specific with regard to nationality. The Soviet-era apartment resembles the setting of *Malen'kaia Vera* (*Little Vera*) (Pichul, 1988) with its lack of space and the camera forced to keep moving in order to film its interior. This contrasts with the static "widescreen" shots in the modern apartment, resembling *still-life*. Elena is the bridge between these two apartments; she constantly opens and closes the doors and curtains of the "tomb", preparing the stage, as it were, for Vladimir's demise and her family's somewhat dubious rise.

The aspiration to live in comfort, while human and understandable, is shown to result in a form of living death. However, the Soviet apartment, while not entirely lifeless, is just as suffocating, squalid and traps its inhabitants in a life of sloth and even violence. Through an ironic depiction of the more up-market apartment, what should have been viewed as a "move in the right direction" by Sergei and his family becomes, morally and culturally at least, little more than a move "out of the frying pan into the fire". Through its images, *Elena* is linked to Russia's literary and historical past, and offers a commentary on the centuries-old debate on Russia's identity and social progress (or lack thereof). As we have demonstrated, the dark images of Soviet and post-Soviet Russia provided

by Zvyagintsev's powerful film represent the home as a transitory liminal space, indeed as a *non-place*: an aspiration, a fantasy, a shifting mirage, a perpetual transit lounge with the empty promise of social mobility in a supermodern world.

Список литературы

Augé M. Non-Places: An Introduction to Supermodernity. 2nd ed. L., N. Y., Verso, 2008. 122 p.

At the Movies // ABC [site]. URL: http://www.abc.net.au/atthemovies/txt/s3509335.htm (mode of access: 28.01.2016).

Beardow F. Little Vera : Kinofiles Film Companion 8, I. B. Tauris, L., N. Y., 2003.

Boym S. Common Places : Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge ; Massachusetts ; L. : Harvard University Press, 1994. 384 p.

Bradshaw P. Elena-review // The Guardian [site]. URL: http://www.theguardian.com/film/2012/oct/25/elena-review (mode of access: 28.01.2016).

Chaadaev P. Letters on the Philosophy of History : First Letter // Russian Intellectual History : An Anthology / ed., transl. M. Raeff. N. Y. : Harcourt, Brace and World, 1966. P. 160–173.

Clowes E. W. Russia on the Edge : Imagined Geographies and Post-Soviet Identity. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2011. 179 p.

Lagerberg R., McGregor A. Home Sweet Home : The Significance of the Apartment in the Film *Malen'kaia Vera* (Little Vera) // Studies in European Cinema. 2011. № 1 (8). P. 57–65.

Shaw J. T. Raskolnikov's Dreams // Slavic and East European J. 1973. № 2 (17). P. 131–145.

Snodgrass W. D. Crime and Punishment : The Tenor of Part One // The Hudson Rev. 1960. № 13. P. 202–253.

Thomassen B. Liminality // Routledge Encyclopedia of Social Theory / Eds. B. L. Harrington, Marshall & H.-P. Müller. L.: Routledge, 2006. P. 322.

Van Baak J. The House in Russian Literature : A Mythopoetic Exploration. Amsterdam ; N. Y., Rodopi, 2009. 525 p.

Список фильмов

Пичул В. «Маленькая Вера». Россия : киностудия им. Горького, 1988. 128'.

Tati J. "Playtime". France: Jolly Film; Specta Films, 1967. 124'.

Truffaut F. "Les quatre cents coups" / "The 400 Blows". France: Les films du carosse; Sédif Productions, 1959. 99'.

Звягинцев А. «Елена». Россия: Non-Stop Productions, 2011. 109'.

References

Augé, M. (2008). Non-Places: An Introduction to Supermodernity. 2nd ed. L., N. Y., Verso. 122 p.

At the Movies // ABC [site]. URL: http://www.abc.net.au/atthemovies/txt/s3509335.htm (mode of access: 28.01.2016).

Beardow, F. (2003). *Little Vera*. KINOfiles Film Companion 8, I.B. Tauris, L., N. Y., 2003.

Boym, S. (1994). Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Massachusetts, L., England, Harvard University Press. 384 p.

Bradshaw P. Elena-review // The Guardian [site]. URL: http://www.theguardian.com/film/2012/oct/25/elena-review (mode of access: 28.01.2016).

Chaadaev, P. (1966). Letters on the Philosophy of History: First Letter. In Raeff, M. (Ed., Transl.). Russian Intellectual History: An Anthology (pp. 160–173). N. Y., Harcourt, Brace and World.

Clowes, E. W. (2011). Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity. Ithaca, L., Cornell University Press. 179 p.

Lagerberg, R. & McGregor, A. (2011). Home Sweet Home: The Significance of the Apartment in the Film *Malen'kaia Vera* (Little Vera). In *Studies in European Cinema, 8/1,* pp. 57–65.

Shaw, J. T. (1973). Raskolnikov's Dreams. In *Slavic and East European J., 17/2,* pp. 131–145.

Snodgrass, W. D. (1960). Crime and Punishment: The Tenor of Part One. In *The Hudson Rev.*, *13,* pp. 202–253.

Thomassen, B. (2006). Liminality. In Harrington, B. L., Marshall & Müller, H.-P. (Eds.). Routledge Encyclopedia of Social Theory (p. 322). L.: Routledge.

Van Baak, J. (2009). The House in Russian Literature : A Mythopoetic Exploration. Amsterdam, N. Y., Rodopi. 525 p.

Film References

Pichul, V. (1988). *Malen'kaia Vera* (*Little Vera*). Soviet Union : Gorky Film Studios. 128'.

Tati, J. (1967). *Playtime*. France : Jolly Film; Specta Films. 124'.

Truffaut, F. (1959). *Les quatre cents coups / The 400 Blows*. France : Les films du carosse; Sédif Productions. 99'.

Zvyagintsev, A. (2011). *Elena.* Russia : Non-Stop Productions. 109'.

The article was submitted on 08.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.160
УДК 81:75.051Серов+316.613.4+316.622

ОЧЕРЕДЬ НА СЕРОВА: ФЕНОМЕН РУССКОСТИ*

Ирина Вепрева,
Наталия Купина
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE QUEUE FOR SEROV: THE PHENOMENON OF RUSSIANNESS**

Irina Vepreva,
Natalia Kupina
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to mass media materials for January, 2016 and a variety of Internet sources, the authors consider some statements and texts describing and estimating a cultural event – an exhibition organized by the Tretyakov Art Gallery and devoted to the 150th birthday anniversary of artist Valentin Serov (October, 2015 – January, 2016). The public's tempestuous reaction caused by hours-long queuing in the frost in January was reflected in the mirror of language. As a result, *the queue for Serov* started being used as a set expression in speech. The purpose of the paper is to put forward an interpretation of the mental puzzle of the queue to see Serov's works pointing out the manifestations of the phenomenon of Russianness, with reference to a linguo-cultural analysis of the speech and text corpus, reflecting the shock situation in question. The article is structured according to the analytical answers to questions, representing public opinion: *Why do people queue? Why do people queue to see Serov? What did the queue for Serov demonstrate*? The article systematizes comments of art critics, cultural studies scholars, philologists, journalists, and

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а. Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.A03.21.0006.

** *Citation*: Vepreva, I., Kupina, N. (2016). The Queue for Serov: the Phenomenon of Russianness. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160.

Цитирование: *Vepreva I., Kupina N.* The Queue for Serov: the Phenomenon of Russianness // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160 / *Вепрева И., Купина Н.* Очередь на Серова: феномен русскости // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160.

© Вепрева И., Купина Н., 2016

also people who queued to see the exhibition. "Serov passion" enabled the authors to reveal such sides of Russianness as the stability of the rational and the irrational dichotomy, the perception of the irrational as a natural thing, a tendency to joint thinking, sympathy, empathy, a combination of patience and quick temperedness, the domination of the spiritual over the material, the life-asserting need for the beautiful, as well as to catch the energy of the common emotional and aesthetic choice, and feel the genuine nature of the common drive. The analysis demonstrates that all these lead to the emergence of a conceptual metaphor "the queue for Serov is Russia", based on stereotypes of national exceptionality, and uniqueness. In accordance with the laws of carnivalization, the bias of this conceptualization is burlesqued. Furthermore, the authors reveal another facet of the phenomenon of Russianness, i. e. self-irony that makes not only the latest case-law situation its object, but also the sore spots of modern Russian space – political, economic, legal, and social.

Ключевые слова: linguo-cultural analysis; axiological marking; Valentin Serov; mentality; situation; value; (self-)irony.

В статье на основе материалов СМИ и Интернета за январь 2016 г. рассматриваются высказывания и тексты, описывающие и оценивающие культурное событие – организованную Третьяковской галереей выставку, посвященную 150-летию со дня рождения художника Валентина Серова (октябрь 2015 – январь 2016 г.). В зеркале языка отразилась бурная общественная реакция, вызванная январскими многочасовыми очередями на морозе. В речи активизировалось ставшее устойчивым словосочетание *очередь на Серова*. Целевая установка исследования – на основе лингвокультурологического анализа корпуса высказываний и текстов, отражающих референтную шоковую ситуацию, предложить интерпретацию ментальной загадки «очереди на Серова», отметив проявления феномена русскости. Статья структурируется в соответствии с представляющими общественное мнение аналитическими ответами на вопросы: *Почему люди стоят в очереди? Почему люди стоят в очереди на Серова? Что показала очередь на Серова*? Специально систематизируются комментарии искусствоведов, культурологов, филологов, журналистов, а также людей, стоящих в очереди на выставку. «Страсти по Серову» позволили выявить такие грани русскости, как устойчивость дихотомии рационального и иррационального, восприятие иррационального как должного, склонность к сомышлению, сочувствию, сопереживанию, сочетание терпеливости и эмоциональной несдержанности, примат духовного над материальным, жизнеутверждающая тяга к прекрасному, стремление заразиться энергией общего эмоционально-эстетического выбора, ощутить неподдельность общности единомышленников. В ходе анализа демонстрируется основанное на стереотипах национальной исключительности, уникальности формирование концептуальной метафоры «очередь на Серова – это Россия». Тенденциозность концептуализации, носящей пафосный характер, по закону карнавализации подвергается осмеянию. Параллельно выявляется еще одна грань феномена русскости – самоирония,

объектом которой становится не только новейшая прецедентная ситуация, но и болевые точки современного российского пространства – политического, экономического, правового, социального.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; аксиологическая маркированность; Валентин Серов; менталитет; ситуация; ценность; (само)ирония.

В речевом обиходе начала 2016 г. вновь активизировалось слово *очередь*, концептуальная единица советского лексикона. Причиной возвращения советизма в постсоветский словарь стал событийный шок – ажиотажный интерес к выставке, организованной Третьяковской галереей на Крымском Валу и посвященной 150-летию со дня рождения Валентина Серова. Выставка открылась 7 октября 2015 г., должна была закрыться 7 января 2016 г. Сначала дату окончания экспозиции продлили до 17 января, затем перенесли на 24 января, а потом – на 30 января. Завершилась выставка так называемой «ночью Серова», то есть работой «до последнего посетителя». А посетило выставку почти полмиллиона человек, стоявших в последний месяц в многочасовых очередях на морозе. Ощущение событийного шока передаётся в газетных заголовках (*Чрезвычайный Серов* / *Чрезвычайная выставка*) и журналистских комментариях: *Атмосфера в соцсетях накалилась до такой степени, что стала напоминать* ***сводки с боевых действий*** (Российская газета. 25.01.2016)[1].

Номинативной единицей, отражающей референтную ситуацию, стало словосочетание *очередь на Серова*. Осмысляя событие в целом, приходишь к выводу, что новая номинация явилась единицей, отражающей феномен русскости. Задача настоящей статьи – на основе материалов СМИ за январь 2016 г. (поисковая база данных Integrum.ru) и Интернета (социальная сеть Facebook, интернет-издания) обратиться к лингвокультурологическому анализу загадки очереди на Серова в ее соотнесении с очередью советской.

Историческую память лексема *очередь* (далее – ***о.***) приобрела в значении «группа людей, вставших один за другим для получения чего-н. в последовательном порядке» [ТСУ, т. 2, с. 1031]. Для советского времени очередь – существенный элемент повседневной жизни. В языковом сознании советского человека сложилось обиходное культурно-специфическое восприятие очереди. В ситуации всеобщего дефицита стереотипными были вопросы: *За чем стоите?* / *За чем очередь?* Предсказуемы типичные ответы, обнаруживающие вынужденное или же добровольное стояние людей в очередях, а также характер коллективных ценностных ориентаций. Ср., например: ***о.*** *за хлебом,* ***о.*** *за молоком,* ***о.*** *за колбасой;* ***о.*** *за джинсами;* ***о.*** *в мавзолей;* ***о.*** *за билетами в театр* / *на концерт* / *на выставку,* ***о.*** *за талонами на собрание сочинений Бальзака*. Советские люди вынуждены были

[1] Здесь и далее ссылки на цитируемые материалы приводятся в круглых скобках с указанием издания и даты публикации.

стоять в очередях за продуктами, чтобы прокормить семью. Между тем, отмеченная выше лексическая сочетаемость отражает стремление одеться по моде, соответствовать идеологическим требованиям времени, утолить интеллектуальный и эстетический голод.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в одной из работ предлагают интерпретацию концепта «очередь» с опорой на методику речеповеденческих тактик [Верещагин, Костомаров, с. 51–64]. Сложившиеся речевые стереотипы, которые манифестируют индивидуальные и коллективные тактики поведения в советской очереди, по мнению авторов, перешли в область «лингвострановедческой археологии» [Там же, с. 4]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку очередь на Серова в трансформированном виде, сохраняя черты русскости, воспроизводит стереотипные речения советской очереди.

Концептуальная структура советской очереди включала два взаимосвязанных компонента: «количество людей в очереди» и «время, проведенное в очереди». Речеповеденческие тактики обусловлены целевой установкой нахождения человека в очереди. Советская действительность порождала разные типы очередей: *живая, по списку, по талонам, в кассу, к прилавку, продовольственная, колбасная, винная, промтоварная*. Очередь уподоблялась живому существу, которое, чувствуя себя дискомфортно, проявляет коллективизм и дорожит временем.

В постсоветские годы неактуальными стали понятия «дефицитные товары», «погоня за дефицитом» [Мокиенко, Никитина, с. 162]. Обыденное визуальное восприятие улиц российских городов в наши дни исключает длинные очереди. В этой связи объяснимо крайнее потрясение прохожих, увидевших многотысячную очередь в музей. Вот одно из типичных сообщений интернет-пользователя, сопровождающее сделанную им фотографию: *Очередь на выставку, я в шоке!*

В текстах СМИ обсуждается техническая сторона организации выставки: *На выставку стояли* ***две очереди****: одна за обычными билетами, а другая для тех, кто купил билеты в Интернете* (РБК. 21.01.2016). Говорят и пишут об *обычниках* (они стоят в живой очереди) и *электронниках*. Поражает не только длина очереди, но и терпение людей, которым приходится несколько часов стоять на морозе. Типичный газетный заголовок: *Пять часов на морозе в очереди за прекрасным* (Комсомольская правда. 23.01.2016). Корреспондент «Мосленты» сообщает, что ***первая очередь****, в кассу, днем 21 января растянулась на 400–500 м от Садового кольца.* ***Вторая очередь*** *из посетителей с билетами была короче в три раза, однако, чтобы попасть на выставку, людям приходилось стоять в очереди более трех часов*. Вот слова одного из посетителей выставки: *Мы стояли в очереди четыре с половиной часа. Ни одна из очередей не продвигалась* (РБК. 21.01.2016).

На этом фоне ожидаемым оказывается взрыв нетерпения: ***Люди****, стоящие в очереди на выставку художника Валентина Серова, которая проходит в Центральном доме художника (ЦДХ) на Крымском*

Валу в Москве, ***устроили потасовку*** *на входе в музей* (РБК. 22.01.2016); *Как сообщил в Twitter корреспондент издания Meduza Илья Азар,* ***люди в очереди на Серова*** *выломали одну из дверей*; *В результате* ***давки*** *у входа в музей* ***двери музея не выдержали натиска*** *и погнулись из-за того, что в них стучались желающие посетить выставку*; *В очереди на Серова – ад.* ***Народ сломал одну дверь, давка, женщины визжат,*** *в другой очереди к несломанной двери* ***все скандируют «от-кры-вай»*** (Комсомольская правда. 22.01.2016). Ср. речевые стереотипы советской очереди: *Во напирают!; Что вы давитесь! Не наваливайтесь!; Я не виноват: сзади напирают; Ой, ребра сломаете!*

Проявляется подмеченная философом «бунтарская стихия в русском народе» [Бердяев, с. 312], которая причудливым образом сочетается с готовностью безропотно переносить трудности: *Километровые* ***очереди не уменьшаются****. И это* ***несмотря на температуру до –14°.*** *<...> многие пришли в горнолыжных штанах, «дутых» ботинках, валенках* (Московский комсомолец. 23.01.2016). Журналисты фиксируют реплики и комментарии людей, стоящих в очереди: *–* ***Даже если нужно будет пять часов стоять, мы готовы****, – рассказала «МК» группа женщин из хвоста очереди*. Более того, *люди приходили по два-три раза* (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Участники события описывают создавшуюся в очереди атмосферу: ***Люди посмеивались над морозом и над собой****. Отпускали друг друга в тепло и потом кричали хором:* ***Вы здесь стояли!*** *Ныли, конечно, но с учетом погоды и повода (****не за хлебом все ж****!) товарищи по форс-мажору вызывали самые теплые чувства* (Новая газета. 25.01.2016). Ср. речевые стереотипы советской очереди: *Нет, вы здесь не стояли!; Вас здесь не стояло; Не надо было отходить!; Ничего не знаем!*

Очевидцы постоянно сопоставляют советскую очередь и очередь на Серова*: Вот эта средней руки Москва, стоящая на выставку и спешащая в театр, наплевав на мороз и на курс валюты, эта Москва, не убитая ни 1920-ми, ни 1930-ми, ни 1990-ми, ни бездуховным процветанием, Москва учителей и менеджеров средней руки, Москва,* ***накопившая*** *(как оказалось) не только бытехнику, но и* ***взаимную доброжелательность*** *(у нас в очереди было так!) – она существует. И это, пожалуй, самое неожиданное, что я увидела на выставке Серова* (Новая газета. 25.01.2016**)**.

В конце января 2016 г. главной темой недели, по заключению обозревателя радиостанции «Эхо Москвы», стала «очередь на Серова». Обсуждались актуальные вопросы: *Почему люди стоят в очереди? / Почему стоят в очереди на Серова? / Что показала очередь на Серова?* Эти вопросы и будут композиционно структурировать нашу работу.

«Страсти по Серову» встречают рациональное понимание, эмоциональный отклик, получают общественный резонанс. Так, признавая собственные организационные просчеты, представители руководства Третьяковской галереи обещают *в следующий раз... прибегнуть к европейской практике и вводить сеансы – как в кино, когда зрите-*

ли покупают билеты на определенное время показа (Комсомольская правда. 23.01.2016). В изученных материалах отсутствуют высказывания, осуждающие как тех, кто штурмует дверь, так и тех, кто, рискуя своим здоровьем, терпеливо стоит в очереди. Последним помогают делом: *Спасатели развернули рядом с ЦДХ две полевые кухни и палатку для обогрева стоящих в очереди людей, сообщает ТАСС со ссылкой на пресс-службу московского управления МЧС. По словам представителя МЧС, кухни будут работать до закрытия галереи. <...> Людей, стоящих в очереди, будут поить чаем* (РБК. 22.01.2016); ***Очередь на Серова*** *у «Третьяковки» откармливают тушенкой и успокаивают психологами* (Там же).

Незначительная группа комментированных ответов на актуальные вопросы передает коннотацию снисходительности. А. Архангельский замечает: *У наших людей есть привычка толкаться в очереди – что в музей, что к святыне, что за дефицитом* (Православие и мир. 23.01.2016). Мнение еще одного интеллектуала: *Событие было так распиарено с помощью прессы, рекламы и способом «одна гражданка говорила, что обязательно надо сходить»* (Российская газета. 25.01.2016). Типичное суждение: *Причина – цепная новостная реакция*.

Обсуждается также возможность бессознательного подчинения веянию моды: *...Искусство – не главное, важно поставить галочку в списке модных событий*, – пишет К. Разлогов. Заразительным, по мнению журналистов, стал личный пример президента: *18 января выставку осмотрел Президент России. Конечно, визит главы государства прибавил проекту популярности*. «Комсомольская правда» отмечает воздействие эффекта неожиданности: *Путин удивил всех: по ходу экскурсии президент обнаружил хорошее знакомство с биографией художника, вставляя в рассказ экскурсовода реплики «Он академию ведь не закончил?» или «Он же у Репина жил?» <...> Рассказал, что знает интернет-фольклор* (Комсомольская правда. 20.01.2016). Уничижительно по отношению к дилетантам звучит комментарий директора научно-исследовательской независимой экспертизы им. П. Третьякова А. Попова: *Внимание руководителей государства важно: их пример позволяет заинтересовать публику, не разбирающуюся в искусстве. Благодаря визиту президента выставка освещалась во всех СМИ и напомнила людям об этом художественном событии* (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Большая часть комментированных ответов на поставленный вопрос *Почему люди стоят в очереди?* содержит «эмоционально-эстетический довод». Тот же К. Разлогов признает, что в очереди на Серова люди стоят по зову души: *Уверен, что на выставку хотели попасть и те, кто искренне любит искусство*.

А вот голоса из очереди:

Интеллигентная дама обратилась к другой такой же:

– Нет, я тут впервые по электронному билету, еще успеть бы на совещание по работе.

– Ох, и мне тоже. Но ***Серова нельзя пропустить****, правда?*

– Конечно. ***Такое раз в жизни бывает****!* (Комсомольская правда. 23.01.2016).

В «очереди за прекрасным» стоят люди, в чьей памяти сохранились живые картины советского прошлого:

– Очереди не люблю с детства – аллергия. Со времен, когда курицу привозили в соседний магазин «Продукты» по талонам. Поэтому выставка Серова изначально не столько привлекала меня, сколько пугала – очередью. Но 24 января она закрывается, а очередь не убывает. <...> И потащилась в мороз с утра пораньше ***за прекрасным*** (Там же).

По мнению многих, очередь на Серова возвышает, свидетельствуя о непреходящей силе «настоящих ценностей прошлого» [Мандельштам, с. 63]. Людьми движет неподдельный интерес, ожидание момента истинного счастья от соприкосновения с шедеврами:

– Кто последний на Серова? Не за колбасой… Не за джинсами, как когда-то. Очередь со времен СССР для меня – символ унижения. Мои дети не помнят и не поймут, каково это – стоять за зелеными бананами. Но тут – другое. Да, мы последние. Впереди – минимум две сотни человек. И мы – достоим! Ведь там, за дверями, портреты и зарисовки, великая Ермолова в полный рост. И «Девочка с персиками» – солнечная и вечно юная (Вечерняя Москва. 13.01.2016).

Другое – это то, что всегда ценили *наши люди* – эстетика прекрасного за границами обыденного: *Что может быть более московским, чем очередь? Когда-то была «тихая, святая» очередь в Мавзолей. Потом – очередь за итальянскими сапогами в ГУМ, описанная молодым Владимиром Сорокиным. Потом – очереди 90-х за сахаром, водкой, гречкой. И вот прошли годы, и* ***снова очередь. За чем они стоят****? Доллары меняют? Окорочка куриные выстаивают? Нет.* ***Это очередь на Серова*** *в Новой Третьяковке на Крымском Валу* (И. Шамир. Персональный сайт. 22.01.2016). В очереди на Серова человек забывает о жизненных трудностях, а сама очередь в музей оценивается как *показатель того, насколько искусство необходимо людям в сегодняшней очень непростой, очень стрессовой ситуации* (Российская газета. 25.01.2016). Человек не раб обстоятельств. Он тянется к искусству, чтобы не утратить жизнерадостности. Он жаждет *Увидеть Серова, чтобы жить* (газетный заголовок), ибо *встреча с подлинным искусством, эмоции и радость, которые оно дает, помогают* ***выжить и остаться человеком*** (Российская газета. 25.01.2016).

Единый эмоциональный порыв, жизнеутверждающая тяга к прекрасному создают потребность в ощущении общности. Об этом пишет А. Архангельский: *Сейчас наступает... период в жизни, долгий, трудный, и надо опять привыкать к испытаниям. Не хочется. Не хочется это предчувствовать. Хочется* ***взяться за руки, «чтоб не пропасть поодиночке»****. И вот люди «берутся за руки», собираясь в* ***очереди на Серова****. Неосознанно – это работает подсознательно*

(Православие и мир. 23.01.2016). Энергия «общности через Серова» ощущается изнутри:

– *Это* ***наша очередь****. Это* ***наши люди****, которых не убить ничем. Студенты, школьники, учителя... Все* ***стоят дружно****,* ***помогают друг другу*** (Эхо Москвы. 25.01.20016).

Таким образом, советизм *очередь* приобретает культурно-фоновый смысл, вмонтированный в ситуацию, которая осознается россиянами как шоковая. *Очередь на Серова* – неисчислимое множество людей, в течение нескольких часов добровольно стоящих на морозе в последовательном порядке (порядок стихийно нарушается) для приобщения к искусству живописи – источнику эстетического наслаждения, помогающего преодолеть жизненные трудности, ощутить радость общности единомышленников.

Осмысление шоковой ситуации сопровождается попытками дать ответ на вопрос: *почему именно* ***Серов?***

При обращении за справкой к энциклопедическим словарям встречаем неизменное указание на самобытность живописных и графических работ Серова: «Жизненной свежестью, богатством пленэрного колорита отмечаются ранние произведения (“Девочка с персиками”, 1887; “Девушка, освещенная солнцем”, 1888). Портретам зрелого периода присущи отточенная выразительность и лаконизм, подчеркнутая острота характеристик (“М. Н. Ермолова”, 1905; “В. О. Гиршман”, 1910–1911); пейзажи... передают настроение тихой сосредоточенности, исторические композиции (“Петр I”, 1907) – энергию и созидательный дух персонажей. Отдельные поздние произведения близки к стилю модерн (“Ида Рубинштейн”, 1910). Мастер рисунка (“Басни Крылова”, 1895–1911)…» [Новый энциклопедический словарь, с. 1100]. В. Серов был членом Товарищества передвижных художественных выставок. Хрестоматийными стали портреты кисти Серова, отражающие эстетические принципы передвижников, прежде всего лежащие в основе творчества И. Е. Репина.

Приведем доводы очевидцев события. Стоящий в очереди преподаватель Строгановского училища обобщает мнение специалистов об экспозиции: *Больше столь полное собрание не увидеть. Здесь же представлено много графики Валентина Серова, которая не выставлялась раньше. Также очень много его этюдов. Это уникальная возможность увидеть процесс, всю кухню, а не только готовое произведение* (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Бесспорность коллективного эстетического выбора поддерживается сравнением Серова с Пушкиным: *Как и Пушкин, он внятен нашему сердцу, но трудно поддается «переводу». Как и Пушкин, движется к лаконичности, точности – даже во фрагментах. Как и Пушкин, вел диалог с мировой культурой, будь то греческие мифы и Акрополь, портреты Веласкеса или открытия его современника Матисса...* (Российская газета. 25.01.2016). Искусствоведы говорят о синтетизме творчества художника: *Есть известные слова Грабаря,*

что в историю творчества Серова, от «Девочки с персиками», написанной 22-летним человеком, до модернистского портрета Иды Рубинштейн, законченного им в 45 лет, укладывается ***вся история русского искусства*** *того времени. Его смерть прервала какой-то невероятный путь на взлете... Сложнейший человек был. Это правда.* Ср.: *Серов – великий русский художник, который актуален сегодня. Может, он* ***наиболее универсальная фигура рубежа веков****. Даже на фоне мощного Репина и на фоне того влияния, которое оказали на мировое искусство XX века идеи и творчество Малевича...* (Там же).

Ещё один аргумент, представленный А. Архангельским: картины Серова дают возможность нашим современникам увидеть красоту, яркость *другой эпохи*, погрузиться *в иллюзию волшебного хрустального мира*, подлинно русского мира: ***Серов*** *– это про любовь к* ***яркой*** *России. Эта* ***яркая Россия****, которой нам так не хватает в окружающем мире, которую мы на самом деле не помним в историческом прошлом,* ***влечет к себе людей****. И* ***они****, приходя на выставку, не только и, может статься, не столько смотрят на картины, сколько* ***«причащаются» этой яркости, той России, которую они никогда не видели****. Но увидеть – хотят*. А. Архангельский, как и другие аналитики, полагает, что Серов доступен, прошлое актуально, так как *дает иллюзию общности через принадлежность к русскому великому искусству. Авангард слишком сложен, иконопись слишком давно, а Серов – это вроде бы и в прошлом, и недавно, великое и как будто понятное* (Православие и мир. 23.01.2016). Ср.: *Желание «ясности» и «простоты» (пусть мнимой), внятного разделения на добро и зло, желание мелодрамы* (М. Липовецкий. COLTA. 16.02.2016).

Многократно подчеркивается не только глубина, но и демократизм портретиста: *На картинах* ***Серова*** *– самые блистательные и интересные люди того времени. <...> Демократичный в творчестве, не зажатый условностями академизма, он писал и представителей знати, и мощно поднявшееся купечество, и выдающихся деятелей русского искусства* (К. Воротынцева. Культура. 29.10.2015).

Серов – народный художник, разгадавший секрет русскости, воссоздавший красоту в её национальном ви́дении. Именно поэтому его картины утоляют сегодня *ностальгию по красоте*, *желание найти чего-то сверх того, что поняли о себе и себе в истории страны*, сосредоточить аксиологические искания на ценностях, которые пробуждают «чувства добрые», заражают оптимизмом: *Открыть его пейзажи, от которых сжимается сердце. Увидеть его акварели, где с чистого листа с легким абрисом фигуры на вас глянут живые глаза. Замереть перед занавесом к дягилевской постановке «Шехерезады» в 1911 году – восточной «миниатюре» на 24 квадратных метра. Или просто остановиться перед «Девушкой с персиками». И жизнь снова покажется прекрасной* (Российская газета. 28.01.2016).

Эмоционально-эстетическое потрясение укрепляет веру в вечные ценности, неподвластные времени: *Потрясенные совершенно разным*

и будто не знакомым прежде Серовым, мы выходим на улицу и... И понимаем, что хочется идти дальше – чтобы увидеть что-то еще. Это ***желание*** *узнавать* ***сродни лихорадке****. <...> И это* ***хорошая «лихорадка»****. И* ***очередь****, в которой оказалось совсем не страшно стоять,* ***ведет*** *не в прошлое, а* ***в будущее****, не унижает, а* ***дает надежду*** (Вечерняя Москва. 13.01.2016).

Особого внимания заслуживает ответ на вопрос: *Что показала очередь на самую ажиотажную выставку года?* (газетный заголовок) (Российская газета. 25.01.2016).

Метафора болезни (*лихорадка*, *эпидемия*) – повод задуматься над «русскими иррациональными мотивами» [Бердяев, с. 306]. Ментально мотивированы аксиологические суждения типа *Страсти по Серову – это по-русски*; *Всё в порядке в России, если стоит очередь за искусством*. Гиперболические оценки связаны с идеей уникальности, неповторимости ценностей русской цивилизации, исключительности русских и России: *Проходящие мимо Третьяковки* ***иностранцы*** *удивленно крутят головами,* ***не в силах понять странного ажиотажа****: Серов на Западе практически не известен. Что ж, Европе, хочется надеяться, вспомнившей о своем роскошном культурном наследии, предстоит сделать еще немало открытий, связанных с Россией* (Культура. 30.10.2015). В текстах СМИ частотными становятся утверждения о неистребимости русской духовности, которую воплощает очередь на Серова – символ русскости, погруженной в пространство прекрасного, отвергающей потребительскую психологию: *Очередь на Серова – Россия, которую мы не потеряли, – удивляет мир:* ***Россия показала миру****, что настоящее искусство ничем не подменишь*; ***Россия показала****, что не курс доллара, не санкционка* ***ее интересует****, но* ***высокое*** *подлинное* ***искусство*** (И. Шамир. Персональный сайт. 22.01.20016).

В составе дискурсивного целого формируется концептуальная метафора «очередь на Серова – это Россия» [см.: Баранов; Будаев, Чудинов; Лакофф, Джонсон и др.]. Парадоксальность образной параллели мотивируется стереотипным представлением об уникальности русских и России. Министр культуры РФ В. Мединский сближает понятийное содержание номинаций *страна* и *очередь: Мы, наверное,* ***единственная страна в мире****, где на выставку нашего великого художника, вдохновленную красотой русского образа, пейзажа, несколько месяцев на морозе будет стоять трехчасовая* ***очередь*** (Четверг (Омск). 28.01.2016).

Тенденциозность концептуализации, носящей пафосный характер, по закону карнавализации (М. М. Бахтин), состоящему в том, что «сакральное непременно переворачивается в профанное через осмеяние» [Карасик, с. 257], подвергается самоиронии. Подтверждается, с одной стороны, национальная черта русского человека – склонность к смеху [см.: Блажес, с. 7]; с другой стороны, раскрывается специфическая дуальная природа структуры русской культуры, проявляющаяся в отсутствии «нейтральной аксиологической сферы» [Лотман, Успенский, с. 338].

Поза исключительности, фигуры преувеличения высмеиваются в соцсетях. Типичный пример языковой игры: *Длина комментов к посту про* ***очередь на Серова*** *равна длине* ***очереди на Серова***. Игровые высказывания адресованы широкой аудитории пользователей, ориентированной на разгадку подтекстных смыслов, выявление которых «опирается на общность апперцепционной базы» [Ермакова, 2005, с. 175] и базы эпистемологической, предполагающей наличие у автора и адресата общего культурного фонда, хранителем которого является национальный язык [см.: Бурвикова, Костомаров].

Объект иронии погружен в ощущаемый адресатом контекст реального текущего времени и пространства страны. Наблюдается, во-первых, игра актуальными смыслами, лежащими в основе сложившегося гиперболического представления о чрезвычайной шоковой ситуации; во-вторых, игра ценностными смыслами, лежащими в основе метафорической параллели *очередь на Серова – Россия*.

В первом случае формируется включающий набор мотивов тематический блок «Очередь на Серова: суровые будни», или *50 оттенков очереди на Серова*. Выделим основные игровые развороты темы:

– Кто и как долго стоит в очереди на Серова: *Согласно опросам общественного мнения,* ***в очереди на Серова*** *стоят 86 % россиян*; *Омич прожил в Москве четыре месяца, не покидая* ***очередь на Серова***; *Полицейские спасли мужчину, которого 14 лет удерживали* ***в очереди на Серова***; *тест на «Фейсбуке»: Узнай, кто ты* ***в очереди на Серова***; *игра на «Медузе»: кликни на карте, где заканчивалась* ***очередь на Серова*** *в тот или иной момент времени*.

– Чрезвычайные происшествия: *В результате перестрелки* ***в очереди на Серова*** *погибли три человека, еще пятеро получили ранения*; ***В очереди на Серова*** *задержаны провокаторы из прорепинского движения «АнтиСеров»*; *В* ***очереди на Серова*** *провокаторы распространяют слух, что персик у девочки – турецкий.*

– Понимание и поддержка: *Доставка еды премиум-класса в* ***очередь на Серова***; *Отважный фельдшер приняла роды* ***в очереди на Серова****, а музейные служители согрели младенца теплом своих тел*; *Тигр Амур и козёл Тимур были замечены* ***в очереди на Серова****: стоят вместе со всеми и время от времени устраивают игрища, чтобы люди немного согрелись*.

– Страсти по Серову: *По многочисленным сообщениям из Третьяковской галереи,* ***автопортрет Серова****, написанный в 80-х годах позапрошлого века, внезапно замироточил*; *Звонила сестра. Стояла четыре часа на морозе, а этот* ***Серов*** *даже не вышел*.

– Все имеет свое начало и свой конец: *Московские власти сообщают об окончании* ***очереди на Серова***.

Как видим, объект смехового – жизненный материал, определивший не только характер события, но и бурный общественный резонанс.

Во втором случае формируется включающий набор мотивов тематический блок «Очередь на Серова в зеркале России». Представим основные игровые развороты темы.

– Вперед в прошлое: *В **очереди на Серова** найдена первая в сезоне берестяная грамота*.

– Угрозы Запада: *Госдеп вводит санкции против первой сотни **очередников на Серова***; *Организация Объединённых Наций планирует направить международных наблюдателей для контроля ситуации с **очередью на Серова***.

– Самодостаточность: *Путин высоко оценил потенциал **очереди на Серова***.

– Международная реакция: *Франция и Германия выделяют квоты беженцам из **очереди на Серова;** Пограничные службы сообщают о пресечении незаконного ввоза в страну **очередей на Серова** из Китая.*

– Курсы валют: ***Очередь на Серова** перенесена к пунктам обмена валюты*; ***Очередь на Серова** достигла дна, эксперты ожидают отскок*; ***Очередь на Серова** рухнула на 400 процентных пунктов на фоне натюрморта Анри Матисса «Фрукты и бронза»*.

– Разрешения и запреты: ***В очереди на Серова** разрешена продажа алкоголя несовершеннолетним после 22:00*; *Мосгорсуд признал **очередь на Серова** экстремистской организацией*; *Роскомнадзор заблокировал **очередь на Серова***; *Срочно: в результате проверок в Москве были закрыты 125 заведений с нелегальными **очередями на Серова.***

– Несистемная оппозиция и акции протеста: *Фонд Навального заявил о начале расследования махинаций вокруг тендера на организацию **очереди на Серова***; *Дальнобойщики присоединились к **очереди на Серова***.

– Катастрофизм: ***Очередь на** Серова достигла дна; Путин назвал распад **очереди на Серова** величайшей геополитической катастрофой XX века.*

– Льготы: *Дети, рожденные **в очереди на Серова**, обслуживаются вне очереди*; *Участникам **очереди на Серова** выдадут удостоверения участника, по которым будут предоставлены льготы на оплату ЖКХ и проезд в столице.*

Объектом смехового оказываются болевые точки современного российского политического, правового, экономического, социального пространства. В подтексте возникает «ироническое отрицание» демонстрации величия и уникальности России [Ермакова, 2006, с. 153].

Интерес к изобразительному искусству стал приметой января наступившего 2016-го. В то время как очередь на Серова трактуется как ментальная загадка, резкий рост посещаемости (по тысяче человек в день) мультимедийной выставки «Ван Гог. Ожившие полотна» в шутку связывается с появлением текста песни «про лабутены»: *Лидеру «Группировки Ленинград» Сергею Шнурову, похоже, удалось затмить славу художника Серова и передать ее художнику Ван Гогу* (Собеседник. 03.02.2016). Действительно, группа «Ленинград» про-

должила очередное обыгрывание ажиотажной выставки и представила вариант песни с актуальным куплетом про выставку Серова: *Водил меня Серега / На выставку Ван Гога, / Потом ходила с Вовой / На выставку Серова*.

Номинирующее прецедентную ситуацию словосочетание *очередь на Серова* становится устойчивым, получает свое развитие в культурно-языковом пространстве современной России. Оно активно используется для формирования аналогий, позволяющих осмыслить ценностное наполнение различных культурных событий. Например: ***Волгоградский** ответ «**очереди на Серова»;** Своя «**очередь на Серова**» появилась **в Иванове**: в ИОХМ открылась выставка известного живописца Руфэля Михайлова; «**Очередь на Фриду Кало**» стала локальной версией «**очереди на Серова**»; **На Серова** – так **очередями, за классической музыкой** – всем городом; «**Очередь на Серова**» перешла в филармонию; **Очередь за «маслом»**; Самые ожидаемые художественные выставки 2016 года.*

В заключение подчеркнем, что *очередь на Серова* позволила выявить такие грани русскости, как устойчивость дихотомии рационального и иррационального, восприятие иррационального как должного, склонность к сомышлению, сочувствию, сопереживанию, сочетание терпеливости и эмоциональной несдержанности, примат духовного над материальным, стремление заразиться энергией общего эмоционально-эстетического выбора. Словосочетание *очередь на Серова* вошло в современный русский язык как аксиологически маркированный вербальный знак, символизирующий феномен русскости.

Список литературы

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

Бердяев Н. А. Истоки и смыслы русского коммунизма // Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Сварог и К, 1997. С. 245–412.

Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 202 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта ; Наука, 2008. 248 с.

Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Единицы лингвокультурного пространства в аспекте проблемы толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 419–433.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

Ермакова О. П. Ирония – язык вражды или язык согласия? // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 151–156.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 2 т. 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 1. С. 338–380.

Мандельштам О. Э. Воспоминания. Шум времени / сост. М. П. Николаев. М. : АСТ, 2016. 288 с.

Мокиенко В. М., Никитина М. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М. : Большая Российская энциклопедия ; Рипол Классик, 2001. 1456 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2. 1040 с. (ТСУ).

References

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [The Descriptive Theory of Metaphor]. 632 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul′tury.

Berdyaev, N. A. (1997). *Istoki i smysly russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. In Berdyaev, N. A. *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* (pp. 245–412). Moscow, Svarog i K.

Blazhes, V. V. (1987). *Satira i yumor v dorevolyutsionnom fol'klore rabochikh Urala* [Satire and Humour in the Prerevolutionary Folklore of Ural Workers]. 202 p. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Budaev, E. V. & Chudinov A. P. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. 248 p. Moscow, Flinta, Nauka.

Burvikova, N. D. & Kostomarov, V. G. (2005). *Edinitsy lingvokul'turnogo prostranstva v aspekte problemy tolerantnosti* [Elements of Linguo-cultural Space in the Aspect of Tolerance Issue]. In Kupina, N. A. & Khomyakov, M. B. (Eds.). *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* (pp. 419–433). Moscow, Olma-Press.

Gorkin, A. P. (Ed.). (2001). *Novyy entsiklopedichesky slovar'* [A New Encyclopaedic Dictionary]. 1456 p. Moscow, Bol′shaya Rossiyskaya entsiklopediya, Ripol Klassik.

Ermakova, O. P. (2005). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of a Language]. 204 p. Kaluga, KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo.

Ermakova, O. P. (2006). *Ironiya – yazyk vrazhdy ili yazyk soglasiya?* [Irony – the Language of Hostility or the Language of Harmony?]. In Vepreva, I. T., Kupina, N. A. & Mikhaylova, O. A. (Eds.). *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* (pp. 151–156). Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena.

Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. 256 p. Moscow, Editorial URSS.

Lotman, Yu. M. & Uspensky, B. A. (1996). *Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka)* [The Role of Dual Models in the Evolution of Russian Culture (before the Late 18th Century)]. In Uspensky, B. A. *Izbrannye trudy : v 2 t. Vol. 1.* Pp. 338–380. 2nd ed. Moscow, Yazyki Russkoy Kul′tury.

Mandelstam, O. E. & Nikolaev, M. P. (Comp.). (2016). *Vospominaniya. Shum vremeni* [Memoirs. The Noise of Time]. 288 p. Moscow, AST.

Mokienko, V. M. & Nikitina, M. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [An Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. 704 p. Sankt Petersburg, Folio-Press.

Ushakov, D. N. (1938). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. 1040 p. Moscow, Izdatelstvo inostrannykh i natsional′nykh slovarey.

Vereshchagin, E. M. & Kostomarov, V. G. (1999). *V poiskakh novykh putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya reche-povedencheskikh taktik* [In Search of New Ways of Development for Linguistic and Cultural Studies: The Concept of Speech and Behavioural Tactics]. 84 p. Moscow, Gosudarstvennij institut russkogo yazika imeni A. S. Pushkina.

The article was submitted on 06.04.2016

HOT AND COLD WARS

DOI 10.15826/qr.2016.2.161
УДК 355.014(470.53)+316.485.26+323.282+929Дзержинский

«ПЕРМСКАЯ КАТАСТРОФА» КРАСНОЙ АРМИИ И СТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ ТЕРРОРА ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА

Илья Ратьковский
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE RED ARMY'S "PERM CATASTROPHE" AND IRON FELIX'S TERROR STRATEGY DEVELOPMENT*

Ilia Ratkovsky
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

The article examines the circumstances of the "Perm catastrophe" in 1918. The author focuses on the consequences of the military defeat of the Third Red Army at Perm, revealing the main role of Ya. M. Sverdlov in F. E. Dzerzhinsky and Stalin's secondment to Vyatka. The result of this trip was the strengthening of Yakov Sverdlov's position, an important circumstance being Felix Dzerzhinsky's replacement by Yakov Peters. The article reveals the role of Joseph Stalin and Felix Dzerzhinsky in the investigation of the "Perm catastrophe in 1918" and their work in Vyatka and Glazov. In addition to arrests, they carried out numerous mobilization activities in the region which led to the stabilization of the Eastern Front. White terror in Perm Region had a great impact on Felix Dzerzhinsky's radicalization of attitudes. First of all, it was his attitude to the officers that changed, with him regarding officers as the main threat to the Soviet system. It resulted in his frequent orders

* *Citation*: Ratkovsky, I. (2016). The Red Army's "Perm Catastrophe" and Iron Felix's Terror Strategy Development. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 109–118. DOI 10.15826/qr.2016.2.161.

Цитирование: *Ratkovsky I.* The Red Army's "Perm Catastrophe" and Iron Felix's Terror Strategy Development // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 109–118. DOI 10.15826/qr.2016.2.161 / *Ратьковский И.* «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 109–118. DOI 10.15826/qr.2016.2.161.

© Ратьковский И., 2016

to execute former army officers during his time as Chairman of the Cheka (Emergency Committee).

*Keywords***:** 1918; F. E. Dzerzhinsky; J. V. Stalin; Ya.M. Sverdlov; Ya. Kh. Peters; "Perm catastrophe"; white terror.

В статье рассматриваются обстоятельства «пермской катастрофы» 1918 г. Акцент сделан на военных последствиях поражения Третьей Красной армии под Пермью. Выявлена главная роль Я. М. Свердлова в командировании Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина в Вятку. Результатом этой командировки стало усиление позиций Я. М. Свердлова. Важным обстоятельством явилась замена Ф. Э. Дзержинского на Я. Х. Петерса. Раскрывается роль И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского в расследовании «Пермской катастрофы» 1918 г. Показана их деятельность в Вятке, Глазове. Помимо арестов, они провели многочисленные мобилизационные мероприятия в регионе. Результатом их деятельности стала стабилизация Восточного фронта. По мнению автора, белый террор в Пермском крае оказал большое влияние на радикализацию взглядов Феликса Дзержинского. В первую очередь изменилось его отношение к офицерству. Теперь именно в нем он видел главную угрозу советской власти, и приказы о расстрелах бывших офицеров стали частыми в практике Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК.

Ключевые слова: Гражданская война; 1918 г.; Ф. Э. Дзержинский; И. В. Сталин; Я. М. Свердлов; Я. Х. Петерс; «пермская катастрофа»; белый террор.

Сибирская армия Р. Гайды взяла Пермь 24 декабря 1918 г**.** Непосредственно штурмом города руководил генерал А. Н. Пепеляев. Это была крупнейшая победа белых в указанный период Гражданской войны: Третья Красная армия под командованием М. М. Лашевича была практически полностью разгромлена, победителям достались крупные запасы боеприпасов и продовольствия. Захваченными оказались важнейшие оружейные заводы – Пермские пушечные заводы в Мотовилихе (район Перми). Менялись ранее принятые стратегические решения. Главное командование Красной армии вынуждено было поменять не только направление наступления Второй армии с восточного на северное, но и отменить намеченное ранее передислоцирование Первой армии на Южный фронт, оставив ее на Восточном [Какурин, т. 2, с. 119]. Пермские события конца 1918 – начала 1919 г. оказали большое влияние на ход Гражданской войны, не только приостановив наступление красных войск на Восточном фронте, но и повлияв на ситуацию на ключевом Южном фронте. Эффект указанного поражения определил дальнейшее обозначение этих событий как «пермской катастрофы». Это определение ввели в оборот И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский, направленные для выявления обстоятельств падения Перми. Понятие «катастрофа» применялось ими в отправленном В. И. Ленину

по телеграфу отчете от 19 января 1919 г. и в отчете ЦК ВКП(б) и Совету Обороны 31 января 1919 г. Следует отметить, что Ленин ранее в телеграмме от 31 декабря 1918 г. писал Л. Д. Троцкому о катастрофическом положение в армии под Пермью.

Расследование пермских событий было поручено И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому, которым удалось в значительной степени выправить ситуацию. Политическим и военным обстоятельствам этих событий посвящен ряд последних исторических публикаций [Войтиков, 2013; Дубинин; Скипина, Московкин]. Однако в них в полной степени не раскрыто влияние этих событий на судьбы указанных деятелей. Между тем, «пермская катастрофа» оказала существенное влияние на дальнейшие взгляды и жизненный путь как Сталина, так и Дзержинского.

Ситуация в захваченном белыми регионе грозила распространиться на соседние территории, угрожая не только местной советской власти и населению, но и, что было более важно, существовала опасность разрушения северного участка Восточного фронта. Необходимо было в срочном порядке стабилизировать фронт, выявить причины поражения в декабрьских событиях с целью предотвращения новых. Этот вопрос обсуждался на заседании ЦК 30 декабря 1918 г. Уже 1 января 1919 г. ЦК РКП(б) и Совет Обороны образовали партийно-следственную комиссию в составе И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского для выяснения причин сдачи Перми и принятия мер к восстановлению доминирования советской власти в этом районе. Делегирование указанных лиц не было случайным. Это не было, например, инициативой Ф. Э. Дзержинского, который намеревался в эти дни выехать в противоположном направлении на Западный фронт, посетив заодно родные места [Ратьковский, 2015, с. 17]. Не выявлено по документам и инициативы в данном вопросе со стороны И. В. Сталина. Обоих видных деятелей большевистской партии делегировал Я. М. Свердлов, решая этим сразу несколько задач. Помимо необходимости расследования обстоятельств «пермской катастрофы», Свердлов добился удаления из Москвы Сталина, своего оппонента по многим вопросам [Войтиков, 2015, с. 30–45; Войтиков, 2014, с. 24–43]. Отъезд Дзержинского также отвечал интересам Свердлова. Для него было важным временное замещение Дзержинского на посту руководителя ВЧК Я. Х. Петерсом, с которым он сработался в период отставки Дзержинского летом 1918 г. и его же более поздней осенней поездки (по инициативе того же Свердлова) в Швейцарию и Германию. Контроль Свердлова над ВЧК, таким образом, значительно усиливался. Эти обстоятельства и определили события последующего январского расстрела великих князей в Петропавловской крепости, несмотря на принятое В. И. Лениным решение об их освобождении [Ратьковский, 2005, с. 270]. Следствием командировки Дзержинского явилось также ослабление охраны Ленина в этот период, результатом чего стал возможным январский инцидент с бандой Я. Кошелькова, когда руководитель Советского государства едва не стал жертвой московских

преступников. В любом случае удаление Сталина и Дзержинского усиливало позиции Свердлова.

Тем не менее, сама ситуация на пермском направлении была критической и требовала немедленного разрешения. Поэтому туда были посланы люди хотя и «неудобные» Свердлову, но, безусловно, имевшие уже сложившуюся репутацию решительных деятелей. Сталину и Дзержинскому были даны чрезвычайные полномочия для наведения порядка в Пермском регионе. Они имели возможность требовать объяснений от всех местных властей, вплоть до смещения должностных лиц и придания виновных суду военно-революционного трибунала [Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ, с. 95]. Контролируя процесс и определяя его дальнейшее развитие, Свердлов отправил телеграмму Уральскому обкому РКП(б) с постановлением о его роспуске и назначении партийно-следственной комиссии Сталина-Дзержинского для расследования обстоятельств падения Перми.

Поездка воспринималась обоими деятелями как срочная, не допускающая ни малейшего промедления. Характерно, что когда 3 января 1919 г. при отправке поезда с Ярославского вокзала вагон был подан несвоевременно, они незамедлительно связались по этому поводу с Лениным [Владимир Ильич Ленин, с. 399].

Наделенные ЦК чрезвычайными полномочиями в районе Третьей и Второй армий, Сталин и Дзержинский 5 января 1919 г. прибыли в Вятку. И для Сталина, и для Дзержинского это были знакомые места, где они когда-то отбывали ссылку. В частности, для Дзержинского Вятка была первым местом его ссылки [Ратьковский, 2013, с. 53–72].

Уже в день прибытия в Вятку они отправили в Москву телеграмму, в которой говорилось о предварительных итогах:

> Председателю Совета Обороны товарищу Ленину.
>
> Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить вам об одной не терпящей отлагательства нужде III армии. Дело в том, что от III армии (более 30 тысяч человек) осталось лишь около 11 тысяч усталых истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Присланные Главкомом части ненадежны, частью даже враждебны к нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков III армии и предотвращения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и III армии, эта опасность совершенно реальна) абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере три совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военные учреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которому мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных.
>
> Сталин.
>
> Ф. Дзержинский.
>
> 5 января 1919 г., Вятка. 8 часов вечера
>
> [Сталин, Дзержинский, с. 186–189].

В Вятке комиссия первоначально разместилась в доме на улице Ленина[1], позднее в ночь на 7 января выехав в Глазов, в штаб Третьей армии, который размещался в здании мужской гимназии. Переезд был вызван необходимостью переформирования и чистки указанной армии.

Работа комиссии велась по нескольким направлениям. Одним из важнейших вопросов было выявление персональной ответственности за «пермскую катастрофу» в целом и вины за отдельные мероприятия (например, неосуществленный подрыв моста, отсутствие разведчиков и т. д.). Эти вопросы были намечены Дзержинским и Сталиным еще по выезду из Москвы и уточнялись по приезду [Сталин, Дзержинский, с. 186–189]. Решение этих вопросов потребовало их переезда в Глазов, в штаб Третьей армии. И Сталин, и Дзержинский критично воспринимали деятельность М. М. Лашевича на посту командующего Третьей армии, вновь и вновь выявляя степень его провального участия в событиях. Помимо этого, они проводили аресты комсостава Третьей армии [Дубинин, с. 14–15]. В основном эти аресты коснулись снабженцев, среди которых были выявлены не только небрежность и бездеятельность, но и пьянство, другие должностные преступления, результатом чего было оставление противнику большого количества грузов [Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ, с. 97–98].

Неделя энергичной работы в Вятке и Глазове позволила комиссии сформулировать основные выводы о причинах падения Перми. 13 января 1919 г. в Москву в ЦК был направлен «Краткий предварительный отчет о ходе расследования причин сдачи Перми и особенно о мерах, намеченных комиссией для восстановления положения на участке 3-й армии». Уже на следующий день ознакомившийся с текстом телеграммы и намеченными мерами Ленин телеграфировал в Глазов:

> Получил и прочел первую шифрованную депешу. Очень прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте, иначе нет гарантии успеха. Ленин [Ленин, т. 50, с. 243].

Вторым вопросом, которым занималась комиссия, была чистка местных партийных и советских органов. Помимо удаления «виновного и лишнего элемента», эта работа могла решить задачу насыщения партийными кадрами Третьей армии. 18 января 1919 г. И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский с этой целью выезжают из Глазова в Вятку. На следующий день они выступили на объединенном заседании уральских и вятских партийных и советских организаций. Было объявлено о создании Вятского военно-революционного комитета и о масштабной мобилизации партийных кадров в армию. В этот же

[1] Первоначально улица носила название Вознесенской в связи с находившимся здесь Вознесенским кафедральным собором, с 1895 г. в честь Николая II называлась Николаевской, а 21 сентября 1918 г. Вятский горсовет постановил переименовать ее в улицу Ленина.

день они провели совещание представителей Народного комиссариата путей сообщения, отдела военных сообщений Третьей армии и других организаций, посвященное разгрузке вятского железнодорожного узла. Одним из вопросов, рассмотренных в этот день, был вопрос о предоставлении управлению снабжения Третьей армии 10 тысяч пудов мороженого мяса из обнаруженных на складах Вятского губкома 30 тысяч пудов (об этом Сталин и Дзержинский телеграфировали Ленину 16 января из Глазова) [Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ, с. 98]. Проведенная работа позволила составить общее представление о ситуации в регионе и отчитаться в этот же день перед Лениным о мерах, принятых для укрепления фронта и тыла Третьей армии.

На следующий день Сталин из Вятки связался с Лашевичем, сообщив ему (по результатам прошедшего накануне совещания) о предстоящем улучшении снабжения Третьей армии со складов Вятки и «складов с колес» в ближайшие дни [Дубинин, с. 15]. Проведенные мероприятия позволили комиссии 21января выехать обратно в Глазов, где она находилась до 25 января 1919 г., когда Дзержинский и Сталин вернулись в Вятку. 27 января они выехали из Вятки в Москву, и 29 января уже были на месте.

В этот же день они предоставили Ленину подробный отчет о причинах падения Перми и о мерах, принятых для восстановления положения в районе Третьей армии. В частности, они указывали на отсутствие резервов (как людских, так и материальных), на засорение Третьей армии классово чуждыми элементами, на материальное обеспечение красноармейцев. Плохое материальное снабжение армии и вследствие этого нежелание красноармейцев идти в бой подтверждают и современные архивные исследования [Скипина, Московкин, с. 104].

Среди выявленных комиссией причин «пермской катастрофы» были и ошибки, допущенные как Всероссийским бюро военных комиссаров, так и Реввоенсоветом республики, выразившиеся в отрыве от боевой деятельности и жизни, от нужд Красной армии. В докладе «досталось» как РВС Восточного фронта, так и косвенно главе РВСР Л. Д. Троцкому. Результаты расследования были оценены Лениным положительно.

Пермская экспедиция имела для Дзержинского и Сталина важные последствия. Помимо налаживания товарищеских отношений, что в дальнейшем будет иметь принципиальное значение, оба большевика убедились в едином для них мнении о необходимости жесткого контроля над бывшими офицерами. В этом их убеждал опыт белого террора в регионе.

Захват Перми сопровождался традиционным «наведением порядка» новыми властями. В городе и его окрестностях незамедлительно начался жесточайший белый террор. На Мотовилихинском заводе (захвачен 8-м Бийским полком группы генерала Б. М. Зиневича) было расстреляно свыше ста рабочих [Гражданская война, с. 365].

Некоторые части белых, например, штурмовой батальон Урбановского, пленных не брали принципиально. В частности, на Базарной площади в Нытве его подчиненные закололи штыками более сотни пленных красноармейцев, а также местных жителей, заподозренных в сочувствии советской власти. Массовые расстрелы в самой Перми проходили на льду Камы. Свою лепту в расправы внесла белая контрразведка, расположившаяся в здании бывшего духовного училища (угол Покровской и Оханской улиц). Позднее в подвальном помещении этого здания при ремонте в 1923 г. под слоем земли были обнаружены многочисленные останки людей [Аборкин; Коробейников; Курамшина].

Дополняют сведения о белом терроре в Перми и ее окрестностях материалы, размещенные в документальном сборнике «Гражданская война в Прикамье». В Покровской волости при населении в четыре тысячи человек было убито 35 человек (почти каждый сотый), многие выпороты. В Альняшинской волости расстреляно пять человек, из них один красноармеец-коммунист, выданный родственниками. В этой же волости действовал контрреволюционный повстанческий отряд под командованием офицера Балабанова, жертвами которого стали около 350 коммунистов и сочувствующих им. Также в сборнике приводятся более поздние данные местной ЧК о белом терроре:

> Хотя точный подсчет и не сделан по всей губернии, но по статистическим данным, которые имеются в Губчека, можно сказать, что расстреляно белыми 2558 человек, отпорото 1677, арестовано 5471, пострадали имущественно 5471 [Гражданская война в Прикамье, с. 349, 367–368, 428–429].

Есть данные и по отдельным городам края. Например, в Майкоре было расстреляно более ста человек. Согласно воспоминаниям, эти расстрелы часто проходили с изощренной жестокостью. Так, жителю деревни Азово Конону Якимову сначала отрубили руки, потом ноги, изрубили тело шашками, а уж потом добили его выстрелами из винтовок и наганов [Сайт города Майкора].

Массовые расстрелы проходили в Оханске. Перед отступлением белыми, согласно запискам председателя Оханской ЧК, было расстреляно 42 человека, в том числе бывшие члены исполкома Некрасов и Старцев [Оханск.ru]. В Соликамске был зарублен командир продотряда коммунист А. В. Логинов, расстрелян начальник милиции И. А. Дегтярников и 28 других жителей города, обвиненных следственной комиссией «в сотрудничестве с советской властью» [Капцугович, с. 85].

По официальным советским данным, в Нижнетагильском и Надеждинском районах от рук колчаковцев пострадало свыше 10 тысяч человек [Процесс над колчаковскими министрами, с. 23]. Все эти расстрелы шли помимо официальной гражданской власти, протесты которой игнорировались [Домовитая, с. 42–50]. И если для Сталина это было закреплением его царицынского опыта, то для Дзержинского

полученные сведения о ряде измен, а главное, о массовых казнях в Пермском крае имели важные последствия для изменения его взглядов на карательную политику по отношению к офицерству. До Пермской экспедиции Дзержинский не выделял бывших офицеров в Советской России как изначально враждебный элемент, подлежащий безусловному уничтожению. В ряде дел лета-осени 1918 г. он допускал смягчение мер наказания для его представителей в случае отсутствия явной вины. Например, офицеры, арестованные в ходе весеннее-летнего расследования дела «Союза защиты Родины и свободы», не были расстреляны в период председательства в ВЧК Дзержинского. Эта участь их постигла, когда его летом заменил на этом посту Я. Петерс [Ратьковский, 1995, с. 95, 105]. При этом среди расстрелянных савинковцев позднее оказался и А. А. Виленкин, оправданный ранее Дзержинским, но казненный Петерсом в тот период, когда Дзержинского не было в Москве (он находился в Петрограде, расследуя обстоятельства убийства М. С. Урицкого 30 августа 1918 г.).

После января 1919 г. позиция Дзержинского в отношении к офицерству стала более жесткой и непримиримой и уже не исключала массовых превентивных расправ над ним. Дальнейшие события, произошедшие после освобождения города красными войсками, возможно, только убедили Дзержинского в его внутренней правоте. Согласно сохранившейся в московском архиве РЦХИДНИ июльской телеграмме члена РВС Восточного фронта Н. И. Муралова А. И. Рыкову из освобожденной 1 июля 1919 г. красными войсками Перми, белые успели перед оставлением города сжечь и потопить свыше 50 пароходов с продовольствием и нефтью. На баржах сожгли около тысячи пленных красноармейцев и выпустили из тюрем всех уголовников, около двух тысяч политзаключенных (красных) попытались переправить в свой тыл, но белый конвой их отпустил [Павлюченков, с. 126; РЦХИДНИ, л. 1–3].

Из Москвы массовый террор в Перми виделся большевистским лидерам не просто как следствие террора противника, а как проявление «людоедской сущности» белого движения, белого офицерства [Бухарин]. В этом же был теперь убежден и Ф. Э. Дзержинский, находившийся на пермском участке фронта в начале 1919 г. Итогом пермской командировки стала моральная готовность Дзержинского к массовым репрессиям против офицерства, включая принятие им списочной расстрельной практики в деятельности ВЧК.

Список литературы

Аборкин В. За что и как боролся Колчак? // Вечерняя Пермь. 1991. 1 марта.

Бухарин Н. «Людоеды» // Беднота. 1919. 10 июля.

В. И. Ленин : Биографическая хроника : в 12 т. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970–1982. Т. 6.

Войтиков С. С. «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 19–25.

Войтиков С. С. «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918 –

начала 1919 года // Российская история. 2014. С. 24–43.

Войтиков С. С. И. В. Сталин против Я. М. Свердлова: Осень 1918 // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 30–45.

Гражданская война в Прикамье : Май 1918 – январь 1920 г. : сб. докл. Пермь : Агентство «Стиль-МГ», 2008. 503 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1987. 704 с.

Домовитая П. Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г. – апрель 1919 г.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2014. № 2. С. 42–50.

Дубинин Д. В. Участие Сталина в ликвидации последствий Пермской катастрофы // Исторические науки. 2009. № 6. С. 13–17.

Записки председателя Оханской ЧК // Оханск.ru [сайт]. URL: http://ohansk.ru/history/882/10.htm (дата обращения: 01.03.2016).

Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. 2-е изд., уточн. М., 1990.

Капцугович И. С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь, 1969. 130 с.

Коробейников В. Колчак в Перми // Вечерняя Пермь. 1994. 3 марта.

Курамшина А. В. Повседневная жизнь рабочих Прикамья при политическом режиме адмирала А. В. Колчака // Гражданская война на востоке России : Пермь, ноябрь 2008 : материалы интернет-конф. // URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii.html (дата обращения: 01.03.2016).

Майкор [официальный сайт]. URL: http://maikor.ru/press/17 (дата обращения: 01.03.2016).

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. : Рус. книгоиздат. товарищество – История, 1997. 272 с.

Процесс над колчаковскими министрами : Май 1920 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; отв. ред. В. И. Шишкин. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2003. 672 с.

Ратьковский И. С. Дзержиново в судьбе «Железного Феликса» // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 8–21.

Ратьковский И. С. Первая ссылка Феликса Дзержинского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 53–72.

Ратьковский И. С. Первый год деятельности Петроградской ЧК (март 1918 – март 1919) // Проблемы новейшей истории России : сб. ст. к 70-летию Г. Л. Соболева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 252–271.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп.1. Д. 10493. Л. 1–3.

Скипина И. В., Московкин В. В. Роль человеческого фактора в военном противостоянии на Урале зимой 1918–1919 гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 103–105.

Сталин И. В, Дзержинский Ф. Э. Письмо к В. И. Ленину с Восточного фронта 5 января 1919 г. // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во политич. лит., 1947. Т. 4. С. 186–189.

Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ : 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М. : Международный фонд «Демократия»; Материк, 2007. 872 с.

References

Aborkin, V. (1991). *Za chto i kak borolsya Kolchak?* [What for and how Did Kolchak Fight?]. In *Vechernyaya Perm′,* March 1.

Bukharin, N. (1919). *“Lyudoedy”* [Cannibals]. In *Bednota,* July 10.

Domovitaya, P. Ya. (2014). *Problema “dvoevlastiya” na Urale v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka* (dekabr′ 1918 g. – aprel′ 1919 g.). [The Problem of Diarchy in the Urals under A.V. Kolchak’s Regime (December 1918 – April 1919)]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya “Istoriya”, 2,* pp. 42–50.

Dubinin, D. V. (2009). *Uchastie Stalina v likvidatsii posledstviy Permskoy katastrofy* [Stalin’s Participation in the Perm Catastrophe Consequences Liquidation]. In *Istoricheskie nauki, 6,* pp. 13–17.

Grazhdanskaya voyna v Prikam′e. May 1918 – yanvar′ 1920 gg. Sb. dok-v [The Civil War in Prikamye. May 1918 – January 1920]. (2008). 503 p. Perm, Agentstvo “Stil′-MG”.

Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsiya v SSSR. Entsiklopediya [The Civil War and Military Intervention in the USSR. An Encyclopaedia]. (1983). 704 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.

Kakurin, N. E. (1990). *Kak srazhalas′ revolyutsiya* [How the Revolution Advanced]. Vol. 2. 1919–1920. 2nd ed. 431 p. Moscow, Politizdat.

Kaptsugovich, I. S. (1969). *Prikam'e v ogne grazhdanskoy voyny* [Prikamye in the Flames of the Civil War]. 130 p. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel′stvo.

Korobeynikov, V. (1994). Kolchak v Permi [Kolchak in Perm]. In *Vechernyaya Perm',* March 3.

Kuramshina, A. V. (2008). *Povsednevnaya zhizn′ rabochikh Prikam'ya pri politicheskom rezhime admirala A. V. Kolchaka* [Prikamye Workers' Everyday Life under the Political Regime of Admiral A.V. Kolchak]. In *Materialy internet-konferentsii "Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii. Perm". Noyabr′ 2008.* URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii.html (mode of access: 01.03.2016).

Lenin, V. I. (1970). *Polnoe sobranie sochineny v 55 t.* [Complete Works in 55 Vols.]. 5th ed. Vol. 50. Pis′ma. Oktyabr′ 1917 – iyun′ 1919. Moscow, Izdatel′stvo Politicheskoy literatury.

Maykor [ofitsial′nyy sayt]. URL: http://maikor.ru/press/17 (mode of access: 01.03.2016).

Pavlyuchenkov, S. A. (1997). *Voennyy kommunizm v Rossii: vlast′ i massy* [Military Communism in Russia: Power and the Large Public]. 272 p. Moscow, Russkoe knigoizdatel′skoe tovarishchestvo – Istoriya.

Plekhanov, A. A. & Plekhanov, A. M. (Comp.). (2007). *F. E. Dzerzhinsky – predsedatel′ VChK-OGPU. 1917–1926* [F.E. Dzerzhinsky – Chairman of the All-Russian Cheka-OGPU]. 872 p. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya", Materik.

Rat′kovsky, I. S. (2015). *Dzerzhinovo v sud'be "Zheleznogo Feliksa"* [Dzerzhinowo in the Fate of the "Iron Felix"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 8–21.

Rat′kovsky, I. S. (2013). *Pervaya ssylka Feliksa Dzerzhinskogo* [Felix Dzerzhinsky's First Exile]. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, 14,* pp. 53–72.

Rat′kovsky, I. S. (2005). *Pervyy god deyatel'nosti Petrogradskaya ChK* (mart 1918 – mart 1919) [The First Year of the Petrograd Cheka Operation (March 1918 – March 1919)]. In *Problemy noveyshey istorii Rossii. Sb. st. k 70-letiyu G. L. Soboleva* (pp. 252–271). Sankt Petersburg, Izdatel′stvo SPbGU.

Rossiysky Tsentr khraneniya i izucheniya dokumentov noveyshey istorii [The Russian Centre for the Storage and Study of Modern History Documents]. Stock 2. List1. Dossier10493. Leaf 1–3.

Sayt goroda Maykora [Website of the Town of Maykor]. URL: http://maikor.ru/press/17 (mode of access 1.03.2016).

Skipina, I. V. & Moskovkin, V. V. (2014). *Rol′ chelovecheskogo faktora v voennom protivostoyanii na Urale zimoy 1918–1919 gg.* [The Role of the Human Factor in the Military Confrontation in the Urals, Winter of 1918–1919]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 10,* pp.103–105.

Stalin, I. V. & Dzerzhinsky, F. E. (1947). *Pis'mo k V. I. Leninu s Vostochnogo fronta 5 yanvarya 1919 g.* [A Letter to V.I. Lenin from the Eastern Front as of January 5, 1919]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.*. Vol. 4, pp. 186–189. Moscow, OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel′stvo politicheskoy literatury.

Vladimir Il'ich Lenin: Biograficheskaya khronika [A Biographical Chronicle]. (1975). Vol. 6. 666 p. Moscow, Politizdat.

Voytikov, S. S. (2013). *"Permskaya katastrofa" L'va Trotskogo i Yakova Sverdlova* [The Perm Catastrophe of Leon Trotsky and Yakov Sverdlov]. In *Voenno-istorichesky zhurnal, 8,* pp. 19–25.

Voytikov, S. S. (2014). *"Predsedatel′ TsK": Ya. M. Sverdlov v politicheskoy bor'be 1918 – nachala 1919 goda* [Chairman of the Central Committee: Ya. M. Sverdlov in the Political Struggle of 1918 – Early 1919]. In *Rossiyskaya istoriya, 1,* pp. 24–43.

Voytikov, S. S. (2015). *I. V. Stalin protiv Ya. M. Sverdlova. Osen′ 1918* [J. V. Stalin against Ya.M. Sverdlov. Autumn of 1918]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 30–45.

Yakovlev, A. N. & Shishkin, V. I. (Eds.). (2003). *Protsess nad kolchakovskimi ministrami. May 1920* [The Trial of Kolchak's Ministers: May, 1920]. 672 p. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".

Zapiski predsedatelya Okhanskoy ChK [Notes of Okhansk Cheka Chairman]. URL: http://ohansk.ru/history/882/10.htm (mode of access 1.03.2016).

The article was submitted on 12.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.162
УДК 327.82(73)+327.82(470)+94(470)"1941/1945"

АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ НА RENDEZ-VOUS С СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ (1941–1945)

Василий Христофоров
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

AMERICAN DIPLOMATS ON A RENDEZVOUS WITH SOVIET POLICY AND RUSSIAN CULTURE (1941–1945)*

Vasily Khristoforov
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

The article studies the activity of American diplomats in the USSR during World War II, the protagonist being Llewellyn Thompson (1904–1972), who worked for the US Embassy between February 1941 and October 1944. The period was marked by the activity of three American ambassadors, with several diplomats acting as Chargé d'Affaires. Referring to a number of previously unknown documents in the Central Archive of the Security Service of the Russian Federation, it has become possible to consider some of the peculiarities of American diplomats' service in the Soviet Union during World War II. The historical sources create an image of this diplomat that reflects his sincere love for Russian culture, a deep sympathy for the suffering of the Russian people, and intensive activity to establish connections between the two countries. The first part of the article (*Quaestio Rossica*. 2016. Iss. 1) discusses Thompson's career prior to the Great Patriotic War (his arrival in the USSR and work for the Embassy). The second part of the article focuses on Thompson's work after the US Embassy's return from evacuation. The diplomat took part in a number of

* *Citation*: Khristoforov, V. (2016). American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162.

Цитирование: *Khristoforov V*. American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945) // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162 / *Христофоров В*. Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162.

© Христофоров В., 2016

major meetings with Soviet leaders, representatives of the People's Commissariat for Foreign Affairs, and the People's Commissariat of Foreign Trade, as well as the preparation of materials for international conferences. Archival materials describe events around the opening of the second front. At that time, American diplomats' actions and statements attracted special interest.

Keywords: World War II; USSR; USA; American diplomacy; Llewellyn Thompson; Central Archive of the Security Service of the Russian Federation.

Статья посвящена деятельности американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Ее главным героем является Льюэллин Томпсон (1904–1972), работавший в посольстве США с февраля 1941 до октября 1944 г. На основе ранее не известных документов Центрального архива ФСБ России представляется возможным рассмотреть особенности работы американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Исторические источники раскрывают интересный облик дипломата, его искреннюю любовь к русской культуре, глубокое сочувствие к страданиям русских людей и энергичную деятельность по налаживанию контактов между странами. В первой части статьи (*Quaestio Rossica.* 2016. № 1) рассказывается о прибытии Томпсона в СССР накануне Великой Отечественной войны и его работе в посольстве. Вторая часть статьи посвящена периоду работы Томпсона после возвращения посольства США в 1942 г. из эвакуации. Дипломат принимал участие в проведении целого ряда ответственных встреч с советскими руководителями, представителями НКИД, наркомата внешней торговли, в подготовке материалов к международным конференциям. Архивные документы свидетельствуют о событиях, связанных с вопросом открытия второго фронта. В тот момент действия и высказывания американских дипломатов вызывали особый интерес.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; США; американская дипломатия; Льюэллин Томпсон; Центральный архив ФСБ России.

Льюэллин Томпсон в военной Москве (1942–1944)

1942 г. стал для американских дипломатов годом весьма активной деятельности. Томпсон неоднократно принимал участие в переговорах, встречал и провожал специальных представителей президента США, приезжавших в Москву для встреч со Сталиным, организовывал работу и культурную программу вновь назначенного посла во время его приездов из Куйбышева в Москву, вел активную дипломатическую переписку.

Весной 1942 г. из Куйбышева в Москву возвратились военный и военно-морской атташе и миссия снабжения США, а также часть сотрудников посольства. Все это создавало дополнительные заботы. Миссия снабжения, в которую входили 25 сотрудников во главе с генералом Фэймонвиллом, поселилась в доме № 13/15 по улице

Моховой, и Томпсон принял самое активное участие в налаживании их быта. Он организовал проведение частичного ремонта здания, уборку подъезда, раздобыл около ста метров материи для светомаскировки. Кроме того, постаравшись создать необходимые условия для работы, оказывал внимание лично Фэймонвиллу, приглашая его на обеды в особняке посла и у себя на квартире.

Томпсон не оставлял без внимания вопросы культурного обмена, заключавшиеся в поставках в Советский Союз кинокартин, фотографий, книг и журналов о США и т. д. Он считал важным информирование советского населения, в первую очередь интеллигенции, о жизни в США. В американском посольстве регулярно устраивались просмотры новых художественных и документальных кинофильмов. Кроме того, посольство США в СССР издавало бюллетень, в котором публиковались материалы американской прессы. Американцы ставили перед наркоматом иностранных дел СССР вопрос об издании на территории США журнала на русском языке и распространении его в Советском Союзе. Томпсон занимался отбором, закупкой и обработкой книг, выходивших в СССР, и отправкой их в Вашингтон. Он обращал особое внимание на книги по горнорудному делу и сельскому хозяйству.

Томпсон искренне желал, чтобы советско-американские союзнические отношения развивались и укреплялись. Поэтому, ознакомившись с содержанием книги «Неожиданная встреча с войной», написанной американской журналисткой Алисой Моутс, ранее работавшей в СССР, он дал ей негативную оценку. В книге рассказывалось об иностранных дипломатах и советских гражданах, с которыми Моутс встречалась в Советском Союзе. В некоторых героях книги, скрытых автором под псевдонимами, Томпсон легко узнал своих московских знакомых. Не жалея черных красок, Моутс писала о после Штейнгардте, рассказывая, как он выгнал ее из американского посольства. Много страниц было посвящено Вышинскому и Лозовскому, которым Моутс давала отрицательные характеристики. Томпсон был крайне недоволен выходом книги в свет тогда, когда «советско-американские отношения развиваются дружественно» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 38]. Он критически относился к тем дипломатам, которые не разбирались «в самых простейших политических вопросах, где нужно было приложить свою мысль, а также к лицам, занимавшимся интригами» [Там же]. Он считал, что те дипломаты, которые думали, что они все знают и за несколько месяцев могут изучить Россию и писать о ней книги, глубоко заблуждаются. По мнению Томпсона, книги о России, которые вышли в последнее время за границей, писали именно такие некомпетентные люди.

Американских дипломатов интересовали взаимоотношения Советского государства и церкви. В начале апреля 1942 г. в Москве широко обсуждалось празднование Пасхи, а также то, что советское правительство разрешило допустить ночную пасхальную службу

в церквях Москвы и других городах, объявленных на осадном и военном положении. Такое решение принял лично Сталин, а предложения готовил глава НКВД СССР Берия. Среди жителей Москвы бытовало мнение, что разрешение свободного передвижения по городу ночью в пасхальный праздник стало проявлением ослабления давления на религию, обусловленного дружбой СССР с Великобританией и Америкой. В американском посольстве положительно оценивали разрешение для верующих ходить по городу в пасхальную ночь и подчеркнули, что «этот совсем новый жест произвел большое впечатление на всех американцев и англичан в Москве, потому что они порицали гонения на церковь в СССР» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 39]. Накануне дня Пасхи 4 апреля Томпсон пригласил своих московских друзей встречать праздник в американском посольстве.

В апреле 1942 г. Стендли специальным самолетом прибыл из Куйбышева в Москву. Будучи в столице, он неоднократно посещал Кремль, Наркомат иностранных дел, Наркомат Военно-морского флота, Наркомат внешней торговли. Томпсон встречал и провожал Стендли, сопровождал его на некоторых официальных мероприятиях, организовал для него посещение филиала ГАБТ (опер «Травиата» и «Севильский цирюльник», балетов «Лебединое озеро» и «Конек-Горбунок»), филиала Малого театра (постановки ансамбля песни и пляски НКВД СССР «По родной земле»). Стендли интересовало, как изменились Москва и ее окрестности со времени его посещения в 1941 г. Он совершил пешеходную прогулку и автомобильную поездку по Москве. 20 апреля Стендли выезжал на Можайское шоссе, в пути следования он обратил особое внимание на построенные баррикады и противотанковые препятствия.

По мнению Томпсона, летом 1942 г. для всех воюющих стран наступал решающий момент в войне. Он предполагал, что немцы будут наступать на Севастополь и Ростов, и считал, что Гитлер вряд ли будет пытаться еще раз наступать на Москву. Томпсон верил, что в СССР, как и всегда в России, была самая мощная артиллерия в мире. Он считал, что Германия не сможет победить Россию, и полагал, что война может закончиться через полтора года, и в Германии к власти придет новое правительство, которое заключит дипломатические отношения с СССР. Он делал обоснованный долгосрочный прогноз: «Гитлер покончит жизнь самоубийством, Гиммлера растерзает народ, Геринг и Риббентроп улетят куда-нибудь на самолете, а правительство в Германии будет демократическое, и даже, возможно, коммунистическое». Томпсон считал, что во внешней политике послевоенной Европы «все будет зависеть от Кремля, если Сталин понимает положение вещей, то он, безусловно, изменит политику для того, чтобы после войны иметь первый голос в Лиге Наций и показать миру, что большевизм не опасен. Почему вся Европа боялась большевизма? Она боялась Коминтерна, который во всех странах имел большие возможности и громадные деньги, теперь

же Коминтерн уже не играет той роли. К тому же, надо сказать, что после войны почти во всех странах правление будет демократическое, а в России будет совсем другая жизнь притом, что правительство станет правее, и социализм будет приближен к демократическим системам во всех странах. Одно, что неизбежно останется, это НКВД, пугающий всех репрессиями. Но мне кажется, что в мирной обстановке и эти органы будут мягче. К тому же новая военная молодежь и молодые генералы, выигравшие так блестяще войну, смогут иметь большую силу влияния на судебные органы власти, пережив такую суровую войну. Может быть, будет опять НЭП или, во всяком случае, большие сдвиги в политике, какие должен сделать Сталин, завоевавший за эту войну большие симпатии в Европе и уже частично рассеявший страх перед коммунизмом. Нет худа без добра. Может быть, эта война создаст в будущем блестящее положение России и Сталину. Но раньше осени всем нам ничего хорошего ждать не приходится, хотя я уверен, что здесь будет спокойнее, чем на Западе, в смысле военных действий» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 40–41].

Рассуждая о послевоенном устройстве мира, Томпсон надеялся, что «на этот раз Америка будет настолько умна, чтобы после войны остаться военным государством не только по названию, но и самым сильным военным государством в мире, типа Германии или России». Он говорил, что Америка не заинтересована в том, чтобы другие страны воевали, и поэтому «она должна быть самой сильной, чтобы суметь в короткий срок подавлять войны, если они будут возникать между другими государствами». Томпсон отмечал, что во время Второй мировой войны в США изменилось общественное мнение. Если ранее считалось, что Америка далеко, и ее ничего не касается, то теперь такие рассуждения не пользуются успехом у американцев, которые любят жизненные удобства и к политике обычно не проявляют интереса. Томпсон подчеркивал, что у американцев есть одно качество – это энтузиазм. Он говорил: «Американец с восторгом едет за 400 километров, чтобы посмотреть игру в бейсбол, и точно так же с восторгом будет работать по 12 часов в сутки для войны». По мнению Томпсона, необходимо было только направить этот энтузиазм в нужную сторону. Он считал ошибочным мнение о том, что Россия будто бы была не подготовлена к войне с Германией в материальном смысле. Сотрудники германского посольства в Москве информировали Берлин «о подготовленности СССР к войне, но в Берлине им не верили». Томпсон полагал, что если бы Гитлер признал сведения о числе самолетов и танков в Красной армии достоверными, то он вряд ли начал бы войну с Советским Союзом [Там же. Л. 41–42].

17 июня Берия направил Сталину и Молотову информацию об откликах советского населения в связи с подписанием 11 июня в Вашингтоне соглашения между СССР и США. Он сообщал о том, что подавляющее большинство советского населения одобряло факт под-

писания соглашения и расценивало его как большую победу внешней политики советского правительства. Звучали слова о том, что союзники помогут восстановить СССР после окончания войны, а помощь будет оказана не только военными материалами, но и открытием второго фронта. Люди верили, что второй фронт в Европе улучшит положение СССР, и война скоро будет закончена [Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945. С. 50–51].

Вместе с тем НКВД зафиксировал и отрицательные высказывания о том, что соглашение с США означает «экономическое закабаление СССР». Высказывались сомнения в реальности открытия второго фронта в Европе в 1942 г.: «Самым существенным в этих договорах является вопрос о втором фронте в Европе, а в остальном они мало прибавляют к фактическому положению, которое создалось за последние месяцы войны. Англия и Америка приняли наши требования о более действенной помощи. Сомнительно только, удастся ли на деле осуществить открытие второго фронта». «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР». «Если внимательно просмотреть текст соглашения с Америкой, то можно прийти к заключению, что договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть, и расширение частной инициативы внутри Советского Союза. При заключении этого договора нам, видно, пришлось пойти на большие уступки. Для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм, но поскольку первый напал на них, то им выгодно в этой борьбе использовать СССР, хотя они и ненавидят наш строй» [Там же. С. 52–53].

Следующий визит Стендли в Москву продолжался с 19 июня по 8 июля. По традиции Томпсон встречал и провожал посла на центральном военном аэродроме. Находясь в Москве, Стендли трижды (19, 24 июня и 3 июля) был в Кремле и встречался с Молотовым. 2 июля он был принят Сталиным. Томпсон, как и ранее, составил для Стендли программу культурных мероприятий. 20 июня в особняке посла состоялся просмотр кинофильма; 22 июня в Театре им. Станиславского – посещение балета «Виндзорские проказницы»; 27 июня – обед, на котором присутствовали американские и британские дипломаты, сотрудники миссии снабжения США и английской военной миссии; 2 июля – посещение Музея революции и осмотр немецкого трофейного оружия и картин, посвященных Красной армии; 3 июля – посещение выставки подбитых немецких самолетов в ЦПКиО им. Горького; 7 июля – осмотр в Музее Красной армии выставки трофеев, взятых при разгроме немцев под Москвой.

Летом 1942 г. советское руководство надеялось на то, что союзники откроют второй фронт в Европе, что значительно облегчило бы обстановку на советско-германском фронте. Однако в августе 1942 г. советская разведка получила достоверные данные о том, что «военный

кабинет Англии 25 июля на своем заседании принял решение второго фронта в этом году не открывать» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 3, кн. 2, с. 115].

Вопрос открытия второго фронта в Европе постоянно обсуждался. По мнению Томпсона, если Америка не будет принуждать Великобританию открыть второй фронт, Англия сама этого ни в коем случае не сделает. Томпсон надеялся, что американцы «раскачают англичан, чтобы открыть второй фронт в 1942 г.». Он считал, что если британцы «очень быстро не откроют второй фронт, то положение английских и американских военных, находившихся в Москве, будет незавидным». Томпсон говорил, что после войны Великобритания не сможет безапелляционно диктовать свои требования, потому что до сих пор она не очень много сделала для победы в войне. Он считал, что, возможно, после войны и Россия несколько изменит свою форму правления, она не будет настолько замкнута, и внутри страны будет более свободная жизнь [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 44–45].

6–24 августа Стендли находился в Москве в связи с переговорами между Сталиным, Черчиллем и Гарриманом. Он практически ежедневно проводил официальные встречи и беседы: несколько встреч с Молотовым в Кремле (6, 14, 21 августа), в НКИД (8, 10, 13, 14, 15 августа), на охраняемом загородном объекте, где велись переговоры на высшем уровне (13, 14, 15 августа), в Наркомате внешней торговли (15 августа) и Наркомате военно-морского флота (18 августа). Во всех официальных мероприятиях принимал участие Томпсон.

Культурная программа посла, кроме традиционного посещения театров, включала поход в зоопарк, 15 августа – просмотр кинофильма; 13 и 17 августа – в филиале ГАБТ балеты «Дон Кихот» и «Лебединое озеро»; 20 августа в Малом театре – выступление ансамбля песни и пляски Военно-морского флота «Флот в боях за Родину».

10 августа накануне приезда в Москву Черчилля и Гарримана Стендли провел пресс-конференцию для американских корреспондентов, посвященную вопросу открытия второго фронта в Европе. Он говорил уклончиво и неубедительно, не сообщив ничего конкретного и так и не ответив на прямой вопрос, сумеет ли СССР продолжать борьбу против Германии, если союзники в 1942 г. не откроют второй фронт [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 45].

Переговоры между Сталиным, Черчиллем и Гарриманом, находившимся в Москве в ранге специального представителя президента США, прошли 12–13 августа. В одной из бесед Черчилль сообщил, что в 1942 г. второго фронта в Европе не будет. Гарриман в беседах со Сталиным поднимал вопрос о возможности открытия авиационных баз для американских самолетов в Сибири. Эти самолеты могли бы активнее участвовать в боевых действиях против Японии. Сталин, в свою очередь, ответил, что американские самолеты могли бы взлетать с Аляски [Мировые войны XX века, кн. 4, с. 377–379]. Томпсон не только участвовал в церемонии встречи и проводов Гарримана

в Москве, но и присутствовал на некоторых беседах со Сталиным, сопровождал Гарримана в поездке в Тегеран.

В августе 1942 г. одновременно с Гарриманом в СССР прибыл известный специалист по России Н. Гендерсон, который по поручению государственного департамента США совершал инспекционную поездку в посольства США в СССР и на Ближнем Востоке. Приезд инспектора отразился на режиме работы американского посольства. Сотрудники жаловались на чрезмерную нагрузку, поскольку Гендерсон потребовал от них собрать объективные данные об экономическом положении Советского Союза и постараться определить степень его напряжения, дать прогноз, до какого момента СССР способен воевать против Германии [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 46–47]. Стендли с большим уважением относился к Гендерсону, называя его своим начальником. В сентябре, обсуждая с ним разногласия, возникшие между американским послом и Фэймонвиллом, Стендли возмущался увеличением численности сотрудников миссии снабжения США. Стендли намеревался через Гопкинса решить вопрос о повышении роли американского посла и одновременно ослабить положение Фэймонвилла, так как тот вел себя независимо и не подчинялся послу. По мнению Стендли, администрация ленд-лиза поступала непоследовательно, не согласовывала свои мероприятия с американским послом и, по сути, вела частную деятельность. Гендерсон поддерживал Стендли в том, что миссия снабжения США, военный и морской атташе, все приезжавшие в СССР американские представители должны подчиняться американскому послу и отчитываться перед ним.

Очередная поездка Стендли из Куйбышева в Москву (с 20 по 27 сентября) была связана с прибытием в СССР еще одного специального представителя президента США – Уэндела Уилки. Томпсон по традиции встречал гостей на аэродроме, принимал участие в некоторых беседах и официальных мероприятиях в Кремле и НКИД, организовывал посещение филиала ГАБТ, где они смотрели балет «Лебединое озеро» и слушали оперу «Евгений Онегин», Большого зала Московской консерватории, где давали 7-ю симфонию Шостаковича. 23 сентября в Кремле Уилки встречался со Сталиным. В этот же день Уилки и сопровождавшие его лица выехали на Западный фронт [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 48] (ил. 1).

Визит Уилки произвел на Стендли негативное впечатление. Он обвинял представителя президента в том, что тот не советовался с послом, не считался с его мнением, а находился под влиянием своего секретаря. В дни пребывания Уилки в СССР Стендли заявил Гендерсону: «Действия мистера Уилки здесь были отравлены влиянием, которое он сам не осознал. Он хотел фигурировать совершенно самостоятельно, вне всякой связи с государственным департаментом США» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 48–49]. В начале октября 1942 г. Стендли называл свое положение в СССР «невыносимым» и полагал, что «единственный возможный выход из сложившейся

1. И. В. Сталин и У. Уилки после беседы 23 сентября 1942 г.

1. J. V. Stalin and W. Willkie after conversation, September 23, 1942

ситуации – поехать домой и не вернуться». Стендли считал, что советские представители теперь просто «игнорируют его». Он намеревался рассказать Рузвельту о ненормальностях в своей работе, а также изложить видение ее дальнейшей организации. Стендли надеялся убедить Рузвельта не направлять в СССР своих специальных представителей, больше доверяя послу. В противном случае, говорил Стендли, он не сможет «быть послом в Советском Союзе» [Там же. Л. 49].

Несмотря на негативное отношение к посланникам из Вашингтона, Стендли был вынужден принимать их в СССР и оказывать им дипломатическую поддержку. В этих целях он и Гендерсон на период с 4 по 8 октября прилетали самолетом из Куйбышева в Москву. В первый же день по приезду Стендли и генерала Ф. Брэдли в Москву Томпсон организовал для них посещение в филиале ГАБТ балетов «Коппелия» и «Шопениана». 5 октября Стендли и Гендерсон в Кремле встречались с Молотовым, а 6 октября были на приеме у Сталина.

В октябре 1942 г. Стендли и сотрудник посольства Э. Пейдж выехали в Вашингтон, что сразу же стало предметом активного обсуждения среди сотрудников посольства. Часть дипломатов считала, что отъезд посла был связан с тем, что Гендерсон проинформировал государственный департамент о недостатках, и после этого Стендли был вызван для получения новых инструкций. Другие, среди которых был и Томпсон, считали, что причиной отъезда Стендли стало «недоброжелательное отношение со стороны специального представителя президента Уилки» [Там же. Л. 51]. Томпсон отмечал, что отъезд Стендли насторожил советских руководителей и изменил их

отношение к послу: Сталин и советские руководители были «более сердечно настроены к американскому послу, чем это было ранее» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 51].

Однако причина поездки американского посла в США была несколько иной. Стендли направил записку Рузвельту с просьбой разрешить ему вернуться в Вашингтон для проведения важных консультаций. Рузвельт дал такое разрешение, предполагая, что Стендли везет секретное послание от Сталина. Однако Стендли направился в США, во-первых, для того чтобы довести до президента США и его помощника Гопкинса собственные рекомендации относительно масштабов помощи по ленд-лизу, считая, что американская помощь должна быть пропорциональной ответным действиям Советского Союза. Во-вторых, Стендли потребовал, чтобы ему в подчинение передали генерала Фэймонвилла, а также попросил Рузвельта прекратить посылать специальных представителей в Москву. Но в итоге Стендли не нашел понимания [Данн, с. 224–225].

В начале ноября на период отсутствия Стендли был назначен временный поверенный в делах США в СССР Гендерсон, который прибыл в Москву, сопровождая американского генерала Патрика Хэрли, приехавшего в СССР со специальной миссией. Томпсон встречал высоких гостей. 5 ноября 1942 г. Гендерсона и Хэрли принял Молотов. В ходе беседы обсуждалась возможность встречи Хэрли со Сталиным [Советско-американские отношения, с. 318]. Во время пребывания в СССР генерал Хэрли демонстрировал полную лояльность к Советскому Союзу, он подчеркивал, что американцы питают искренние дружественные чувства к России, но в СССР еще нет таких искренних чувств к Штатам. Однако он надеялся, что между странами скоро будет достигнуто полное взаимопонимание. Время шло, но Сталин не торопился встречаться с генералом Хэрли. 11 ноября Томпсон, используя свои хорошие отношения с переводчиком Сталина В. Н. Павловым, пытался через него ускорить дату встречи генерала Хэрли со Сталиным [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 53]. В какой-то мере ему это удалось. Спустя три дня после телефонного разговора Томпсона с Павловым 14 ноября Хэрли был принят Сталиным. Беседа продолжалась почти полтора часа.

1943 г. стал для Советского Союза годом коренного перелома в ходе войны с Германией. Безусловно, серьезным подспорьем в успешных действиях Красной армии стала материальная помощь, поступавшая из США.

12 января 1943 г. американское посольство возвратилось в Москву. Уже на следующий день Стендли был принят в Кремле Молотовым, а 15 января – заместителем наркома внешней торговли А. Д. Крутиковым. 26 января Сталин провел в Кремле короткую встречу с послом США Стендли, которого сопровождал Томпсон, а также с английскими дипломатами. Американские и британские дипломаты проинформировали Сталина о результатах секретной конференции,

которая проходила с 14 по 26 января в Касабланке. На конференции, в которой принимали участие Рузвельт, Черчилль и представители военного руководства обеих стран, было выдвинуто требование о безоговорочной капитуляции Третьего рейха, Италии и Японии. Простое перемирие для союзников было неприемлемо [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 54; Вторая мировая война. День за днем. С. 216].

События марта 1943 г. надолго запомнились многим политикам и военным и в СССР, и в США. 8 марта посол Стендли собрал пресс-конференцию американских журналистов и неожиданно для всех обрушился с резкими обвинениями в адрес Советского Союза. Он говорил о замалчивании перед широкими слоями советского населения размеров американской помощи СССР, о том, что только эта помощь могла обеспечить размах нынешнего наступления Красной армии. Поздно вечером того же дня американские журналисты, получившие такой сенсационный материал, сдали в отдел печати НКИД телеграммы, в которых была полностью изложена речь Стендли. Утром 9 марта советская контрразведка располагала полными данными о состоявшейся пресс-конференции и о том, что лишь корреспондент «Таймс» Ральф Паркер сопроводил свою телеграмму резкими комментариями, в которых критиковал выступление Стендли, называя его несправедливым, и заявил о ничтожной помощи союзников по сравнению с теми жертвами, которые несет СССР. Тем не менее, все телеграммы американских корреспондентов были согласованы и пропущены за границу [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 55].

10 марта Молотов встретился со Стендли. Во время беседы, которая продолжалась около двух часов, нарком иностранных дел СССР выразил недовольство по поводу бестактности американского посла, а затем объяснил отсутствие информации по освещению ленд-лиза в советской печати: «Советское правительство считало неразумным подчеркивать в печати огромную величину помощи, поступавшей из Америки, поскольку это привлекло бы внимание держав “оси” и заставило бы их с большим усердием уничтожать морские караваны». Молотов добавил, что в СССР «любой простой человек знает наизусть число танков и самолетов, которые мы получили из Америки». Однако Стендли стоял на своем, он говорил, что у него нет доказательств благодарности Москвы за помощь, приходящую по линии ленд-лиза [Данн, с. 270].

За период с 10 марта по 14 апреля Молотов пять раз встречался с американским послом. Стендли воспринял такую активность как результат своего демарша и считал, что только благодаря его настойчивой позиции и продолжительным беседам с Молотовым об американской помощи в советской прессе появились материалы, в которых звучали слова благодарности США за помощь по программе ленд-лиза. О резко возросшем интересе к Стендли свидетельствует и то, что на рядовое мероприятие – просмотр кинофильма в особняке американского посла, проводившийся 13 марта, собралось необычайно большое количество иностранных дипломатов.

Названная пресс-конференция Стендли, а также выступление первого посла США в СССР У. Буллита в Филадельфии в марте 1943 г. с речью, в которой он критиковал позицию администрации США по отношению к идее послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, свидетельствовали о различных настроениях в общественном мнении США [Мальков, с. 264].

В каждый из приездов Стендли из Куйбышева в Москву Томпсон приглашал посла на обеды или вечера, которые устраивал в своей квартире. Стендли был знаком с московскими друзьями Томпсона, в том числе и с его русской девушкой, и хорошо к ней относился. Стендли добросовестно исполнял обязанности по встрече и проводам гостей, приезжавших в СССР. Рядом со Стендли часто можно было увидеть и Томпсона [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 56–57]. Он присутствовал на беседах посла с иностранными дипломатами и на официальных приемах. 1 апреля Стендли и Томпсон встречались с норвежским послом Рольфом Андвордом, 6 апреля посетили штаб британской военной миссии, где состоялся прием в честь прибывшего ее главы генерала Гефферда Мартеля [Там же. Л. 57]. 6 мая были в Кремле днем, а вечером – на приеме в особняке НКИД.

В конце апреля 1943 г. Стендли был извещен, что в мае в Москву в качестве специального представителя президента США для организации встречи со Сталиным приедет Дж. Э. Дэвис. Стендли расценил это как элемент недоверия. Он считал, что Дэвис совершенно некомпетентен и не способен выполнить задачу, поставленную Рузвельтом. 3 мая Стендли подал в отставку.

19 мая Дэвис прибыл в Москву. Главной целью его миссии было доставить Сталину письмо Рузвельта, в котором содержалось предложение о личной встрече. 20 мая Дэвис и Стендли пришли к Сталину. Стендли объяснил ему цель визита Дэвиса и добавил: «Наш президент поставил меня в известность, что не желает моего присутствия при вручении этого письма. С вашего позволения, мистер Сталин, я удаляюсь». Удивленный Сталин ответил: «Как вам угодно», – и Стендли вышел [Данн, с. 278; На приеме у Сталина, с. 408].

Первая встреча Дэвиса со Сталиным продолжалась более двух часов. Специальный представитель президента США пытался довести до главы Советского государства позицию Рузвельта по международным событиям. Сталин жестко критиковал польское правительство в эмиграции, которое, по его словам, предало Россию. Он просил предоставления СССР большей военной помощи, в первую очередь самолетов и боевой техники. Дэвису нужно было укрепить уверенность Сталина в том, что он получит поддержку Рузвельта для экспансии Советского Союза в Восточной Европе. На следующий день Дэвис сказал Стендли, что не знает содержания письма, которое привез Сталину, и отказался раскрыть существо разговора с советским руководителем. Было ясно, что американский посол не играл больше никакой роли [Данн, с. 282].

Вечером 23 мая Сталин устроил обед в честь Дэвиса и Стендли, в течение которого произносились тосты за советско-американское сотрудничество, «настоящего друга СССР» Дэвиса, вооруженные силы союзников, победу под Сталинградом и Красную армию.

Вторая встреча Дэвиса со Сталиным прошла 26 мая и продолжалась почти два часа. Сталин вручил Дэвису письмо к Рузвельту и сказал, что встреча руководителей СССР и США и ее дата будут зависеть от военной обстановки. Сталин вновь говорил о послевоенном устройстве мира. Он подчеркнул, что СССР на границах с Польшей, Финляндией и Румынией хотел иметь государства с дружественными правительствами, при этом назвал польское правительство в эмиграции «антисоветским».

Сталин знал, что Стендли скоро будет заменен, тем не менее, после отъезда Дэвиса 4 июня он принял американского посла и 40 минут беседовал с ним. Стендли сообщил Сталину, что союзники не будут осуществлять вторжение в северную Францию в 1943 г., а вместо этого будут стараться вывести Италию из войны.

21 июня Стендли и Томпсон встречали членов ЦК Красного Креста США. 22 июня они были в Кремле на приеме у Молотова. Стендли от имени президента США передал Молотову ордена для вручения командирам и бойцам Красной армии, награжденным американским правительством за героизм в борьбе с германским фашизмом [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 59].

Вопрос о возможности сотрудничества с Россией в США постоянно изучался различными аналитическим службами. К 1-й Квебекской конференции исследовательским и аналитическим департаментом Управления стратегических служб США был подготовлен доклад «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?» [Мировые войны XX века, кн. 4, с. 446–450][1]. В нем детально анализировались американские и советские цели в Европе и делался вывод, что скорейшее начало боевых действий там будет выгодно обеим странам.

В 1943 г. произошла очередная смена американского посла в СССР. 18 сентября Стендли уехал из Москвы, а уже 30 сентября Вышинский сообщил временному поверенному в делах США в СССР Максвеллу Гамильтону о согласии на выдачу агремана новому американскому послу в Советском Союзе Гарриману. Гарриман предполагал оставить в Москве многих из тех, кто работал у Стендли, исключая генерала Фэймонвилла, которого заменил генералом Джоном Дином. 18 октября Гарриман прибыл в Москву. Одновременно с ним приехал госсекретарь США Хэлл. В этот же день Гарриман и Хэлл были на приеме у Молотова. 19 октября 1943 г. начала работу конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, в работе которой участвовал и Гарриман. По мнению Данна, «Рузвельт несколько беспо-

[1] 1-я Квебекская конференция проходила 14–24 августа 1943 г. с участием Рузвельта и Черчилля. Обсуждался план подготовки вторжения англо-американских войск во Францию, начало которого намечалось на 1 мая 1944 г.

коился по поводу того, что говорил Хэлл от имени Соединенных Штатов на встрече министров иностранных дел, поскольку последний не входил во внутреннее окружение. Президент хотел, чтобы Гарриман приглядывал за госсекретарем. <…> Гарриман докладывал Рузвельту, что Хэлл отлично выполнил свою задачу» [Данн, с. 311, 314].

21 октября в ходе беседы с Молотовым по случаю предстоявшего вручения верительных грамот Гарриман проинформировал о настроениях американской общественности в отношении союзнических обязательств, взятых на себя США; сказав, что твердая решимость вести эту войну совместно до конца как в Европе, так и на Тихом океане одобряется подавляющим большинством американцев, он вместе с тем отметил, что в Америке имеются сообщества, которые издают свои газеты и утверждают, что Соединенные Штаты совершили ошибку, вступив в войну.

Еще перед отъездом из Америки в Советский Союз Гарриман поставил условие Рузвельту, чтобы ни один вопрос, связанный с СССР, не решался без ведома и согласия американского посла в Москве. Поэтому Гарриман добился отзыва главы американской миссии снабжения генерала Фэймонвилла из СССР, хотя тот намеревался договориться с новым послом, хотел избежать конфликтов, которые возникали ранее.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская конференция, в которой приняли участие главы правительств СССР, США и Великобритании. Участники конференции договорились о совместных действиях в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве. США и Великобритания обязались открыть второй фронт в Европе в течение мая 1944 г., а СССР – вступить в войну против Японии после разгрома фашистской Германии.

Иностранные дипломаты в Москве внимательно следили за приготовлениями и ходом Тегеранской конференции. Так, посланник Швеции в Москве Вильгельм Ассарссон в день открытия конференции интересовался у Томпсона слухами о том, что «где-то на Ближнем Востоке происходит встреча президента Рузвельта со Сталиным и Черчиллем». Томпсон ответил, что не имеет права разглашать государственную тайну, хотя «болтливая американская печать ее уже разгласила». Ассарссон надеялся, что на этом совещании будет обсуждаться вопрос вывода Финляндии из войны, а Рузвельт и Черчилль уговорят Сталина дать заверение, что «советские войска не оккупируют Финляндию в случае, если она потребует вывода германских войск с ее территории». Обсуждая вопрос открытия союзниками второго фронта в Европе, Томпсон полагал, что десант союзников в Западной Европе в 1943 г. преждевременен, поскольку германское командование сможет сконцентрировать свои войска на угрожаемом участке, «произойдут кровопролитные бои, потому что у немцев там имеется больше войск, чем сможет бросить Америка, если даже использует своевременно весь флот» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5692. Л. 62–63].

Гарриман вернулся в Москву сразу после окончания Тегеранской конференции. Уже 18 декабря Сталин принял американского посла и сказал, что теперь ему кажется, что он хорошо узнал президента Рузвельта и чувствовал себя прекрасно в его обществе [Данн, с. 332].

В конце апреля 1944 г. Гарриман, уезжая в Вашингтон, поручил Томпсону заняться хозяйственными делами посольства: провести ремонт особняка посла, здания посольства и подготовить к летнему сезону дачи. Еще в октябре 1943 г. Гарриман обратил внимание на плачевное состояние особняка американского посла: часть окон была разбита и заколочена фанерой, система отопления и водоснабжения работала плохо, стены требовали шпаклевки и покраски. Представители посольства США неоднократно ставили перед бюро по обслуживанию иностранцев вопрос о выделении дополнительных помещений. Им каждый раз давали обещание рассмотреть вопрос, но дополнительные помещения для американского посольства по разным причинам не выделялись. Когда в июле 1944 г. в Москву приехала большая группа американских военнослужащих, их пришлось разместить в палатках, которые установили в саду особняка посла.

В годы войны американцы уделяли серьезное внимание вопросам американо-советского культурного обмена. Томпсон установил хорошие контакты с руководством Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), Комитета по делам кинематографии, Радиокомитета. Томпсон посещал фестиваль содружества американской, британской и советской кинематографии при СНК СССР (август 1942 г.), на котором обсуждалась деятельность киноактеров и кинопромышленности СССР, США и Великобритании. После прибытия в Москву Гарримана Томпсон перестал заниматься вопросами организации культурного сотрудничества между учеными, писателями, художниками США и СССР, поскольку это направление деятельности было поручено Кэтлин Гарриман.

Работая в американском посольстве в СССР, особенно когда большая часть сотрудников была эвакуирована в Куйбышев, Томпсон получил прекрасную дипломатическую практику. Наряду с обычными обязанностями, в 1942 г. ему поручалось служить каналом для обмена посланиями между Рузвельтом и Сталиным (как он говорил, он был «своеобразным почтовым отделением»). Томпсон принимал участие в проведении целого ряда ответственных встреч с советскими руководителями, представителями НКИД, наркомата внешней торговли, в подготовке материалов к международным конференциям. Оценивая свой опыт участия в открытых встречах с советскими представителями, Томпсон говорил, что русские очень подозрительны, они привыкли везде искать скрытый смысл. Даже обычные русские люди, читая советскую прессу, пытались читать между строк.

1 января 1942 г. на празднование Нового года в американскую миссию снабжения были приглашены московские артисты и балерины. Был на этом вечере и Томпсон. Возможно, именно там он познако-

мился с одной из артисток Большого театра. Она понравилась Томпсону и с этого дня стала неизменным гостем в особняке американского посла. Томпсон стал ухаживать за балериной и вскоре понял, что влюблен. Девушка ответила ему взаимностью. Начались романтические отношения. Вскоре балерина познакомила Томпсона с матерью. Томпсон мечтал представить свою русскую девушку родителям, будучи уверен, что она им понравится.

Романтические отношения между американскими дипломатами, сотрудниками военной миссии и русскими девушками не были чем-то необычным. Чаще всего романы завершались после отъезда иностранцев на родину, но иногда они заканчивались браками, которые приносили молодоженам много трудностей. Посольству стоило огромных трудов получить разрешение на выезд девушек из СССР. Так, в 1944 г. Гарриману удалось получить разрешение на выезд в Америку вместе с мужьями двух русских жен, но это было только исключением и стоило больших усилий. Гарриман говорил, что Сталин и Молотов иногда вмешивались в решение таких вопросов, но общий закон оставался без изменений. Получение разрешения на выезд было столь трудным, что Гарриман предлагал Государственному департаменту США брать с каждого американского дипломата и других государственных служащих подписку, в которой они в случае заключения брака с советскими гражданками брали бы на себя обязательство не требовать от правительства быстрого решения их вопроса.

Несмотря на то, что Томпсону нравилось жить и работать в Москве, более того, у него здесь была любимая женщина, к осени 1944 г. он пришел к выводу, что дальнейшее пребывание в России с карьерной точки зрения нецелесообразно. Томпсон считал, что ему необходимо вернуться в США и стать специалистом по России, которых в Америке не так много, и потом как можно скорее вернуться в Москву. Томпсон опасался, что может быть переведен в какую-нибудь страну вроде Уругвая или Парагвая только на том основании, что прошел срок, определенный для пребывания на одном посту. Именно поэтому он хотел вернуться в США осенью 1944 г., устроиться на работу в отдел европейских стран государственного департамента и там возобновить знакомство с людьми, от которых будет зависеть его последующее возвращение в Россию. Томпсон считал, что чем дольше он остается в России, тем больше отдаляет время своего следующего приезда. Однако указание об отъезде в США, полученное Томпсоном в октябре, оказалось для него в какой-то мере неожиданным. Он предполагал, что его отъезд произойдет позднее, и несколько дней не говорил своей русской возлюбленной о том, что его переводят. Разговор с ней был слишком тяжелым для Томпсона. Он был вынужден прямо сказать, что хочет жениться, но не может этого сделать, оставаясь на службе. Перед Томпсоном была дилемма: жениться на русской балерине и бросить службу в Государственном департаменте США, но тогда он не сможет прокормить семью, поскольку не имеет

других средств к существованию. Вторым вариантом было остаться на государственной службе и отложить женитьбу (до выхода на пенсию Томпсону оставалось около 13 лет). Томпсон избрал второй вариант и нашел понимание и поддержку у своей девушки. Его очень угнетало то, что он не женился, и его отъезд мог быть истолкован окружающими как несерьезное отношение к русской возлюбленной. Среди иностранных дипломатов в Москве подобные отношения назывались временными, или «туземным романом», который быстро заканчивался. Кроме того, Томпсон не хотел, чтобы в госдепартаменте узнали о существовании русской невесты, тогда ему не удалось бы больше приехать в Россию [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5692. Л. 69–72].

2. Льюэллин Томпсон покидает здание МИД СССР. Москва. 1960-е гг.

2. Llewellyn Thompson leaving the Ministry of External Relations of USSR. Moscow. 1960s

19 октября 1944 г. Томпсон убыл из Москвы. Вернуться в советскую столицу ему удалось не так быстро, как хотелось. В апреле 1945 г. Томпсон был назначен специальным представителем Государственного департамента США для связи с советской делегацией, прибывшей в Америку для участия в работе конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. В декабре 1945 г. Томпсон приезжал в Москву в составе американской делегации, участвовавшей в работе сессии Совета министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Вновь Томпсон вернулся в Москву только в июне 1957 г. уже в качестве посла США в Советском Союзе и находился на этой должности до апреля 1962 г. (ил. 2). Вторично Томпсон был назначен на этот пост в декабре 1967 г. (до января 1969 г.). Пока это единственный дипломат, дважды исполнявший обязанности посла США в СССР.

Список литературы

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М. : Три квадрата, 2004. 472 с.

Мальков В. Л. Проблемы внутренней политики и дипломатии : Историко-документальные очерки. М. : Мысль, 1988. 348 с.

Международное положение глазами ленинградцев : 1941–1945. СПб. : Европейский дом, 1996. 168 с.

Мировые войны XX века : в 4 кн. М. : Наука, 2005. Кн. 3. Вторая мировая война : ист. очерк. 597 с. Кн. 4. Вторая мировая война : документы и материалы. 677 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : в 5 т. М. : Кучково поле, 2000–2007.

Советско-американские отношения. 1939–1945. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2004. 792 с.

Центральный архив ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691–5692.

References

Dunn, D. (2004). *Mezhdu Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskie posly v Moskve* [Caught between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow]. 472 p. Moscow, Tri kvadrata.

Mal′kov, V. L. (1988). *Problemy vnutrenney politiki i diplomatii: Istoriko-dokumental'nye ocherki* [Internal Policy and Diplomacy Issues: Historical and Documentary Essays]. 348 p. Moscow, Mysl′.

Mezhdunarodnoe polozhenie glazami Leningradtsev 1941–1945 [Leningrad Residents' Opinion on the International Situation in 1941–1945]. (1996). 168 p. Sankt Petersburg, "Evropeysky dom".

Mirovye voyny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya voyna: ist. ocherk. Kn. 4: Vtoraya mirovaya voyna: dokumenty i materialy [World Wars in the 20th Century: 4 vol. Book 3: World War II: Documents and Materials]. (2005). 597 p. 677 p. Moscow, Nauka.

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. 1–5. [State Security of the USSR during the Great Patriotic War: Vol. 1–5]. (2000–2007). Vol. 1–5. Moscow.

Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1939–1945 [Soviet-American Relations. 1939–1945]. (2004). 792 p. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".

Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii. F. KPI. № 5689–5692 [The Central Archive of the FSB of Russia. F. PPC. № 5691–5692].

The article was submitted on 18.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.163
УДК 94(100)"1939/45"+94(470)"1941/1945"+325.2:82-94

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЛИТЕРАТУРНОМ ВОСПРИЯТИИ ТРЕХ ВОЛН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Памяти Н. Л. Лейдермана

Юлия Матвеева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

WORLD WAR II IN THE LITERARY PERCEPTION OF THREE WAVES OF RUSSIAN EMIGRATION*

In Memory of N. L. Leiderman

Yulia Matveeva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article considers the theme of World War II through the literary and artistic prism of the three waves of Russian emigration as a special area of ideological and philosophical differences. The author analyzes artistic and documentary texts by G. Gazdanov, V. Varshavsky, V. Andreev (the first wave of Russian emigration), B. Shiryaev, L. Rzhevsky, G. Andreev (Khomyakov), I. Yelagin (the second wave of emigration), G. Vladimov, A. Zinoviev (the third wave). The author reconstructs the multidimensional and ambiguous perception of war, characteristic of the representatives of different periods of emigration: patriotic, antifascist, collaborationist, philosophical, critical and patriotic at the same time. In every writer's works the theme of war is considered in relation to their personal destiny and world outlook. The material in the article is structured according to the principle of historical chronology (the first wave, the second, and the third wave), however, the analysis of individual works focuses on a certain and quite individual viewpoint. The juxtaposition and comparison

* *Citation*: Matveeva, Yu. (2016). World War II in the Literary Perception of Three Waves of Russian Emigration. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163.

Цитирование: *Matveeva Yu.* World War II in the Literary Perception of Three Waves of Russian Emigration // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163 / *Матвеева Ю.* Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163.

© Матвеева Ю., 2016

of these viewpoints gives an idea about the controversy over World War II, reflecting political and moral, ethical and even existential attitudes of émigré writers.

Keywords: World War II; Great Patriotic War; three waves of Russian emigration; literature on the Great Patriotic War.

Образ Второй мировой войны рассматривается в литературно-художественном преломлении трех волн русской эмиграции как особая зона напряженных идейно-философских расхождений. Анализируются художественные и документальные тексты, созданные Г. Газдановым, В. Варшавским, В. Андреевым (первая волна русской эмиграции), Б. Ширяевым, Л. Ржевским, Г. Андреевым (Хомяковым), И. Елагиным (вторая волна эмиграции), Г. Владимовым, А. Зиновьевым (третья волна). Воссоздается объемное и неоднозначное видение войны, свойственное представителям разных периодов эмиграции: патриотическое, антифашистское, коллаборационистское, общефилософское, критическое и патриотическое одновременно. В творчестве каждого писателя тема войны рассматривается в соотношении с его личной судьбой и мировоззренческими позициями. Материал статьи выстроен по принципу исторической хронологии (первая волна, затем вторая и третья), однако анализ произведений конкретных авторов акцентирует определенную и вполне индивидуальную точку зрения. Соположение и сопоставление этих точек зрения дает представление о межэмигрантской полемике вокруг Второй мировой войны, максимально раскрывающей как политические, так и морально-этические и даже экзистенциальные установки писателей-эмигрантов.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; три волны русской эмиграции; литература о Великой Отечественной войне.

Тема Великой Отечественной войны, пронизывающая советскую и постсоветскую культуру, буквально на наших глазах начинает прорастать в современность. Оглядываясь на опыт «военной» литературы – наиважнейший аккумулятор истории и человеческой экзистенциальной памяти, необходимо обратиться к тому материалу и к тем литературным свидетельствам, которые могут приоткрыть иную сторону войны, донести непривычное для нас ее видение.

Именно такой взгляд содержит русская литература зарубежья, где тема войны стала зоной идейно-философского пересечения и полемики всех трех волн русской эмиграции – узловым, центральным в хронологии XX в. событием, скрепившим и в то же время отчетливо противопоставившим эти три волны друг другу. Попробуем более подробно рассмотреть, как именно запечатлелась Вторая мировая война в литературном наследии оторванного от России русскоязычного эмигрантского сообщества, которое на протяжении всего

XX столетия создавало альтернативное видение советской истории, политики и жизни, объективируя тем самым многие неоднозначные явления, события и факты нашего привычного бытия.

Самая масштабная – *первая, или «белая» эмиграция*. Мемуаристы первой волны называют 1939 (или еще 1940) год годом раскола русского эмигрантского сообщества, когда по разные стороны баррикад оказались многие представители русской диаспоры: генералы А. И. Деникин и П. Н. Краснов, артисты А. Вертинский и С. Лифарь, писатели И. С. Шмелев и И. А. Бунин, Д. С. Мережковский и М. А. Осоргин[1]. И все-таки подавляющее большинство русских изначально заняло антигитлеровскую позицию еще тогда, когда Сталин и Гитлер считались союзниками. В 1939 г. всем иностранцам во Франции было предложено подписать Декларацию о верности Республике, что означало, по сути, одно – взять обязательство сражаться во французской армии, и ее подписали с величайшей готовностью и энтузиазмом многие русские. Добровольно записывались во французскую армию младороссы, представители Русского студенческого христианского движения, члены общества «Круг», представители русского литературного Монпарнаса[2].

Поведению очень значительной части русской эмигрантской интеллигенции было в это время чрезвычайно свойственно жертвенно-героическое начало. Воплощением его стали судьбы И. И. Фондаминского и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, священника Д. Клепинина, княгини В. Оболенской. В возрасте 45 лет записался добровольцем во французскую армию поэт и критик Г. В. Адамович, солдатами французской армии стали Владимир Варшавский, Николай Оцуп, Борис Вильде, Александр Бахрах; оставили свой бельгийский дом, чтобы защищать Францию, Зинаида Шаховская и ее муж Сергей Малевский-Малевич. В декабре 1940 г. начали выпускать газету с названием *Résistance* сотрудники парижского Музея человека Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные за это в феврале 1942 г.; участниками движения Сопротивления стали Вадим Андреев, Гайто Газданов, Игорь Кривошеин, Юрий Софиев, погибли, сражаясь в его рядах, Алексей Дураков, Вера Оболенская (Вики), Ариадна Скрябина и многие другие.

Из этого перечня видно, что активное участие в войне приняли в основном представители так называемого молодого поколения белой русской эмиграции – те, кто практически всю жизнь воевали: кто-то был еще участником Первой мировой, очень многие – Гражданской. В одном из своих лирических стихотворений 1939 г. Ю. Софиев, предчувствуя новые испытания, точно воспроизвел судьбу свою и своего поколения:

---

[1] О разделении первой русской эмиграции в предвоенные и военные годы см.: [Gorboff]. Об участии русских эмигрантов, и в том числе писателей Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, В. Варшавского во Второй мировой войне см.: [Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015].

[2] См. об этом: [Варшавский, 1956].

Так все закончилось войною.
Безликий, беспощадный рок
Подводит черною чертою
Двадцатилетию итог…
<…>

И снова трудным испытаньем
Встают еще слепые дни.
Бедой, разлукой и скитаньем
Грозят мне сызнова они
[Софиев, с. 55].

В истории русской словесности XX в. предназначением «младшего» поколения эмиграции стало создание собственного варианта «литературы свидетельства», наиболее адекватной и наиболее естественной для жизненного опыта авторов. В эту парадигму вписывается[3] и оставленная ими литература о Второй мировой войне[4].

Все эти тексты воспроизводят совершенно специфический угол зрения русских патриотов-европейцев, которые впервые за много лет получили возможность встать в полный рост, по-настоящему проявить себя, выразить действием благодарность приютившей их Франции и в то же время гражданski консолидироваться после долгих лет разлуки со своей исторической родиной. Подтверждением могут служить повести В. Варшавского «Семь лет» и В. Андреева «Дикое поле», разыгрывающие один и тот же сюжет: русский эмигрант, давно потерявший почву под ногами, с началом войны после увольнения с предприятия, бомбежек, эвакуации (В. Андреев), после зачисления в ряды французской армии (В. Варшавский) впервые обретает смысл существования, наполняется силой и энергией жизни [Варшавский, 1950; В. Андреев, 1967][5].

И первая, и вторая повесть выстроены вокруг судьбы главного героя – объективированного в тексте, но явно автобиографического персонажа. У Варшавского это Владимир Васильевич Гуськов, «в Париже неприкаянный иностранец», у Андреева – Павел Николаевич

[3] Вписывается буквально, в том же самом смысле, в котором Ж. Дюамель назвал «литературой свидетельства» свои документальные книги очерков о Первой мировой («Жизнь мучеников» и «Цивилизация»).

[4] Наиболее яркие и непосредственно войне посвященные тексты: вышедшая на французском языке в 1946 г. документально-публицистическая книга Г. Газданова «Je m'engage a défendre», известная русскому читателю под названием «На французской земле»; шестая, кульминационная глава знаменитой книги В. Варшавского «Незамеченное поколение» (1956) и его же повесть «Семь лет» (1950); повесть В. Андреева «Дикое поле» (1967), фрагменты мемуарно-биографических, автобиографических и дневниковых текстов: «Дневник в стихах» Н. Оцупа; страницы трилогии Р. Гуля (часть вторая – «Россия во Франции»); третья книга мемуаров З. Шаховской («Безумная Клио»); опубликованные после войны дневники Б. Вильде.

[5] О военной прозе В. Варшавского см. : [Васильева].

Осокин, учившийся и недоучившийся в Сорбонне, потерявший подданство своей страны и работающий десять лет на каучуковом заводе. Оба героя к моменту начала войны находятся в духовном упадке, жизненном тупике. Но вот Гуськов идет защищать Францию, а Осокин оказывается в потоке парижских беженцев – с этого момента начинается их подлинная жизнь. Герой Варшавского, преодолев ужас убийств и потерь, становится настоящим солдатом, попадает в плен, проходит школу тюрем и лагерей. Герой Андреева удочеряет осиротевшую после бомбежки девочку Лизу, поселяется с ней на острове Олерон в городе Сен-Дени, знакомится с советскими пленными, совместно с французами участвует в многочисленных акциях Сопротивления.

Максимальной выразительности антифашистский пафос русской эмиграции достиг в двух совершенно разных, но одинаково мастерски написанных текстах – в книгах Г. Газданова «На французской земле» и В. Варшавского «Незамеченное поколение».

Документальное повествование «На французской земле» есть, по сути дела, литературно воплощенное желание рассказать современникам-французам, а с другой стороны, увековечить в русской истории то, что было для Газданова самым удивительным и непостижимым в этой войне – отчаянную героическую борьбу с немцами людей, которые были, казалось, почти уничтожены пленом и пытками, не знали ни языка, ни страны, где оказались, но несли в себе такую мощь сопротивления, такой «наивный и слепой героизм», что нельзя было не поверить в их «априорную непобедимость», а также в непобедимость их родины, которая «останавливала, как стена, в течение долгой ее истории все волны иностранных нашествий»[6]. Газданов – превосходный рассказчик, и все повествование представляет собой огромную мозаику, сложенную из различных историй, где проявляются те или иные качества его героев, советских партизан, высвечиваются их отношения с французами и с русскими эмигрантами. С точки зрения эстетической писатель создает своеобразную поэму в прозе, используя романтическую образность, энергию гиперболических обобщений, «крайние» и даже пафосные эпитеты, историко-культурные аналогии. При этом здесь есть и чудесно прописанные психологические портреты, и стремление дать собственную, часто иррациональную или идеальную интерпретацию поступкам и событиям, мягкая ирония и тонкая наблюдательность.

Книга В. Варшавского имеет несколько иную устремленность. В последней – «военной» – главе своего исследовательского эссе, посвященного судьбе «незамеченного поколения», Варшавский достигает кульминации в изображении основных мотивов нравственных и духовных исканий «сыновей» эмиграции. Война для них – прежде всего проверка на прочность. Проверка их идей, убеждений, совести. Не случайно эту главу предваряет эпиграф из Паскаля: «Я верю

[6] Впервые под этим названием опубликована в журнале «Согласие» (1995. № 30; вступит. ст. Л. Диенеша). В тексте статьи цитируем по изданию: [Газданов].

только тем свидетелям, которые дали себя зарезать». Как и Газданов, Варшавский создает свою галерею героев, но героев-эмигрантов. И если Газданов рассказывает истории, каждая из которых могла бы стать отдельной новеллой, Варшавский выдерживает намеренно протокольный стиль: приводит свидетельства очевидцев, отрывки из документов, публикации «Информационного бюллетеня» Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления.

Есть в «военных» текстах русских эмигрантов и еще один момент, их безусловно скрепляющий, это момент рефлексии по поводу советского. Он есть абсолютно у всех – и у Г. Адамовича, и у Р. Гуля, и у З. Шаховской, и у В. Андреева, и у В. Варшавского.

Старается сохранить максимальную объективность по отношению к нежданно явившемуся в Европу советскому миру Г. Газданов. В советских партизанах видит он какую-то новую породу людей – со своими представлениями о мире, со своим дисциплинарным и бытовым укладом, со своими физическими особенностями, со своими интонациями голоса. Ни на миг Газданов не склоняется, как, например, В. Андреев, к тому, чтобы принять советскую идеологию, но пишет о советских людях с огромным сочувствием, интересом, восхищением. Советские партизаны и русские эмигранты у него не расходятся в главном: когда «речь идет о защите… родины против немцев», вопрос, «какая она – коммунистическая или некоммунистическая», на обсуждение не ставится [Газданов, с. 696].

Война и общее дело борьбы с фашизмом в газдановском повествовании выявляют главное в людях – их нравственный потенциал, который не зависит от идеологии. И среди эмигрантов, и среди советских есть коллаборационисты, но их меньшинство. В большинстве же случаев война объединяет именно нравственно чистых и мужественных людей – русских и французов, эмигрантов с двадцатилетним стажем европейской жизни и советских граждан, бежавших с принудительных работ или из лагерей. Все они становятся «боевыми товарищами», преодолевая былое отчуждение. Надо признать, что позиция первой русской эмиграции – в том виде, в каком она реконструируется по литературно-художественным источникам, – была безусловно патриотической по отношению к России, нравственно-гуманистической по духу и в общем антифашистской[7]. Другое отношение существовало, но никаких следов в литературной летописи от него не сохранилось.

Вторая волна эмиграции (эмиграция Ди-Пи) русских перемещенных лиц (displaced person) была рождена самой ситуацией

[7] В качестве беспрецедентного факта литературной жизни эмиграции, подтверждающего патриотический поворот первой эмиграции в сторону Советской России, можно назвать вышедший в Шанхае в 1943 г. сборник советской военной поэзии «Поэты на фронте», куда вошли стихи П. Антокольского, Н. Асеева, А. Ахматовой, М. Бажана, Д. Бедного, Б. Пастернака, И. Сельвинского, М. Светлова, А. Сурикова, К. Симонова и других советских поэтов совершенно разного уровня дарования и разного мировоззренческого уклада. См.: [Поэты на фронте].

войны в России и, конечно, от войны неотделима ни в судьбах своих, ни в творчестве. В когорту писателей этой волны попадают и те, кто были сверстниками В. Ходасевича и Г. Адамовича – Д. Кленовский (Крачковский), Н. Нароков (Марченко), Б. Ширяев, и те, кто мог бы разделить участь «сыновей эмиграции» – Г. Андреев (Хомяков), Б. Нарциссов, Л. Ржевский (Суражевский), Б. Филиппов (Филистинский), В. Юрасов (Жабинский), и те, кто оказался ровесником революции – О. Анстей (Штейнберг), И. Елагин (Матвеев), Н. Моршен (Марченко), Т. Фесенко. Все они, несмотря на разный человеческий опыт и включенность в советскую действительность, в результате сложных жизненных перипетий оказались во время войны на оккупированных немцами территориях, выехали добровольно или были вывезены принудительно с лагерями военнопленных на Запад, где и остались навсегда.

Говоря о литературе, созданной второй волной эмиграции, Л. Ржевский в письме к В. Синкевич пишет почти афористическую для этого явления фразу: «…авторы “второй” эмигрантской волны очень, так сказать, не в “фокусе”», и это было и до сих пор остается более чем верно [цит. по: Синкевич, 2000, с. 5]. Действительно, вторая волна и литература, ею созданная, оказались самыми невозвращенными в российское пространство из-за вполне понятных и, по-видимому, неотменяемых причин – в первую очередь потому, что это наиболее антисоветская по своей направленности литература. В. Кравченко[8] рассказал миру о советских лагерях в своей книге «Я избрал свободу» (1946) за 16 лет до «Одного дня Ивана Денисовича», а Н. Нароков в романе «Мнимые величины» и особенно в романе «Могу!» за 30 лет до «Ледокола» В. Суворова (Резуна) уровнял две тоталитарных системы – нацистскую и коммунистическую – по их растлевающему воздействию на людей. Однако эта литература остается самой невозвращенной не только потому, что обратила нас к запрещенным ранее темам. Самой невозвращенной, самой неузнанной литература второй эмиграции остается, по-видимому, именно в связи с тем, что вся она (и судьбы авторов, и проблематика произведений) так или иначе замыкается на военном дискурсе – том поле смыслов, значений и оценок, которые связаны с Великой Отечественной войной. Конечно, литература эмигрантов военных лет поднимает малодоступные и табуированные для российских читателей факты: жизнь на оккупированных территориях, выдача в 1946 г. союзными властями бывших советских граждан, участь тех, кто оказался в рядах РОА, участие в войне русских эмигрантов – и это не может не быть интересно. Однако правда, которая за этими фактами стоит, оказывается совершенно неприемлемой для сознания русского читателя и разрушительной для самих литературных текстов.

[8] В. Кравченко, как и Г. Климова, можно отнести ко второй эмигрантской волне лишь условно – их судьбы гораздо больше напоминают судьбы писателей-диссидентов 1970-х гг.

Если в литературе, созданной первой волной эмиграции, отчетливо доминирует позиция, сформулированная Г. Газдановым (когда «речь идет о защите… родины», вопрос, «какая она – коммунистическая или некоммунистическая» – на обсуждение не ставится), то для эмигрантов второй волны именно этот вопрос часто оказывался заглавным.

Обратимся к творчеству Бориса Ширяева, писателя, вернувшегося на родину в начале 1990-х гг. своей книгой «Неугасимая лампада» (М., 1991), посвященной Соловецкому лагерю особого назначения. Некоторые факты из жизни писателя сообщает автор предисловия к вышеупомянутой книге М. Г. Талалай, максимально же подробные сведения о Б. Ширяеве, как и о многих других авторах второй волны, дает в своей уникальной во многих отношениях книге «Писатели второй волны русской эмиграции: биобиблиографические очерки» М. Е. Бабичева. Назовем основные вехи: потомственный дворянин, окончил Московский университет, потом – военную академию, воевал, во время Гражданской войны участвовал в белом движении, был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где находился до 1927 г.; после был сослан в Среднюю Азию, жил в Ташкенте, затем в Россоши, с 1936 г. – в Ставрополе. Преподавал русскую литературу, сотрудничал в газетах. «Во время немецкой оккупации в 1942 г., – сообщает М. Бабичева, – стал первым редактором местной русской газеты. С отступающими немецкими войсками покинул родину…» [Бабичева, с. 374].

Даже это телеграфное перечисление основополагающих жизненных вех настраивает на то, что война, ее реальность, отношение к немецким оккупационным властям, дороги послевоенных скитаний по Европе занимают большое место в творчестве писателя. Это и автобиографическая книга «Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол» (1952), и повесть «Овечья лужа» (1953), и рассказы из сборника «Я – человек русский!» (1953), и незаконченная повесть «Хорунжий Вакуленко» (1959), однако наиболее концептуальной стала повесть «Кудеяров дуб», на которой и остановим наше внимание.

Герой повести – бывший дворянин и корнет царской армии, в советские времена преподаватель провинциального пединститута, а потом и вовсе учхозный сторож Всеволод Брянцев и его жена Ольга – радуются приходу немцев, мечтая о восстановлении России без большевиков. С этого момента начинается духовное возрождение главного героя: крестьяне делегируют его встречать и приветствовать немецкого офицера, бывшие сослуживцы выдвигают на пост редактора русской газеты, он вращается в «культурных» немецких кругах, выступает с докладом «Россия и Германия» в других оккупированных городах. Когда же начинается наступление Красной армии, Брянцевы вместе с другими сотрудниками редакции благодаря хлопотам «культурнейшего» немца Шольте садятся в отъезжающий на Запад поезд.

Однако дело не только в развороте этого благостного и бесхитростного сюжета, но и в той картине мира, которую автор создает и в верности которой он пытается убедить читателя: все бывшие советские граждане откровенно ненавидят советскую власть, ненавидят настолько, что готовы полюбить немцев («Обращение немцев, – считают они, – вроде деликатное», «сообщения газет о зверствах и насилиях подтверждения не получают» [Ширяев, с. 44]). Крестьяне, бывшие учхозовцы, указывают немцам дорогу, предлагают «по стаканчику русской водки», выставляя для них на стол мед, сметану и сало, их дети следят за немецкой техникой «восхищенным взором», советской же армии все желают уйти подальше и не возвращаться. Эвакуироваться на самом деле мало кто хочет, все только и думают, как бы избежать эвакуации; бывшие коммунисты и комсомольцы добровольно идут в комендатуру искать для себя работу. Бывший директор школы становится начальником полиции, ловит подпольщиков, а доктор-еврей (!) соглашается возглавить при новой власти здравоохранение, ведь «медицина – вне политики». Зверства, которые действительно присутствуют на страницах повести, это лишь зверства НКВД: несколько раз вспоминаются брошенные в камеры с заключенными при отступлении советских войск мины, расстрел «своих» в балке за городом, зато виселица, сооруженная немцами прямо на базарной площади, пустует.

Как ни старается оправдать себя главный герой тем, что его грех – «Кудеяров» грех – «преодоление зла злом», что он, служа немцам, «служит России», «великой и неделимой», этот грех – предательство.

Остальные персонажи, которые мыслятся автором как настоящие герои новой борьбы за Россию, на поверку оказываются по ходу сюжета дезертирами и трусами, двурушниками, которые при немцах расправили плечи, вышли из подполья.

Неубедителен текст Ширяева и в художественном плане: герои плоские, ходульные, необходимые автору для иллюстрации и высказывания своих мыслей, сюжет, лишенный цельности, распадается на ряд эпизодов. Все вместе производит впечатление лубочное, неживое, неорганичное. Вот крошечный пример: Брянцев (речь идет о вкусном обеде) спрашивает жену: «Откуда такие деликатесы?» – «От свободы, дорогой, все от нее» [Там же, с. 78]. И ведь это при том, что Ширяев был настоящим хорошим прозаиком, создавшим «Неугасимую лампаду», трогательное повествование «Ди-Пи в Италии», целый ряд замечательно остроумных и замечательно литературных рассказов. Но любая неправда, любая нравственная кривизна, по-видимому, губительны для искусства в любом времени и пространстве.

Гораздо тоньше, психологичнее, глубже в художественной передаче человеческой реальности войны в своем романе «Между двух звезд» (1953) Леонид Ржевский (Суражевский)[9]. Как и Б. Ширяев,

[9] Первый вариант романа вышел под названием «Девушка из бункера» (Грани. 1950. № 8, 9, 11). В России роман опубликован в 2000 г., см.: [Ржевский, 2000].

Ржевский идет по еще горячим следам собственного опыта и собственных переживаний, а это были опыт и переживания человека воевавшего, раненого, прошедшего концлагерь. Но военная история Ржевского тоже имеет свои сложные изгибы, которые и попытался передать на страницах романа писатель.

Главный герой романа Алексей Филатович Заряжский, филолог, преподаватель московского педагогического института, летом 1941 г. оказывается на фронте. Служит дивизионным переводчиком, помощником начальника разведки, исполняет свой гражданский долг честно, ответственно. После ранения оказывается в плену, а потом следуют этапы его драматической военной судьбы: попадает в лагерь, становится помощником русского коменданта лагеря – переводчиком, то есть вместе с этим самым комендантом Кожевниковым занимает промежуточное положение между немцами и советскими пленными. Он не предатель, не подлец, он, как и его напарник Кожевников, всячески желает помочь «своим» и действительно многим помогает, а кого-то просто спасает, в том числе и встреченную им на фронте девушку-медсестру Милицу Паншину. Благодаря своему положению он очень многое видит: и разных немцев, и разных русских, немецкий лагерный режим и бандитский садистический произвол лагерных полицаев из бывших своих же солдат. Вся первая часть романа – ад лагерного существования. Однако Заряжскому удается из этого ада вырваться – он заболевает тифом и в то время, как лагерь перемещается вглубь России, его оставляют умирать (или выздоравливать) в лазарете. Заряжский попадает на службу в немецкий отдел пропаганды в качестве режиссера концертной программы, создает группу «Карусель», с которой едет по следам перекочевавшего лагеря военнопленных в Старгород, надеясь встретить потерянную Милицу.

Вторая часть романа повествует о поисках Милицы, о встрече героев в старинном провинциальном русском городе, о том, как каждый из них видит, воспринимает и оценивает происходящее. Милица «решала все сердцем», поэтому в ее взгляде и суждениях совершенно естественно и органично сочетается осуждение как немцев, так и «своих», советских, когда их поступки лишены смысла или преступны. Партизаны, пускавшие под откос поезда со снарядами, были герои. Они защищали режим, разумеется, но прежде всего как патриоты. Степка же Буц, зарезавший немца, был просто ненормальный:

> Гестапо, конечно, кошмар! Подумать страшно. Но… если бы вы знали, что у нас здесь в 1938 году делалось! Сколько арестов! Как мы дрожали все… [Ржевский, 2000, с. 231].

Что касается Заряжского, он, как и герой Б. Ширяева, пытается найти идейное основание своему коллаборационизму – осуждению

большевизма и тех зол, которые им вызваны, но, в отличие от Всеволода Брянцева, героя Б. Ширяева, сам же опровергает эти вполне, казалось бы, логичные аргументы. Можно было, как делали они с Духоборовым, блестяще скомбинировать ряд умозаключений, из которых выходило, что первопричина бедствия – большевизм, сам по себе бедствие из бедствий. Но чувство ужаса, обиды, ненависти, наконец, к разрушителям разве умещалось в какие-либо логические построения? Разве не обращалось прежде всего на этих самых разрушителей, не взывало: зуб за зуб! Кровь за кровь! Защищайся! Бей, а не мудрствуй! [Там же, с. 251].

В романе есть немало персонажей, уверенных в том, что при помощи Гитлера можно образовать «свободную Россию», что немцы – это что-то вроде «второго призвания варягов», что, в конце концов, освободительная армия встретится с Красной армией, и тогда их общие «штыки повернутся единым фронтом против угнетателей нашей родины» [Там же, с. 268]. Однако главный автобиографический герой романа страдает от своего раздвоения, от своей «мыслительной двойственности», понимает катастрофичность своего положения, и в этом, конечно, его сила. В этом и сила Ржевского как писателя, сумевшего одновременно отразить и неоднозначность реальности, и в то же время подлинный, почти «достоевский» ужас ложно понятого пути, ложно понятой идеи.

Близко знавшая Л. Ржевского В. Синкевич сказала о творчестве писателя: «В основном все его творчество можно назвать беседой с совестью» [Синкевич, 2000, с. 10], а посвященную Ржевскому статью для «Нового журнала» озаглавила, использовав название статьи самого Ржевского о Булгакове, «Пилатов грех» [Синкевич, 1993]. И это верно. Особенно, быть может, по отношению к роману «Между двух звезд», герои которого и по своему географическому положению, и по своим верованиям и чаяниям находятся именно «между пятиконечной белой и пятиконечной же красной» звездами [Ржевский, 2000, с. 257]. Они вовсе не являются резонерами, не становятся трибуной самооправдания автора, скорее предстают отягощенными трагической виной, наделенными фатальной раздвоенностью Раскольникова, противостящего самому себе.

Финал жизни этих героев неясен, но автор сочувствует им и, судя по своей личной судьбе, знает, что выход может быть найден. Порукой тому в художественном тексте становится любовь, которую обретает на самом дне бездны Заряжский и которая заставляет Володю Заботина (героя третьей части романа), дошедшего до края отчаяния, все-таки надеяться. В отличие от Б. Ширяева, Л. Ржевский и его главный автобиографический персонаж Заряжский осознают настоящую правду, которая страшна и однозначна («защищаться», а не «мудрствовать», иначе станешь предателем), но в том-то и дело, что финал романа при всей его неопределенности не трагичен, ибо герои Ржевского – не герои трагедии,

да и вообще не герои в пафосном смысле. Просто люди, которые, несмотря ни на что, хотят жить, хотят уцелеть. С обывательской точки зрения они правы, мы им готовы, как и автор, посочувствовать, но если оглянуться на весь арсенал нашей военной литературы с ее высоким градусом жертвенности и самоотречения, с ее психологической щепетильностью и пробирающим до самого дна души трагизмом, то разница налицо.

Знаменательно, что и за пределами художественного творчества у Ржевского не было тотального отрицания советской культуры вообще. Так, например, в своем трактате «Национальная культура и эмиграция» (1951), продолжая начатую белой эмиграцией тему «Там или здесь?», Ржевский призывает эмиграцию «отказаться от социологического лубка» [Ржевский, 1952, с. 16], от «посюсторонних мифов», утверждает, что подлинное творчество в Советской России по-прежнему есть, и люди там вовсе не коснеют в бездуховности и безбожии: «Здесь, в Германии… я такой жадности знать – причем бескорыстной, некоммерческой жадности – не встречал» [Там же, с. 13]; «именно сопротивление, борьба характеризует в первую очередь современное советское культурное бытие» [Там же, с. 22]. Ржевский вообще умел быть объективным и нестандартным в своих мнениях, понимать многие вещи с разных сторон. Этот аналитизм, этот гамлетизм в полной мере проявился и в его военном романе «Между двух звезд», предопределив его сильные и слабые стороны.

Ко второй волне относится творчество Геннадия Андреева (Хомякова), разделившего основную проблематику Б. Ширяева и Л. Ржевского. Как и Б. Ширяев, Г. Андреев отбывал свой лагерный срок в 1920-е гг. на Соловках и написал об этом книгу «Соловецкие острова. 1927–1929» (1950). Как Л. Ржевский, воевал в Красной армии, попал в керченских катакомбах в плен, скитался по концентрационным лагерям. Как и Л. Ржевский, какое-то время участвовал в редактировании «Нового журнала», был соредактором Р. Гуля, активно сотрудничал с такими радиостанциями, как «Голос Америки» и «Свобода». Собственную судьбу с ее обрывами и неожиданными поворотами Г. Андреев запечатлел в прозе, основной массив которой состоит из очерковых книг, последовательно отражающих этапы жизненного пути их автора: это «Соловецкие острова» (1950), «Трудные дороги» (1959), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954). Военному опыту и военным воспоминаниям Г. Андреева посвящены очерки, которые печатались на протяжении четырех лет в «Новом журнале» под общим названием «Минометчики» (1975–1978) [Андреев, 1975–1978][10].

Вся долгая и очень нелегкая военная судьба Г. Андреева представлена в этих очерках: прибытие в запасной полк, распределение

[10] Далее в тексте статьи очерки Г. Андреева будут цитироваться по этому изданию с указанием года и номера журнала в круглых скобках.

«в третью минометную» роту, фронт, оборона Керченского полуострова, подземелья Аджимушкая, плен, лагерь, «шпионская школа», снова лагерь, теперь уже в Норвегии, отправка в Берлин, особый лагерь под Берлином. Один только перечень этапов этой судьбы вызывает соучастие, интерес, удивление – как можно было все это пережить и что же все-таки увидел герой там, за кулисами военных действий, куда нельзя было заглядывать советским читателям, да и сегодня нечасто доводится заглядывать читателю российскому? В отличие от Б. Ширяева, Г. Андреев не является приверженцем национального или православного мифа. В отличие от Л. Ржевского, он прошел гораздо более долгую и основательную школу Красной армии, а потом и школу выживания в немецких концлагерях, поэтому его взгляд представляется более объективным, если, конечно, вести речь об объективности субъективного видения.

Разумеется, то, что мы узнаем из очерков Г. Андреева о быте и тактике Советской армии военного времени, не кажется сегодня необычным: грязь, холод, голод, отсутствие оружия и обмундирования в так называемых запасных полках, где происходило обучение и формирование военных подразделений; заградотряд, расстреливающий тех, кто рискнул самостоятельно перебраться через Керченский пролив; брошенные своим командованием «семь-восемь тысяч солдат» в каменоломнях Керчи; нелепые, безумные приказы политруков, посылающих людей на верную гибель, жуткое полудикое пребывание под землей, «мучительный разлад в сердцах и головах» измученных, но все-таки воюющих солдат – об этом или почти об этом мы уже знаем из поздней военной прозы писателей-фронтовиков, из многочисленных опубликованных дневников и мемуаров. В 70-е же гг. XX столетия даже по ту сторону советской границы это выглядело невероятной дерзостью – написать о худшем, что было на войне. Многие детали и сегодня коробят русского читателя. Скажем, везут пленных на морском военном транспорте в Норвегию, и автор описывает опасения немцев, которые боятся всего – и подводных лодок, и внезапных налетов, однако и лодки, и самолеты могут появиться только английские: «…советские к берегам Германии и Дании почти не отваживаются подходить, действуют английские. И самолеты могут налететь, тоже английские» (1978, № 131, с. 58). Можно обратиться к военной истории, узнать, как именно в каждый момент времени были поделены зоны контроля на море и в воздухе, но делать этого, читая «Минометчиков», не стоит – и так видно, что автор специально акцентирует моменты советского военного негатива: ни оружия, ни лодок, ни самолетов, ни еды, ни разумного командования.

И все-таки, говоря о себе и себе подобных, характеризуя их и свое душевное состояние, Г. Андреев констатирует: «Мы не были пораженцами: мы хотели поражения двух диктаторов, а не нашей страны. В этом был парадокс: могут ли потерпеть поражение лишь наши правители, без нас? Как отделиться от них, против них пойти?»

(1976, № 125, с. 106–107). Герой Андреева мучается неразрешимыми вопросами, борется за жизнь, попадая то в число отобранных для будущего «украинского правительства», то в число смертников, то в шпионскую школу, то в секретный лагерь, но это лишь новые этапы его злоключений. Советуя курсантам РОА беспринципно присягнуть Гитлеру, сам герой к ним не присоединяется, а продолжает свое «хождение по мукам». Несмотря на принципиальную разность идейных и нравственно-философских позиций, несмотря на разную степень художественной убедительности, прозаики второй эмигрантской волны, как и большинство представителей первой эмиграции, осмысляя тему Второй мировой, а для них, конечно же, Отечественной войны, решали для себя коренную, жизнеопределяющую задачу – как соотнести между собой любовь к России и ненависть к тоталитарному сталинскому режиму, с кем быть – говоря словами В. Варшавского, с «резистантами» или «коллаборантами». В. Варшавский и другие писатели первой эмиграции не сомневались, что быть «резистантами» – значит быть «не советскими, а русскими патриотами и патриотами человеческой правды» [Варшавский, 1956, с. 364], послевоенные расхождения – не в счет. Позиция второй волны иная.

И дело здесь не только в разнице жизненного опыта тех и других писателей-эмигрантов или в разнице их социально-политического статуса в конце войны. Речь идет о литературе – литературе, созданной эмигрантами второй волны, где антитоталитаристский пафос с его откровенной публицистической декларативностью откровенно доминирует над правдой искусства. Что касается советской словесности, общеизвестно, что в ней патриотический и гражданский пафос военной темы породил подлинно художественные, а значит, максимально убедительные, максимально правдивые формы выражения. Быть может, поэтому так называемая «советская» литература о войне (В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, В. Быков, Б. Васильев, К. Воробьев, В. Кондратьев, Е. Носов, К. Симонов и др.) кажется неизмеримо интереснее, глубже, серьезнее. В ней герои совершают сложнейший нравственный выбор, в ней тотально противоборствуют две стихии: человек и война, жизнь и смерть. Литература же второй эмигрантской волны – не о человеке, а о системе, что всегда оказывается схематичнее, однозначнее, более предсказуемо. Герой этой литературы свой выбор совершил заранее – он против системы и за себя.

В другом ключе представлена тема войны в творчестве поэта Ивана Елагина (Матвеева). Не воевавший и никогда не бывавший на фронте Елагин уехал в Европу из Киева в 1943-м, когда началось наступление советских войск. После всего, что он видел и знал в России, ему открылась еще и военная Европа – изуродованная, измененная, а потом – возрождаемая к новой жизни. Несмотря на то, что ни окопных, ни фронтовых, ни лагерных впечатлений в лирике Елагина, конечно, нет, с темой войны эта лирика накрепко связана, начиная

с первого сборника поэта «По дороге оттуда» и заканчивая поздней «Беженской поэмой». В ранних стихотворениях Елагина встает трагическая панорама охваченного войной мира:

Осунувшись, и сгорбясь, и унизясь,
Дома толпятся по очередям,
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.
А рядом бой. Полнеба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил
[Елагин, 1998, т. 1, с. 97].

В более поздней лирике, в поэтических книгах, написанных и выпущенных в Америке, будет очевидно: глубинное состояние мира, которое постоянно воспроизводит лирический герой Елагина, это состояние войны. Нескончаемой и фатальной. Вспомним стихотворение «Наплыв», сюжет которого представляет собой взаимоналожение двух эпизодов: реально произошедшая с героем автокатастрофа под Чикаго и взрыв на ухабинах разбомбленных киевских дорог, по которым герой несколько десятилетий назад вез в госпиталь раненого солдата.

Память войны обусловила абсолютно пессимистическое, пантрагическое мироощущение поэта, который впереди человеческой истории видит лишь апокалипсис, причем апокалипсис рукотворный. Тютчевский последний катаклизм в елагинской лирике словно милитаризируется и посредством этого приближается, обретая конкретные сроки:

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,

Через двести лет, через триста –
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою
[Елагин, 1998, т. 1, с. 169].

Герой Елагина всегда чувствует – и над ним, и над всем человеческим миром «качается» «созвездие Топора», не случайно этот рано найденный образ переплавится впоследствии в название целой книги [Елагин, 1976].

Особо следует сказать о так называемой языковой картине мира И. Елагина – она вся пронизана милитарностью. Метафоры и сравнения, взятые напрокат из военной реальности, но никогда не отданные

обратно, присутствуют почти в каждом стихотворении. Они используются и для описания природы, и для воссоздания душевного состояния лирического героя, и для создания урбанистического пейзажа, и для размышлений о литературе, о судьбе слова и самого поэта:

Как *виселицы*, замаячат
На перекрестках фонари!.. [Елагин, 1998, т. 1, с. 45].

Прокладывают дворники *траншею*
На противоположной стороне… [Там же, с. 51].

Эти *облитые кровью*
Клены у изголовья!.. [Там же, с. 49].

И *все суставы перебиты*
У городов и деревень… [Там же, с. 79].

Я двигался *под обстрелом*
Витрин, фонарей, реклам… [Там же, с. 246].

…Оттого, что в каминах пылают дрова,
Оттого, что *на минах взрывают* слова… [Там же, с. 360].

Полететь мне по свету *осколком,*
Нагуляться мне по миру всласть
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть… [Елагин, 1998, т. 2, с. 17].

Вот мне и стало казаться,
Что стихи мои тоже так,
Как солдаты, четко по плацу
Отбивают за шагом шаг
(выделено мною. – *Ю. М.*) [Там же, с. 150].

Соединившись с сюжетом репрессий, война в поэзии И. Елагина станет образом тотального насилия, рукотворной смерти. Созданный поэтом лирический мир во многом производен от войны, зависим от нее даже там, где о войне как таковой не говорится. Лирический герой Елагина – подлинно экзистенциальный герой, который оставлен Богом, который чувствует дыханье вечности, в которую насильно движимы люди. Но эта вечность не благостна у Елагина, как, например, у Лермонтова или Булгакова, она страшна, «враждебно открыта», ибо искалечена так же, как и земная жизнь, она ничего не сулит, даже успокоения:

Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покоряясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
[Елагин, 1998, т. 1, с. 135].

В отличие от упомянутых выше прозаических произведений второй волны эмиграции, лирика И. Елагина дает гораздо более общий панорамный взгляд, но при этом гораздо более внутренний, экзистенциальный. И этот ее панорамный взгляд извне и в то же время всегда и всюду изнутри военного мира создает особое напряжение и особый, всегда узнаваемый трагический пафос.

Для эмиграции *третьей волны* тема Великой Отечественной (Второй мировой), конечно, не была центральной, такой, например, животрепещущей, всеобще востребованной, как тема репрессий и лагерей, тема советской действительности и советской идеологии. Определенную роль играла здесь и политическая конъюнктура, с которой уехавшим на Запад писателям приходилось считаться. Однако представители этой эмиграции – писатели разных возрастов, но одинаково сформировавшиеся внутри советской реальности – органично несли в себе память о войне, не могли ее не нести, не могли ничего о ней не сказать. Эта память была разная, у каждого своя: многие из писателей старшего поколения (А. Зиновьев, В. Некрасов, А. Синявский, А. Солженицын, В. Тарсис) воевали, более молодые вобрали в себя военный опыт своих отцов (И. Бродский, Э. Лимонов, А. Назаров, С. Юрьенен), сами ощущали себя детьми военной эпохи (В. Аксёнов, Ю. Алешковский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горнштейн, А. Кузнецов, В. Максимов). Отсюда и тот след, который оставила война в произведениях писателей третьей волны – можно назвать немало текстов этих авторов, где прямо или косвенно она присутствует или, по крайней мере, дает о себе знать бытовыми реалиями, семейной памятью, чужими рассказами, полулегендарным опытом прошлого, исследованием фактов истории.

Пожалуй, самым известным произведением о Великой Отечественной из всего литературного наследия третьей эмиграции стал роман Г. Владимова «Генерал и его армия», опубликованный сначала в журнале «Знамя» (1994, № 4, 5), а затем (в значительно более полной редакции) вышедший отдельной книгой. На роман последовала лавина откликов, и один из них был особенный – это отзыв В. Богомолова, вписавшего свою страницу в литературно-художественную летопись отечественной военной прозы [Богомолов]. Бывший участник войны, автор «Ивана» и «В августе сорок четвертого» воспринял роман дис-

сидента Г. Владимова, человека, кроме того, не воевавшего, как вызов, брошенный фронтовикам, да и тем русским людям, для кого историческая правда еще не потеряла значения. Острота, сарказм, фактологическая доказательность Богомолова не знают границ. В своей рецензии он дает бой Г. Владимову по всем правилам военного тактического искусства, не только пуская в ход то же самое современное оружие противника (немецкие мемуарные источники), но и действуя на опережение (рассекреченные советские документы, сводки Совинформбюро), применяя секретные способы борьбы (личный человеческий опыт, эмпирические и фактические знания). Последовательно и целенаправленно Богомолов разбивает те мифы, которые создает в своем романе Г. Владимов: командующий немецкой танковой армией Гейнц Гудериан – вовсе не благородный образчик немецкого офицерства, но настоящий «каратель и палач»; А. Власов – не забытый и несчастный герой, а предатель, бросивший свое войско, выдавший немцам огромное количество важных секретных сведений, честолюбец и приспособленец, его участие в остановке немцев под Москвой было минимально уже хотя бы потому, что как раз в эти дни он был тяжело болен и почти не появлялся в штабе своей 20-й армии; советские военачальники отнюдь не были столь кровожадны и глупы, как показано в эпизоде генеральского совета в Спасо-Песковцах; Особые отделы, так называемые отделы «Смерш», не были столь могущественны, а уж такая мелкая сошка, как майор Светлооков, точно никак не мог явиться на совещание генералов незваным гостем. Проницательный и чувствующий стремление своих молодых современников перечитать текст военной истории В. Богомолов был, конечно, поражен романом Владимова. «Правда», написанная по ту сторону границы, на территории бывшего противника, его потрясла своей неправдой.

И все-таки рецензия В. Богомолова резко диссонировала с теми откликами, которые прозвучали по выходу романа Г. Владимова. Российские литературоведы и критики (Л. Аннинский, П. Басинский, Н. Иванова, А. Немзер, М. Нехорошев) были воодушевлены широтой изображения войны и реальности военного времени, силой срывания масок и стереотипов: появление в военной литературе заградотрядов, «Смерша», на расстоянии человеческой досягаемости представленный генералитет, загадочная фигура генерала Власова, постоянные апелляции к немецким свидетельствам, толстовский аналитизм в изображении своих и врагов (Власов, Кобрисов – Гудериан), резкая критика военной стратегии советских генералов (Жуков и Терещенко – мастера «российской четырехслойной» тактики) – все это заставляло волноваться, задумываться и пересматривать многие устоявшиеся взгляды. И это тоже была правда. Тем более что, в отличие от писателей второй волны, Г. Владимов отнюдь не подвергает сомнению главную ценность Отечественной войны – защиту Родины, спасение России, во имя которой поднялась в очередной раз «дубина народной войны», пришедшаяся, увы, на время сталинского правления и эпоху

коммунистической идеологии. Именно в этом, по Владимову, и состоял особый трагизм войны, а также личные трагедии многих и многих ее участников.

Есть в романе конкретные эпизоды, которые можно сопоставить с аналогичными в прозе второй эмиграции. Как и в романе Б. Ширяева «Кудеяров дуб», в романе Г. Владимова изображаются жестокость НКВД, стремление немцев привлечь на административную и культурную работу бывших царских офицеров и не согласных с коммунистическим режимом. Так в потоке сознания Гудериана возникает вдруг эпизод, когда в Орле он «безуспешно приглашал в бургомистры Орла» «старого царского генерала», который отказался от подобной «чести» [Владимов, с. 90]. Отказался потому, что ощущал себя с теми, кто «борется за Россию», а не против нее. Возникает и еще одно воспоминание: его танкисты обнаружили и выставили на всеобщее обозрение трупы расстрелянных при отступлении и эвакуации бывших тюремных узников, но, в отличие от Ширяева, заставившего своих героев ужаснуться в очередной раз советским зверствам, Владимов показывает растерянность Гудериана, который видит ненависть в глазах людей не по отношению к коммунистам, но по отношению к захватчикам, ибо их раны – это только их собственные раны, и «от касания» вражеских рук «боль… только усиливается» [Там же, с. 93].

В целом позиция Г. Владимова в изображении Великой Отечественной войны вполне ясна и однозначна: многие вещи должны быть известны, многие штампы отменены (свободная позиция писателя-эмигранта), но война была Отечественной и несмотря ни на что – священной (позиция воспитанного в патриотическом ключе бывшего советского человека, знающего о войне не понаслышке).

Важное значение в полемическом многоголосии эмигрантской «военной» литературы имеет автобиографическая книга Александра Зиновьева «Русская судьба, исповедь отщепенца». Нельзя сказать, что изображение войны играет в этом автобиографическом и автопсихологическом повествовании самостоятельную роль (одна глава из 13), но в судьбе героя (самого А. Зиновьева) и в динамике постижения им социально-политического устройства советского общества война занимает место исключительное. Не слишком объемная глава с названием «Война» заключает в себе и военную судьбу писателя, и его размышления-умозаключения по поводу многих проблемных узлов, связанных с войной до сих пор. Кроме того, зная А. Зиновьева как писателя и мыслителя, нельзя пренебречь его свидетельством, объективность которого гарантирована тотальной системной оппозиционностью автора.

Прежде всего это, конечно, событийный план, связанный с личной жизнью: вместе со своим кавалерийским полком и Особой дальневосточной Красной армией передислоцированный на Украину А. Зиновьев оказался свидетелем и участником самых первых дней войны, а в 1945-м – самых последних. В этот промежуток времени вошли

отступление с боями до самой Москвы, ранение, бои под Оршей, авиационная школа под Горьким, военная жизнь летчика-истребителя. Уйдя в армию в 1939 г. семнадцатилетним мальчишкой, спасающимся от цепкой хватки НКВД, повествователь вышел из нее сложившимся взрослым человеком со своей системой взглядов и принципов поведения, вышел – чтобы учиться, чтобы осмыслить пережитое и стать самим собой.

Написаны эти военные страницы точным, лаконичным, почти телеграфным языком, исключающим не только психологизм, но и вообще детализацию. Зато благодаря философско-логическому складу мышления писателя выделены главные мысли и переживания, которые и сегодня могут расцениваться в качестве человеческого свидетельства. Паника начала войны – да, но об этом сказано, не стоит повторять. Неожиданность нападения Германии – миф, все знали, все готовились, «не знали лишь одного “пустяка”: того, до какой степени мы были не готовы к войне» [Зиновьев, с. 196]. Высшее командование даже в самые критические дни все-таки «думало о том, чтобы начать готовить летчиков для еще не созданной новой авиации» [Там же, с. 203]. Никто из воевавших даже в самые трагические первые месяцы не сомневался в будущей победе. Что такое война? «Это на пять процентов сражения и на девяносто пять процентов – всякого рода передвижения и работы» [Там же]. Время службы в авиации автор называет «одним из самых лучших» в своей жизни [Там же, с. 214]. Германия «ошеломила… своим сказочным богатством», и, «как мыльный пузырь, лопнул образ капиталистических стран, создававшийся советской идеологией и пропагандой» [Там же, с. 219]. «Оргия» посылок в Советский Союз и «обарахления» – да, была, хоть «грабежом Германии занималось меньшинство» [Там же, с. 220]. Но расхожее на Западе мнение, «будто Советская армия насиловала немецких женщин», абсурд:

> Германия поразила нас… обилием общедоступных женщин. <…> Когда мы вошли в Германию, немецкие женщины уже почти все были изнасилованы, если они вообще оказывали сопротивление. И почти все были заражены венерическими болезнями. В нашей армии за изнасилование судили военным трибуналом, а заболевших венерическими болезнями отправляли куда-то на принудительное лечение [Зиновьев, с. 221–222].

Кроме того, заключительные параграфы главы «Война» содержат выводы и наблюдения исторического и социального масштаба, которые поражают и сегодня актуальностью и личной смелостью автора, отсутствием какого бы то ни было стремления подольститься к Западу, а с другой стороны, к меняющейся российской конъюнктуре:

> Приходилось вести сотни разговоров на темы прошлой войны с западными людьми самых разных категорий и национальностей. Я был поражен тем, как мало эти люди знали о войне и как извращенно они ее оценивали. Я не хочу сказать, что все люди на Западе таковы. <…>

> Я здесь имею в виду состояние массового сознания, причем в той мере, как мне это удалось заметить. Характерным для него, на мой взгляд, является игнорирование социальной сущности войны, искажение роли западных стран, недооценка роли Советского Союза и его армии, переоценка интеллекта западных политиков и вклада западных стран в разгром Германии [Там же, с. 228].

В этих выводах, как ни парадоксально, есть много общего с выводами Г. Газданова из его документальной повести «На французской земле» и, конечно, содержится невольный ответ многим авторам второй волны эмиграции.

«Величайшее заблуждение полагать, что прошлого больше нет. Прошлое все еще существует», – писал в предвоенные годы австрийский философ Отмар Шпанн [Шпанн, с. 41]. Фразу эту хочется повторять, когда речь заходит о Второй мировой и Отечественной войне сегодня. Применительно к литературе, написанной русскими писателями-эмигрантами с их сложнейшими и причудливейшими судьбами, эта фраза звучит даже не метафорически, ибо прошлое многих из них для нас только начинает существовать, только начинает учитываться и включаться в тот громадный культурно-семиотический континуум, который, безусловно, содержит объективное знание о мире и о войне.

Список литературы

Андреев В. Л. Дикое поле. М. : Сов. писатель, 1966. 392 с.

Андреев Г. (Хомяков). Минометчики // Новый журнал. 1975. № 119, 120; 1976. № 122, 123, 125; 1977. № 126, 127, 128; 1978. № 131, 133.

Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: биобиблиографич. очерки. М. : Пашков дом, 2005. 448 с.

Богомолов В. О. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия // Книжное обозрение. 1995. № 19.

Варшавский В. С. Семь лет : повесть. Париж, 1950. 301 с.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. 384 с.

Васильева М. А. О военной прозе Владимира Варшавского // Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015. Вып. 5. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 206–218.

Владимов Г. Н. Генерал и его армия : роман. М.: Олимп ; АСТ, 2001. 464 с.

Газданов Г. На французской земле // Газданов Г. Собр. соч.: в 3 т. М. : Согласие, 1996. Т. 3. С. 675–774.

Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015. Вып. 5. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015.

Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. / сост. Е. Витковского. М. : Согласие, 1998.

Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М. : Центрполиграф, 1999. 506 с.

Между Россией и Сталиным : Российская эмиграция и Вторая мировая война / под ред. С. В. Карпенко. М. : РГГУ, 2004. 346 с.

Поэты на фронте. Шанхай : Эпоха, 1943.

Ржевский Л. Д. Национальная культура и эмиграция. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1952.

Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : ТерраСпорт, 2000. 640 с.

Синкевич В. Пилатов грех // Новый журнал. 1993. № 190–191.

Синкевич В. Леонид Ржевский – писатель и человек // Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : ТерраСпорт, 2000. С. 5–20.

Софиев Ю. Синий дым : стихи и проза. Алматы, 2013. 244 с.

Талалай М. Г. Итальянский кукольник, он же русский изгнанник // Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. СПб. : Алетейя, 2007. С. 5–10.

Ширяев Б. Н. Кудеяров дуб : повесть. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1958. 190 с.

Шпанн О. Философия истории / пер с нем. К. В. Лощевского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 485 с.

Gorboff M. Entre Hitler et Stalin // Gorboff M. La russie fantome. Lausanne, 1995. P. 159–266.

References

Andreev, V. L. (1966). *Dikoe pole* [Wild Field]. 392 p. Moscow, Sovetsky Pisatel′.

Andreev, G. (Khomyakov) (1975, 1976, 1977, 1978). *Minometchiki* [Mortar Men]. In *Novyy zhurnal, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 131, 133*.

Babicheva, M. E. (2005). *Pisateli vtoroy volny russkoy emigratsii: biobibliograficheskie ocherki* [Writers of the Second Wave of Russian Emigration: Bibliographic Essays]. 448 p. Moscow, Pashkov dom.

Bogomolov, V. O. (1995). *Sram imut i zhivye, i mertvye, i Rossiya* [The Living, the Dead and Russia Itself Are Ashamed]. In *Knizhnoe obozrenie, 19*.

Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2014/2015 [The Yearbook of the House of Russian Abroad]. (2015). Iss. 5. Moscow, Dom russkogo zarubezh′ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna.

Elagin, I. & Vitkovsky, E. (Comp.). (1998). *Sobranie sochineny: V 2 t.* [Collected Works: 2 Vols.]. Vols. 1–2. Moscow, Soglasie.

Gazdanov, G. (1996). *Na frantsuzskoy zemle* [On the French Soil]. In Gazdanov, G. *Sobranie sochineny: V 3 t.* Vol. 3, pp. 675–774. Moscow, Soglasie.

Gorboff, M. (1995). Entre Hitler et Stalin. In Gorboff, M. *La russie fantome* (pp. 159–266). Lausanne, Soisse.

Karpenko, S. V. (Ed.). (2004). *Mezhdu Rossiey i Stalinym : Rossiyskaya emigratsiya i Vtoraya mirovaya voyna* [Between Russia and Stalin. Russian Emigration and World War II]. 346 p. Moscow, RGGU.

Poety na fronte [Poets at the Front]. (1943). Shanghai, Epokha

Rzhevsky, L. D. (1952). *Natsional'naya kul'tura i emigratsiya* [National Culture and Emigration]. Frankfurt am Main, Posev.

Rzhevsky, L. D. (2000). *Mezhdu dvukh zvezd* [Between Two Stars]. 640 p. Moscow, Terra. Sport.

Shiryaev, B. N. (1958). *Kudeyarov dub: Povest'* [Kudeyarov Oak]. 190 p. Frankfurt am Main, Posev.

Shpann, O. & Loshchevsky, K. V. (Transl.). (2005). *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. 485 p. Sankt Petersburg.

Sinkevich, V. (1993). *Pilatov grekh* [Pilate's Sin]. In *Novyy zhurnal, 190–191*.

Sinkevich, V. (2000). *Leonid Rzhevsky – pisatel' i chelovek* [Leonid Rzhevsky – A Writer and a Man]. In Rzhevsky, L. D. *Mezhdu dvukh zvezd* (pp. 5–20). Moscow, Terra. Sport.

Sofiev, Yu. (2013). *Siniy dym. Stikhi i proza* [Blue Smoke: Poems and Prose]. 244 p. Almaty.

Talalay, M. G. (2007). *Ital'yansky kukol'nik, on zhe russky izgnannik* [The Italian Puppeteer, also a Russian Exile]. In Shiryaev, B. N. *Di-Pi v Italii: Zapiski prodavtsa kukol* (pp. 5–10). Sankt Petersburg, Aleteyya.

Varshavsky, V. S. (1950). *Sem' let. Povest'* [Seven Years. A Story]. 301 p. Parizh.

Varshavsky, V. S. (1956). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. 384 p. New York, Izdatelstvo imeni Chekhova.

Vasil′eva, M. A. (2015). *O voennoy proze Vladimira Varshavskogo* [On Vladimir Varshavsky's Military Prose]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2014/2015*. Iss. 5, pp. 206–218. Moscow, Dom russkogo zarubezh′ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna.

Vladimov, G. N. (2001). *General i ego armiya: Roman* [The General and His Army: A Novel]. 464 p. Moscow, Olimp, AST.

Zinov′ev, A. A. (1999). *Russkaya sud'ba, ispoved' otshchepentsa* [Russian Fate, a Renegade's Confession]. 506 p. Moscow, Tsentrpoligraf.

The article was submitted on 22.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.164
УДК 327.54(73:470)+070.15+929Путин+929Обама

БЕГ ПО КРУГУ: РИТОРИКА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

Елена Плахина
Ирина Белякова
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

RUNNING AROUND THE VICIOUS CIRCLE: COLD WAR IMAGES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN AND AMERICAN PRINT MEDIA*

Elena Plakhina
Irina Belyakova
Tyumen State University,
Tyumen, Russia

The article presents a comparative stylistic analysis of the political narrative of Russia and the United States during two historical periods: the Cold War (1950–1980) and the year 2015. The authors choose the cognitive theory of narrative analysis as their research methodology. Political narrative is understood as a single story uniting multiple journalistic materials over a certain historical period of up to several decades, reflecting the state ideology with an arbitrary name, permanent positive or negative characters, and verbally presented via recurrent lexical units, stylistic and manipulation techniques. It is established that the Soviet narrative of the Cold War period had clearly defined villains – capitalists, while the role of victims belonged to ordinary citizens of the capitalist countries, and Communists were their saviors. The following specific features characterized the narrative: the formation of a clear opposition

* *Citation*: Plakhina, E., Belyakova, I. (2016). Running around the Vicious Circle: Cold War Images in the Contemporary Russian and American Print Media. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

Цитирование: *Plakhina E., Belyakova I.* Running around the Vicious Circle: Cold War Images in the Contemporary Russian and American Print Media // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164 / *Плахина Е., Белякова Т.* Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

© Плахина Е., Белякова И., 2016

"us – them"; selective coverage of events occurring in the "hostile" countries, a tendency to the exclusion of anything positive; a one-sided, strongly biased view of the political, economic and cultural events (promoting the positive sides in this country and greatly exaggerating the negative ones in Western countries); an emotionally loaded image of "them" created by employing appropriate linguistic and non-linguistic means; the formation of a persistent negative image of "them" by the use of initially false causality (innuendo, false presuppositions, provocation); reframing cognitive representations of world events, when the same event is interpreted differently in different countries by the virtue of the existing ideology; declaration of one's own values as moral, and "their" values as immoral. The Russian political narrative of last year supports a script called "We don't care – we are not afraid of 'the sanction masters'", that is, the US President and leaders of European countries – "puppets, powerless heads of their states". The scenario of the narrative, which is now being created in the English-language media concerning relations with Russia, is that Putin/Russia is aggressive, hostile to the United States; it is a source of military conflicts, uncompromising and unpredictable. The US defends democratic values, seeks de-escalation of the existing armed confrontations, and fears the wild unpredictability of Putin/Russia. The Russian narrative is dominated by the methods of irony, sarcasm, ridicule, and direct use of obscene language against its opponents; in the English narrative intimidation dominates, when the notion of "them" is referred to as an aggressor and unpredictable barbarian.

Keywords: political narrative; cognitive scenario; Cold War; Russia; USA; Putin; Obama.

Статья посвящена сравнительно-стилистическому анализу политического нарратива России и США времен холодной войны 1950–1980 гг. и 2015 г. В качестве методологии исследования выбрана когнитивная теория нарративного анализа. Политический нарратив понимается как единый сюжет, объединяющий множество публицистических материалов на протяжении определенного исторического периода и отражающий государственную идеологию с условным названием, постоянными персонажами, выполняющими положительные либо отрицательные роли, вербально представленный повторяющимися лексическими единицами, стилистическими и манипулятивными приемами. Установлено, что советский нарратив времен холодной войны имел четко прописанных отрицательных героев-капиталистов, роль их жертв принадлежала простым жителям капиталистических стран; положительными героями-спасителями выступали коммунисты. Он характеризовался определенными специфическими чертами: формирование четкой оппозиции «свой – чужой»; выборочное освещение происходящих во «враждебной» стране событий, тенденция к исключению всего положительного; однобокое, предвзятое, сильно ангажированное представление политических, экономических и культурных событий (высвечивание положительного в нашей стране, преувеличение резко отрицательного в западных странах); эмоциональная наполненность образа «чужого» благодаря

соответствующим языковым и неязыковым средствам; формирование стойкого отрицательного образа «чужого» за счет использования изначально ложных причинно-следственных связей (инсинуаций, ложных пресуппозиций, провокаций); рефрейминг когнитивных представлений о событиях в мире, когда одно и то же событие трактуется по-разному в силу существующей идеологии; объявление собственных ценностей моральными, а ценностей «чужого» безнравственными. Российский политический нарратив последних лет поддерживает сценарий под условным названием «А нам все равно – мы не боимся “санкционных смотрителей”», в роли которых выступают президент США и лидеры ведущих западных стран – «безвольные марионетки, безвластные руководители своих государств». Сценарий же нарратива англоязычной западной прессы: Путин / Россия ведет агрессивные действия, враждебен США, является источником военных конфликтов, неуступчив, непредсказуем. США на словах отстаивают демократичные ценности, стремятся к деэскалации вооруженных противостояний, опасаются непредсказуемости дикой России / Путина. В российском нарративе преобладают приемы иронии, сарказма, прямых насмешек и использования обсценной лексики в адрес оппонентов; в англоязычном нарративе доминирует прием запугивания, когда «враг» номинируется агрессором, непредсказуемым варваром.

Ключевые слова: политический нарратив; когнитивный сценарий; холодная война; Россия; США; Путин; Обама.

Известно, что стилистика СМИ меняется под влиянием общественно-политических перемен. Непосредственно связанная с контекстом окружающей действительности публицистическая речь так же динамична, как и меняющийся мир. Особенно это касается политических событий, формирующих общий социокультурный контекст текстов СМИ [Будаев, Чудинов].

С распадом Советского Союза теоретики начали говорить о стилистических особенностях публицистики советской эпохи времен холодной войны, перестройки и т. д.; тогда же наметились два направления лингвистической советологии: отечественная и западная (США и Западная Европа).

В отечественной лингвистической советологии можно выделить три периода:

1. Положительная оценка новых языковых явлений в советское время. Например, исключительно положительно описывал в 1974 г. все происходящие в языке явления С. И. Ожегов: «Величие творческих усилий советского народа, строящего коммунизм… не могло не наложить отпечатка на наш язык… Изменения значений старых слов особенно обогатили русский язык советской эпохи. Новые значения особенно рельефно подчеркивают своеобразие семантического развития нашего времени. Наполнилась новым марксистско-ленинским содержанием вся общественно-политическая терминология» [Ожегов, с. 30].

2. Отрицательная оценка идеологической функции лексики советского периода в перестроечное время. Например, подробный системно-лингвистический анализ и описание русского языка советского периода дается в работе Н. А. Купиной: автор определяет «феномен тоталитарного языка» с функцией тотального лингвоидеологического контроля, выявляет тенденции его формирования, рассматривает его семантические и концептуальные сферы: именно «благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует» [Купина, 1995, с. 7]. В «Толковом словаре языка Совдепии» также указываются «впечатляющие масштабы речевого воздействия тоталитарной системы на языковую личность», «подавляющие духовность, индивидуальность, свободу мысли» [Мокиенко, Никитина, с. 6].

3. Положительное переосмысление лексических значений советизмов в современном русском языке (см., например: [Купина, 2009; Павлова]). Утверждается, что «текущая языковая ситуация свидетельствует о завершении стратегически заданного блокирования советского идеологического кода… В речевой оборот возвращаются вербальные единицы советского кода в первичных и измененных значениях» [Купина, 2009].

В западной традиции интерес к изучению языка советской прессы появился в связи с необходимостью «более адекватного представления о советском политическом мышлении и решения задач по прогнозированию политической деятельности» [Будаев, Чудинов, с. 47]. В коммунистическом советском государстве также проводился анализ организации средств массовой информации, в частности газет, начиная от стенных и заканчивая всесоюзными. Исследовались тиражи, тематика, читательская аудитория [Hollander]. Изучалась проблема становления языка прессы советского государства как средства коммуникации и идеологического влияния на новое многонациональное и полиязычное общество. В частности, М. Смит отмечал, что именно по заказу партийных лидеров в СССР разрабатывался специальный язык СМИ. Необходимость такого процесса объяснялась исследователем буквальным непониманием большевистской элитой рабоче-крестьянской массы [Smith].

Однако изначально отношение западных советологов к Советскому Союзу было предвзятым, резко негативным, агрессивным и враждебным. Отмечалось стремление обнаружить сходство с фашистским дискурсом, что, в свою очередь, не могло не способствовать напряженным отношениям между Советским Союзом и западными странами. Обвинения в тотальной лживости Советской стороны вели к искаженному представлению западных читателей о советских людях.

В начале 1990-х гг. наметился аксиологический сдвиг и в зарубежных исследованиях. Они приобрели более объективный научный характер. С помощью новейших методов, таких как, например, квантитативная семантика, контент-анализ, психолингвистический и социолингвистический анализ, выделяются ключевые символы,

характерные образы, метафоры, литературные модели, типичные аббревиатуры и проч. Материалом исследований служат официальные документы, протокольные речи, фотографии. Подробный обзор исследований можно найти в [Будаев, Чудинов].

Так, в 1991 г. выходит исследование публицистических текстов советского периода в сравнении с прессой Великобритании *Glasnost, Perestroika and the Soviet Media*, в предисловии к которому автор заявляет об отказе от традиционного подхода к представлению советских средств массовой информации как чисто пропагандистских, а западных по умолчанию правдивых. Напротив, он исходит из положения, что все СМИ по сути являются идеологическими, и необходимо только выявить этот вектор идеологической направленности [McNair]. О необходимости не судить априори негативно о социалистическом периоде развития языка и не ударяться в романтизацию пишет и А. Юрчак [Yurchak].

Исследование стиля периодики времен холодной войны вновь становится актуальным. Частотность утверждений (поступающих от общественных деятелей, политиков, журналистов, которые транслируются аудитории СМИ) о том, что мы вступили в «новый виток холодной войны», попали в «облако холодной войны», у нас случилась «новая версия холодной войны», ее окончание «предполагаемо», но «сомнительно» [Trukhachev; Dagdeverenis; Ильинский и др.], нарастает. Кульминацией всеобщих спекуляций на тему вновь обострившегося идеологического противостояния России и США стали недавно принятые государственные стратегии национальной безопасности обеих стран. В американском документе от февраля 2015 г. декларируется мировое лидерство США во всех сферах жизни, а также угроза их национальной безопасности, в числе прочих, от агрессии России (*aggression by Russia*), авторитарного государства, противящегося демократическим силам (*efforts by authoritarian states to oppose democratic forces*), и утверждается необходимость от нее защищаться [National Security Strategy].

В ответном Указе Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится, что «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [О стратегии…]. США и Европейский Союз обвиняются в «целенаправленном формировании… образа врага в лице России» [Там же].

Данные документы, а также современная политическая обстановка, очевидно, направляют стилистику периодических изданий в русло нарратива времен холодной войны 1950–1980 гг. Сопоставление стилистики периодических изданий за 1950–1980 гг. и 2015 г.,

посвященных обзору событий в мире, может дать ответ на вопрос о законах реинкарнации словесной войны двух стран. В качестве методологии исследования нами была выбрана когнитивная теория нарративного анализа, имеющая достаточную объяснительную силу применительно к общим чертам в публицистике двух периодов. Политический нарратив понимается в данном случае как единый сюжет, объединяющий множество публицистических материалов на протяжении определенного исторического периода длиной до нескольких десятков лет и отражающий политическую идеологию, присущую данному историческому периоду, с условным названием, постоянными персонажами, которые выполняют определенные положительные либо отрицательные роли. Этот период вербально представлен повторяющимися лексическими единицами, стилистическими и манипулятивными приемами.

Основным материалом исследования послужила газета «Тюменский комсомолец»[1], которая выполняла функции региональной молодежной газеты (отметим, что с конца 1950-х гг. в регионе на северных стройках нефтяных и газовых месторождений работали тысячи молодых людей, приезжавших со всего Советского Союза), была официальным органом ВЛКСМ и основной целью провозглашала пропаганду ленинских идей: «каждый пропагандист и активист должен иметь эту газету»[2].

На первой стадии методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы все статьи 1953–1991 гг. (годы существования газеты) из постоянных рубрик, посвященных обзору мировых событий. Выявить региональную специфику публикаций нам не удалось, так как большинство из них, как выяснилось в процессе работы, являлись перепечатками из центральных изданий. На второй стадии анализу подверглись статьи электронных версий центральных газет из рубрик той же тематики (как оказалось, тюменские газеты не имеют собственных авторов подобных рубрик) и англоязычные периодические электронные издания за 2015 г. На третьей стадии мы попытались объяснить наличие схожих стилистических и манипулятивных приемов в публикациях двух исторических периодов с помощью теории нарративного анализа.

Рассмотрим первую стадию исследования.

В советском государстве перед молодежью, как и перед всеми гражданами, ставилась задача «борьбы с капитализмом». 5 февраля 1967 г. в № 6 был опубликован материал «О задачах комсомола в со-

[1] Газета начала выходить 15 февраля 1953 г. с периодичностью три раза в неделю, объемом четыре полосы и тиражом 20 тысяч экземпляров. Она освещала общественно-политическую и культурную жизнь рабочей и сельской молодежи, работу комсомольских организаций. Под международные новости выделялась последняя полоса, особо важные международные новости и аналитика иногда печатались на первой.

[2] Протокол заседания бюро обкома ВЛКСМ № 24 от 25.02.1953 [Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области. Ф. 1444. Оп. 18. Д. 866].

временных условиях» с подзаголовком «Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л. И. на пленуме ЦК ВЛКСМ 1 февраля 1967 года». Отмечалось: *Нельзя забывать, товарищи, что мы живем в условиях ожесточенной классовой борьбы двух миров – мира социализма и мира капитализма. В идеологии, как и в других сферах наших отношений с капиталистическим миром, социализм находится в историческом наступлении, капитализм – в обороне. Борьба – всегда двусторонний процесс. Империалисты тоже не дремлют. В их распоряжении огромный и весьма изощренный аппарат пропаганды и воздействия на общественное мнение. С его помощью они стараются одурманить народные массы в собственных странах, а также распространить свое влияние на какую-то часть населения социалистических стран. Они лихорадочно выискивают слабые места: это жалкие потуги*.

Процитированный фрагмент, типичный для периодики того времени, свидетельствует, что советская публицистика времен холодной войны формировала особый политический нарратив «капиталисты – враги», посвященный прославлению социалистического и коммунистического строя и обличению капиталистического общества. Он создавался целенаправленно внешними политическими силами по определенному когнитивному сценарию, в котором роли всех положительных либо отрицательных «персонажей» были прописаны заранее. Данный нарратив, развивавшийся во времена холодной войны, характеризовался несколькими специфическими чертами. Большая их часть в той или иной степени получила освещение в работах, посвященных советскому дискурсу:

– четкая оппозиция «свой/коммунист – враг/капиталист» и ее реализация во всех материалах изданий;

– выборочное освещение происходящих в капиталистическом мире событий (рост инфляции, безработицы, жизнь в трущобах, умственное и физическое переутомление молодежи, способное довести некоторых до самоубийства или безумства, и др.);

– однобокое, ангажированное представление политических, экономических и культурных событий (высвечивание положительного в нашей стране, преувеличение резко отрицательного в западных странах даже по относительно нейтральным темам культуры и спорта). Например, музыка из США непременно *дешевая коммерческая*, *губительная для национальных культур*; книги – *самые наигнуснейшие*;

– эмоциональная наполненность «образа врага» за счет использования соответствующих языковых (тропы, когнитивные метафоры) и неязыковых (карикатуры, фотографии и др.) средств. Апелляция к таким чувствам и эмоциям читателей, как презрение, ненависть, ужас;

– формирование стойкого отрицательного «образа врага» за счет использования изначально ложных причинно-следственных связей (инсинуации, ложные пресуппозиции);

– рефрейминг когнитивных представлений о событиях в мире, когда одно и то же событие разными странами трактуется по-разному в силу существующей идеологии;

– объявление собственных ценностей моральными, а ценностей «врага» – безнравственными.

Для реализации нарратива «капиталисты – враги» использовался ряд манипулятивных приемов:

– Дезориентация – публикация заведомо ложной информации, очерняющей врага и прославляющей свой строй. В № 32 за 29 апреля 1953 г. в областной газете «Тюменский комсомолец» появилась статья под говорящим названием «Фабрика лжи», в которой американские медиамонополии показаны как абсолютно лживые, которые *стремятся принудить народ к тупому повиновению, гнусно клевещут, бесстыдно, цинично одурманивают читателей*. В следующем номере газеты вышла статья, в которой уже обвиняются эти «бедные жертвы»: *В их жизни нет места большим делам. Там правит сильный дух меркантилизма, проникающий через каждую клетку капиталистического общества. Он убивает их идеалистические идеалы. Они все сражаются за культуру и благосостояние, а не за политические идеалы. Гнев, ненависть и презрение – вот что мы к ним чувствуем*. Субъективная оценка жизни в капиталистических странах без каких-либо подтверждений фактами способствовала дезориентации советских людей и искажала картину капиталистического общества.

– Игра на эмоциях. 5 марта 1953 г. в № 9 в газете «Тюменский комсомолец» публикуется зарисовка «Два Парижа»: *Тревожно сейчас в рабочих семьях Парижа. Тревожно за завтрашний день. Безработица. Автозаводы гибнут под бременем конкуренции с американскими трестами… Нелегко приходится старой вдове. Денег нет. Унынье. Тупик.* Лексические повторы, короткие, рубленые фразы, негативно окрашенная лексика, обобщения нагнетают атмосферу абсолютной безысходности.

– Провокация. В номере от 15 февраля 1961 г. в статье под названием «Космос и военные планы США» автор пишет о запланированном запуске американского спутника связи: *Со своего местоположения он сможет следить и бомбить вражеские территории. Эти разбойничьи планы, рождающиеся в умах людей, потерявших человеческое обличье, империалистов, горячо поддерживает Пентагон.*

– Запугивание. В том же номере советских читателей прямо предупреждают о капиталистической угрозе их существованию: *Основная угроза миру, свободе и независимости исходит от США*.

– Нарушение, запутывание причинно-следственных связей. Так, в традиционной рубрике «В странах капитала» от 23 января 1954 г. содержится ряд статей о технологическом прогрессе, казалось бы, это положительный момент, но, в результате *люди мрут, как мухи, под колесами огромного количества машин* и *Капиталисты несчастны в своем рае материального благополучия*; имея стиральные

и посудомоечные машины, автомобили, они лишены *наивысшего счастья в жизни – возможности трудиться*.

– Идеологическая пропаганда основана на стереотипизации (упрощение образа врага – его природа примитивна, его поступки предсказуемы), избирательности в освещении событий, преувеличениях (беспочвенных обобщениях) и опущении нежелательной информации; прямолинейном очернительстве, брани и проклятиях в адрес «врага». В 1967 г., к примеру, указывалось на девальвацию валюты в Великобритании, США, Израиле, Ирландии и на Цейлоне. Страны объявлялись на грани банкротства.

Приветственные речи советских лидеров Н. Хрущева, Л. Брежнева на многочисленных молодежных съездах постоянно предупреждали о *махинациях империализма*, *агрессивных кругах империализма*, называли капиталистов *убийцами*, *врагами*, *эксплуататорами*, *работорговцами*, *денежными мешками*, *кровопийцами*, бездуховными людьми с интересами, ограниченными исключительно зарабатыванием денег.

– Сатира, ирония, сарказм были представлены как вербально, так и в карикатурах, комиксах, коллажах, фотоматериалах.

Благодаря «железному занавесу» воплощение советского нарратива «страшного капиталиста» было делом несложным. В СССР аудитория почти не имела иных источников информации, кроме центральных и региональных газет, журналов, телевидения и радио.

Ситуация с доступом к информации в настоящее время в корне другая: благодаря новым медиа сведения можно получать из первых рук, напрямую из зарубежных и отечественных источников. На протяжении последних лет мы наблюдаем ухудшение отношений между Россией и Западом, что транслируется мировыми СМИ на всех языках и доступно в любом уголке мира. Одно и то же событие получает прямо противоположную интерпретацию благодаря преднамеренной апелляции к разным аргументам.

Второй этап исследования мы начали с просмотра национальных корпусов русского и английского языков, чтобы проверить историческую динамику употребления словосочетания «холодная война» в современной прессе.

Национальный корпус русского языка показал резкий рост частотности словосочетания «холодная война» в газетном подкорпусе начиная с 2005 г. с 1,9 на миллион словоупотреблений до 6,1 в 2012 г. (данные есть только до 2012 г.).

Поиск выражения *Cold war* в газетном корпусе современного американского языка за 2005 г. показал 10,80 на миллион словоупотреблений и в 2015 г. 11,07 (всего 194 употребления в 2015 г.) [Corpus of Contemporary American English].

Методом сплошной выборки были проанализированы статьи электронных газет и журналов за 2015 г., посвященные мировым событиям, связанным с Россией, США и странами Евросоюза. Контек-

стуальный анализ этой выборки свидетельствует о том, что издания делятся на две группы: те, которые продолжают разворачивать антироссийский нарратив, и те, которые пытаются найти объективные причины межкультурных разногласий.

По мнению автора одной статьи, холодная война прошлого века не имела определенного финала для американцев и европейцев. Она постепенно переросла в «холодный мир», когда образ русских как был непонятным, а потому и устрашающим для западной цивилизации, так им и остался. За 45 лет развития западной киноиндустрии был создан образ грубого, дикого, страшного русского, а образа доброго русского человека, этакой куклы из популярного американского детского шоу «Улица Сезам», не появилось. Поэтому, констатирует автор, образ русского друга и партнера в американском и европейском сознании отсутствует [Cusimano].

Англоязычные интернет-источники создают картину, как будто бы Путин и его окружение «ведут игру против Запада». *With a new cold war possible, perhaps it's time to dust off the old playbooks and ask the what-ifs from that earlier tension-filled era* («С новой холодной войной на горизонте, может, уже пора вспомнить, что мы уже играли в эту игру и к каким последствиям это привело» (имеется в виду конфликт с советским военным присутствием на Кубе в 1962 г. – *Е. П., И. Б.*)) [O'Brien]. *According to Donald N. Jensen, resident fellow at the Center for Transatlantic Relations, in the standoff with Europe, Vladimir Putin is unlikely to blink first («Согласно Дональду Н. Дженсену, сотруднику Центра трансатлантических отношений, в противостоянии с Европой Владимир Путин вряд ли уступит первым»). Ivanov replayed an argument made by Putin* («Иванов опять привел аргументы Путина»). *But Putin could also put diplomacy on the back burner again and try to make good on his boast that Russian tanks could get to Kiev in two weeks. It is not clear who will blink first, Moscow or the West. But there is little sign that Putin will veer off course just now* («Но Путин все еще может отодвинуть дипломатию на второй план и попытаться исполнить свое угрозу – через две недели ввести русские танки в Киев. Непонятно, кто уступит первым, Москва или Запад. Но ничто не указывает, что Путин сейчас изменит позицию») [Jensen].

В этой «игре» прописан определенный когнитивный сценарий, в котором Путин, олицетворяющий Россию, исполняет роль «злого гения», не желающего идти на компромисс, на которого возлагается вся вина за происходящие в мире конфликты. Например, статья в издании «Atlantic Times», посвященная отчету Конференции по безопасности в Мюнхене, начинается с напоминания участникам саммита, а заодно и всем читателям, что 2014 г. был катастрофическим, так как война вернулась в Европу после того, как Россия *violated a number of international agreements, annexed Crimea and began supporting East Ukrainian separatists with weapons, tanks and soldiers* («нарушила целый ряд международных соглашений, аннексировала Крым

и начала поддерживать сепаратистов на Восточной Украине вооружением, танками и солдатами»), далее сообщается о беспорядках на Ближнем Востоке, гражданской войне в Сирии, подъеме ИГИЛ и всплеске терроризма, угрожающего Европе. Таким образом, цепочка выстраивается так, чтобы Россия предстала виновной всех этих бедах, хотя и косвенным образом. Ведь началось все якобы с ее незаконных военных действий. В конце статьи автор заключает: *As this issue went to press, the outcome – Cold War? Cold peace? War? – was still uncertain. Only one thing was clear. To quote Le Monde's editorial writer once more: "Basically everything depends on one man, Vladimir Putin. Does he think Ukraine has paid enough for the 'crime de mesalliance' with Europe? Will he now look for a peaceful solution? Or will he keep the war going? Berlin and Paris propose a compromise. The response is up to the Kremlin and no one else* («Когда этот номер был сдан в печать, оставалось непонятным что нас ждет – холодная война? Холодный мир? Война? Понятным было только одно. Еще раз процитируем редактора газеты *Le Monde*: "Практически все зависит от одного человека, Владимира Путина. Думает ли он, что Украина сполна заплатила за преступную попытку мезальянса с Европой? Берлин и Париж предлагают компромисс. Ответ на это может дать только Кремль, и никто кроме"») [Sommer].

Кроме того, здесь можно также привести первые сто словосочетаний с фамилией Путин в американском корпусе из статей журнала *World Affairs* (2015). За редким исключением они все представляют Путина и Россию, которую он символизирует, агрессором и врагом. Вот некоторые из них.

– ***Vladimir Putin's*** *ultimate objective is nothing less than the destruction of Ukraine's national identity* («Конечная цель Владимира Путина – ни больше, ни меньше – уничтожение национальной идентичности Украины»).

– ***Putin's*** *deep enmity* («Глубокая враждебность Путина»).

– ***Putin*** *has totally ignored the September Minsk peace accords* («Путин полностью проигнорировал сентябрьские Минские соглашения»).

– ***Putin's*** *standard operating procedure is to escalate the conflict* («Стандартный подход Путина – это эскалация конфликта»).

– ***Putin*** *likes to open talks by putting a knife on the table first* («Путин любит начинать переговоры, сначала положив нож на стол переговоров).

– ***Putin*** *has demonstrated a fierce and obsessive anti-Americanism* («Путин продемонстрировал ярый непримиримый антиамериканизм»).

– ***Putin's*** *Russia is an adversary, or an opponent, or even an enemy* («Путинская Россия – противник, или оппонент, или даже враг») [Corpus of Contemporary American English].

Благодаря этому создается представление о пренебрежительном отношении Путина и его соратников к зарубежным коллегам. Так, Путин *was hours late for a private meeting with German chancellor Angela Merkel* («опоздал на несколько часов на встречу с германским канцле-

ром Ангелой Меркель») и *made clear his disdain for his former Western "partners"* («ясно выразил свое презрение к своим бывшим западным "партнерам"»). Слово «партнеры» взято в кавычки, подразумевая обратное. Вообще прием использования кавычек не только для обозначения прямой речи, но и для того, чтобы продемонстрировать, что значение подвергается сомнению и даже опровергается, довольно част: *In a public lecture in Moscow, he slammed what he called Washington's "double standards in order to implement geopolitical designs* («В своей открытой лекции в Москве он резко раскритиковал "двойные стандарты", к которым якобы прибегает Вашингтон для осуществления своих геополитических замыслов») [Jensen].

Словам президента Российской Федерации приписывается скрытый смысл там, где его нет: *Before leaving Italy, Putin gave a news conference at which he repeatedly referred to eastern Ukraine as "Novorossiya," an imperial, nineteenth-century term that carries the implication that the region should rightly be ruled from Moscow* («На пресс-конференции перед своим отъездом из Италии Путин неоднократно назвал восточную Украину "Новороссией", применив термин, использовавшийся в Российской империи в XIX в. и подразумевающий, что этим регионом по праву должна управлять Москва»). Хотя «Этимологический словарь русского языка М. Фасмера» утверждает, что Новороссия – это название южной части Украины до 1917 г. [Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера].

Инсинуации можно проиллюстрировать следующим примером: *Putin has apparently calculated that European outrage over Russia's invasion of Ukraine has its limits and that memories of the shoot-down of Malaysian airliner MH-17 in July may be fading* («Путин, вероятно, рассчитывал, что европейский гнев по поводу вторжения России в Украину имеет свои пределы и что память о сбитом в июле малазийском самолете может стереться»). Таким образом, прямо указывается, что российские войска вошли на территорию Украины с целью завоевания (*англ. сущ.* invasion от *англ. гл.* invade: (of an armed force) enter (a country or region) so as to subjugate or occupy it [Oxford Dictionaries], а также делается пресуппозиция, что Россия сбила гражданский самолет над Украиной. При отсутствии фактических доказательств и первого, и второго оба утверждения можно назвать клеветническими.

В текстах содержатся и прямые провокации: в частности, пейоративная номинация оппонента в адрес идеологического противника *Russia is no longer a superpower* («Россия *больше не* сверхдержава») может расцениваться как намеренное агрессивное средство, используемое с целью вызвать злость, ответную реакцию, то есть провокация.

Лексика, которой выражаются действия Путина и его представителей, имеет негативную окраску с оттенком грубости, способствуя созданию образа варваров, не знающих приличий: …*after Russia's Foreign Minister Sergei Lavrov shocked the assembly with a rude speech that reminded older MSC participants of Molotov's worst harangues. But when*

they left, the horizon brightened somewhat; *Putin's brazen acts* («…после того, как министр иностранных дел России Сергей Лавров шокировал собравшихся грубыми высказываниями, которые напомнили старейшим из участников гневные тирады Молотова, последовали грубейшие надругательства Путина»). *[Putin] thumbed his nose at the Helsinki Accords of 1975, the Paris Charter of 1990, the Budapest Memorandum of 1994, and other agreements and commitments that had kept the peace in Europe – with the exception of the Balkans – since the end of World War II*. («Путин грубо проигнорировал Хельсинкские соглашения 1975 г., Парижскую хартию 1990 г., Будапештский меморандум 1994 г. и другие соглашения и обязательства, которые сохраняли мир в Европе – за исключением Балкан – с конца Второй мировой войны») [Kramer].

Таким образом, сценарий нарратива англоязычной западной прессы касательно отношений с Россией таков: Россия/Путин ведет агрессивные действия, враждебен США и Евросоюзу, является источником военных конфликтов, неуступчив, непредсказуем. США и Евросоюз отстаивают демократические ценности, стремятся к деэскалации вооруженных противостояний, опасаются непредсказуемости дикой России / Путина.

Политический нарратив в стиле холодной войны присутствует и в отечественных СМИ.

Мы отмечаем отдельные элементы идеологизации лингвистической системы (по Н. Купиной). Это использование стандартных речевых идеологем с аффиксами, приспособленными для выражения идеологического содержания «анти-»: *антимайдан, антиамериканские настроения.* Это и приобретенные новообразования (*единорос*), и использование стандартных словосочетаний и высказываний, в которых обозначаемое (денотат) – идеологического типа: *сирийские повстанцы, интервенция США, сирийский узел, освободительная операция (миссия) в Сирии, действующие власти Крыма, российский Крым, господин Обама*.

Относительно фраз *запрещенная в России организация ИГИЛ* и *новая экономическая формация* в СМИ сформировался определенный идеологический стандарт: согласно подобным стандартам, по мнению Н. А. Купиной, в СССР создавалась иллюзия всеобщей гармонии, предсказуемость коммуникации.

Согласно теории Н. А. Купиной, блоки идеологем поддерживаются прецедентными текстами из первоисточников, например, из речей идеологически авторитетных государственных деятелей: в современной публицистике мы отмечаем, что это речи президентов (российского и американского), министра иностранных дел С. В. Лаврова (в формате международного дискурса) и госсекретаря США Дж. Керри.

После известных событий в Сирии в конце сентября 2015 г. он начал формироваться в ироническом и даже издевательском ключе по отношению к «внешнему врагу». Использование «бинарных оппозиций, поляризующих идеологические конструкты» [Купина, 1995], типично

для современного публицистического дискурса. Внешний враг – это, конечно, США и Барак Обама, их олицетворяющий, отчасти страны – лидеры Евросоюза. Показательны заголовки статей, посвященных речи Обамы по итогам своего президентства: *Все что смогли* [Строкань, 2016]; *США – самая влиятельная страна на Земле, и точка!* [Дудина], *Обама заглянул на огонек к Байдену и Яценюку* [Цилюрик-Франц], *Четыре державы решили особо не минсковать* [Дудина, Соколовская, Тарасенко], *«Четверка» отработала на «тройку»* [Колесников].

Продолжается и сценарий игры: в газете «Коммерсант» неоднократно подчеркивается, что США и Запад *ведут нечестные игры*. Согласно исследованию Н. А. Купиной, для «тоталитарного языка» свойственно использование семантических приращений, с помощью которых «словосочетание превращается в идеологему манипулятивного типа» [Купина, 1995]. Перед нами использование аналогичного приема: приращение фразеологических сочетаний «вести игру», «играть в игры»: *Уходящий год показал: новые баррикады сегодня пролегли и внутри самих западных обществ, произведя в политике ведущих мировых держав шоковый переворот. Смысл этого переворота можно определить так: традиционные партии и политики, целые правящие династии и казавшаяся незыблемой система ценностей и правил игры демонстрируют признаки износа, подвергаются девальвации* [Строкань, 2015б]. Приводится цитата из заявления МИД РФ, в котором посетовали, что *вместо того, чтобы выстраивать конструктивное сотрудничество в противодействии ключевым вызовам современности, таким как международный терроризм, в еэсовском Брюсселе предпочитают продолжать близоруко играть в санкционные игры* [Черненко, 2015].

Неоднократно высказывается мнение о том, что Обама – игрок, а *Путин с Обамой не играет* [Павловский].

Корректный, нейтральный, объективный стиль подачи новостных материалов сменяется стилем, полным негативной риторики, иронии, сарказма, гротесковости, если речь идет об авторских материалах – колонках либо мнениях собственных корреспондентов. С ироническим юмором описывается развитие отношений между президентами: *Еще одним запомнившимся моментом года стали гадания медиа и экспертов на тему, встретятся ли президенты Путин и Обама на полях того или иного международного форума – 70-й сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, саммита G20 в Анталье или климатической конференции в Париже. Потребность в серьезной аналитике упала (а что, собственно, анализировать – до 2017 года и так все ясно). Зато возрос спрос на специалистов узкого профиля, способных расшифровывать язык мимики и жестов – так называемый body language. По нему стали судить, как поговорили президенты и в каком направлении эволюционируют российско-американские отношения* [Строкань, 2015а].

Полон издевательского юмора и отчет о встрече в Париже «нормандской четверки» специального корреспондента «Коммерсанта»

А. Колесникова: *Все без исключения гадали, кто, что и где скажет, а скорее всего, промолчит, но очень важно, как… Ходили разговоры, что… госпожа Меркель… вообще не хотела, чтобы журналисты проникли на эту встречу – наверное, чтоб у них не возникло повода выкрикнуть какой-нибудь неумный вопрос. <…> Наконец Франсуа Олланд вышел на крыльцо. Подъехала и Ангела Меркель. Французский президент не просто пожал канцлеру руку. Они обнялись так, что сложилось впечатление, словно они танцуют, что ли, крепко прижавшись друг к другу. Постепенно Франсуа Олланд увел партнершу внутрь, к Владимиру Путину, который теперь дожидался встречи с ней (надо сказать, что российский президент ограничился рукопожатиями с коллегами). Мимо меня к выходу из Елисейского дворца буквально пробежал президент Франции. …Французский президент торопился встретить украинского. Петр Порошенко… сразу обнял Франсуа Олланда, хотел тот этого или нет. Впрочем, господин Олланд, справедливости ради, не сопротивлялся.*

Таким образом, трое – Франсуа Олланд, Ангела Меркель и Петр Порошенко – обнимались между собой, и только Владимир Путин никому из них не дал для этого повода. Ну и они ему, в свою очередь, тоже [Колесников].

Если персонажи французского и немецкого лидеров в российском нарративе несколько легкомысленны, то герой американского президента – безвольный шут. Так, его собственный Конгресс указывает ему, *в каких случаях президенту США «следует» ужесточить санкции*, а также *приводит широкий перечень критериев, руководствуясь которыми, глава Белого дома «имеет право» ввести дополнительные ограничения в отношении российского топливно-энергетического и финансового секторов* [Черненко, 2014].

В соответствии с когнитивным сценарием, Б. Обама – захватчик, вмешивающийся в дела других стран так же, как ранее империалисты.

Имеют место и прямые оскорбления: *Если говорить об уходящей реальности, связанной с именем нынешнего главы Белого дома, то одним из ее наиболее ярких символов стали стикеры «Обама – чмо» на задних стеклах летающих по московским улицам иномарок среднего класса* [Строкань, 2015а]. Сам статус президента США также возводится в ранг шутовского: *Отвечая на вопрос, кто имеет наибольшие шансы на победу в президентской гонке в США, Владимир Путин среди всех кандидатов выделил лишь его [Трампа]. Впрочем, поскольку реальные шансы на победу у господина Трампа невелики, президентская гонка в США грозит превратиться для россиян в избрание нового «вашингтонского чмо»* [Там же]. Поэтому наше правительство, по убеждению журналистов, считает себя вправе давать советы американскому главе: *Российский МИД резко отреагировал на решение о новых санкциях и призвал США… задуматься о последствиях. «Советуем Вашингтону… все-таки задуматься о последствиях подобных действий», – заявили в российском внешнеполитическом ведомстве* [Павлов].

На верховодящую роль США в определении идеологии Евросоюза указывают такие его номинации, как «санкционный смотритель» и «вашингтонский обком»: *Радует, что после очередного продления европейских санкций уже никто сильно не огорчился, хотя для России цена вопроса немаленькая – около 1 % ВВП. Потому что все понимают: санкции за присоединение Крыма скорее всего навечно, а за Донбасс – пока не даст отмашку «вашингтонский обком»* [Одноколенко]. В данном текстовом фрагменте мы видим речевые приемы, которые были свойственны «тоталитарному языку»: использование партийной лексики («вашингтонский обком» – часто встречающийся в СМИ термин, обозначающий главный партийный орган Вашингтона по типу с советским), смешение стилевых норм (профессионализм спортсменов «давать отмашку» часто употребляется в значении разрешения руководителем, партийным лидером).

Постоянно присутствует в политическом нарративе и мотив разоблачений махинаций «врага»: *Некоторые публикации на поверку действительно оказываются недостоверными,* – пишет «Коммерсант». – *Так, в немецкой газете Bild от 1 октября рядом со статьей, озаглавленной «Жертвами боевых самолетов Путина стали 36 мирных граждан», опубликована фотография мужчины, несущего на руках окровавленного ребенка. В подписи к фото было указано, что оно взято из Twitter-аккаунта правозащитной организации «The White Helmets» («Белые каски»). А на странице этой организации уточнялось, что кадр сделан 30 сентября – в день начала российской операции в Сирии – и что в ходе налетов российских ВКС погибли 33 мирных жителя, включая троих детей и одного волонтера. Однако впоследствии выяснилось, что эта же фотография была опубликована еще 25 сентября в Twitter-аккаунте сирийских оппозиционеров The Syrian Network. Через двое суток после публикации «Bild» удалила снимок со своего сайта* [Черненко, Соловьев].

В современном политическом публицистическом дискурсе определяющим событием, формирующим структуру сверхтекста, является обретение Россией независимости, все факты мотивируются целесообразностью государственной свободы. Соответственно, необходимы факты, свидетельствующие о неуспехе, развале, упадке, разорении «чужой» системы: выбор материала для подачи российскому читателю обязательно включает отрицательные явления в жизни «вражеского» общества, чтобы как-то скрасить собственные проблемы. Видимо, серия статей Е. Хвостика, посвященная проблемам западного общества, должна вызвать наше сочувствие к несчастным европейцам и убеждение, что у нас не все так плохо: *Медленный Интернет тормозит британскую экономику на £11 млрд в год*, и *обрывы связи и плохое соединение затрудняют работу компаний*; *Британский «налог Google» вызвал критику со стороны корпораций и юристов*, так как этот *25-процентный налог на прибыль корпораций, полученных в Великобритании и выведенных за ее пределы, может*

снизить их возможности для инвестиций, а юристы считают, что более жесткая налоговая политика навредит инвестиционной привлекательности Великобритании [Хвостик]. Стали традиционными статьи о массовых беспорядках и расстрелах мирных жителей в городах США, например: *В Балтиморе вспыхнули массовые беспорядки из-за смерти афроамериканца*. В статье «Кандидаты в президенты США берутся за оружие» обсуждается дискуссия кандидатов о возможной отмене конституционного права на ношение оружия гражданами США, в результате которого, *по данным исследования Университета Алабамы, на США приходится 31% всех массовых убийств в мире. С 2011 года количество подобных инцидентов выросло втрое. После трагедии в Орегоне Обама констатировал, что массовые убийства стали рутиной. «Не должно быть такого, чтобы кто-то, кто хочет навредить людям, так легко мог получить оружие. Наших молитв недостаточно», – сказал он* [Медведев].

Складывается впечатление, что российский политический нарратив последних лет создается по сценарию под названием «А нам все равно – мы не боимся “санкционных смотрителей”», где главные шутовские роли «смотрителей» выполняют лидеры США и стран-лидеров Евросоюза. Все они – безвольные марионетки, безвластные руководители своих государств, в которых существующие проблемы гораздо серьезнее наших.

Подводя итог проведенному исследованию, мы пришли к следующему выводу: в прессе России и США идет формирование политического нарратива противостояния времен холодной войны с новыми героями и историческими событиями, но старыми формами и приемами. Современный политический контекст диктует преобладание в русскоязычном нарративе приемов иронии, сарказма, прямых насмешек и использования обсценной лексики в адрес оппонентов, которые представляются безвольными шутами. В англоязычном нарративе доминирует прием запугивания, когда «враг» номинируется агрессором, непредсказуемым варваром. Изменить своей роли персонажи не имеют права. Как снежный ком, эти когнитивные сценарии, культурно обусловленные рамки, выйти за которые становится все сложнее и сложнее, с течением времени обрастают все новыми событиями. В лучшем случае такой выход поставит под сомнение истинность самого сценария, в худшем – полностью его опровергнет. Это, в свою очередь, приведет к утрате репутации авторов нарратива и их политическому проигрышу. Если авторами политического нарратива принять государственных идеологов, то есть руководителей государств, то их фиаско приведет к смене существующего политического режима, как это и произошло во время холодной войны прошлого века. Принимая это во внимание, необходимо задуматься о возможных последствиях развития подобных политических нарративов, так легко бравирующих опасными риторическими приемами.

Список литературы

Байгарова К. В Балтиморе вспыхнули массовые беспорядки из-за смерти афроамериканца // Коммерсант. 2015. 28 апр. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2718511 (дата обращения: 20.01.2016).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Philology.ru : Русский филологической портал. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-07c.htm#. (дата обращения: 20.01.2016).

Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области // Сайт Отделения журналистики Тюменского государственного университета. URL: http://media.utmn.ru/library_view_book.php?bid=840&chapter_num=26 (дата обращения: 20.01.2016).

Дудина Г., Соколовская Я., *Тарасенко П.* Четыре державы решили особо не минсковать // Коммерсант. 2015. 07 нояб. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2849367 (дата обращения: 28.11.2015).

Дудина Г. США – самая влиятельная страна на Земле, и точка! // Коммерсант. 2016. 13 янв. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2890440. (дата обращения: 20.01.2016).

Ильинский И. М. Холодная война: новый этап // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 5–17. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.1 (дата обращения: 20.01.2016).

Колесников А. «Четверка» отработала на «тройку» // Коммерсант. 2015. 02 окт. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2824662. (дата обращения: 20.01.2016).

Купина Н. А. Тоталитарный язык – словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.

Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. Вып. 2(28). Екатеринбург, 2009. С. 35–40. URL: http://philology.ru/linguistics2/kupina-09.htm. (дата обращения: 29.05.2016).

Медведев Е. Кандидаты в президенты США берутся за оружие // Независимая газета. 2015. 07 окт. URL: http://www.ng.ru/world/2015-10-07/8_usa.html (дата обращения: 20.01.2016).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. 701 с.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/. (дата обращения: 20.01.2016).

Одноколенко О. Санкционный смотритель // Независимая газета. 2015. 24 дек. URL: http://www.ng.ru/world/2015-12-24/3_kartblansh.html (дата обращения: 20.01.2016).

Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М. 1974. С. 20–36.

Philology : Русский филологический портал. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/ozhegov-74d.htm (дата обращения: 20.04.2016).

О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Рос. газ. 2015. 31 дек. URL: http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 20.01.2016).

Павлов А. Барак Обама объявил об экономической блокаде Крыма // Коммерсант.ru. 2014. 20 дек. URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2638348 (дата обращения: 20.01.2016).

Павлова С. В. Оценочные советизмы в современном публицистическом тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/otsenochnye-sovetizmy-v-sovremennom-publitsisticheskom-tekste (дата обращения: 20.01.2016).

Павловский Г. Владимир Путин решал проблему смягчения изоляции России // Коммерсант FM. 2015. 17 дек. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2879497 (дата обращения: 20.01.2016).

Панов А. Американский тыл Ближнего востока // Новая газета. 2015. 04 дек. URL: novayagazeta.ru›politics/71011.html (дата обращения: 20.01.2016).

Строкань С. Отношения России и США в переводе с языка жестов // Коммерсант. 2015а. 25 дек. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2872548 (дата обращения: 20.01.2016).

Строкань С. Альтернатива в моде // Коммерсант. 2015б. 25 дек. URL: http://kommersant.ru/doc/2872547 (дата обращения: 20.01.2016).

Строкань С. Все что смогли // Коммерсант. 2016. 14 янв. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2890643 (дата обращения: 15.01.2016).

Тарощина С. Как Обама кивал головой Путину // Новая газета. 2015. 30 ноября. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/70936.html (дата обращения: 20.01.2016).

Хвостик Е. Медленный Интернет тормозит британскую экономику на £11 млрд в год // Коммерсант. 2015. 20 марта. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2691641 (дата обращения: 20.01.2016).

Цилюрик-Франц Д. Обама заглянул на огонек к Байдену и Яценюку // Независимая газета. 2015. 15 июля. URL: http://www.ng.ru/world/2015-07-15/7_obama.html (дата обращения: 20.01.2016).

Черненко Е. Санкциям тянут время // Коммерсант. 2015. 25 дек. URL: http://kommersant.ru/doc/2884698 (дата обращения: 20.01.2016).

Черненко Е. Ни Конгресс, ни Россия не пострадали // Коммерсант. 2014. 20 дек. URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2638144 (дата обращения: 20.01.2016).

Черненко Е., Соловьев В. Россию обвиняют в неправильном целеполагании // Коммерсант. 2015. 02 окт. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2824647 (дата обращения: 20.01.2016).

Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера. URL: http://vasmer.info/нн/новороссия/ (mode of access: 20.01.2016).

Corpus of Contemporary American English. URL: http://www.corpus.byu.edu/coca (mode of access: 20.01.2016).

Cusimano M. L. Building a Better Peace // America. 08 March. 2015. Vol. 213. Is. 3. P. 15–18.

Dagdeverenis D. Are We Entering an Era of a New Cold War? // OneEurope. 4 Dec. 2014. URL: http://one-europe.info/are-we-entering-an-era-of-a-new-cold-war (mode of access: 20.01.2016).

Hollander G. D. Soviet political indoctrination : Mass media and propaganda in the post-Stalin period. N. Y. : Praeger Publ., 1972. URL: http://hdl.handle.net/1721.1/85125 (mode of access: 20.01.2016).

Jensen D. N. A cold peace // Institute of Modern Russia. 30 Oct. 2014. URL: http://imrussia.org/en/analysis/world/2069-a-cold-peace (mode of access: 20.01.2016).

Kramer D. J. The Ukrainian invasion: one year later // World Affairs, March/Apr. 2015. URL: http://www.worldaffairsjournal.org/article/ukraine-invasion-one-year-later (mode of access: 20.01.2016).

McNair B. Glasnost, Perestroika and the Soviet Media. Routledge ; L. ; N. Y., 1991. 212 p. URL: https://monoskop.org/images/5/55/McNair_Brian_Glasnost_Perestroika_and_the_Soviet_Media.pdf (mode of access: 20.01.2016).

National Security Strategy. 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (mode of access: 20.01.2016).

O'Brien B. Empire versus tribe // Military History. Jan. 2015. Vol. 31. Is. 5. P. 44–51.

Oxford Dictionaries : Language matters. URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/invade (mode of access: 20.01.2016).

Smith M. G. Language and Power in the Creation of the USSR 1917–1953. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1998. 294 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Language_and_Power_in_the_Creation_of_th.html?id=stqV47DuteoC&redir_esc=y (mode of access: 20.01.2016).

Sommer T. Cold War? Cold Peace? War? // The Atlantic Times. 9 Feb. 2015. URL: http://www.the-atlantic-times.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2350%3Acold-war-cold-peace-war&catid=115%3Afebruary-2015&Itemid=2 (mode of access: 20.01.2016).

Stockley N. Political narratives: a few basics. 2011. URL: http://neilstockley.blogspot.ru/2011/05/political-narratives-few-basics.html (mode of access: 20.01.2016).

Trukhachev V. A new stage in the 'Cold War' between Russia and the USA has begun // Pravda.Ru. 30 March 2006. URL: http://www.pravdareport.com/russia/politics/30-03-2006/78082-usrussia-0/#sthash.hm7i4e9F.dpuf (mode of access: 20.01.2016).

Yurchak A. Everything was forever, Until it was no more. Chapt. 1–3. Princeton Universtity Press. 2005. P. 1–7. URL: https://books.google.ru/books/about/Everything_was_Forever_Until_it_was_No_M.html?id=bZtOWYnwkSgC&redir_esc=y (mode of access: 20.01.2016).

References

Baygarova, K. (2015). *V Baltimore vspykhnuli massovye besporyadki iz-za smerti afroamerikantsa* [Civil Unrest in Baltimore after the Death of an African American]. In *Kommersant,* Apr. 28. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2718511 (mode of access: 20.01.2016).

Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. (n. d.). *Evolyutsiya lingvisticheskoy sovetologii* [The Evolution of Linguistic Sovietology]. In *Russky filologichesky portal Philology.ru.* URL: http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-07c.htm# (mode of access: 20.01.2016).

Chernenko, E. (2015). *Sanktsiyam tyanut vremya* [Sanctions: Playing for Time]. In *Kommersant,* Dec. 25. URL: http://kommersant.ru/doc/2884698 (mode of access: 20.01.2016).

Chernenko, E. (2014). *Ni Kongress, ni Rossiya ne postradali* [Neither the Congress, nor Russia suffered]. In *Kommersant,* Dec. 20. URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2638144 (mode of access: 20.01.2016).

Chernenko, E. & Solov′ev, V. (2015). *Rossiyu obvinyayut v nepravil'nom tselepolaganii* [Russia Blamed for Wrong Goal-Setting]. In *Kommersant,* Oct. 2. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2824647 (mode of access: 20.01.2016).

Corpus of Contemporary American English. URL: http://www.corpus.byu.edu/coca (mode of access: 20.01.2016).

Cusimano, M. L. (2015). Building a Better Peace. In *America, March 8, Vol. 213, Iss. 3,* pp. 15–18.

Dagdeverenis, D. (2014). Are We Entering an Era of a New Cold War? In *One Europe,* December 4. URL: http://one-europe.info/are-we-entering-an-era-of-a-new-cold-war (mode of access:20.01.2016).

Dudina, G., Sokolovskaya, Ya. & Tarasenko, P (2015). *Chetyre derzhavy reshili osobo ne minskovat* [The Four Countries Decided not to Minsk Much]. In *Kommersant,* November 7. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2849367 (mode of access: 20.01.2016).

Dudina, G. (2016*). SShA – samaya vliyatelnaya strana na zemle i tochka* [The US is the Most Influential Country on Earth and That Is It!]. In *Kommersant*, January 13. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2890440 (mode of access: 20.01.2016).

Online Etymological Dictionary of the Russian Language by M. Vasmer. URL: http://vasmer.info/нн/новороссия/ (mode of access: 20.01.2016).

Hollander, G. D. (1972). Soviet political indoctrination: Mass media and propaganda in the post-Stalin period. N. Y., Praeger Publ. URL: http://hdl.handle.net/1721.1/85125 (mode of access: 20.04.2016).

Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh i politicheskikh ob'edineny Tyumenskoy oblasti [The State Archive of the Social and political Unions of Tyumen Region]. In The website of the Journalism Department of the Tyumen State University. URL: http://media.utmn.ru/library_view_book.php?bid=840&chapter_num=26 (mode of access: 20.01.2016).

Il′insky, I. M. (2015). *Kholodnaya voyna: novyy etap* [The Cold War: A New Stage]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie, 3,* pp. 5–17. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.1 (mode of access: 20.01.2016).

Jensen, D. N. (2014). A cold peace. In *Institute of Modern Russia,* October 30. URL: http://imrussia.org/en/analysis/world/2069-a-cold-peace (mode of access: 20.01.2016).

Khvostik, E. (2015). *Medlennyy Internet tormozit britanskyuy ekonomiku na £11 mlrd v god* [Slow Internet Hampers British Economy by £1 bln a Year]. In *Kommersant,* March 20. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2824647 (mode of access: 20.01.2016).

Kolesnikov, A. (2015). *"Chetverka" otrabotala na "troiku"* [The Group of Four Got a C]. In *Kommersant*, October 2. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2824662 (mode of access: 20.01.2016).

Kramer, D. J. (2015). The Ukrainian Invasion: One Year Later. In *World Affairs,* March/April. URL: http://www.worldaffairsjournal.org/article/ukraine-invasion-one-year-later (mode of access: 20.01.2016).

Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyy yazyk – slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language – Dictionary and Speech Reactions]. 144 s. Yekaterinburg ; Perm, Izdatel′stvo Ural′skogo universiteta.

Kupina, N. A. (2009). *Sovietizmy: k opredeliniyu ponyatiya* [Sovietisms: On the Definition of the Notion]. In *Politicheskaya lingvistika, Iss. 2(28),* pp. 35–40. Yekaterinburg. URL: http://philology.ru/linguistics2/kupina-09.htm (mode of access: 29.05.2016).

McNair, B. (1991). Glasnost, Perestroika and the Soviet Media. 212 p. Routledge, L., N. Y. URL: https://monoskop.org/images/5/55/McNair_Brian_Glasnost_Perestroika_and_the_Soviet_Media.pdf (mode of access: 20.04.2016).

Medvedev, E. (2015). *Kandidaty v prezidenty SShA berutsya za oruzhie* [US Presidential Candidates Take up Arms]. In *Nezavisimaya gazeta,* October 7. URL: http://www.ng.ru/world/2015-10-07/8_usa.html (mode of access: 20.01.2016).

Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka sovdepii* [An Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. 701 p. Sankt Petersburg, Folio-press.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (mode of access: 20.01.2016).

National Security Strategy (2015). URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (mode of access: 20.01.2016).

O'Brien, B. (2015). Empire Versus Tribe. In *Military History, Jan., Vol. 31, Iss. 5,* pp. 44–51.

Odnokolenko, O. (2015). *Sanktsionnyy smotritel'* [The Sanction Master]. In *Nezavisimaya gazeta,* December 24. URL: http://www.ng.ru/world/2015-12-24/3_kartblansh.html (mode of access: 20.01.2016).

Oxford Dictionaries: Language Matters. URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/invade (mode of access: 20.01.2016).

Ozhegov, S. I. (1974). *Osnovnye cherty razvitiya russkogo yazyka v sovetskuyu epokhu* [The Main Features of the Development of the Russian Language during the Soviet Epoch]. In *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* (pp. 20–36). Moscow, Vysshaya shkola. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/ozhegov-74d.htm (mode of access: 20.04.2016).

Pavlov, A. (2014). *Barak Obama ob''yavil ob ekonomicheskoy blokade Kryma* [Barack Obama Announces an Economic Blockade of Crimea]. In *Kommersant.ru,* December 20. URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2638348 (mode of access: 20.01.2016).

Pavlova, S. V. (2011). *Otsenochnye sovetizmy v sovremennom publitsisticheskom tekste* [Evaluative Sovietisms in the Contemporary Journalistic Text]. (Dissertation Abstract). Moscow. URL: http://www.dissercat.com/content/otsenochnye-sovetizmy-v-sovremennom-publitsisticheskom-tekste (mode of access: 20.01.2016).

Pavlovsky, G. (2015). *Vladimir Putin reshal problemu smyagcheniya izolyatsii Rossii* [Vladimir Putin to Solve the Problem of Mitigation of Russia's Isolation]. In *Kommersant FM,* December 17. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2879497 (mode of access: 20.01.2016).

Panov, A. (2015). *Amerikansky tyl Blizhnego Vostoka* [The American Rear of the Middle East]. In *Novaya gazeta*, December 4 (mode of access: 20.01.2016).

Smith, M. G. (1998). Language and Power in the Creation of the USSR 1917–1953. 294 p. Berlin, N. Y., Mouton de Gruyter. URL: https://books.google.ru/books/about/Language_and_Power_in_the_Creation_of_th.html?id=stqV47DuteoC&redir_esc=y (mode of access: 20.04.2016).

Sommer, T. (2015). Cold War? Cold Peace? War? In *The Atlantic Times,* February 9. URL: http://www.the-atlantic-times.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2350%3Acold-war-cold-peace-war&catid=115%3Afebruary-2015&Itemid=2 (mode of access: 20.01.2016).

Stockley, N. (2011). Political narratives: a few basics. URL: http://neilstockley.blogspot.ru/2011/05/political-narratives-few-basics.html (mode of access: 20.01.2016).

Strokan′, S. (2015a). *Otnosheniya Rossii i SShA v perevode s yazyka zhestov* [The Relations between Russia and US as Translated from Body Language]. In *Kommersant,* December 25. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2872548 (mode of access: 20.01.2016).

Strokan′ S. (2015b). *Al'ternativa v mode* [Alternative in Fashion]. In *Kommersant,* December 25. URL: http://kommersant.ru/doc/2872547 (mode of access: 20.01.2016).

Strokan′ S. (2016). *Vse shto smogli* [Everything They Managed]. In *Kommersant,* January 14. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2890643 (mode of access: 20.01.2016).

Taroshchina, S. (2015). *Kak Obama kival golovoy Putinu* [How Obama Nodded to Putin]. In *Novaya gazeta,* November 30. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/70936.html. (mode of access: 20.01.2016).

Trukhachev, V. (2006). A New Stage in the Cold War between Russia and the US Has Begun. In *Pravda.Ru,* March 30. URL: http://www.pravdareport.com/russia/politics/30-03-2006/78082-usrussia-0/#sthash.hm7i4e9F.dpuf (mode of access: 20.01.2016).

Tsirulik-Franz, D. (2015). *Obama zaglyanul na ogonek k Baidenu i Yatsenyuku* [Obama Called in on Baiden and Yatsenyuk]. In *Nezavisimaya gazeta*, July 15. URL: http://www.ng.ru/world/2015-07-15/7_obama.html (mode of access: 20.01.2016).

O strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015 № 683 [On the Strategy of the National Security of the Russian Federation: Decree 683 of the President of the Russian Federation as of 31.12.2015]. (2015). In *Rossiyskaya* gazeta, Dec. 31. URL: http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (mode of access: 20.01.2016).

Yurchak, A. (2005). Everything was forever, Until it was no more (Ch. 1–3, pp. 1–77). Princeton, New Jersey, Princeton University Press. URL: https://books.google.ru/books/about/Everything_was_Forever_Until_it_was_No_M.html?id=bZtOWYnwkSgC&redir_esc=y (mode of access: 20.01.2016).

The article was submitted on 09.03.2016

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2016.2.166
УДК 821.111Лайвли-31+821.111Фицджеральд-31+821.111Данмор-31

IMAGES OF THE RUSSIAN PEOPLE AND RUSSIA IN THE CONTEMPORARY ENGLISH NOVEL*

Olga Sidorova
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The mythological image of Russia in English fiction has been shaped and repeated over the course of many centuries. Russia was traditionally viewed as a distant, cold, unpredictable, and wild country. The aim of the article is to examine a new Russian cultural discourse that first appeared in English fiction in the early twentieth century and developed during the last decades of the twentieth and the first decade of the twenty-first centuries. Russia's history in the twentieth century had a powerful impact on Russian themes in English literature. To prove this point, novels by three contemporary female English writers are analysed. In Penelope Lively's *The Moon Tiger* (1987), Penelope Fitzgerald's *The Beginning of Spring* (1988), and Helen Dunmore's *The Siege* (2001) and *The Betrayal* (2011), Russian history is viewed sympathetically through the dramatic fates of normal people. The characters break down stereotypes and create a complex image of Russia and its people in contemporary English fiction.

Keywords: Russian themes; stereotypes; mythological images; cultural discourse; history; the contemporary English novel.

Мифологизированный образ России в английской художественной литературе сформировался и постоянно используется в течение нескольких столетий. Традиционно Россия описывается как далекая, холодная, непредсказуемая и дикая страна. Цель данной статьи – продемонстрировать динамику нового дискурса, а именно дискурса русской культуры в английской литературе, который возник в начале XX в. и получил дальнейшее развитие в литературе конца XX – начала XXI в. Особо подчеркивается влияние трагической истории России XX в. на изменение модуса русской темы в английской литературе. Русская тема в современном английском романе впервые в отечественном литературоведении рассматривается на примере произведений трех английских писатель-

* *Citation*: Sidorova, O. (2016). Images of the Russian People and Russia in the Contemporary English Novel. In *Quaestio Rossica*, Vol. 4, № 1, p. 183–194. DOI 10.15826/qr.2016.2.166.
Цитирование: *Sidorova O.* Images of the Russian People and Russia in the Contemporary English Novel // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 1. P. 183–194. DOI 10.15826/qr.2016.2.166.

© Sidorova O., 2016

ниц: «Лунный тигр» Пенелопы Лайвли (1987), «Начало весны» Пенелопы Фицджеральд (1988), «Блокада» и «Измена» Хелен Данмор (2011). История России преломляется в этих романах в судьбах простых людей, образы которых создаются авторами с явным состраданием и симпатией. Рассматриваемые произведения ломают сложившийся в английской литературе стереотип, создавая новый дискурс сочувствия к России и трагическим судьбам русских людей в XX в.

Ключевые слова: русская тема; стереотип; мифологический образ; дискурс культуры; история; современный английский роман.

Both Russian and English critics and scholars have studied images of the Russian people and Russia in English fiction. Research of this kind, as well as studies of the literary and cultural representations of various *Others*, became increasingly popular in the last decades of the twentieth century. These themes have been examined from comparative, imago logical, and post-colonial perspectives, to name just a few. According to R. Marsh, the "real West, real Russia include among other components imaginary realities"[1]: these realities were created, rooted, and supported in the public imagination by fiction, among other influential sources.

In her classic study *The Image of Russia in English fiction of the IX–XIX Centuries*, N. P. Mikhalskaya has convincingly showed that although Russian themes have been constantly used in English fiction, they have been quite stable and have not undergone visible changes [Михальская]. According to Mikhalskaya, the image of Russia and its people in English fiction before the end of the nineteenth century can be described as mythological, since it was characterised by a set of distinct binary oppositions, the components of which were not used separately. Furthermore, the mythological image of Russia in English fiction demonstrates a high level of repeatability its structure has remained virtually unchanged and unchangeable for several centuries, a fact which Mikhalskaya clearly illustrates with numerous examples and textual analyses.

To support the point, we should also mention A. Cross' *The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography*. This work includes a bibliography of English fiction from 1587 to 1980 that deals with Russian themes: there are 1,072 books altogether, and every book title is accompanied by a brief annotation of two or three lines. These titles and annotations lead to a number of conclusions. The author stresses that the bibliographical list "is an attempt to show the extent to which involvement with the Russian theme is not a new fashion but a long-established tradition in English literature, impressive quantitatively, if not always qualitatively" [Cross, p. 2]. True, images of Russia and its people have not often been leading themes in serious English literature, but they were quite popular in mass literary genres, such

[1] In the original: «Реальный Запад, реальная Россия – это еще и реальность образных представлений о них» [Марш, с. 12].

as "historical novels with settings from the eighteenth century to the October Revolution, novels of contemporary Soviet life, of the fortunes and fates of emigres, spy stories, high adventure, lust romance" [Ibid., p. 8]. 19 books dealing with Russian themes were published in Britain in 1980, among which were the following:

> N 1054 K. Amis. *Russian hide and seek*. Set in 2030, fifty years after Soviet takeover of Britain; … N 1056 B. Bainbridge. *The winter garden*. Black comedy of cultural trip to the Soviet Union; …N 1059 G. Butler. *The red staircase*. Scottish heroine goes to Russia as companion to aristocratic family on eve of Revolution; …1061 J. Gardner. *Golgotha.* Soviet invasion of Britain; …N 1066 J. Le Carre. *Smiley's people*. Spy thriller; N 1067 C. MacArthur. *The flight of the dove*. Love affair of Englishman and leading Soviet gymnast, who dies while performing in Moscow Olympics; … N 1069 J. Marton. *The Janus pope*. Soviet plot to replace pope by his communist brother; N 1070 W. H. Mefford. *The games of 80*. Olympic games thriller [Ibid., p. 207–208].

This list demonstrates the state and direction of public anxiety and fear. Russia is viewed, primarily, as a source of danger, as a political and military rival, or, at best, as an inexplicable and incomprehensible world where an Englishman easily gets lost, as indeed happens to the main character in Beryl Bainbridge's novel *The Winter Garden*.

A number of twenty-first century studies conducted by Russian scholars clearly show that the same stereotypical and mythological image of Russia is still employed in British literature, though some new overtones have appeared [см.: Бреева, Хабибуллина; Хабибуллина; Королева]. Thus, along with the conventional civilisational and political discourses that Lilya Khabibullina mentions, there is a cultural discourse that implies "a right for some Russian people to enjoy sympathy (from the British side. – *O. S.*) since they clearly belong to the world of European culture" [Хабибуллина, с. 230].

The qualitatively new developments in the image of Russia and its people in British fiction can be said to have originated during the second half of the twentieth century. Analysing the reception of this phenomenon at the end of the twentieth century, T. Krasavchenko has persuasively demonstrated that the old mythological approach has come to co-exist with a newer one in serious and popular fiction, in travelogues, and even in non-fiction. The scholar concludes that ambiguity has become a characteristic feature of English literature when dealing with Russian themes. What is more, "Russia's reputation as a great country is saved by its literature and, by extension, its culture" [Красавченко].

The aim of our article is not just to support this point, but also to add a historical perspective to the Russian discourse in contemporary English literature. What is more, for the first time in Russian academic criticism, novels by three female English writers (Penelope Lively, Penelope Fitzgerald, and Helen Dunmore) will be discussed in terms of their perspectives on Russia and its people.

It is not only Russian culture that has provided a solid base for a sympathetic approach to the country: the suffering that millions of Russians endured during the twentieth century has also contributed. Thus, Russia's historical development is conceived not only as a source of danger for the outer (presumably civilised) world, but also as the manifestation of a Russian holocaust[2].

Thus, the writer and historian Claudia Hampton, the main character of Penelope Lively's 1987 Booker-winning novel *The Moon Tiger*, often speculates sympathetically on Russia's tragic experience in the recent past. Claudia considers the Russian people to be "the most tormented people in the world… Somewhere… are whispers of St Petersburg, of the Crimea, of Pushkin, of Turgenev, of million upon million enduring peasants, of relentless writers and parched summers, of the most glorious language ever spoken, of samovars and droshkys, and the sad sloe-eyed faces of a thousand icons" [Lively, p. 61–62]. Along with traditional stereotypical components (peasants, samovars, icons, 'barbaric' names), Claudia also recollects the millions of Russians who died on the battlefields of the Second World War, in Nazi camps, and in besieged Leningrad: she remembers "the Russian prisoners herded into open-air pens and left till they died either of cold or starvation; the furnace of Stalingrad; the thirty destroyed cities" [Lively, p. 67]. One of the novel's minor characters, a Russian aristocratic emigrant, is depicted as an extremely unpleasant person, despite the long-established tradition of portraying similar such individuals positively: "Sasha… to have been an excellent reason for the Russians to have a revolution: a man of total moral fecklessness who never did a day's work in his life and disposed of the family fortunes… before he was thirty" [Lively, p. 62].

During the last decades of the twentieth and the first decade of the twenty-first centuries, a number of outstanding novels either set in Russia or depicting Russian characters were published in Britain: P. Fitzgerald's *The Beginning of Spring* (1988), M. Amis' *House of Meetings* (2006), H. Dunmore's *The Siege* (2001) and *The Betrayal* (2010), A. D. Miller's *Snowdrops* (2011), and others.[3]

Undoubtedly, every book mentioned above is worth a deep reading and thorough analysis. The novels in question belong to different genres and the authors employ various techniques and perspectives, but they all share an interest in Russia and its people, one which is quite often sympathetic. It has been suggested that the well-rooted myth of Russia has undergone a certain transformation in these books, one which is connected with the changing historical and cultural situation, as well as with the search for a new British new identity [см.: Бреева, Хабибуллина].

[2] In his novel *The White Hotel* (1981), D. M. Thomas follows his heroine, a Russian woman called Liza, from her youth in Vienna to Babi Yar, where she was killed by the Nazis in a massacre. In his other novels, Thomas also writes of the tragic history of the Russian peasantry, of the suffering of GULAG prisoners, and of the Stalinist regime that brought immense troubles to the Russian people. Thomas' books have been studied by T. Krasavchenko [см.: Красавченко].

[3] A much longer list of books is given by T. Krasavchenko [Красавченко]. We have extended this list by adding the novels that we analyse, but were not already mentioned.

Penelope Fitzgerald (1916–2000), who never visited Russia, wrote her novel *The Beginning of Spring* in 1988. The novel is set in Moscow in 1913. There are both English and Russian characters in the novel. The central figure is the Russian-born Englishman Frank Reid (Frank Albertovich, as Russian characters call him), a printer and the owner of the Reid Press: he is surrounded by his children, English relatives, Russian and English colleagues, employees, business partners, and servants, and friends and acquaintances. Everyone goes about his or her own life: family troubles go hand in hand with political and business problems. In this world, a new Russian nurse for the Reid children is much more preferable to an English governess. A critic writes: "A middle-class British family is domiciled in a most un-British country, in this case, Russia" [Plunket, p. 1]. Comparing *The Beginning of Spring* with E. M. Forster's novel *A Passage to India* (a British community abroad is depicted in both novels), R. Plunket states that while those of E. M. Forster's characters who belong to different nations and social strata are strictly separated, P. Fitzgerald's characters are socially and emotionally equal and live together. In many ways, her novel can be viewed as a comedy of manners. On the first page of the book, Frank's wife Nellie leaves the family house on '22 Lipka Street in the Khamovniki district' in order to abandon her family, and on the very last page she returns. The last sentence of the book is as follows: 'He opened the door, and Nellie walked into the house' [Fitzgerald, p. 1, 246]. The whole book takes place between these two sentences.

Many characters in the novel support this comedy of manners: they are numerous, picturesque, and unique. One of them is Selwyn Crane (Selwyn Osipych to the Russian employees), the managing accountant of the Reid Press. He is a follower of Tolstoy and a poet who published a collection of poems entitled "Birch Tree Thoughts" ("Frank expected Russian poetry to be about birch trees and snow, and in fact in the last verses Selwyn had read to him birch trees and snow were both mentioned pretty frequently") [Fitzgerald, p. 5]. The very appearance of Selwyn demonstrates a peculiar mix of tastes and cultures: "With a kind of black frock-coat he wore a pair of English tweed trousers, made up by a Moscow tailor who had cut them rather too short, and a high-necked Russian peasant's blouse, a tribute to the memory of Lev Nikolaevich Tolstoy" [Fitzgerald, p. 8]. Some of the characters seem to have come straight out of classic Russian literature, like Frank's business partner Kuriatin, a rich merchant and *bon vivant*. He is reminiscent of Alexander Ostrovsky's Volodya, a student and a political activist (one more student to join the hundreds from the classics of nineteenth-century Russian literature) who used to work a hand press and wrote a treatise on "universal pity". The same can be said of Frank's brother-in-law Charlie (another funny-foreigner-in-Russia caricature), who arrives from England to help with the family's problems and gets acquainted with traditional Russian hospitality: lavish food and drink, the banya, samovars, gypsies, snow, and troikas. It is little wonder that Charlie leaves Russia totally enchanted.

Given postmodernism's predominance in literature, this novel could be taken as a rather old-fashioned piece, but the atmosphere created in the book is definitely unique. Fitzgerald not only writes the story of a family: she also recreates the atmosphere of old Moscow and old Russia, a world full of names, details, and cultural references. Extremely warm and nostalgic, the world echoes with the best images of pre-revolutionary Russia and classic Russian culture:

> Frank's affection for Moscow came over him at odd and inappropriate times and in undistinguished places. Dear, slovenly mother Moscow, bemused with the bells of its four times forty churches, indifferently sheltering factories, whore-houses and golden domes, impeded by Greeks and Persians and bewildered villagers and seminarists straying on to the tramlines, centered on its holy citadel, but reaching outwards with a frowsty leap across the boulevards to the circles of workers' dormitories and railheads, where the monasteries still prayed, and at last to a circle of pig-sties, cabbage-patches, earth roads, earth closets, where Moscow sank back, seemingly with relief, into a village [Fitzgerald, p. 41–42].

What is more, the novel is extremely informative not only from a cultural perspective, but also from an historical and factual point of view. This is the quality specifically mentioned by Julian Barnes in his enthusiastic review: "Many readers' initial reaction to a Fitzgerald novel… is, 'But how does she know that?' How does she know… about methods of bribing the police in pre-revolutionary Moscow, and about techniques of printing?.." Barnes also mentions that, despite the abundance of facts, the novel is compact and never boring. Comparing novels with cities, the critic states that "the subtler, wiser ones, offer no… immediately readable route maps. Instead of a journey through the city, they throw you into the city itself, and life itself: you are expected to find your own way" [Barnes, p. 9, 13].

The entirety of Russia's turbulent twentieth century can be read in the novel, although the action only takes place across several months: in contrast to the novel's characters, its readers are well aware of the *finiteness* of this world and way of life, of the fact that they came to a definite end in 1917. Thereby, it is obvious that Fitzgerald actively involves the horizons of readers' expectations: historical meaning is flexible, allowing the reader to interpret and evaluate it [Яусс]. Barnes wisely observes that "the absentee author has the confidence to presume that the reader might be as subtle and intelligent as she is" and will be able "to work the novel out" [Barnes, p. 14]. Thus, seen retrospectively, the comedy of manners transforms into a drama, or even a tragedy, about twentieth-century Russia: it thereby acquires nostalgic overtones for the world that has been lost.

From a Russian reader's point of view, the novel is nearly devoid of the tall tales that are almost inevitable when a foreign author describes a country that they have never visited. Only a few names might seem peculiar to the Russian reader (for example, Lisa Ivanovna and Volodya Vasilich, where

patronymics curiously follow diminutives). What is more, the only inarticulate and confusing character is Lisa Ivanovna, the Russian governess of the Reid children, who, in the context of the novel, is viewed as an image of Russia itself. Lisa suddenly and almost inexplicably disappears both from the life of the family at the end of the book. The scene of her disappearance (the epiphanic scene, according to Barnes) is portrayed from the perspective of a child (Dolly, Frank's eldest daughter), and suggests a number of potential interpretations. However, all of the interpretations "are possible and, mysteriously, not incompatible with each other" [Barnes, p. 12].

Helen Dumnore's *The Siege* (2001) and *The Betrayal* (2010) are a significant and in many ways unique contribution to the Russian discourse in contemporary British fiction. Dunmore (b. 1952), a well-known British novelist, poet, and children's writer, is also a scholar and a literary critic. Her lifelong love of Russian culture, literature, and history clearly shows in her novels. Her broad preoccupation with Russia is based on the writer's deep knowledge of the Russian classics:

> I read a lot of Russian fiction and poetry. Osip Mandelstam was one of the strongest influences on me; some of his poems are like talismans that you carry around with you. I don't suppose you can write a novel about Russian wartime without thinking a great deal about Tolstoy. I'm always thinking about his books [McCrum].

Episodes from World War II are a popular theme in British fiction, but few of them depict the Soviet theatre of conflict, especially on a personal and sympathetic level. In her 2001 interview with *The Guardian*, Dunmore states:

> It struck me that the Russian experience of war has still not been fully told here. <…> We have a lot of films glorifying the Western contribution to the war, but on the other side there is this huge canvas of what happened in Russia which still deeply marks that land, deeply marks those people [McCrum].

Dunmore's *The Siege*, wholly devoted to the first year of the Leningrad siege, clearly stands apart from many other British novels on Russia: according to A. Anichkin, it is one of the few books to depict Russia, its people, and its history in a favourable tone and with a sense of historical optimism [Аничкин].

The author depicts the siege through the fates and lives of a group of ordinary people: the citizens of Leningrad. Dunmore declares: "What I wanted to do by writing the novel was to focus on this small group of people and to create a world which is felt and tasted and rooted. It's not an overview of the siege, it's an inner view" [McCrum]. There are no English or foreign characters in the novel, which is very atypical for a contemporary Western novel on Russia: Anichkin has ironically remarked that the only Englishman in the novel is William Shakespeare, whose books are read aloud by the Russian characters.

We can definitely state that the descriptions of the besieged city are heavily based on documentary sources and stories of real *blockadniks,* the people who survived all 871 days of the terrible siege. More than half a million of people died of starvation alone, not to mention bombings and battles. Dunmore has stated:

> One thing that struck me very much with memoirs of people who lived through the siege was the gradual freezing of everything and the cessation of things. Although there was this disruption, this panic of blockade, there was the sense that the water stopped running, the trams stopped running and families and individuals retreated deep into themselves. Into their cells, the cell of their personality or their room. I wanted to get that quality of isolation and fear, the terror of dying alone and nobody even knowing, which is what happened to a lot of people [McCrum].

The novel describes the process whereby life in the besieged city gradually slips into darkness and freezes: it looks quite convincing to Russian readers, who are well aware of this historical period thanks to the use of the Leningrad blockade in Soviet and Russian war epics. The Russian characters of the novel are Leningrad citizens from different generations whose lives before the war were never easy because of private troubles, the wretched quality of daily life, and the pressure of Stalin's totalitarian regime. The war brings a new reality full of bombings, death, starvation, and decay, but it fails to kill human relationships and hope. The characters are eager to love, to take care of the weak, and to help each other, even in seemingly inhuman situations. Marina, a retired ballet dancer, and Mikhail, an elderly writer, sacrifice their lives to save the younger characters, Andrei, Anna, and her five-year-old brother Kolya, all of whom manage to survive. The novel's final scene is an apotheosis of life and hope: having survived the first and the most terrible winter of the blockade, Anna, Andrei, and Kolya are walking along one of the beautiful embankments of the great and unconquered city: "They are… out for a walk on this beautiful May afternoon, as Leningrad settles like a swan on the calmest of waters" [Dunmore, 2001, p. 291].

The novel's exit line is a quotation from Alexander Pushkin's famous poem *Monument*: Dunmore gives it both in Russian and in her own English translation:[4]" 'Нет, весь я не умру…' ('No, I shall not wholly die …') Alexander Pushkin" [Ibid, p. 292].

The novel is followed by a select bibliography, where the Russian classics (works by Alexander Pushkin, Anna Akhmatova, Marina Tsvetayeva, Nikolai Gumilev, and others) occupy an honourable place.

In *The Betrayal*, the author follows the post-war lives of the main characters from *The Siege* (Anna, Andrei, and Kolia). As Dunmore has declared, she is primarily interested in the history of ordinary people who endure their country's "great" history, "people who immerse in

[4] All quotations from Pushkin in the novel, and there are quite a few of them, were made by the author.

history" [Hay Festival yesterday]. She believes that a book of fiction is able to make the reader return to a concrete historic moment while still carrying their knowledge of future events. The novel is set in the post-war Leningrad of 1952–1953: the citizens have not yet fully overcome the terrors of the blockade, life is hard, and Stalin's regime is full of terror, arrests, and purges. This is the period of the notorious Doctors' Case, when medical professionals were accused of plotting against Party leaders and arrested *en masse* both in Moscow and Leningrad. Andrei, a talented young doctor, is ordered to treat Gorya, the young son of a highly-ranked NKVD (secret police) officer.[5] Gorya is incurable, so Andrei is arrested. A Russian reader will be familiar with many of the historical details and mores both from books and the memories of witnesses (national genetic memory), but it is hard to predict an English reader's reaction. However, Dunmore never leaves her readers in an existential deadlock. Along with horror, betrayal, and fear, the world of the novel is full of humanity, sympathy, love, and hope, both for its characters and its readers.

After Andrei has been arrested, Anna gives birth to their daughter whom she symbolically names Nadezhda (the Russian word for 'hope'). Memory links the characters of the novel and different eras. While listening to the radio announcement of Stalin's death, Anna thinks that her memories of the passing epoch will be valuable for coming generations, especially her daughter. Her father's diaries are hidden underground in the garden of Anna's summer house; thus, she is already keeping *his* memories, which is dangerous enough (her father was a victim of Soviet political repression). To keep her own memories alive, Anna decides to make a series of drawings: "You need only draw the smallest things. Not the whole world, don't try for that. <…> She will draw every day. There will be a record" [Dunmore, 2011, p. 325].

One more source of hope and strength for the characters is Russia itself – its space and its people. Andrei, a Siberian-born man on his way into Siberian exile, clearly understands this fact:

> At that moment Andrei remembers the smell that filled his nostrils before, when he pressed them to the gap where icy air poured in. It seemed all the sharper in contrast to the fetid air of the cattle car. His brain comes alive, remembering, recognizing. It was the smell of the taiga. It was the cold, wild air of home [Ibid, p. 313].

It would be an exaggeration to think that Dunmore's Russian novels attract an English-reading audience only because they give glimpses into the dark depths of Soviet history, although this cannot but draw their attention. Many non-fiction books and memoirs about the siege of Leningrad and Stalin's regime have been translated into English in recent years: some of

[5] Gorya is, again, a strange-sounding name to the Russian ear: it is presumably a diminutive, but we are never informed about the boy's full name.

them are mentioned in Dunmore's own *Bibliographies*. However, Dunmore's characters, all of whom are well rounded and unconventional, have the power to change the attitudes of a British audience. Even Gorya's father, the terrible, powerful, and utterly corrupt NKVD officer Volkov ('wolf' in Russian) is not totally two-dimensional: he is obliged to participate in an official party that resembles an orgy, drink heavily, and dance the *Krasnyi Yar* when his only son is dying.[6]

It is certain that Helen Dunmore's Russian novels are unique: her perspective on the country, its history, and its people clearly opposes the portrayals provided by many other writers. In 2011, *Snowdrops*, a debut novel by A. D. Miller, was included in the Man Booker prize shortlist and thus attracted the attention of many readers. Miller, who worked in Moscow as a correspondent for *The Economist* for three years, relates a story about an English banker Nick, who recollects his Moscow adventures in 2001-2. The book's epigraph reads as follows: "Snowdrop: 1. An early-flowering bulbous plant, having a white pendent flower. 2. *Moscow slang*. A corpse that lies buried or hidden in the winter snows, emerging only in the thaw" [Miller, 2011, p. 3].

The epigraph immediately immerses the reader into a fresh and original atmosphere, which is the novel's most attractive feature:

> Surely the greatest aspect of *Snowdrops* is the picture of Moscow in the first years after the turn of the century, that mix of the awful and the awe-inspiring (sometimes in the same moment). This aspect makes its way into Nick's tone and his attraction to Moscow is compelling and believable and does a much better job explaining his character than anything else in his "confession" [O'Connell].

This mix is, nevertheless, dominated by the criminal element: "In Russia there are no business stories. And there are no politics stories. There are no love stories. There are only crime stories" [Miller, 2015]. As John O'Connell, *The Guardian* reviewer, sarcastically remarks, "this would have been news to Tolstoy and Chekhov. But times have changed, and Russia's position on the world stage is such that you can say whatever you like about it, thanks to a widespread willingness to believe the very worst" [O'Connell]. Here, O'Connell precisely defines the prevailing attitude of many contemporary British authors towards Russian themes, an attitude shaped by well-rooted traditions and contemporary politics.

Dunmore's point of view on Russian history is also opposed to that of Antony Beevor, a well-known English writer and historian, as their discussion at the Hay Literary Festival shows. Beevor's works, particularly his non-fiction book *Berlin. The Downfall 1945* [Beevor], made a visible impact on Martin Amis in his assessment of the role and actions of the Soviet Army in World War II in his novel *House of Meetings* (2006). However, the three female English

[6] Although the term *Krasnyi Yar* sounds like an authentic Russian dance, it will be completely unfamiliar to Russian readers.

writers who have created works where Russian themes are either touched upon (Penelope Lively) or discussed in detail (Penelope Fitzgerald and Helen Dunmore) clearly demonstrate a new approach. Within the framework of a broad cultural discourse, these women have conducted a deeper investigation into the dramatic history of the country through the fate of its common people. We can state that a new discursive approach has been created, one that is constituted by sympathy for the country's tragic history and for the complexity and ambiguity of the Russian national character. They clearly break with literary and public stereotypes and change the prevailing perspective. All three authors are deeply interested in classical Russian culture, literature, and arts: they are looking for the reflected gleam of this culture in the fates and characters of the Russian people.

Список литературы

Аничкин А. Ленинград: «нет, весь я не умру…» // Тетрадки: что о нас думают в Европе. URL: http://european-book-review.blogspot.com/2006_11_01_archive.html (дата обращения: 15.09.2015).

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань : РИЦ «Школа», 2009. 612 с.

Королева С. Б. Миф о России в британской литературе и культуре (до 1920-х годов). Ниж. Новгород : Радонеж, 2012. 256 с.

Красавченко Т. Н. Восприятие России и русских в английской литературе на рубеже XX–XXI веков // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/134 (дата обращения: 15.09.2015).

Марш Р. Россия и Запад в исторической перспективе // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / отв. ред. А. Ю. Большакова. М. : Наука, 2007. С. 11–39.

Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков. М. : Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2003. 132 с.

Хабибуллина Л. Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2010. 205 с.

Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228 (дата обращения: 20.09.2015).

Barnes J. The Deceptiveness of Penelope Fitzgerald // Barnes J. Through the Window. N. Y. : Vintage Intern., 2012. P. 1–14.

Beevor A. Berlin : The Downfall 1945. L. : Penguin Books, 2002. 552 p.

Cross A. The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980 : An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford : Oxford University Press, 1985. 278 p.

Dunmore H. The Siege. L. : Penguin Books, 2001. 312 p.

Dunmore H. The Betrayal. L. : Penguin Books, 2011. 328 p.

Fitzgerald P. The Beginning of spring. L. : Flamingo, 2003. 246 p.

Hay Festival yesterday : Helen Dunmore and Antony Beevor speak history // Guardian. June, 01, 2010. URL: http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2010/jun/01/hay- festival-yesterday (mode of access: 15.09.2015).

Lively P. Moon Tiger. L. : Penguin Books, 2006. 208 p.

McCrum R. The Siege is a novel for now. Interview with Helen Dunmore // Guardian. June, 10, 2001. URL: http://www.theguardian.com/books/2001/jun/10/fiction.features3 (mode of access: 15.09.2015)

Miller A. D. Snowdrops. N. Y. : Doubleday, 2011. 262 p.

Miller A. D. Snowdrops. URL: http://www.admillerbooks.com/book/snowdrops/home (mode of access: 15.09.2015)

O'Connell J. Snowdrops by A. D. Miller – review. URL: http://www.theguardian.com/books/2011/jan/01/snowdrops-a-d-miller-review (mode of access: 20.09.2015).

Plunket R. Dear, slovenly Mother Moscow // The New-York Times. May, 7, 1989. URL: http://www.nytimes.com/1989/05/07/books/dear-slovenly-mother-moscow.html?ref (mode of access: 05.09.2015).

References

Anichkin, A. (n. d.). *Leningrad: "Net, ves' ya ne umru…"* [No, I shall not wholly die…]. In *Tetradki: Chto o nas dumayut v Evrope.* URL: http://european-book-review.blogspot.com/2006_11_01_archive.html (mode of access: 15. 09. 2015).

Barnes, J. (2012). The Deceptiveness of Penelope Fitzgerald. In Barnes, J. *Through the Window* (pp. 1–14). N. Y., Vintage Intern.

Beevor, A. (2002). *Berlin. The Downfall 1945.* 552 p. L., Penguin Books.

Breeva, T. N. & Khabibullina, L. F. (2009). *Natsional'nyy mif v russkoy i angliyskoy literature* [National Myth in Russian and English Literature]. 612 p. Kazan, RITs "Shkola".

Cross, A. (1985). *The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography.* 278 p. Oxford, Oxford University Press.

Dunmore, H. (2001*).* The Siege. 312 p. L., Penguin Books.

Dunmore, H. (2011). The Betrayal. 328 p. L., Penguin Books.

Fitzgerald, P. (2003). The Beginning of spring. 246 p. L., Flamingo.

Hay Festival yesterday: Helen Dunmore and Antony Beevor speak history (2010). In *Guardian, June 1.* URL: http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2010/jun/01/hay-festival-yesterday (mode of access: 15.09.2015).

Khabibullina, L. F. (2010). *Mif Rossii v sovremennoy angliyskoy literature* [The Russian Myth in Modern English Literature]. 205 p. Kazan, Kazansky universitet.

Koroleva, S. B. (2012). *Mif o Rossii v britanskoy literature i kul'ture (do 1920kh godov)* [The Russian Myth in British Literature and Culture (before the 1920s)]. 256 p. Nizhniy Novgorod, Radonezh.

Krasavchenko, T. N. (2008). *Vospriyatie Rossii i russkikh v angliyskoy literature na rubezhe XX–XXI vekov* [The Perception of Russia and Its People in English Literature in the Late 20th – Early 21st Centuries]. In *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya, 3.* URL: http//www.rngumis.ru (mode of access: 15.09.2015).

Lively, P. (2006). Moon Tiger. 208 p. L., Penguin Books.

Marsh, R. (2007). *Rossiya i Zapad v istoricheskoy perspective* [Russia and the West in the Historical Perspective]. In Bol′shakova, A. Yu. (Ed.). *Rossiya i Zapad v nachale novogo tysyacheletiya* (pp. 11–39). Moscow, Nauka.

McCrum, R. (2001). The Siege Is a Novel for Now : Interview with Helen Dunmore. In *The Guardian, June 10.* URL: http://www.theguardian.com/books/2001/jun/10/fiction.features3 (mode of access: 15.09.2015).

Mikhal′skaya, N. P. (2003). *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX–XIX vekov* [The Image of Russia in the English Fiction of the 9th – 19th Centuries]. 132 p. Moscow, Literaturnyy institut im. A. M. Gor′kogo.

Miller, A. D. (2011). Snowdrops. 262 p. N. Y., Doubleday.

Miller A. D. (n. d.). Snowdrops. URL: http://www.admillerbooks.com/book/snowdrops/home (mode of access: 15.09.2015).

O'Connell, J. (n. d.). Snowdrops by A. D. Miller – review. URL: http://www.theguardian.com/books/2011/jan/01/snowdrops-a-d-miller-review (mode of access: 20.09.2015).

Plunket, R. (1989). Dear, slovenly Mother Moscow. In *The New-York Times, May 7.* URL: http://www.nytimes.com/1989/05/07/books/dear-slovenly-mother-moscow.html?ref (mode of access: 05.09.2015).

Jauss, H. R. (n. d.). *K probleme dialogicheskogo ponimaniya* [Question and Answer: Forms of Dialogic Understanding]. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228 (mode of access: 20.09.2015).

The article was submitted on 28.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.167
УДК 821.112.2Гервег-15+821.161.1Герцен-312.6+929Гервег

THE PERCEPTION OF G. HERWEGH'S PERSONALITY AND WORK IN RUSSIAN CULTURE: FROM REVOLUTIONARY SPIRIT TO A SCANDALOUS LOVE AFFAIR*

Lidia Dmitrieva
Natalia Nikonova
Tomsk State University,
Tomsk, Russia

This paper offers an overview of the perception of work and the evaluation of the personality of 19th century German poet Georg Herwegh. The research demonstrates that the character of perception is determined by the cultural and historical context in the receiving culture, and it is even more so with political poetry that is based on the rhetoric of spiritual edification. The analysis is made with reference to previously unstudied materials, namely, marks and notes from the archive of V. A. Zhukovsky made on the pages of Herwegh's most popular book. On the basis of this material the authors conclude that this period was characterised by the initial attempt to represent Herwegh and his poetry within the framework of the history of German literature from its emergence to the mid-19th century. The second period of Russian authors' reference to his poetry was dominated by the appearance in Russia of the ideological tonality typical of the political poems that won the German poet his fame. The beginning of this period was the post-revolutionary decade of the 1820s. Russian literature specially turned to Herwegh's legacy, thus marking a new stage of perception by publishing *Selected Poems*, a new voluminous anthology of translations of his works, as well as a number of literary studies. A new burst of attention began between 2009 and 2013 when numerous articles on the relationship between the Herzens and Herwegh were published. Post-Soviet Russian scholars have examined the controversial personality of the German author through a lens which has brought new traits to the fore: the love triangle between Herwegh and the Herzens which was the main prototype of the conflict in Herzen's

* *Citation*: Dmitrieva, L., Nikonova, N. (2016). The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 195–205. DOI 10.15826/qr.2016.2.167.

Цитирование: *Dmitrieva L., Nikonova N.* The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 195–205. DOI 10.15826/qr.2016.2.167.

The article is supported by the Russian Foundation for the Humanities (Project 16-04-50012) and a grant from the President of the Russian Federation (MD-4756.2016.6).

© Dmitrieva L., Nikonova N., 2016

My Past and Thoughts. The paradigmatic shift in the perception of the German poet connected with the change from the textual to the biographic discourse is directly reflected in Russian mass literary culture.

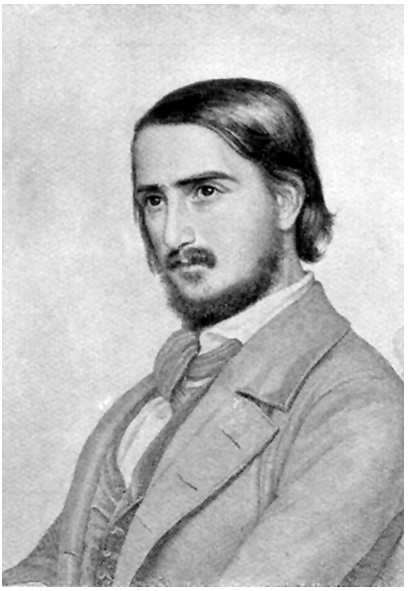
Keywords: V. A. Zhukovsky; G. Herwegh; A. I. Herzen; literary perception; biographical paradigm.

Рассматривается динамика восприятия и трактовки личности и наследия немецкого поэта XIX в. Георга Гервега в России. Исследование вопроса показывает, что характер рецепции определялся культурно-исторической ситуацией в принимающей культуре, особенно в политической поэзии, которая основана на риторике духовного назидания. В научный оборот впервые вводится материал помет и автографов из архива Василия Андреевича Жуковского на страницах издания самой популярной книги Гервега. На основании данного материала выдвигается положение о том, что в начальный период восприятия поэзия Гервега осмыслялась только в контексте немецкой литературы от ее начала до середины XIX в., и ее рассмотрение давало материал для истории немецкой литературы. Второй этап активного обращения отечественной словесности к его наследию связан с приходом и воцарением в России того идейного пафоса, который был характерен для политических стихов, определивших скандальную популярность немецкого поэта. Начало этого периода связано с послереволюционным десятилетием 1820-х гг. Русская литература обратилась к наследию Гервега специально, обозначив новый этап рецепции крупной антологией свежих переводов его стихов «Избранное» и рядом литературоведческих трудов. Новый всплеск внимания к Гервегу в истории русской литературы и гуманитарной мысли ознаменовался выходом в 2009–2013 гг. сразу нескольких работ, посвященных отношениям немецкого поэта с А. И. Герценом и его супругой Натали. В постсоветской русистике неоднозначная и неординарная личность немецкого поэта приобрела новые черты, внимание сосредоточилось на любовном треугольнике Герцены – Гервег, послужившем главным прототипом конфликта для «Былого и дум». Парадигматический слом в осмыслении фигуры немецкого поэта, связанный со сменой текстуального дискурса на биографический, напрямую отразился и в русской массовой словесной культуре.

Ключевые слова: В. А. Жуковский; Г. Гервег; А. И. Герцен; рецепция; биографическая парадигма.

The summer of 1841 was marked by a literary sensation in the German world. The first part of the collection of poems by the 24 year-old Georg Herwegh (1817–1875), entitled *Gedichte eines Lebendigen*,[1] was published in Zurich. The book had an intoxicating effect and a powerful impact both on conservatives and liberals. It was a new kind of political poetry that was based almost exclusively on a rhetoric derived from pietist

[1] *Poems of a Living Man* – hereinafter translated by Lidia Dmitrieva. – *L. D., N. N.*



Conrad Hitz.
A portrait of Georg Herwegh

preaching. Herwegh proved to be very popular in the pious Germany of the Biedermeier period, a tremendously productive era in the history of German literature. Herwegh was understood by both opposing parties, since he had adopted a poetical strategy that allowed him to hedge his bets: the "Stuermer" and radical tonality of his verse was based on the plots and composition structures of edificatory literature, romantic natural philosophy, and mythopoetics. The unpretentious language which he used to express the eternal struggle against tyranny and his call for unity, protest, and liberation in Germany made his poetry accessible to the general reader. The life-affirming tonality that predominated the work could be already be in discerned in the title, which hinted at *Briefe eines verstorbenen*[2] by Hermann von Pückler-Muskau, a German prince, travel writer, major in the Russian army, and founder of Europe's largest English-style park. His works were familiar to V. A. Zhukovsky, who read the four-volume *Briefe eines verstorbenen. Ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland, Frankreich, Deutschland und Holland, geschrieben in den Jahren 1826–1829*,[3] the book which incited Herwegh's polemics.

The young poet was not satisfied with the romantic irony of Pückler-Muskau, which he considered to be detached from the realities of the day. Unlike the latter, who was not widely known in Germany and did not aspire to notoriety, Herwegh became famous overnight. The most well known of his contemporaries responded immediately to his sensational debut: A. Ruge designated Herwegh 'an apostle of modernity', while Heine, ironically warning the fledgling poet, called him 'the iron lark'.

The first volume of *Gedichte eines Lebendigen* was reprinted six times in less than two years (1841–1843) and achieved a considerable circulation (from 1,000 to 6,000 copies). Herwegh's success was encouraged not only by slogans taken from the poems for propaganda purposes, but also by his outrageous treatment of both sides of political high society. Zhukovsky possessed the second edition of this new book. Despite the general revolutionary mood of the collection, one could also find within it a paean to the king, sonnets without political overtones, and dedications

[2] *Letters of the Dead*.
[3] *Letters of the Dead*. Fragments from the Diary made in England, Wales, Ireland, France, Germany and Holland in 1826–1829.

to Gutenberg, Uhland, and Buchner. While the preaching rhetoric of the author, the son of a priest who had failed to finish his studies at the Faculty of Theology in Tübingen, was certainly one of the reasons for the work's massive success, it was also the subject of devastating critiques: his companions in the revolution accused him of using plain images and his fellow writers mocked at him. However, the recognisable forms and rhetoric of edificatory literature allowed him to be understood by the majority of readers raised in the pietist literary culture of Prussia, which was virtually regulated by the state. It is unlikely that the poet or his Russian reader ever imagined that the ephemeral ideas expressed in the poems would be implemented: however, this happened in Germany only seven years after the first part of the cycle had come out.

It is essential to consider the various images of the German author perpetuated in the history of Russian literature and thought. At least three models of perception can be found in the literature devoted to him. The first belongs to the German tradition, where Herwegh was popular in the 1990s, as shown by at least two monographs on the subject [Krausnick]. The authors of these works are to a certain extent polemical. In the book by M. Krausnick, published in 1993, Herwegh's poetry was defined as a transient product of the revolutionary era, unimaginatively reflecting new political trends and harping on clichés which became slogans. In William Entsenberger's book, Herwegh was represented as a hero, a fact thoroughly demonstrated by the title of his repeatedly republished work: *Herwegh. Ein Heldenleben* [Enzensberger].[4] However, no German philologist has offered an opinion on the non-political aesthetics of the author and the role he played in the history of Russian literature through his dramatic association with Herzen and his family.

V. A. Zhukovsky as the founder of Herwegh's perception

There is no doubt that the first Russian romanticist V. A. Zhukovsky, a contemporary of Herwegh and Frederick William IV and witness to the events of the 1840s, stood at the origins of Herwegh's perception in Russia: he had been steadily introducing the "German text" into Russian print media during this period [Nikonova]. Zhukovsky's personal library is of considerable interest for scholars, containing as it does an edition of Herwegh's poetry which he carefully studied and commented upon. This copy deserves special attention because it reveals to us the little-known details of Zhukovsky's participation in the literary life of contemporary Germany.

It is logical to assume that Zhukovsky discovered his interest in the newly-minted celebrity after Herwegh visited King Frederick William IV, who had friendly relations with the mentor of the Russian monarch. This visit was used in ideological articles as an example of a 'politically incautious act', since it demonstrated Herwegh's insufficiently revolutionary views. The

[4] *Herwegh G.* Life of the Hero.

audience with Frederick William damaged Herwegh's reputation among his fellow party members: the desire to restore his popularity led to defiant attacks against the monarch, who then banned his planned periodical along with many other radical newspapers.

The subsequent exile to Switzerland meant the end of Herwegh's resounding success. It was during these events in 1842 that Zhukovsky found the time to carefully study *Gedichte eines Lebendigen*.

His edition is full of notes, a fact which allows us to speak about the original perception strategy of the reader. Alongside the initial broadside of the book is a three-line inscription by Zhukovsky: it indicates a thoughtful and repeated reading with the aim of gaining an insight into the essence of the new political poetry. He documented the process and results of his immersion:

> Первое чтение – сила в блестящем выражении
> Второе чтение – чз <смысл>
> Главное слово свобода? Бог?[5]

These handwritten lines record both the process and the result of Zhukovsky's interpretation of Herwegh's rhetoric. In the first line, the Russian poet appreciates the talent of the author, defining his phrasing as 'brilliant'. The second line outlines the debate which is expressed in the reader's marks later on in the book, while the third line represents the crucial philosophical and aesthetic dialectic of Herwegh's art: the paradoxical relationship between his utopian concept of 'freedom' (Herwegh does not specify whom or what he wanted to free) and the various conventional markers of edificatory literature. This essential feature of the poetic world of Herwegh has not attracted enough attention from those studying his literary legacy.

Foreign studies have noted that one of the strong points of his rhetoric was that he followed the rules of the preaching genre, which was aimed at fascinating, instructing, convincing, and appealing to the flock through the life-giving word alone. However, the majority of the central texts in this book use the traditions of spiritual and edifying literature as a stage for revolutionary enthusiasm. Almost all of these poems were marked by Zhukovsky, including:

> Arndt's Wiedereinsetzung (Arndt's Return to the Throne)
> Gebet (Prayer)
> Das freie Wort (Free Speech)
> Protest (Protest)
> Aufruf (Call)
> Neujahr (New Year)

[5] First reading – the power in a brilliant expression. Second reading – 'meaning'. Is the key word freedom? God?

The first of the above list was not popular in Russia because of the need to provide Soviet readers with endless commentaries explaining how and why the progressive oppositionist mentioned Johann Arndt, the famous preacher and central figure of German pietism whose books were available in almost every German household in the 18th and 19th centuries. In this poem Herwegh decried Arndt's 'return to the throne' (*Wiedereinsetzung*) when the Prussian government started actively sponsoring pietst literature in the 1840s.

The subtext of Herwegh's political poetry contains an outright protest against the domestic piety promoted by Friedrich Wilhelm IV in the early 1840s. It was this very feature that V. A. Zhukovsky noticed when he posed the question: 'Is the key word freedom? God?'

If we examine the marginalia, we can see the receptive strategy of Zhukovsky as a reader. Firstly, he does not accept the aesthetic manifesto of Herwegh given in the first 20 texts marked by Zhukovsky. This positive denial relates only to the meaning and plots of the poems, not the form.

Both the political and romantic poems captured the attention of the Russian romanticist. The texts marked by Zhukovsky develop the theme of the poet and poetry: the elaboration of this subject impressed the reader, as it reminded him of his own style. Mountain and sea views, cemeteries, elegiac depictions of earthly impermanence, ruminations on the indivisibility of life and death, the ontology of the natural landscape and its merger with the soul in poetic creativity: all of these features in Herwegh's sonnets resounded deeply with Zhukovsky's romanticism.

We must mention the two-part poem *Ufnau und St. Helena*. Zhukovsky noted the poem with the acronym 'NB', and its imagery has obvious similarities with one of his last poems, *To the Russian Giant* (К русскому великану) (1848). Through the islands of St. Helena and Ufnau, Herwegh depicted Germany and France.

The early perception of Herwegh's poetry

In Russia, Herwegh's works were conceptualised gradually. The nature of the perception was determined, as often happens, by the prevalent historical and cultural environment in the host country. The initial period of perception between the 1870s and the 1900s is associated with the first attempt of the famous writer, translator, publisher, and poet N. V. Herbel (1827–1883) to present Herwegh and his poetry within the context of the history of German literature. Five poems by Herwegh were included in his anthology *German Poets with their Biographies and Samples* (Немецкие поэты в биографиях и образцах) [Гербель]: these pieces were translated by P. Weinberg, A. Pleshcheev, M. Mikhailov, N. Grekov, and I. Kreshev. However, the introductory note by Gerbel himself is perhaps even more important. It outlines Herwegh's biography and his artis-

tic style, emphasising the brightest features of his poetry from a literary perspective whilst paying little attention to the poet's participation in conservative or revolutionary movements. Gerbel gave the most intelligent, objective, and complete literary portrait of Herwegh in the whole century and a half of Russia's perception. As we will see, later writers discussing Herwegh gave the perception an obvious subjective coloring, thereby reflecting the ideas of the recipients themselves.

The second period of Herwegh's perception

The second period of Russia's perception of 'the iron lark' was characterised by the ideological fervor that engulfed Russia in the first decades of the Soviet Union: unsurprising, it was his scandalous political poetry which received the most attention. In the post-revolutionary decade of the 1920s, the Russian reader gained access to Boris Pasternak's 1925 translation of *Gedichte eines Lebendigen*, the repeatedly republished anthology of articles by the German scholar Mehring (*Die Welt Literatur und Proletariat*, 1925),[6] and P. K. Huber's novel *The Whirling Heart. The Family Drama of the Herzens* (1928). So the full perception of Herwegh began with *Gedichte eines Lebendigen*, the most representative, but also the most ambiguous cycle. The new image of Herwegh was strongly framed by the ideological objectives and political propaganda of the revolutionary upsurge in the 1920s.

In the late 1940s, on the hundredth anniversary of the revolutionary events witnessed by Zhukovsky, a new volume of German political poetry was released in Soviet Russia: Herwegh's verses were not the least important. Indeed, his poems in the anthology outnumbered those of H. Heine, although these were positioned first. Most of the translations (29 of 34) were written by N. L. Verzheyskaya (1903–1985): the well-known professionals A. Argo (A. Goldenberg, 1897–1968) and L. M. Penkovsky (1894–1971) also participated in the work. The translating strategy was generally loose in terms of how it rendered Herwegh's ideas and style. As S. Ter-Minasova has remarked, the general social tendency in Russia at that time was the aspiration to equality, which 'led to an obvious lack of diversity: levelling people, ignoring their individuality, their individual needs, problems, likes, and dislikes' [Ter-Minasova, p. 11]. Meagre as they were, the cultural and historic genesis and philosophical foundations of the German poet's lyrical world were flattened out and truncated, and thus brought closer to the reality confronted by most Soviet readers. As a result, the poems of Herwegh' in this collection can be read as exemplary propaganda for domestic consumption. In this edition, I. V. Mirimsky, the famous translator and scholar of Russo-European literary relations was the author of the comments and the introductory article *German Poetry of the 1848 Revolution*. Here, Herwegh was represented as 'a talented singer of the dawn of the German

[6] *World Literature and the Proletariat.*

revolution of 1848', in whose verse was 'an optimistic rush to the sun, a cheerful pagan sensuality, and a multicoloured spring are combined with an enthusiastic love for the people and a passionate hatred for their oppressors' [Немецкая поэзия революции 1848 года, с. 10–11].

Herwegh and his poems in Soviet Russia (1950s–1990s)

A decade later, Russian literature specifically addressed the heritage of Herwegh by publishing a large collection of his poems (*Selected Works* [Избранное], Moscow, 1958) and a number of literary works, with those by A. L. Dymshits and S. V. Turaev standing out in particular [Дымшиц; Тураев, 1959]. About a hundred poems were included in the collected edition, most from the first volume of *Gedichte eines Lebendigen*. The poet was presented from different perspectives: he was not only considered as a representative of radical politics, but also as the author of fully fledged artistic works. In the 1958 collection, one can find talented translations by B. L. Pasternak, modified or remodeled translations by N. L. Verzheyskaya, and the work of the masters of Soviet poetry translation L. V. Ginzburgand E. G. Etkind. In a detailed introductory essay by A. I. Deitsch, Herwegh and his activities are covered in depth: this history is concluded with the justified statement that 'His creative heritage was primarily formed by "Poems of a Living Man". They became part of the treasury of German national poetry' [Гервег, с. 9].

In the 1970s, articles on Herwegh were written for books on German literature, and thus tended to take a greater degree of critical distance. Thus, the authors of *The History of Foreign Literature in the 19th Century*, although noting that 'the 1840s were the heyday of German revolutionary and democratic poetry', left a number of objective observations devoid of ideological content. For example, the authors state, firstly, that 'the success of Herwegh's poems collection is explained by the fact that the political subjects of most of the poems, their civilian and military message, were something unusual and new in the German poetry of those years' and, secondly, that 'a larger proportion of abstraction is inherent in the tonality of Herwegh's poetry: the words "tyranny", "freedom" and others are not specified by the poet, they do not have the exact "addressee", they do not possess a social and political content of any historical accuracy' [Елисарова, Колесников]. S. V. Turaev's 1997 *The Revolution in France and German Literature* [Тураев, 1997], with its thorough study of the historical and cultural context of Herwegh's output, was to a certain extent definitive: many facts of his biography were clarified and the genesis of his poetic world was characterised.

Herwegh in Russian thought and mass culture in the 2000s: the biographical turn to non-textual intimacy

Herwegh was destined to gain new force in the history of Russian literature and thought half a century after the release of the *Selected Works*.

Unknown artist. A portrait of Natalia Aleksandrovna Herzen. 1844

The new surge of interest was marked by several texts released in 2009–2013 devoted to the relations of the German poet with A. I. Herzen and his wife Natalie. In post-Soviet studies, the controversial and eccentric personality of the German poet was seen in a new light as people focused their attention on the love triangle between the Herzens and Herwegh, which served as the main plot in *My Past and Thoughts* («Былое и думы»). Thus, in 2009 a voluminous essay entitled *Herzen's Love Geometry* by the writer and scholar V. A. Shirokov was published [Широков]. The author does not stint with the epithets that he piles onto the German poet: he was 'a picture of a man', '*L'Homme Fatal* to Herzen's wife', a person 'who diligently ingratiated himself with his Russian friends' and thus practically killed them with his 'wimpishness'. He had 'commercial flair', but was prone to 'wordy and false outpourings' [Широков]. However, Shirokov makes it clear that Herwegh's role in the history of the Russian intelligentsia is substantial. This thesis was developed in 2010 by I. A. Paperno in her article *Intimacy and History: Herzen's Family Drama in the Minds of Russian Intelligentsia* [Паперно]. Paperno traces the sesquicentennial history of the family drama between the Herzens and Herwegh. She concludes that 'the history of Herzen's family drama became one of the cultural institutions of the Russian intelligentsia: the connection between intimacy and history became... reproducible in an individual's life' and that 'for many people – friends, readers, researchers, writers – involvement in Herzen's family drama turned into an intimate experience'. Thus, 'generations of researchers of Russian social thought and literature have been keenly interested in Herzen's family drama: this story is not over yet' [Паперно].

Indeed, the works that reputable scholars have penned about Herwegh are quite symptomatic of the paradigmatic fracture that occurred in the humanities and social sciences at the beginning of the 21st century. The 'biographical turn'[7] revived a genuine interest Herwegh, and in his love affairs as seen through the prism of Russian literary heritage and Herzen's *My Past and Thoughts*. This focus is being now duplicated in modern

[7] See: [The Turn to Biographical Methods; Подорога, с. 11–140].

Russian mass culture. This re-writing of the history of literature and culture through immersion in an individual's private affairs immediately found resonance in the online writing community. In this respect, Herwegh's love triangle with the Herzens has provided abundant material.

In 2013, this plot provided the basis for L. Proshina's *The Tempters: Herzen, Natasha, Herwegh*: she is a permanent writer for the site *Проза.ру* [Прошина]. The amount of research being conducted into the subject of temptation in the lives of writers has reached an all-time high. The same author has written about V. Hugo and C. O. Sainte-Beuve (*Hugo – Adele – Sainte-Beuve*, published on 07.14.2013), A. Blok and A. Bely (*Blok – Lyubov – Bugaev*, published on 09.12.2013); V. I. Lenin and N. K. Krupskaya (*Lenin – Krupskaya – Armand*, published on 03.25.2014), and finally P. A. Vyazemsky (*Peter Vyazemsky and Pushkin's Widow*, published 06.08.2015). By the author's own admission, this series appeared thanks to a simple desire 'to understand, why temptation – this original sin – is possible'. The explanation is easily found in the essay on Herwegh and the Herzens: 'Herwegh decided to seduce Natasha...because he was envious of her husband'. Herzen's loss of his family in the affair designed by Herwegh and his wife Emma is considered to be the justified reward for his own betrayal when he seduced a married lady in Vyatka in his youth. In Proshina's essay, Herwegh is depicted through the lens of *My Past and Thoughts*. Thus a new Russian attitude towards Herwegh is being established in 21st-century mass culture: its contours are being defined by the demands of the information revolution.

Список литературы

Гервег Г. Избранное. М. : ГИХЛ, 1958. 240 с.

Дымшиц А. Л. Карл Маркс и поэт Гервег // Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 170. Л., 1958. С. 333–350.

Елисарова М. Е., Колесников Б. И. История зарубежной литературы XIX века. М. : Просвещение, 1992 // Литература Западной Европы 19 века [сайт]. URL: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/elizarova-izl/kriticheskij-realizm-xix-veka.htm (дата обращения: 20.04.2015).

Лобанов В. В. Библиотека В. А. Жуковского : (Описание). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. 414 с.

Немецкая поэзия революции 1848 года / ред., автор предисл. и коммент. И. Миримский. М. : Худож. лит., 1948. С. 10–11.

Гербель Н. В. Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1871.

Паперно И. А. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1890-е годы) / авториз. пер. с англ. М. Долбилова // НЛО. 2010. № 103. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html (дата обращения: 10.03.2015).

Подорога В. А. Материалы к психобиографии С. М. Эйзенштейна // Автобиография. К вопросу о методе : Тетради по аналитической антропологии. № 1 / под ред. В. А. Подороги. М., 2001. С. 11–140.

Прошина Л. Искусители : Герцен – Наташа – Гервег // Проза.ру. URL: http://www.proza.ru/2013/07/22/1951 (дата обращения: 15.10.2015).

Тураев С. В. Творчество позднего Гервега // Вопр. лит. 1959. № 10. С. 169–185.

Тураев С. В. Революция во Франции и немецкая литература. М. : Наследие, 1997. 214 с.

Широков В. А. Любовная геометрия Герцена // Наша улица. 2009. № 111 (2). URL: http://kuvaldn-nu.narod.ru/2009/02/shirokov-hertsen.htm (дата обращения: 10.03.2015).

Enzensberger U. Herwegh : Ein Heldenleben. Frankfurt am Main : Eichborn, 1999. 394 S.

Herweg G. Gedichte eines Lebendigen : Mit einer Dedikation an den Verstorbenen. Zürich und Winterthur : Vierte Auflage, 1842. 168 S.

Krausnick M. Die eiserne Lerche. Weinheim : Beltz & Gelberg, 1998. 206 S.

Nikonova N., Dmitrieva L. Print Media as Socio-Imagological Tools: German world of V. A. Zhukovsky's "Herald of Europe" // International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2014. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 166. Tomsk : National Research Tomsk State University Publ., 2015. P. 631–634.

Ter-Minasova S. G. The Dialectics of International Communication // XXV Annual Academic Conference, Language and Culture. Procedia, 154. Tomsk : National Research Tomsk State University Publ., 2014. P. 8–13.

The Turn to Biographical Methods in Social Science / Ed. P. Chamberlayne, J. Bornat and T. Wengraf. L.: Routledge, 2000.

References

Chamberlayne, P., Bornat, J. & Wengraf, T. (Eds.) (2000). *The Turn to Biographical Methods in Social Science.* 368 p. London, Routledge.

Dymshits, A. L. (1958). *Karl Marks i poet Gerveg* [Karl Marx and Poet Herwegh]. In *Uchenye zapiski, Vol. 170,* pp. 333–350. Leningrad, Leningradsky gosudarstvennyy pedagogichesky institut im. A. I. Gertsena.

Elisarova, M. E. & Kolesnikov, B. I. (1992). *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka* [The History of Foreign Literature, 19th Century]. Moscow, Prosveshchenie // Literatura Zapadnoy Evropy 19 veka. URL: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/elizarova-izl/kriticheskij-realizm-xix-veka.htm. (mode of access: 20.04.2015).

Enzensberger, U. (1999). *Herwegh. Ein Heldenleben.* 394 S. Eichborn, Frankfurt am Main.

Gerbel, N. V. (1871). *Nemetskie poety v biografiyakh i obraztsakh* [German Poets with Biographies and Samples]. Sankt Petersburg, V tipografii V. Bezobrazova i K°.

Herweg, G. (1842). *Gedichte eines Lebendigen: Mit einer Dedikation an den Verstorbenen.* Vierte Auflage. 168 S. Zürich und Winterthur.

Herweg, G. (1958). *Izbrannoe* [Selected Poems]. 240 p. Moscow, GIKhL.

Krausnick, M. (1998). *Die eiserne Lerche.* 206 S. Beltz & Gelberg, Weinheim.

Lobanov, V. V. (1981). *Biblioteka V. A. Zhukovskogo: (Opisanie)* [The Library of V. A. Zhukovsky: A Description]. 414 p. Tomsk, Izdatel′stvo Tomskogo universiteta.

Mirimsky I. (Ed.) (1948). *Nemetskaya poeziya revolyutsii 1848 goda* (pp. 10–11) [German Poetry of the Revolution of 1848]. Moscow, Khudozh. lit.

Nikonova, N. & Dmitrieva, L. (2015). Print Media as Socio-Imagological Tools: German world of V. A. Zhukovsky's "Herald of Europe". In *International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2014. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 166,* pp. 631–634. Tomsk: National Research Tomsk State University Publ.

Paperno, I. A. & Dolbilova, M. (Transl.) (2010). *Intimnost′ i istoriya: semeynaya drama Gertsena v soznanii russkoy intelligentsii (1850–1890-e gody)* [Intimacy and History: The Herzen Family Drama in the Understanding of Russian Intelligentsia (1850–1890s)]. In *NLO, 103*. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html (mode of access: 10.03.2015).

Podoroga, V. A. (2001). *Materialy k psikhobiografii S. M. Eyzenshteyna* [Materials to the Psychobiography of S.M. Eisenstein]. In Podoroga, V. A. (Ed.). *Avto-biografiya. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoy antropologii, 1,* pp. 11–140. Moscow.

Proshina, L. (n.d.). *Iskusiteli : Gertsen – Natasha – Gerveg* [Tempters. Herzen – Natasha – Herwegh]. In *Proza.ru.* URL: http://www.proza.ru/2013/07/22/1951 (mode of access: 15.10.2015).

Shirokov, V. A. (2009). *Lyubovnaya geometriya Gertsena* [Herzen's Love Geometry]. In *Nasha ulitsa, 111 (2)*. URL: http://kuvaldn-nu.narod.ru/2009/02/shirokov-hertsen.htm (mode of access: 10.03.2015).

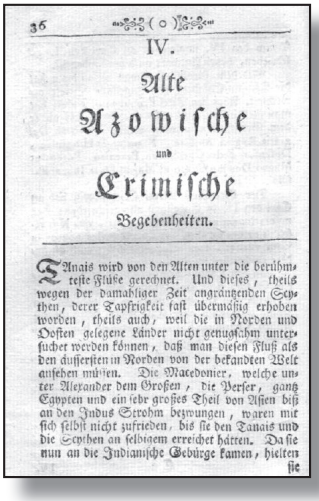
Ter-Minasova, S. G. (2014). The Dialectics of International Communication. In *XXV Annual Academic Conference, Language and Culture. Procedia, 154,* pp. 8–13. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ.

Turaev, S. V. (1959). *Tvorchestvo pozdnego Gervega* [Herwegh's Later Writings]. In *Voprosy literatury, 10,* pp. 169–185.

Turaev, S. V. (1997). *Revolyutsiya vo Frantsii i nemetskaya literature* [The French Revolution and German Literature]. 214 p. Moscow, Nasledie.

The article was submitted on 12.04.2016

Heritage
Nomina et scholae



36

IV.

Alte

Azowische

und

Crimische

Begebenheiten.

Tanais wird von den Alten unter die berühmteste Flüße gerechnet. Und dieses, theils wegen der damahliger Zeit angränzenden Scythen, derer Tapfrigkeit fast übermäßig erhoben worden, theils auch, weil die in Norden und Osten gelegene Länder nicht genugsahm untersuchet werden können, daß man diesen Fluß als den äusserstem in Norden von der bekandten Welt ansehen müßen. Die Macedonier, welche unter Alexander dem Großen, die Perser, gantz Egypten und ein sehr großes Theil von Asien biß an den Indus Strohm bezwungen, waren mit sich selbst nicht zufrieden, biß sie den Tanais und die Scythen an selbigem erreichet hätten. Da sie nun an die Indianische Gebürge kamen, hielten sie

Kurzgefaßtes

Jahr-Buch

der Russischen

Regenten,

aus dem Russischen des Herrn Etaats-Raths

Michaila Lomonoßoff,

überseßt durch

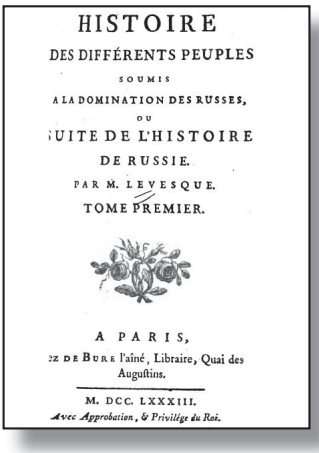
Peter von Stählin,

Ihro Kaiserl. Maj. aller Reußen, Legations-Secretair bey Allerhöchst Derselben Gesandtschaft am Königl. Dänischen Hofe.

Neue, sowohl dem Inhalte, als der Uebersetzung nach, verbesserte Auflage.

Riga,

bey Johann Friedrich Hartknoch. 1772.



HISTOIRE

DES DIFFÉRENTS PEUPLES

SOUMIS

A LA DOMINATION DES RUSSES,

OU

SUITE DE L'HISTOIRE

DE RUSSIE.

PAR M. LEVESQUE.

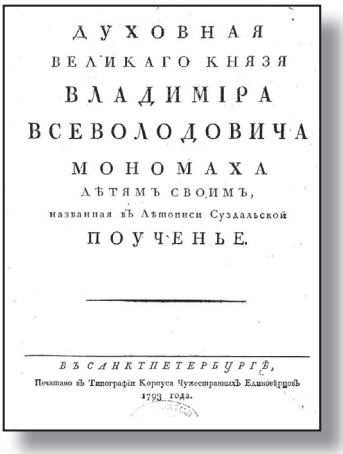
TOME PREMIER.

A PARIS,

chez DE BURE l'aîné, Libraire, Quai des Augustins.

M. DCC. LXXXIII.

Avec Approbation, & Privilège du Roi.



ДУХОВНАЯ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ВЛАДИМІРА

ВСЕВОЛОДОВИЧА

МОНОМАХА

ДѢТЯМЪ СВОИМЪ,

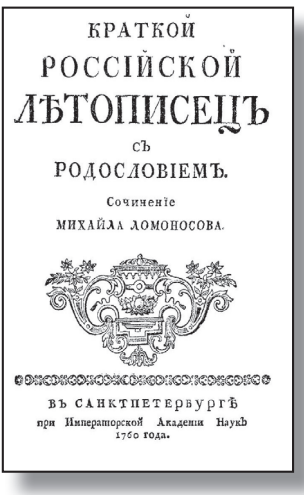
названная въ Лѣтописи Суздальской

ПОУЧЕНЬЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано въ Типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцовъ

1793 года.



КРАТКОЙ

РОССІЙСКОЙ

ЛѢТОПИСЕЦЪ

СЪ

РОДОСЛОВІЕМЪ.

Сочиненіе

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1760 года.

Heritage
Nomina et scholae

DOI 10.15826/qr.2016.2.165
УДК 81'25+930(470)"17"+94(470)"17"

ПЕРЕВОДЧИКИ XVIII В. И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУКИ В РОССИИ

Вим Куденис
Католический университет Лёвена,
Лёвен, Бельгия

TRANSLATORS AND THE EMERGENCE OF HISTORIOGRAPHY IN EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA*

Wim Coudenys
University of Leuven,
Leuven, Belgium

An important aspect of the modernisation of Russia in the 18th century was the creation of academic institutions that relied on European traditions of research and education. Translation was the main mechanism of the 'transfer of knowledge', as well as a scientific method. Translation, however, was not restricted to the mere translation of academic texts into Russian: it also played a crucial role in the development of the sciences themselves in Russia and facilitated the exchange of scientific and scholarly knowledge with Western Europe (the 'circulation of knowledge'). History was one of the disciplines where translation was particularly crucial. This article studies in detail the dynamics of translation within 18th-century Russian historiography. Based on statistical data derived from the *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* and the *Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov XVIII v.*, the article draws some interesting conclusions with regard to the constantly changing relationship between translators and historians (who were not infrequently the same people). Most of the article (and its prequel in the previous issue of QR) deals with the role of translation in the emergence of Russian history as an academic discipline. It developed from a tool used for political purposes under Peter I into a method for the study of historical sources. This development led to the establishment of historiography as a discipline that

* *Citation*: Coudenys, W. (2016). Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 209–230. DOI 10.15826/qr.2016.2.165.

Цитирование: *Coudenys W.* Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 209–230. DOI 10.15826/qr.2016.2.165 / *Куденис В.* Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 209–230. DOI 10.15826/qr.2016.2.165.

© Куденис В., 2016

relied both on verifiable sources and followed the rhetorical logic of narrative texts. At the beginning of the 19th century, translation as a tool and a historical methodology lost its significance. What did remain was the profound tradition of reference to international knowledge. Later on, Russian historiography was considerably enriched by translations of historical works.

Keywords: Russian historiography, Peter I, translation activity, 18th century history.

Одним из главных аспектов модернизации России в XVIII в. было создание академической науки. Европейский исследовательский опыт, сложившиеся научные школы были конструктивно восприняты в нарождающейся российской науке. Важным механизмом трансляции знаний и методов исследования был перевод. Однако он не ограничивался простым переложением научных работ на русский язык, но играл решающую роль как в развитии самой науки в России, так и в обмене научными знаниями и опытом с Европой («циркуляция знаний»). Среди наук, которые особенно активно обращались к переводческой деятельности, оказалась историография. В статье подробно рассматриваются динамика переводческой деятельности и ее соотношение с потребностями исторической науки. На основании статистических данных, почерпнутых из «Словаря русских писателей XVIII в.», а также материалов «Каталога личных архивных фондов отечественных историков XVIII в. и первой половины XIX в.», автор делает интересные заключения о процессе взаимоотношений переводчиков и историков, иногда представленных одним лицом. Оценивается роль перевода в развитии российской исторической науки от цели распространения политической пропаганды при Петре I, задачи раскрытия исторических источников до становления историографии как науки, опирающейся на источники, но в то же время соответствующей правилам нарратива (риторики). Сыграв свою конструктивную роль в формировании академической истории, в начале XIX в. перевод как историографический прием и метод отодвинулся на задний план. Но осталась глубокая традиция обращения к международному опыту, и в последующие времена российская историография многократно обогащалась переводами исторических штудий. В этом номере печатается вторая часть статьи.

Ключевые слова: российская историография; Петр Первый; переводческая деятельность; история XVIII в.

Могли ли иностранцы понять русскую историю?

Ввиду того, что историки полагались на переводные труды, ошибки в работах были неизбежны, и в большинстве случаев винили в них как раз переводчиков. Татищев, к примеру, не был удовлетворен качеством переводов Кондратовича, тяжеловесные тексты которого, наполненные польскими и украинскими оборотами речи, вызывали многочисленные насмешки со стороны коллег [Halle als Ausgangs-

punkt der deutschen Russlandkunde im 18, S. 324; СРП18, т. 2, с. 116]. В «Собрании российской истории» (*Sammlung russischer Geschichte*) Миллер назвал автором Радзивилловской летописи Феодосия Печерского, а не Нестора. И хотя он исправил свою ошибку в «Ежемесячных сочинениях» в 1755 г., она преследовала его на протяжении всей его деятельности. Сам Миллер винил Паузе, переводчика летописи, в неверной атрибуции текста[1]. В свою очередь, Паузе обвинял Миллера в некомпетентности и плагиате [Halle als Ausgangspunkt, S. 768]. Селлий, переводчик и последователь Паузе, придерживался того же мнения и указывал на то, что Миллер выдал за свою часть работы Гюйзена [Пекарский, с. 319–320].

В российской историографии распространено мнение, что иностранцы вроде Байера и Миллера преуменьшали роль страны в мировой истории и что ситуация исправилась только благодаря трудам «истинно русского» М. В. Ломоносова [Ср.: Фомин; Наумова, Никонов]. Такая точка зрения связана с печально известной диссертацией Г. Ф. Миллера о «Происхождении народа и имени российского» (Origines gentis et nominis Russorum, 1749) [ср.: Müller, 1768], но вызванные ею противоречия были гораздо глубже и многограннее, чем просто противостояние русских патриотов и якобы враждебно настроенных иностранцев [Шольц; Scholz; Khlevov; Mervaud, 2009a, p. 22; Свердлов, с. 548–589; Бердинских, с. 273–277]. Остроты им добавляли внутренние конфликты в академии, разница в профессиональных стандартах (в конечном счете, Ломоносов не был профессиональным историографом [Старчевский, с. 142]) и обычная недобросовестность. Так, например, Ломоносов был твердо убежден, что иностранцы, например, И. Д. Шумахер и его зять переводчик И. И. Тауберт, вели нечестную игру, направленную против интересов академии и российской науки в целом [Usitalo, с. 70–73]. Миллер же, однако, считал себя подлинно *российским* историком [Свердлов, с. 432]. Уже в 1732 г., в год учреждения «Собрания Российской истории», он представил академии «Объявление предложения до исправления российской истории касающагося». Миллер не только предложил осуществлять систематический сбор и раскрытие исторических источников, но также и «сокращения и переводы из всех исторических рукописных книг и хроников о России, сколько оных теперь имеется, или впредь наитися может», и «высказывание ошибок, которые происходили у сочинителеи иноземных в русскои истории и географии» [Миллер, 2006, с. 713, 715]. На протяжении всей своей карьеры Миллер будет придерживаться этих принципов и представит их снова в «Ежемесячных сочинениях» в 1757 г. [Предложение, как исправить погрешности, с. 224–231; Миллер, 2006, с. 15–18, 418–419].

[1] См. об этом: [Muller, 1732. S. 1–8; Auszug Russischer Geschichte…]. Ср.: [Миллер, 1755]. Строго говоря, критика Миллера была несправедливой, поскольку Радзивилловская летопись не упоминает Нестора [Миллер, 2006, с. 5–14].

Русские историки – чужаки в своей стране

В 1767 г. вышло в свет первое издание Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи, того самого текста, который доставил столько неприятностей Миллеру в начале 1730-х гг. С помощью «Летописи Нестора с продолжателями по Кёнигсбергскому списку до 1206 года» академия хотела компенсировать невероятно масштабное отставание российсской историографии от западноевропейской. Издание соответствовало критериям, установленным для развития российской историографии, предложенным Гюйзеном, Паузе, Миллером, Татищевым, Ломоносовым и А. Л. Шлёцером, новым профессором истории Академии наук с 1765 г. [Peters, S. 89–106; Peters, Winkelmann].

Процесс издания существенно упростился из-за прибытия незадолго до того Кёнигсбергского списка в Петербург в качестве трофея Семилетней войны. Благодаря этому событию издателям – И. И. Тауберту и переписчику (и переводчику) И. С. Баркову (1731–1768) – стало известно о множестве расхождений между оригинальным памятником и его копиями, которые имели хождение со времен Петра Великого [Свердлов, с. 812–821; Савельева; СРП18, т. 1, с. 57–62]. Тауберт, тем не менее, и в новом издании остался верен традиции, по которой иностранцев – «невежественных и злонамеренных» – обвиняли в неуважении к России и ее истории:

> От сего произошли безчисленныя погрешности, сопряженные с грубым незнанием и смешными баснями, какия мы в чужестранных Немецких, Французских, Англинских и Шведских книгах, даже до Гишпанских, об Отечестве нашем читаем. Не имели они способов к сочинению Российской Истории; а однако желая сию пустоту в общей Европейской Истории наполнить, писали что могли, и написали неисправно. С наших летописей они либо со всем не имели списков, а хотя некоторые у них и были, как то в Абове, Кёнигсберге, Волфенбиттеле и Париже, однако по незнанию славенскаго языка пользоваться ими не могли. <…> Теперь для нас более не остается, как только, чтоб самим приняться за сочинение своей Истории [Летопись Нестора, с. 6–7].

Позднее Тауберт просил о критическом издании летописей, где бы были исправлены ошибки переписчиков, которые ввели в заблуждение историков, и дана надлежащая трактовка текстов. Ввиду отсутствия в XVIII в. заслуживающих доверия словарей и четкого представления о том, что такое «хорошее издание» памятника, качество толкований полностью зависело от языковой, исторической и географической компетенции переводчика/редактора [Лотман, Толстой, Успенский]. В случае с Таубертом это означало, что орфография и грамматика адаптировались к нормам XVIII в. и что в текст вносились множественные исправления – не в соответствии и после

сопоставления с другими (и лучшими) списками «Повести временных лет», но с опорой на «Историю российскую» Татищева [Савельева].

У Шлёцера было много опасений по поводу издания сочинения Нестора в 1767 г., и он винил тандем Тауберта и Баркова за прискорбный результат. Тауберт, очевидно, не обратил внимания на замечания методологического характера, высказанные Шлёцером и переводчиком С. С. Башиловым (1741–1770) в предисловии к «Русской летописи по Никонову списку» (1767) [Русская летопись; ср.: Peters, S. 101–106]. Негодование Шлёцера было также вызвано тем, что ему было отказано в доступе к спискам «Повести временных лет» во время работы над «Русской летописью по Никонову списку» и «Опытом изучения русских летописей» (*Probe Rußischer Annalen*, 1768). Ему пришлось довольствоваться имеющейся литературой по источнику и быть любезным с Таубертом, в ведении которого был доступ к архивам:

> Но тут, к неописанной моей радости, Тауберт познакомил меня с двумя писанными фолиантами, находившимися в русской академической библиотеке (или в архиве, как ее называли); они содержали немецкий перевод одной из полнейших летописей (не знаю точно, которой). Перевод этот, как мне рассказывали, был сделан немецким ученым Селлиусом, который потом сошел с ума и постригся в Александро-Невском монастыре. Почерк в этих двух фолиантах был очень небрежен, однако можно было читать; язык перевода – скверный немецкий, часто смешной и простонародный; но он был подстрочный и, сверх всякаго ожидания, верный. С каким удовольствием выписывал я из этих фолиантов, имея пока единственною целью составление обозрения фактов. Если бы они попали ко мне пятью месяцами раньше, когда я еще должен был мучиться над первоначальными летописями! [Цит. по: Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная, с. 106; ср.: СРП18в, т. 3, с. 107].

Представляется, что Шлёцер либо не знал о более раннем (и оспариваемом) переводе Паузе и его публикации в «Собрании российской истории», либо считал версию Селлия более надежной.

Как показал опыт издания в 1767 г. хроники Нестора, понимание средневекового памятника не было чем-то самим собой разумеющимся для читателя XVIII в., даже если он был русским [Schlözer, 1802, S. 117–118; Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, с. 107–108]. В результате приходилось создавать переложения древних текстов на современный русский язык, и такая практика стала особенно распространенной во второй половине XVIII в. Обычно она заключалась в наборе старых текстов гражданским шрифтом, введенным Петром Великим. Это неизбежно приводило к тому, что текст, написанный первоначально полууставом (сохранившимся в изданиях религиозных текстов), искажался. Кроме того, редакторы правили написание, вносили изменения в неразборчивые отрывки текста и заменяли «забытые слова»

на современные эквиваленты, руководствуясь собственным чутьем, на фоне недостатка фиксированных правил и установленных процедур. Так произошло, к примеру, во время издания в 1768 г. «Судебника» 1550 г., основанного на копиях Татищева, которые были «писаны новым характером [т. е. гражданским шрифтом] и в многих местах и словах с оным древним подлинником и между собою не сходны», на что указал С. С. Башилов в своем предисловии [Судебник]. Такая издательская практика усложнялась еще и тем, что в текст принято было включать комментарии, которые затрудняли понимание того, где сохранился текст оригинального источника, а где возникли современные толкования и добавления. Таким методом пользовался Татищев в своей «Истории российской», а также Миллер и Ломоносов [Толочко; Вовина-Лебедева, 2011, с. 59–60].

Подобная разноголосица исправлений, адаптаций, переводов и комментариев также характеризует «Древнюю Российскую Вивлиофику» (1773–1776, вторая серия – 1788–1791), которая играла ключевую роль в распространении истории в России и подъеме интереса к ней при Екатерине Великой [ср.: Kočetkova]. Редактора издания Н. И. Новикова (1744–1818) гораздо меньше интересовала историческая достоверность как часть издательского дела, чем возбуждение любопытства у своих соотечественников и взращивание в них патриотизма [Новиков; ср.: Моисеева].

Чтобы подпитывать этот патриотизм, постоянно требовались новые материалы. В 1791 г. Екатерина подписала указ, по которому летописи и древние рукописи должны были быть перенесены из монастырских библиотек в архивы Священного Синода. Поступив так, она не только следовала за своим выдающимся предшественником Петром I, но и действовала в интересах А. И. Мусина-Пушкина (1744–1817), новоиспеченного обер-прокурора Священного Синода, собирателя древностей и рукописей и лидера разделявших его воззрения историков, в том числе И. Н. Болтина (1735–1792) и И. П. Елагина (1725–1793). В результате такого нового подхода появились двуязычные «критические» издания, сопровождавшиеся «переводом» (переложением). Деятельность Мусина-Пушкина и его единомышленников лежала в русле замысла Академии Российской, которая занималась вопросами русского языка, словесности и истории – темами, которые перестали интересовать Академию наук. Главным достижением новой организации было создание «Словаря Академии Российской» (1783–1794). Он основывался на материалах, собранных переводчиками Академии наук, но также полагался на бесценные лингвистические знания Щербатова, Мусина-Пушкина и Болтина, полученные ими во время работы с историческими документами [Козлов, с. 210–212; Файнштейн, с. 77–80; 98–99; Коломинов, Файнштейн, с. 25–28]. Кроме того, глубочайшее влияние на процесс публикации исторических документов оказали дебаты, проводимые в Академии Российской и касающиеся стандартизации русского языка [Козлов, с. 218–219].

Первой попыткой публикации нового типа стала «Правда Русская», изданная И. Н. Болтиным в 1792 г. [Козлов, с. 172–183; Валк, 1958; Валк, 1976]. Это была компиляция, основанная на более ранних трудах Шлёцера, Татищева и В. В. Крестинина, а также на новых документах, полученных из архивов Священного Синода[Любимов, с. 13]. Болтин был знаком с представлениями Шлёцера о критическом издании, но его собственное критическое чутье было, очевидно, подчинено истовому желанию доказать, что историческое развитие России было сопоставимо с путями римлян и немцев. В отношении переводов он писал:

> Преложение древняго слога на нынешний зделано нами не слово против слова, на так чтоб соблюдена была и точность смысла древнаго и вкупе возможная ясность нынешняго. – Толкование древних из употребления вышедших слов делали мы с возможным вниманием и осторожностию, дабы не удалиться от подлиннаго их смысла; о тех же словах, кои мы по одной токмо догадке, то есть по смыслу речи толковали, в примечаниях наших не обинуяся сказали, что мнение наше о них не яко достоверное но яко вероятное представляем [Правда русская, с. 7].

Следующая публикация, «Духовная Великаго Князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской Поучение» (1793), была революционной в том смысле, что она содержала оригинальный текст, набранный полууставом, и сопровождалась вступлением и переводом на гражданском шрифте, хотя во всем остальном следовала патриотическим установкам и редакторским принципам «Правды Русской» [ср.: Козлов, с. 186–189].

Вершиной деятельности Мусина-Пушкина и его единомышленников было издание в 1800 г. «Слова о полку Игореве». Памятник был ключевым аргументом в споре о высоком уровне развития культуры в средневековой России, но время, ушедшее на подготовку издания (десять лет), шаткие и противоречивые доказательства его происхождения и утеря оригинальной рукописи во время пожара в Москве в 1812 г. породили сомнения в его подлинности [Лихачев, 1957; Козлов; Keenan; Бобров; Костин]. Чтобы доказать свою правоту, Мусин-Пушкин писал, что «в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух *Оссианов*; следовательно, и наши древние герои имели своих *бардов*, воспевавших им хвалу» [Ироическая песнь, с. 6]. Это высказывание было совершенно лишено иронии, так как Мусин-Пушкин и его современники считали «Творения Оссиана» (1765), якобы *переведенные* с гэльского Джеймсом Макферсоном и вскоре ставшие доступными на русском языке («Поэмы древних бардов», 1788), вершиной подлинной народной словесности [Козлов, с. 194, 235; ср.: Левин, с. 72–77; France]. Намного более существенной, однако, является роль перевода в появлении и распространении «Слова».

Козлов убедительно показывает, что перевод помог подтвердить патриотическую роль «Слова», причем каждый новый перевод только увеличивал несомненную красоту памятника, а вместе с ним и уровень средневековой русской культуры [ср.: Параллельный корпус]. Таким образом, плохо в то время поддававшийся пониманию текст стал считаться шедевром древнерусской литературы. Типичным в этом отношении был перевод 1805 г. А. С. Шишкова (1754–1841), который утверждал:

> Точное преложение сей песни с древнего Славенского на употрибительное ныне наречие, при своей верности, всегда будет столь же темно, как и самый подлинник. Сего ради разсудилось мне переложить, или паче переделать оную таким образом, чтоб оставляя все красоты подлинника, без всякой, поколику можно, перемены слов, не вразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями [Шишков, 1805, с. 201–203; ср. Козлов, с. 239].

Хотя перевод помог Мусину-Пушкину и его сподвижникам уловить значение «Слова» и в XX в. стал ключом к установлению источников произведения [Лихачев, 1960], в начале XIX в. патриотический и литературный подходы отодвинули его на задний план, сделав вспомогательной дисциплиной вроде критики текста и историографии. Более того, критика текста была ограничена областью славистики, которая в то время складывалась в Центральной Европе [Вовина-Лебедева, 2004; Вовина-Лебедева, 2011, с. 59–166]. По иронии судьбы, бывший профессор русской истории Академии наук А. Л. Шлёцер задал тон своим критическим изданием «Повести временных лет» и ее переводом на немецкий язык [Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grund-Sprache verglichen…; Нестор. Русския летописи на Древне-Славенском языке…; Peters, 2003].

Translatio deliberative, или Как историю России «отправили за границу»

Когда Россия вступила в Семилетнюю войну (1757–1763), история вновь, как и полувеком ранее во времена правления Петра I, стала орудием ее пропаганды. Российские власти не только последовали примеру Петра, но и сделали его ключевой фигурой этой пропаганды. В конце концов, разве не Петр вывел Россию на европейскую политическую арену? И разве Елизавета, стремившаяся приобщить Россию к европейской культуре, не была дочерью Петра? В 1757 г. императрица попросила Вольтера написать историю правления ее отца. Вольтер был известен умением придать очарование и выигрышное звучание сухим историческим фактам. В прошлом он уже использовал

этот талант при описании событий российской истории, хотя и не всегда успешно. Благодаря созданию привлекательного образа Петра Великого в книге «История Карла XII, короля шведского» (*Histoire de Charles XII*) (1731) и лестным отзывам в адрес Елизаветы и членов Петербургской академии наук Вольтер в 1746 г. стал ее почетным членом. Однако его ироничные «Анекдоты о царе Петре Великом» (*Anecdotes sur le czar Pierre le Grand,* 1748) не угодили российскому двору, и в 1753 г. его имя было вычеркнуто из списка членов академии [Voltaire, p. 89–104; Mervaud, 2009b; Свердлов, с. 589–595; Мезин, с. 72–115]. В Петербурге полагали, что ему не помешало бы творчески усовершенствоваться, прежде чем браться за новое задание. Чтобы изменить ситуацию, в которой история России оценивалась иностранными авторами однобоко, российские заказчики предоставили Вольтеру собственные материалы. Их отобрали Тауберт и Миллер [Voltaire, p. 120–122, 1255–1261], а Ломоносов отправил французскому коллеге краткое изложение своих исторических исследований – первые черновики, которые позже вошли в книгу «Древняя российская история» (1766), и французские переводы своей речи «Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года», сделанные бароном Т. Г. де Чуди (1720–1769), секретарем И. И. Шувалова (1727–1797) и посредником между Вольтером и российскими заказчиками [Voltaire, p. 101–104; ср.: Ржеуцкий, 2010; Ржеуцкий, 2011]. Ломоносов затем внес исправления в сочинения Вольтера, а Миллер и другие ответили на его вопросы. Петербург предоставил Вольтеру 120 переводов официальных документов и материалов по российской истории (в виде рукописей), из которых Вольтер использовал лишь около половины [Voltaire, p. 104–122; Свердлов, с. 580–697]. Черновики «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера (*Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*) были тщательно отредактированы его русскими заказчиками, но французский философ пренебрег их замечаниями и советами. Реакция российских заказчиков была предсказуемой: несмотря на то, что «История» Вольтера способствовала распространению мифа о Петре Великом (и, следовательно, о России), многие опасались его небрежного обращения с источниками ввиду авторского литературного изложения исторических фактов. В общем-то, российские заказчики остались с ним вежливыми, но Миллер и Шлёцер сильно раскритиковали его сочинение, которое появилось на французском языке в 1761–1763 гг. [Voltaire, p. 89–153, 312–346; Свердлов, с. 697–707]. Русский (частичный) перевод «Истории Российской империи при Петре Великом», выполненный Ф. А. Эмином (1735–1770) и Н. Н. Бантыш-Каменским (1737–1814), так и не был издан [Voltaire, p. 346, 372; КЛА18, с. 36, 43; Рак, с. 244–257]. Это объясняется очень просто: кому нужен был перевод труда, доступного на французском языке? Свою роль, безусловно, сыграли и разногласия между русскими и иностранцами.

Позднее французский историк П. Ш. Левек (Levesque, 1736–1812) даже объяснит ошибки Вольтера тем, что Миллер якобы предоставил ему заведомо недостоверные материалы [Somov, p. 202]. Только в 1809 г. появился перевод книги на русский язык, выполненный С. А. Смирновым (1777–1847). Несмотря на то, что со времени оригинального издания прошло уже полвека и что бóльшая часть критических замечаний Вольтера была исправлена цензорами, его «История» все еще вызывала различные споры [Заборов, с. 110].

Популярность образа Петра Великого как объекта исторического нарратива, исследований и политической пропаганды еще более возросла с приходом к власти Екатерины II [Николаев; Мезин]. Во время ее правления петровская «Гистория Свейской войны» появилась вновь в редакции М. М. Щербатова в 1770–1772 гг. Французский (1773) и немецкий (1774–1778) переводы «Журнала, или Поденной записки блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго» пополнили фонд европейской литературы о Петре I и помогли создать образ Екатерины II как просвещенной правительницы и наследницы политического и культурного достояния Петра [Journal de Pierre le Grand; Bacmeister, 1774–1776]. Аналогичным образом Я. Я. Штелин (1709–1785) опубликовал «Подлинные анекдоты о Петре Великом» (*Originalanekdoten von Peter dem Grossen*) в 1785 г. в Лейпциге за год до появления первого из многих русских переводов [Любопытные и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом…; Подлинные анекдоты Петра Великаго…; Анекдоты о императоре Петре Великом…]. Я. Я. Штелин, бывший профессор элоквенции и поэзии в Петербургской академии наук и придворный Екатерины, собирал свои (недостоверные) анекдоты с момента прибытия в Россию в 1735 г. Их даже хотели перевести на французский ради Вольтера [Voltaire, с. 112, 119 и 1257], но это произошло лишь в 1787 г., через десять лет после его смерти [Anecdotes originales de Pierre le Grand].

Риторическая историография, или Конфликт между повествованием и источниками

Интерес к истории как к орудию политической пропаганды во время правления Елизаветы и Екатерины не ограничивался созданием образа Петра Великого. Росла потребность в исчерпывающем сочинении о российской истории в противовес или в упрек иностранным источникам, а также для того, чтобы продемонстрировать, что исторические изыскания в России своим уровнем соответствовали европейским. Первой попыткой написания такой всеобъемлющей истории после «Синопсиса» 1674 г. стал «Краткий российский летописец с родословием» (1760) Ломоносова, предшественник или краткая версия его «Древней российской истории» (вышедшей посмертно) [Свердлов, с. 707–714; Тюличев, с. 235–236]. «Краткий лето-

писец» (по сути, генеалогия в духе «Синопсиса») был переведен на немецкий язык П. Я. Штелиным (1744–1799) и отредактирован его отцом Якобом. *Kurzgefaßtes Jahr-Buch der Russischen Regenten* (1765) несколько раз переиздавался (1767 и 1771) и, как указал в предисловии переводчик, должен был просветить «соседних иностранцев (т. е. немцев. – *В. К.*), которые до сих пор и все время писали столько неверных вещей о русской истории» [Lomonosoff, p. 2]. В том же году Шлёцер написал рецензию на «Краткий летописец». Он признал, что эта книга была лучше, чем совсем ничего, но сожалел, что источники его не поддаются проверке.

> Мы вынуждены верить издателю в том, что все, что он говорит, по крайней мере, бóльшая часть, правда. Мы не можем проверить это, потому что он использует данные из неопубликованных российских хроник. Если быть откровенными, мы не можем этому верить, потому что, сколько бы мы ни сверялись с другими источниками, мы находили их ошибочными и необоснованными. Скорее бы Петербургская академия наук начала публиковать хроники – необходимость этого уже давно назрела [Z [Schlözer], c. 102–103; ср.: Peters, S. 73–74].

В 1775 г. неизвестный критик второго издания *Kurzgefaßtes Jahr-Buch* кратко написал, что переводчик прислушался к рекомендациям Шлёцера и сделал необходимые исправления. Однако «господин переводчик не всегда соблюдал собственные правила правописания при орфографии русских имен» [Kurzgefaßtes Jahrbuch…]. Английская версия *A chronological abridgment of the Russian history* (1767) «продолжала историю до до сегодняшних дней благодаря переводчику», тринадцатилетнему (!) на тот момент Георгу Форстеру (Forster, 1754–1794). К счастью, ему помог его отец Иоганн Форстер (1729–1798) [Прийма; Reed, c. 77–78]. Книга не впечатлила британскую прессу, поскольку читателям были интереснее «неофициальные тайные подробности последней революции в той империи», чем история России [Cross, p. 9]. «Древняя российская история» Ломоносова (1765), которая охватывает период истории Руси с древнейших времен до смерти Ярослава Мудрого (1054), была переведена на немецкий язык Л. И. Бакмейстером (Bacmeister, 1730–1806), бывшим студентом и протеже Миллера и Шлёцера. Во введении к *Alte Russische Geschichte* (1768) Бакмейстер объяснил, что он проверил большинство источников, использованных Ломоносовым (все «важные» и те, что вызывали сомнения), и что он прямо переводил из них, просто для того, чтобы убедиться, что он смог уловить «авторский замысел как можно лучше» [Bacmeister, 1768, S. 2]. Учитывая интересы своих нерусских читателей, Бакмейстер снабдил перевод комментариями и дал обзор российской историографии вплоть до тех времен, сославшись на «Собрание российской истории» (*Sammlung Russischer Geschichte*) Миллера [Bacmeister, 1768]. Перевод Бакмейстера послужил источником для

французского переводчика М. А. Эду (Eidous, 1724–1790), который писал: «Никогда не было более историков, чем в наш век, но нужно также признать, что никогда с историей не обходились так грубо, как это происходит в наши дни», – поэтому историю Ломоносова встретили так доброжелательно. Далее он продолжал:

> Именно немецкий текст я использовал для своего перевода, поэтому обществу следует благодарить не меня, а того человека… который любезно предоставил мне оригинал книги на немецком языке. Все в ней было новым, любопытным и интересным. Я скрупулезно следовал тексту перевода, и, если случайно допустил какие-то ошибки, прошу пуристов простить меня, потому что содержание и язык, с которого я переводил, были непростыми [Avis du traducteur, p. 3, 10–11; ср.: Тюличев, с. 236].

Как и «История российская» Татищева, первый том которой Миллер опубликовал в 1768 г., исторические труды Ломоносова представляли собой нечто среднее между академической публикацией источников и явной пропагандой. Пропагандистской была и «Российская история» Ф. А. Эмина (1767–1769), которая по большей части опиралась на «Историю» Татищева. Эмин не стал преуменьшать роль России, что часто делали иностранцы (например, Байер), но считал, что «все почти европейские народы должны искать своих праотцев в землях, ныне России принадлежащих», и восхвалял самодержавную Россию, воплощенную в образах Петра I и Екатерины II [Эмин, т. 1, с. 42]. Эмин знакомился с российской историографией, переводя среди прочих «Историю Российской империи» Вольтера. Он относился к российскому прошлому как к литературной теме, которую можно сделать актуальной для современности [СРП18, т. 3, с. 444–451]. То же самое можно сказать об И. П. Елагине, придворном, директоре императорских театров России и переводчике, чья книга «Опыт повествования о России» (1803) была посмертно опубликована его другом А. И. Мусиным-Пушкиным [СРП18, т. 1, с. 304–309]. Эти *сочинители истории*, представители подхода, который С. М. Соловьев неодобрительно называл *риторической школой*, были не так озабочены выявлением новых источников, как составлением *подходящего* повествования [Соловьев; ср.: Артемьева, с. 135–159; Artem'eva].

Эта риторическая историография не только породила «разные захватывающие фантастические изображения» для новой богатой (и заинтересованной) читательской публики [Schippan, S. 393], но и была нацелена на авторов (как иностранных, так и русских), недостаточно почтительно относившихся к великому прошлому России. Историкам перестали доверять из-за ошибок в источниках и рассуждениях. Проблема еще более обострилась, поскольку «История Российской империи» Вольтера пробудила интерес европейцев к стремительно меняющейся России. Кроме того, в Европе выходила целая серия публикаций о России (так называемая «Россика»), которая вызыва-

ла интерес русского читателя, и это только увеличило потребность в переводе [Сомов].

Сама Екатерина II подала пример в своем пресловутом сочинении «Противоядие, или Разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием "Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г. аббата Шаппа д'Отероша"» (*Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé «Voyage en Sibérie fait par ordre du Roi en 1761 contenant les moeurs...*) (1770), опровергнув критическое, если не антироссийское содержание книги Ж. Шапп д'Отроша [Levitt]. Позднее она предложила И. Н. Болтину осудить «исторические вольности», которые позволил себе М. М. Щербатов в книге «История российская от древнейших времен» (1770–1791). Обсуждение перерастет в долгий спор по поводу методологии и целей написания истории, а также ошибок в толковании древнерусских слов и этимологии [Болтин, 1788–1794; Болтин, 1789; Письмо князя Щербатова…; Примечания на ответ господина генерал майора Болтина]. Спор между Болтиным и Щербатовым, однако, возник из-за того, что Болтин был недоволен Н.-Г. Леклерком, написавшим книгу «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древней и современной России» (*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne / moderne*) (1783–1784 и 1783–1785). Она была недостоверной, автор судил о России предвзято. Болтин очень иронично указал Леклерку на многочисленные фактические ошибки, неверные толкования и причудливый перевод русских пословиц [Болтин, 1788–1794, т. 2, с. 53–59].

Это критическое отношение, тем не менее, также способствовало развитию российской историографии. Известность в литературных кругах, близость ко двору и дружба с представителями высших слоев общества не спасли «Российскую историю» Эмина или «Опыт повествования о России» Елагина от суровой критики императрицы, а также профессиональных историков. Зарубежные историки были не менее категоричны. П. Ш. Левек во вступлении к «Истории различных народов, покорных власти русских» (*Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes*, 1783), которая была продолжением его «Истории России» (*Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation,* 1782), ставит под сомнение статус произведений Вольтера как отправной точки российской историографии и нападает на Леклерка. Левек обвиняет соотечественника в плагиате и критицизме, высмеивает его слепую веру в то, что говорилось в сочинениях Ломоносова, а также его фантазии и излишнее доверие к качеству переводов, сделанных его русскими друзьями. «История России» Левека, напротив, основывалась на последних данных российских историков, дополненных путевыми заметками западных авторов, которые составляют бóльшую часть доступной «Россики» [Levesque, vol. 1, p. 2–52; ср.: Mazon]. Отзывы были в целом положительными. Болтин согласился с Леклерком, что «деяния наши в том виде, к каком они Г. Левеком представлены,

не доставят читателю удовольствия по причине их краткости, сухости и отсечения от них всех союзных им обстоятельств», но, в отличие от Леклерка, «на место исторических бытий сказок и небылиц он не подставлял, безобразных басен не соплетал, и неприметно, чтоб он имел умысл клеветать и злословить» [Болтин, 1788–1794, т. 1, с. 286; ср.: Valk, S. 9; Mazon; Somov; Мезин, с. 200–215]. Шлёцер признал:

> ...Без сомнения, ни один иностранец не воспринимал российскую историю так верно и полно, как Левек. Ему было неизвестно лишь то, в чем [историческая] иностранная критика давно поставила точку, вероятно, потому что не понимал латинского и немецкого: но он был знаком со старыми неотредактированными хрониками и недавними книгами Татищева, Ломоносова и Щербатова, которым добросовестно следовал [Russische Annalen…, vol. 1, p. 110].

«История России» Левека была переведена на русский в 1787 г. «Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и из лучших российских историков» содержит только первый том 1782 г. без указания источников (в основном русских) и библиографического обзора. Полемическое введение к продолжению книги 1783 г. также не было напечатано. «История России» издавалась четыре раза (1783, 1800, 1812), и каждый раз Левек добавлял новые русские источники в библиографический список. В 1790 г. Н. М. Карамзин встретился с П. Ш. Левеком в Париже. Русский путешественник признал, что несмотря на недостатки, «История России» Левека была лучшим из доступных в то время исторических трудов. Он выразил сожаление о бедном языке Левека («кисть его слаба, краски не живы; слог правильный, логический, но не быстрый») и неуважении к Петру Великому, но, очевидно, это объяснялось тем, что «Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о русских с таким чувством, как русский?» [Карамзин, т. 1, с. 344]. В 1803 г. Александр I назначил Карамзина официальным историографом – первым после Миллера. «История Государства Российскаго» (1816–1829) Карамзина стала преемницей «Истории России» Левека. При этом Карамзин также опирался на труды предшественников, но придал своему сочинению черты литературного произведения, часто отсутствовавшие у старших историков [Лотман, с. 565–578]. Достичь этого ему помог его опыт писателя и переводчика.

Начиная с Карамзина, перевод далеко ушел от первоначальной идеи Петра использовать перевод «как орудие модернизации и пропаганды». К началу XIX в. перевод стал делом привычным и регулярным, его функции стали окончательно прагматичными, в лучшем случае с его помощью распространяли российскую историографию за границей. В течение XVIII в., однако, он действительно сыграл ключевую роль в исследовании прошлого, сделав историю более доступной для читателя того времени. В таком виде перевод был чем-то большим,

нежели катализатором модернизации, поскольку он, несомненно, взаимодействовал с историографией, обогащая ее терминологию и способы интерпретации, а также предлагая модели исторического нарратива. Это развитие ни в коем случае не было линейным, что подразумевает периодически возникающую функцию пропаганды и обсуждение интерпретации источников. Фактически перевод работал на нескольких уровнях и в нескольких направлениях. На уровне источников он описывал межкультурную и/или многоязыковую коммуникацию, преимущественно Запада и России. На уровне посредника он делал источники доступными читателю/историку, вовлекая их в исторический нарратив. На макроуровне он обеспечивал распространение исторического нарратива и его идеологической составляющей за границей.

Переводчики начала XVIII в. были многопрофильными специалистами и пользовались большим спросом у различных структур, которые занимались модернизацией России. Для профессионального ученого-историка труд переводчиков стал выполнять лишь вспомогательную функцию и мог быть источником ошибочных интерпретаций. Однако вклад переводчиков в развитие исторического дела не стоит недооценивать.

Перевод изначально был важен для формирования языка описания и особенностей исторического нарратива – того, из чего складывается историография. Эти составляющие были отчетливо видны в течение XVIII в., но уже в начале XIX в. скрылись за нарративом национальной исторической школы. Перевод не исчез, но его непосредственное воздействие на язык исторического повествования сошло на нет. Только с появлением *переводоведения* как самостоятельной науки перевод вновь стал считаться ключевым фактором возникновения российской историографии в XVIII в.

Список литературы

Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные покойным действительным статским советником Яковом Штелиным. М. [б. и.], 1788.

Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века // Философский век : альманах. СПб., 1998. 267 с.

Бердинских В. Ремесло историка в России. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 608 с.

Бобров А. Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 2014. № 62. С. 528–553 (ТОДРЛ).

Болтин И. Н. Ответ Генерал Майора Болтина на письмо князя Щербатова, Сочинителя Российской Истории. СПб. : Тип. горнаго училища, 1789. 181 с.

Болтин И. Н. Примечания на историю древния и нынешния России господина Леклерка, сочиненныя генерал майором Иваном Болтиным. СПб. : Тип. горнаго училища, 1788–1794. 624 с.

Валк С. Н. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 1958. № 14. С. 650–656.

Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века // Археографический ежегодник за 1958 год. М. : Наука, 1960. С. 123–159.

Валк С. Н. Еще о Болтинском издании Правды Русской // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 1976. № 30. С. 324–331.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей*:* XIX–XX вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 928 с.

Вовина-Лебедева В. Г. Иозеф Добровский – исследователь русского летописания // Европейское просвещение и цивилизация России / сост. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М. : Наука, 2004. С. 314–317.

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер XVIII – первая треть XIX века. Л. : Наука, 1978. 264 с.

Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная стариным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М. : в Сенатской тип., 1800. 46 с.

Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 т. Л. : Худож. лит., 1984. 672 + 456 с.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век. М., 2001. 368 с. (КЛА18).

Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве» : Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М. : Наука, 1988. 272 с.

Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных : (Из истории Российской академии). Л. : Наука, 1986. 150 с.

Костин А. Г. Слово о полку Игореве – подделка тысячелетия. М. : Алгоритм, 2014. 432 с.

Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе : Конец XVIII – первая треть XIX века. Л. : Наука, 1983. 208 с.

Летопись Нестора с продолжателями по Кёнигсбергскому списку, до 1206 года. СПб., 1767. 301 с.

Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слово о полку Игореве» в конце XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1957. № 13. С. 66–89.

Лихачев Д. С. История подготовки // История первого издания Слова о полку Игореве : материалы и исследования / сост. Л. А. Дмитриев. М. ; Л., 1960. С. 269–368.

Лотман Ю. М. Карамзин: сотворения Карамзина, статьи и исследования 1957–1990, заметки и рецензии. СПб. : Искусство-СПб., 1997. 829 с.

Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации литературных памятников XVIII века // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка.1981. № 4 (40). С. 312–323.

Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская : в 2 т. / сост. Б. Д. Греков. М. ; Л., 1940. Т. 1. С. 11–54.

Любопытные и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом. Изображающия истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества, собранныя в течение сорока лет действительнымъ статскимъ советникомъ Яковомъ Штелинымъ. СПб. : Тип. М. Овчиникова, 1786.

Мезин С. А. Взгляд из Европы : Французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов : СарГУ, 2003. 231 с.

Миллер Г. Ф. Избранные труды. М. : Московские учебники и картолитография; Янус-К, 2006. 812 с.

Миллер Г. Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. № 1. С. 275–298.

Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России : Избранное / сост. А. Б. Каменский. М. : Наука, 1996. 448 с.

Моисеева Г. Н. Археографическое деятельность Н. И. Новикова // XVIII век. 1976. № 11. С. 24–36.

Наумова Г. Р., Никонов А. В. М. В. Ломоносов в отечественной историографии // «Знатным украшением Отечеству послуживший…» : Творчество М. В. Ломоносова и культура России Нового времени / сост. А. К. Гладков. М. : Сибирская благозвонница-М., 2014. С. 369–382.

Нестор. Русския летописи на Древне-Славенском языке, слыченныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером : [в 3 ч.]. СПб. : В Императорской тип., 1809. 475 с.

Николаев С. И. Петр I в русской литературе XVIII века : Тексты и комментарии. СПб., 2006. 449 с.

Новиков Н. И. К читателю // Древняя Российская Вивлиофика. 1773. № 1.

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная: пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г.; известия о тогдашней русской литературе. СПб. [б. и.], 1875. 531 с.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : изд. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII века. 578 с.

Письмо князя Щербатова, Сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненныя его Истории, от Господина Генерал-Майора Болтина, творца Примечаний на Историю древния и нынешния России, Г. Леклерка. М. : Университ. тип., 1789. 624 с.

Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российской язык переведенные Карлом Рембовским. М. : в вольной тип. М. Пономарева, 1786.

Примечания на ответ господина генерал майора Болтина, на письмо князя Щербатова, содержащия в себе любопытныя и ползныя сведения для любителей Российской Истории, також истиныя оправдания и прямыя доказательства против его возражений, критики и охулений. М. : Университ. тип., 1792. 624 с.

Правда русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С преложением Дреняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. СПб. : Тип. Святейшего правительствующего Синода, 1792. 100 с.

Прийма Ф. Я. Георг Форстер – переводчик Ломоносова // Русская литература на Западе : статьи и разыскания. Л. : Наука, 1970. С. 77–90.

Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. № 5. С. 224–231.

Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб. : Пушк. дом, 2008. 640 с.

Ржеуцкий В. С. В тени Шувалова : Французский культурный посредник в России барон де Чуди // Новое лит. обозрение. 2010. № 105. С. 91–124.

Ржеуцкий В. С. Барон де Чуди – переводчик Ломоносова : К истории перевода и переводчиков в России эпохи просвещения // Ломоносов : сб. ст. и материалов. СПб. : Наука, 2011. С. 269–280.

Русская летопись по Никонову списку : в 8 ч. СПб. : Императ. акад. наук, 1767–1792. Ч. 1. До 1094 года. СПб., 1767. 198 с.

Савельева Е. А. Петровская копия «Радзивиловской летописи» как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / сост. В. П. Леонов. СПб., 2010. С. 186–194.

Свердлов М. В. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб. : Нестор – История, 2011. 916 с.

Слово о полку Игореве : параллельный корпус переводов. URL: nevmenandr.net/slovo/.Parallel'nyj_korpus (дата обращения: 21.03.2016).

Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Эмин, Елагин, митрополит Платон // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1855. № 1. Ч. 3. С. 3–82.

Сомов В. А. Французская «Россика» эпохи просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. : Очерки истории / сост. С. П. Луппов. Л. : Наука, 1986. С. 173–245.

Словарь русских писателей XVIII века. СПб. : Наука, 1988–2010. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=460 (дата обращения: 28.03.2016) (СРП18).

Старчевский А. В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845 [б. и.]. 292 с.

Судебник Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, Законы из иустинианових книг, Указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав Царя и Великаго князя Ивана Васильевича. СПб. : Императ. акад. наук, 1768. 138 с.

Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева : Источники и известия. Киев : Критика, 2005. 543 с.

Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов. Л. : Наука, 1988. 280 с.

Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России презвойти…» : Российская академия (1783–1941) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 192 с.

Фомин В. В. М. В. Ломоносов и русская историческая наука // Слово о Ломоносове / сост. В. В. Фомин. М. : Рус. панорама, 2012. С. 138–207.

Шишков А. С. Примечания на древнее сочинение, называемое Историческая песнь о походе на половцев, или Слово о полку Игоровом // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. Ч. 1. 1805. С. 23–234.

Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке : Встреча культур / сост. С. Я. Карп, Й. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М., 2000. С. 105–116.

Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самаго начала России государей, все великия и вечной достойныя памяти императора Петра Великаго действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златаго века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая : в 3 т. СПб. : При Императ. акад. наук, 1767–1769. 452 + 522 + 460 с.

References

Anecdotes originales de Pierre le Grand: Recueillies de la conversation de diverses personnes de distinction de S. Pétersbourg & de Moscou. Par m. de Staehlin. Ouvrage traduit de l′allemand. (1787). Strassbourg, Paris.

Anekdoty o imperatore Petre Velikom, slyshannye ot raznykh znatnykh osob i sobrannye pokoynym deystvitel'nym statskim sovetnikom Yakovom Shtelinym [Anecdotes about Emperor Peter the Great, as Heard from Various Persons of Distinction and Collected by the Late Councellor of State Jacob Stäehlin]. (1788). Moscow, [b. i.].

Artem′eva, T. V. (1998). Ideya istorii v Rossii XVIII veka [The Idea of History in 18th Century Russia]. In *Filosofsky vek: Al'manakh.* 267 p. Sankt Petersburg.

Artem′eva, T. (2001). Die ‘Rhetorische Schule’ in der russischen Historiographie. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrzg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte* (S. 537–577). Berlin.

Auszug Russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Koiuisensis. (1732–1736). In *Sammlung Rußischer Geschichte, 1,* S. 9–26; *2,* S. 93–113; *3*, S. 171–195; *4,* S. 349–358; *5,* S. 359–406; 6, S. 455–494.

Avis du traducteur (1769). In Lomonossow, M. *Histoire de la Russie depuis l'origine de la nation russe jusqu'à la mort du Grand-Duc Jaroslaws Premier* (pp. 3–20). Dijon.

Bacmeister, H. L. C. (1774–1776). *Beiträge zur Geschichte Peters des Großen*. 526 + 244 S. Riga.

Bacmeister, H. L. C. (1768). Vorbericht des Uebersetzers. In Lomonossow, M. *Alte Russische Geschichte von dem Ursprunge der Russischen Nation bis auf den Tod des Grosfürsten Jaroslaws des Ersten, oder bis auf das Jahr 1054* (pp. 2–4). Riga.

Berdinskikh, V. (2009). *Remeslo istorika v Rossii* [The Craft of the Historian in Russia]. 608 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Bobrov, A. G. (2014). *Proiskhozhdenie i sud'ba Musin-Pushkinskogo sbornika so “Slovom o polku Igoreve”* [The Origins and the Fate of the Musin-Pushkin Collection with *The Tale of Igor's Campaign*]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, Vol. 62,* pp. 528–553. Sankt Petersburg.

Boltin, I. N. (1789). *Otvet General Mayora Boltina na pis'mo knyazya Shcherbatova, Sochinitelya Rossiyskoy Istorii* [Maj.-Gen. Boltin's Answer to a Letter by Prince Shcherbatov, Author of Russian History]. 181 p. Sankt Petersburg, Tipografiya Gornago Uchilishcha.

Boltin, I. N. (1788–1794). *Primechaniya na istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii gospodina Leklerka, sochinennyya general mayorom Ivanom Boltinym* [Comments on the History of Old and New Russia of de M. Le Clerc Composed by Major General Ivan Boltin]. 624 p. Sankt Petersburg, Tipografiya Gornago Uchilishcha.

Cross, A. (1993). Anglo-Russica: Aspects of cultural relations between Great Britain and Russia in the eighteenth and early nineteenth centuries. 269 p. Oxford-Providence.

Emin, F. A. (1767–1769). *Rossiyskaya istoriya zhizni vsekh drevnikh ot samago nachala Rossii gosudarey, vse velikiya i vechnoy dostoynyya pamyati imperatora Petra Velikago deystviya, ego naslednits i naslednikov emu posledovanie i opisanie v Severe zlatago veka vo vremya tsarstvovaniya Ekateriny Velikoy v sebe zaklyuchayushchaya* [Russian History. The life of All the Old Russian Monarchs from the Very Beginning…]. 452 + 522 + 460 p. Sankt Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk.

Feinstein, M. S. (2002). *“I slavu Frantsii v Rossii prezvoyti…” : Rossiyskaya akademiya (1783–1941) i razvitie kul'tury i gumanitarnykh nauk* [Russia Will Surmount the Fame of France. The Russian Academy and the Development of Culture and the Humanities]. 192 p. Moscow, Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Fomin, V. V. (2012). M. V. Lomonosov i russkaya istoricheskaya nauka [M. V. Lomonosov and Russian History]. In Fomin, V. V. (Comp.). *Slovo o Lomonosove* (pp. 138–207). Moscow, Russkaya panorama.

France, P. (2004). Fingal in Russia. In Gaskill, H. (Ed.). *The reception of Ossian in Europe* (pp. 259–273). London.

Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nago knyazya Novagoroda-Severskago Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinym russkim yazykom v iskhode XII stoletiya s perelozheniem na upotreblyaemoe nyne narechie [The Heroic tale of the Campaign against the Polovtsians by Prince Igor Svyatoslavovich of Novgorod Seversky…]. (1800). 46 p. Moscow.

Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698. Jusqu'a la conclusion de la paix de Neustadt. (1773). 501 p. Berlin.

Karamzin, N. M. (1984). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. 672 + 456 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.

Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vypusk 1. XVIII vek [Catalogue of personal archival resources of Russian historians. Part 1. The 18th century]. (2001). 368 p. Moscow, Editorial URSS.

Keenan, E. L. (2003). *Joseph Dobrovský and the origins of the Igor' Tale.* 541 p. Cambridge (MA).

Keipert, H. (2004). Russischlernen im 18. Jahrhundert. In *Zeitschrift für Slavische Philologie, 1,* S. 70–95.

Khlevov, A. (2009). La question normande et l'évolution de l'historiographie russe au XVIIIe siècle. In Mervaud, M. & Viellard, S. (Eds.). *Naissance de l'historiographie russe* (pp. 145–162). Toulouse.

Kočetkova, N. D. (2001). Geschichte und historische Kenntnisse im aufklärerischen Programm der russischen Freimaurer. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrzg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte* (S. 579–587). Berlin.

Kolominov, V. V. & Faynshteyn M. Sh. (1986). *Khram muz slovesnykh: (Iz istorii Rossiyskoy akademii)* [The Temple of the Muses of Literature (on the History of the Russian Academy]. 150 p. Leningrad, Nauka.

Kostin, A. G. (2014). *Slovo o polku Igoreve – poddelka tysyacheletiya* [*The Tale of Igor's Campaign* – A Falsification of the Millennium]. 432 p. Moscow, Algoritm.

Kozlov, V. P. (1988). *Kruzhok A. I. Musina-Pushkina i "Slovo o polku Igoreve" : Novye stranitsy istorii drevnerusskoy poemy v XVIII v.* [A. I. Musin-Pushkin's Circle and *The Tale of Igor's Campaign*. New Pages in the History of the Old Russian Poem in the 18th Century]. 272 p. Moscow, Nauka.

Kurzgefaßtes Jahrbuch der Rußischen Regenten... (1775). In *Allgemeine Deutsche Bibliothek, Band 24, № 1,* S. 483.

Letopis' Nestora s prodolzhatelyami po Kenigsbergskomu spisku, do 1206 goda [Nestor's Chronicle with Additions according to the Konigsberg Copy]. (1767). 301 p. Sankt Petersburg.

Levesque, P. C. (1783). *Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes.* 537 + 500 pp. Paris.

Levin, Yu. D. (1983). *Ossian v russkoy literature: Konets XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Ossian in Russian Literature: Late 18th – 1st third of the 19th Centuries]. 208 p. Leningrad, Nauka.

Levitt, M. C. (1998). An Antidote to Nervous Juice: Catherine The Great's Debate with Chappe d'Auteroche over Russian Cultur. In *Eighteenth-Century Studies 32, 1,* pp. 49–63.

Likhachev, D. S. (1957). *Istoriya podgotovki k pechati teksta "Slovo o polku Igoreve" v kontse XVIII v.* [The History of the Edition of *The Tale of Igor's Campaign* in the Late 18th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, Vol. 13,* pp. 66–89. Leningrad.

Likhachev, D. S. (1960). *Istoriya podgotovki* [The History of the Edition of *The Tale of Igor's Campaign*]. In Dmitriev, L. A. (Comp.). *Istoriya pervogo izdaniya Slova o polku Igoreve: materialy i issledovaniya* (pp. 269–368). Moscow, Leningrad.

Lomonosoff, M. (1771). *Kurzgefaßtes Jahr-Buch der russischen Regenten.* 72 p. Riga.

Lotman, Yu. M. (1997). *Karamzin. Sotvorenie Karamzina, statyi i issledovaniya 1957–1990, zametki i retsenzii* [Karamzin: Karamzin's Works, Articles and Research, 1957–1990]. 829 p. Sankt Petersburg, Iskusstvo-SPb.

Lotman, Yu. M., Tolstoy, N. I. & Uspensky, B. A. (1981). *Nekotorye voprosy tekstologii i publikatsii literaturnykh pamyatnikov XVIII veka* [Some Questions about the Textology and Publications of Literary Monuments of the 18th Century]. In *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka, 4 (40),* pp. 312–323.

Lyubimov, V. P. (1940). *Spiski Pravdy Russkoy* [Copies of the *Russkaya Pravda*]. In Grekov, B. D. (Comp.). *Pravda Russkaya : v 2 t. Vol. 1,* pp. 11–54. Moscow, Leningrad.

Lyubopytnye i dostopamyatnyya skazaniya o imperatore Petre Velikom. Izobrazhayushchiya istinnoe svoystvo sego premudrago gosudarya i ottsa otechestva, sobrannyya v techenie soroka let deystvitel'nym" statskim" sovetnikom" Yakovom" Shtelinym" [Curious

and Memorable Stories about Emperor Peter the Great Depicting the Real Character of This Wise Monarch and Father of the Country, Collected during Forty Years by Councillor of State Jacob Stäehlin]. (1786). Sankt Petersburg, Tipografiya M. Ovchinikova.

Mazon, A. (1963). Pierre-Charles Levesque, humaniste, historien et moraliste. In *Revue des études slaves, 42,* pp. 7–66.

Mervaud, M. (2009). Voltaire historien de la Russie: vérité ou histoire militante? In Mervaud, M. & Veillard, S. (Eds.). *Naissance de l'historiography russe* (pp. 229–259). Toulouse.

Mervaud, M. (2009). "Histoire d'Azov" de Gottlieb Siegfried Bayer In Mervaud, M. & Veillard, S. (Eds.). *Naissance de l'historiography russe* (pp. 17–71). Toulouse.

Mezin, S. A. (2003). *Vzglyad iz Evropy. Frantsuzskie avtory XVIII v. O Petre* I [A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. 231 p. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta.

Miller, G. F. (1755). *O pervom letopisatele Rossiyskom prepodobnom Nestore, o ego letopisi i o prodolzhatelyakh onyya* [About the First Russian Chronicle, Reverend Nestor, His Chronicle, and His Successors]. In *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie, 1,* pp. 275–298.

Miller, G. F. (2006). *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. 812 p. Moscow, Moskovskie uchebniki i kartolitografiya, Yanus-K.

Miller, G. F. (Kamensky, A. B. (Comp.)). (1996). *Sochineniya po istorii Rossii : Izbrannoe* [Works on the History of Russia]. 448 p. Moscow, Nauka.

Moiseeva, G. N. (1976). *Arkheograficheskoe deyatel'nost' N. I. Novikova* [N. I. Novikov's Archaeographical Activities]. In *XVIII vek, Vol. 11,* pp. 24–36.

Müller, G. F. (1732). *Sammlung Rußischer Geschichte.* Band 1, S. 1–8. Sankt Petersburg.

Müller, G. F. (1768). Origines gentis et Nominis Russorum… In Gatterer, J. (Hrsg.). *Allgemeine historische Bibliothek, B. 5,* S. 283–340. Halle.

Naumova, G. R. & Nikonov, A. V. (2014). *M. V. Lomonosov v otechestvennoy istoriografii* [Lomonosov in Russian History]. In Gladkov, A. K. (Comp.). *"Znatnym ukrasheniem Otechestvu posluzhivshiy…" : Tvorchestvo M. V. Lomonosova i kul'tura Rossii Novogo vremeni,* pp. 369–382. Moscow, Sibirskaya blagozvonnitsa-M.

Nestor. Russkiya letopisi na Drevne-Slavenskom yazyke, slychennyya, perevedennyya i ob"yasnennyya Avgustom Ludovikom Shletserom: [v 3 ch.] [Nestor. Russian Chronicles in Old Slavonic, Transcribed, Translated and Commented by A. L. Schlozer]. (1809). 475 p. Sankt Petersburg, V Imperatorskoy tip.

Nikolaev, S. I. (Ed.). (2006). *Petr I v russkoy literature XVIII veka. Teksty i kommentarii* [Peter I in Russian Literature of the 18th Century. Texts and Comments]. 449 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Novikov, N. I. (1773). *K chitatelyu* [To the Reader]. In *Drevnyaya Rossiyskaya Vivliofika, 1.*

Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisannaya: prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 g.; izvestiya o togdashney russkoy literature [The Public and Private Life of A. L. Schlozer Written by Himself: His Stay and Service in Russia from 1761 until 1765]. (1875). 531 p. Sankt Petersburg, [b. i.].

Pekarsky, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom : v 2 t. T. 1. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII veka* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. Volume I: Introduction to the History of the Enlightenment in Russia in the 18th Century]. 578 p. Sankt Petersburg, Izdanie Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol′za".

Peters, M. (2003). *Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809).* 527 S. Münster.

Peters, M. & Winkelmann, D. (2006). Netzwerk aus Kalkül: Die Karriere August Ludwig Schlözers in St. Petersburg. In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert : Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (S. 125–138). Göttingen, Bonn.

Pis'mo knyazya Shcherbatova, Sochinitelya Rossiyskoy istorii, k odnomu ego priyatelyu, v opravdanie Na nekotorye skrytye i yavnye okhuleniya uchinennyya ego Istorii ot Gospodina General-Mayora Boltina, tvortsa Primechanii na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii, G. Leklerka [Letter from Prince Shcherbatov, author of Russian History, to one of his Friends…]. (1789). 624 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannye iz ust znatnykh osob v Moskve i Sanktpeterburge, izdannye v svet Yakovom fon Shtelinym, a na rossiyskoy yazyk perevedennye Karlom Rembovskim [Real Anecdotes about Peter the Great, Heard from Persons of Distinction in Moscow and Saint Petersburg and Published by *Jacob von* Stäehlin and Translated into the Russian Language by Carl REmbovsky]. (1786). (1787?, 1789?, 1793–1800). Moscow, v vol′noy tipografii M. Ponomareva.

Pravda russkaya, ili Zakony velikikh knyazey Yaroslava Vladimirovicha i Vladimira Vsevolodovicha Monomakha. S prelozheniem Drenyago onykh narechiya i sloga na upotrebitel'nye nyne, i s ob"yasneniem slov i nazvany iz upotrebleniya vyshedshikh [*The Russkaya Pravda* or the Laws of the Grand Prince Yaroslav Vladimirovich…]. (1792). 100 p. Sankt Petersburg, Tipografiya Svyateyshego pravitel′stvuyushchego Sinoda.

Predlozhenie, kak ispravit' pogreshnosti, nakhodyashchiesya v inostrannykh pisatelyakh, pisavshikh o Rossiyskom gosudarstve [A Suggestion about how to Correct the Errors of the Foreign Writers who Wrote about the Russian State]. (1757). In *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie, 5,* pp. 224–231.

Primechaniya na otvet gospodina general mayora Boltina, na pis'mo knyazya Shcherbatova, soderzhashchiya v sebe lyubopytnyya i polznyya svedeniya dlya lyubiteley Rossiyskoy Istorii, takozh istinyya opravdaniya i pryamyya dokazatel'stva protiv ego vozrazhzniy, kritiki i okhuleny [Comments on the Answer by Maj. Gen. Boltin…]. (1792). 624 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Priyma, F. Ya. (1970). *Georg Forster – perevodchik Lomonosova* [Georg Forster as Translator of Lomonosov]. In *Russkaya literatura na Zapade: stat'i i razyskaniya* (pp. 77–90). Leningrad, Nauka.

Rak, V. D. (2008). *Stat'i o literature XVIII veka* [Articles on 18th Century Literature]. 640 p. Sankt Petersburg, Pushkinsky dom.

Reed, T. J. (2015). *Light in Germany: Scenes from an Unknown Enlightenment*. 284 p. Chicago.

Russkaya letopis' po Nikonovu spisku: v 8 ch. Ch. 1. Do 1094 goda [The Russian Chronicle according to Nikon's Copy. 8 vols. Part 1, until 1094]. (1767). 198 p. Sankt Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Rzheutsky, V. S. (2010). *V teni Shuvalova: Frantsuzskiy kul'turnyy posrednik v Rossii baron de Chudi* [In the Shadow of Shuvalov: A French Cultural Intermediary in Russia: Baron de Tschudy]. In *Novoe literaturnoe obozrenie, 105,* p. 91–124.

Rzheutsky, V. S. (2011). *Baron de Chudi – perevodchik Lomonosova: K istorii perevoda i perevodchikov v Rossii epokhi prosveshcheniya* [Baron de Tschudy – a Translator of Lomonosov's Works. On the History of Translation and Translators in the Russian Age of Enlightenment]. In *Lomonosov. Sbornik statey i materialov* (pp. 269–280). Sankt Petersburg, Nauka.

Savel′eva, E. A. (2010). *Petrovskaya kopiya "Radzivillovskoy letopisi" kak pamyatnik redaktorskoy i izdatel'skoy deyatel'nosti serediny XVIII veka* [The Copy of the *The Radziwiłł Chronicle* Made on behalf of Peter I as a Monument of Editorial and Publishing Activities in the Mid-18th Century]. In Leonov, V. P. (Comp.). *Sbornik nauchnykh trudov (po materialam nauchnykh konferentsiy BAN)* (pp. 186–194). Sankt Petersburg.

Schippan, M. (2012). Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. 493 S. Wiesbaden.

Schlözer, A. L. (1802–1809). Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grund-Sprache verglichen, übers. und erklärt von August Ludwig Schlözer. 340 + 340 + 363 S. Göttingen.

Schlözer, A. L. (1802). August Ludwig Schlözer′s öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 308 S. Göttingen.

Scholz, B. (2000). *Nemetsko-rossiyskaya polemika po "varyazhskomu voprosu" v Peterburgskoy akademii* [The German-Russian Polemics about the "Varangian Question" in the Petersburg Academy]. In Karp, S. Ya., Shlobakh, Y. & Sokol′skaya, N. F. (Comp.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke: Vstrecha kul'tur* (pp. 105–116). Moscow.

Scholz, B. (2000). Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft : Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. 457 S. Wiesbaden.

Shishkov, A. S. (1805). *Primechaniya na drevnee sochinenie, nazyvaemoe Istoricheskaya pesn' o pokhode na polovtsev, ili Slovo o polku Igorovom* [Comments on an Old Work, Known as The Heroic Tale of the Campaign against the Polovtsians or the Tale of Igor's Campaign]. In *Sochineniya i perevody, izdavaemye Rossiyskoyu Akademieyu, Part 1,* pp. 23–234.

Slovar' russkikh pisateley XVIII veka [A Dictionary of Russian Authors of the 18th Century]. (1988–2010). Sankt Petersburg, Nauka. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=460.

Slovo o polku Igoreve: parallel'nyy korpus perevodov [Parallel corpus of translations of *The Tale of Igor's Campaign*]. URL: nevmenandr.net/slovo/.Parallel′nyj_korpus (mode of access: 21.03.2016).

Solov′ev, S. M. (1855). *Pisateli russkoy istorii XVIII veka Mankiev, Tatishchev, Lomonosov, Tred'yakovskiy, Shcherbatov, Emin, Elagin, mitropolit Platon* [Authors of Russian History in the 18th Century: Mankiev, Tatishchev, Lomonosov, Trediakovsky, Shcherbatov, Emin, Elagin, Metropolitan Platon]. In *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy otnosyashchikhsya do Rossii, 2, № 1, Part III,* pp. 3–82.

Somov, V. A. (1986). *Frantsuzskaya "Rossika" epokhi prosveshcheniya i russkiy chitatel'* [The French "Rossica" of the Age of the Enlightenment and the Russian Reader]. In Luppov, S. P. (Comp.). *Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v. Ocherki istorii* (pp. 173–245). Leningrad, Nauka.

Somov, V. A. (2002). Pierre-Charles Levesque, protégé de Diderot et historien de la Russie. In *Cahiers du monde russe, 43, № 2-3,* pp. 275–294.

Stäehlin, Ja. (1787). Anecdotes originales de Pierre le Grand: Recueillies de la conversation de diverses personnes de distinction de S. Pétersbourg & de Moscou. Par m. de Staehlin : Ouvrage traduit de l'allemand. Strassbourg, Paris.

Starchevsky, A. V. (1845). *Ocherk literatury russkoy istorii do Karamzina* [Overview of Russian Historical Literature up to Karamzin]. 292 p. Sankt Petersburg, [b. i.].

Sudebnik Tsarya i Velikago Knyazya Ivana Vasil'evicha, Zakony iz iustinianovykh knig, Ukazy dopolnitel'nye k Sudebniku i Tamozhennyy ustav Tsarya i Velikago knyazya Ivana Vasil'evicha [The Code of Law of Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich, Laws from Justinian's Corpus, Additional Decrees to the Code of Law and Customs Regulations of Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich,]. (1768). 138 p. Sankt Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Sverdlov, M. V. (2011). *M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoy nauki v Rossii* [Lomonosov and the Emergence of History as a Science in Russia]. 916p. Sankt Petersburg, Nestor-Istoriya.

Tolochko, A. P. (2005). *"Istoriya Rossiyskaya" Vasiliya Tatishcheva: Istochniki i izvestiya* [Vasily Tatishchev's *History of Russia*: Sources and Information]. 543 p. Kiev, Kritika.

Tyulichev, D. V. (1988). *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' Peterburgskoy Akademii Nauk i M.V. Lomonosov* [Publishing at Saint Petersburg Academy of Sciences and M. V. Lomonosov]. 280p. Leningrad, Nauka.

Usitalo, S. A. (2013). *The invention of Mikhail Lomonosov: a Russian national myth*. 298 p. Boston.

Valk, S. N. (1958). *I. N. Boltin i ego rabota nad Russkoy Pravdoy* [I. N. Boltin and His Edition of the *Russkaya Pravda*]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, Vol. 14,* pp. 650–656. Sankt Petersburg.

Valk, S. N. (1960). *Russkaya Pravda v izdaniyakh i izucheniyakh XVIII – nachala XIX veka* [The *Russkaya Pravda* in 18th and Early 19th Centuries Publications and Studies]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1958 god* (pp. 123–159). Moscow, Nauka.

Valk, S. N. (1962). Un mémoire de Pierre-Charles Levesque sur la Russkaja Pravda. In *Revue des études slave, 41,* pp. 7–25.

Valk, S. N. (1976). *Eshche o Boltinskom izdanii Pravdy Russkoy* [Once again on Boltin's Edition of the *Pravda Russkaya*]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, Vol. 30,* pp. 324–331. Sankt Petersburg.

Voltaire. Anecdotes sur le czar Pierre le Grand. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. (1999). 1338 p. Oxford.

Vovina-Lebedeva, V. G. (2004). *Iozef Dobrovsky – issledovatel' russkogo letopisaniya* [J. Dobrovsky as a Scholar of Russian Chronicles]. In Karp, S. Ya. & Mezin, S. A. (Comp.). *Evropeyskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* (pp. 314–317). Moscow, Nauka.

Vovina-Lebedeva, V. G. (2011). *Shkoly issledovaniya russkikh letopisey: XIX–XX vv.* [Research Schools of the Russian Chronicles: 19th–20th Centuries]. 928 p. Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Winter, E. (Hrsg.). (1953). *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert.* 502 S. Berlin.

Z (=Schlözer, A. L.) Kurzgefaßtes Jahr-Buch der Russischen Regenten, aus dem Rusβischen des Hrn. Etaats-Raths Michaila Lomonossoff übersezt dur Peter von Stählin. (1765). In *Allgemeine Deutsche Bibliothek, Band. 8, 1. Stück,* S. 101–105.

Zaborov, P. R. (1978). *Russkaya literatura i Vol'ter XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Russian Literature and Voltaire in the 18th and the 1st third of the 19th Centuries]. 264 p. Leningrad, Nauka.

The article was submitted on 15.03.2016
Translated by Tatiana Kuznetsova, Yulia Kuvashova

© Kuznetsova T., Kuvashova Y., translation, 2016

Recensiones

Recensiones

DOI 10.15826/qr.2016.2.168
УДК 050.22:001.31+001.814+014.3(051)

ПЯТИЛЕТИЕ ЖУРНАЛА «НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ»: НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И СМЕЛЫЕ ИДЕИ

Валерий Каминский
независимый исследователь,
Ашдод, Израиль

THE FIFTH ANNIVERSARY OF *THE CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA*: SCHOLARLY POTENTIAL, NEW SOURCES, AND AUDACIOUS IDEAS*

Valery Kaminsky
Independent Researcher,
Ashdod, Israel

The article is devoted to the fifth anniversary of the interdisciplinary Russian journal *The Contemporary History of Russia*. The journal started publication in June 2011. Before the end of 2015, nearly 300 articles and other items have appeared. NIR differs from other academic and historical publications in a number of ways. Firstly, the journal initially declared that its aim was to 'combine on its pages the efforts of historians, political scientists, economists, sociologists, psychologists, and all of those who research 20th-century Russian history in an attempt to overcome one-dimensional accounts of Russian historical development'. Secondly, while the items published in NIR have a strictly academic character, they are of interest to the general public. Thirdly, the approach of the editorial board to selected publications is distinguished by academic impartiality, objectivity, and a high level of tolerance. The article

* *Citation*: Kaminsky, V. (2016). The Fifth Anniversary of *The Contemporary History of Russia*: Scholarly Potential, New Sources, and Audacious Ideas. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 233–266. DOI 10.15826/qr.2016.2.168.

Цитирование: *Kaminsky V.* The Fifth Anniversary of *The Contemporary History of Russia*: Scholarly Potential, New Sources, and Audacious Ideas // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 233–266. DOI 10.15826/qr.2016.2.168 / *Каминский В.* Пятилетие журнала «Новейшая история России»: научный потенциал, новые источники и смелые идеи // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 233–266. DOI 10.15826/qr.2016.2.168.

© Каминский В., 2016

attempts to collectively analyse a large number of the scholarly papers published by the journal between 2011 and 2015. The author categorises these materials into several thematic sections related to methodology, sources, and the subject of study.

Keywords: academic articles; "*Contemporary History of Russia*"; interdisciplinary research; scientific reference apparatus.

Статья посвящена пятилетию деятельности российского научно-теоретического междисциплинарного журнала «Новейшая история России». Журнал начал выходить в июне 2011 г. С этого времени и до конца 2015 г. на его страницах было опубликовано порядка 300 академических материалов различной направленности. Издание изначально было объявлено междисциплинарным, журнал был призван объединить на своих страницах усилия историков, политологов, экономистов, социологов, психологов – всех тех, кто занимается исследованием истории России XX в. в попытке преодолеть односторонность в оценках российского исторического процесса. Хотя материалы журнала носят строго академический характер, они представляют интерес для широкой публики, интересующейся проблемами истории минувшего столетия и современности. Подход редколлегии к отбираемым материалам отличают академическая непредвзятость, объективность и высокий уровень толерантности. В статье сделана попытка взвешенного анализа нескольких десятков научных публикаций, увидевших свет на страницах журнала за 2011–2015 гг. Эти материалы автор распределил по 16 тематическим разделам, не только выявив источниковедческие, концептуальные и методологические достоинства тех или иных публикаций, но и указав на возможные недостатки, прежде всего в использовании элементов научно-справочного аппарата.

Ключевые слова: академический журнал; «Новейшая история России»; междисциплинарные исследования; научно-справочный аппарат.

Предыстория журнала и его задачи

Журнал «Новейшая история России» (НИР) вобрал в себя критический опыт издания научного журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета» (серия 2), в соответствии с запросами современности изменив формат публикации материала и заострив его подачу. На этой волне в самом начале 2011 г. родилась идея создания нового журнала, который объединил бы научные силы не только историков, но и других гуманитариев в изучении новейшей истории России. Редактором и главным организатором журнала стал профессор университета Михаил Викторович Ходяков. Первый номер вышел в июне 2011 г., в июне 2015 г. было отмечено четырехлетие со дня рождения НИР, и журнал благополучно вступил в пятый год своего существования.

Журнал, посвященный истории XX в., сегодня социально востребован, что было отмечено в редакционной статье к первому номеру: «Новейшая история… уже давно стала самостоятельной научной дисциплиной, которую изучают и преподают во всех крупных университетах России и зарубежья» (2011, № 1). Редколлегия во главе с главным редактором М. В. Ходяковым взялась за архитрудную задачу – регулярно представлять на страницах журнала академический материал по истории минувшего столетия и современности, причем делать это, по выражению древнего коллеги-классика, *sine ira et studio*[1]. И сложность не только в том, что перед НИР, как и перед всяким научным журналом, встает непростая задача поиска академических материалов и интересных авторов, пишущих по соответствующей тематике. Существует вполне реальная опасность нарушения важного *принципа историзма,* сущность которого Дж. Тош объясняет следующим образом: «Историческое сознание… основывается на трех принципах. Первый и наиболее фундаментальный из них – это *различие,* то есть признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть. Ответственность историка в первую очередь состоит в учете различия между прошлым и настоящим; и соответственно, одним из величайших его прегрешений является бездумная убежденность в том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы» [Тош, с. 18]. По ряду параметров НИР имеет ряд преимуществ перед многими другими научно-историческими журналами.

Во-первых, НИР изначально был объявлен междисциплинарным журналом, который «призван объединить на своих страницах усилия историков, политологов, экономистов, социологов, психологов, всех тех, кто занимается исследованием истории России XX века в попытке преодолеть односторонность в оценках российского исторического процесса», что было отмечено в редакционной статье (2011, № 1). Во-вторых, хотя материалы НИР носят строго академический характер, они уже сегодня представляют интерес для широкой публики, интересующейся проблемами истории минувшего столетия и современности[2]. Реализация этого интереса облегчается тем, что с первого своего номера сайт журнала открыт и доступен для всех [Новейшая история России]. В-третьих, заслуживает уважения высокое полиграфическое качество журнала в сочетании с богатством иллюстративных материалов.

Подход редколлегии к отбираемым материалам отличают академическая непредвзятость, объективность и *высокий уровень толерантности*. Журнал публикует материалы на различные темы, включая и недавно еще закрытые по политическим или иным соображениям,

[1] Без гнева и пристрастия (*лат.*). Эта фраза приписывается древнеримскому историку Тациту.

[2] См., например отклики на публикации в журнале в социальных сетях и на интернет-форумах: URL: https://www.facebook.com/journalnir/timeline (дата обращения: 07.03.2016); URL: http://istorya.pro/fevral'skaya-revolyutsiya-1917-goda-glazami-istorikov-t1456603406.html#1456603406 (дата обращения: 07.03.2016).

если только авторский материал выдержан в академическом стиле и достаточно доказателен. Редколлегия не чуждается дискуссионных оценок и с вниманием относится к материалам критической направленности.

Тематическое многообразие журнала наглядно представлено ниже (табл.).

Тематическое многообразие журнала «Новейшая история России»

№	Тематика научных статей	Кол-во статей
1	Методология	2
2	Проблемы источниковедения	15
3	«Русская смута» 1917–1922 гг.	23
4	Новая история КПСС	12
5	История государственных учреждений	12
6	История ГУЛАГа: политические репрессии, жизнь в лагерях, реабилитация	9
7	Военная разведка и контрразведка	8
8	История Великой Отечественной войны	4
9	Военно-социальная история	7
10	История общественных и политических движений. Борьба государства с ними	12
11	Социальная история городской и сельской повседневности	17
12	История в биографиях	16
13	Россия и мир	29
14	Антропология культуры	14
15	Историки об историках	21
16	Политология, социология	7

Методология. НИР отнюдь не случайно начал свое существование с публикации статьи Л. К. Рябовой, специализирующейся на проблемах методологии. Нам остается только пожелать коллеге Л. К. Рябовой в дальнейшем избрать стиль изложения, не столь насыщенный специальной терминологией, что может иметь реальную практическую пользу для начинающего исследователя [Рябова, 2011].

Проблемы источниковедения. В 15 статьях по источниковедению авторы ставят своей главной целью анализ источников и рассматривают самые разнообразные виды последних: воспоминания, школьные рукописные газеты и журналы, документы государственных учреждений и партийного подполья, лингвистические источники, публицистику, провизионные билеты железнодорожников, почтовую переписку иностранных военнопленных [Богомазов; Геращенко; Данилова, Слуцкая; Лебина; Лярский; Мажара; Рябова, 2014; Смирнов, 2014; Твердюкова, 2014; Ходяков, 2014; Циндик, 2014]. Качество статей неравноценно. Так, в «сериале» В. А. Рачковского, посвященном анализу мемуарных источников по истории Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 1917 г., вполне дельная профессиональная критика источников соседствует с «глухими» ссылками[3], а порой и с массовым игнорированием элементов научно-справочного аппарата [Рачковский, 2011; 2012; 2015][4]. Хотелось бы верить, что факт неаккуратного в данном случае отношения к НСА является скорее недоразумением, нежели правилом, ибо, как справедливо указывается в одной из статей, «тщательное отношение к источникам… вообще свойственно ленинградской школе историков…» [Рачковский, Смирнов, 2015, с. 8]. К сожалению, это отношение отличает далеко не всех наших коллег.

«Русская смута» 1917–1920 гг. на страницах журнала представлена 12 академическими статьями и восемью публикациями документов. Их можно условно разделить на материалы, посвященные событиям 1917 г. (7 публикаций), и на остальные, касающиеся периода 1918–1920 гг. Своеобразной прелюдией ко всей теме может служить обнародование статистики о сроках проезда весной-осенью 1917 г. через пограничный пропускной пункт на железнодорожной станции станции Торнео (Финляндия) нескольких сотен русских политэмигрантов, включая В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого [Смолин, с. 24–26, 32, 39].

Пишущего эти строки впечатлила статья о деятельности сестер милосердия в годы революции и Гражданской войны. Автор показала себя виртуозом в деле презентации источников: на весьма малом печатном пространстве она вводит в оборот данные фондов трех архивов [Конохова, 2012]. Продуманным авторским подходом и логичностью изложения отличается статья, посвященная деятельности экономического совета при Временном правительстве в 1917 г. [Кузнецова].

---

[3] «Глухарями» на профессиональном сленге называются ссылки, оставленные без указания конкретных номеров листов и страниц, используемых при прямом цитировании источников.

[4] Наличие в статье добротного научно-справочного аппарата (далее – НСА) – качество, гарантирующее адекватность выводов и обеспечивающее доверие к автору и журналу. Мною проделана работа по выявлению лакун в статьях при цитировании фактологического и теоретического плана. Задачи данной статьи и ее границы не позволяют подробно приводить все замечания, но условие обеспечения статьи научно-справочным аппаратом должно серьезно ставиться редколлегией журнала в дальнейшем и прописываться в требованиях к научной публикации. Было бы неплохо посвятить этому разговор в формате круглого стола редакции. Аналитическая записка о состоянии НСА в статьях, которую я готов предоставить в редколлегию журнала, может помочь в выявлении пробелов в научной доказательности.

Заслуживает положительной оценки взвешенная статья И. С. Ратьковского о восстановлении смертной казни на фронте летом 1917 г., хотя с точки зрения фактографии она несколько реферативна [Ратьковский, 2015]. Статья о политическом насилии в Петроградском гарнизоне весной-летом 1917 г. привлекает попыткой посмотреть на события прошлого как бы со стороны, а также использованием сравнительно-исторического метода исследования [Тарасов].

В авральной обстановке подготовки номера, посвященного 100-летнему юбилею Первой мировой войны, на страницы журнала проникли менее серьезные материалы. Речь идет о статьях рязанских авторов П. В. Акульшина и И. Н. Гребенкина. Статья Акульшина является популяризаторской, ибо не дает практически никакой новой информации. Ниже всякой критики выглядит здесь и состояние НСА: в массовом порядке присутствуют не только фактографические фрагменты вообще без ссылок на источники, но и «глухари» [Акульшин]. Столь же недостаточный научный уровень имеет статья И. Н. Гребенкина, где можно отметить ряд несообразностей. К таковым относится, в частности, утверждение автора, что «офицерский корпус [Русской императорской армии] всегда включал не менее 50 % представителей привилегированных сословий» [Гребенкин, с. 146].

Гражданская война 1918–1920 гг. также представлена различными по качеству статьями. Т. В. Ковалева аргументированно пишет о перемещении столицы «Совдепии» из Петрограда в Москву в марте 1918 г. Привлекая в качестве источника прессу тех дней, автор не только представляет общую картину социальных настроений Петрограда к марту 1918 г., но и вскрывает главную причину эвакуации правительства Ленина в Москву – стремление любой ценой сохранить захваченную власть [Ковалева]. Статья А. С. Пученкова, посвященная краху режима П. Скоропадского в Киеве в конце 1918 г., могла бы быть признана академичной, если бы не излишняя авторская эмоциональность и многочисленные фактографические фрагменты вне системы ссылок [Пученков, 2011, с. 64, 67]. В материале Пученкова, посвященном началу Гражданской войны на Кубани, также допущены небрежности в научном обосновании выводов [Пученков, 2013].

Новая история КПСС представлена 11 академическими статями и одной публикацией документов. Не вина историков, что этот раздел науки в советские времена был настолько политизирован, что превратился, по сути, в часть официальной политики и идеологии. Тем более следует приветствовать появление на страницах НИР работ авторов, пытающихся сегодня непредвзято смотреть на историю партии, в течение 74 лет правившей огромной империей. С. С. Войтиков опубликовал в журнале три статьи, хронология которых охватывает период первых полутора лет пребывания большевиков у власти (исход 1917 – начало 1919 г.). Автор хорошо знает тему, о которой пишет, и доступным языком излагает богатый фактический материал. Привлекает внимание вывод Войтикова о том, что у основателя партии

В. И. Ленина в 1918 – начале 1919 г. был опасный политический соперник Я. М. Свердлов, и Ленин в 1918 г. активно поддерживал И. В. Сталина, используя его как противовес Л. Д. Троцкому [Войтиков, 2015]. В статье, посвященной заключению Брестского мира, вышеупомянутый автор вводит в научный оборот данные из четырех архивов. Впечатление снижает некоторая сумбурность в изложении: авторская мысль «скачет» по различным хронологическим периодам, что можно посчитать оправданным только в отношении периода 1918 г., заявленного в названии [Войтиков, 2014]. В статье о дискуссии по военному вопросу, развернувшейся внутри большевистской партии к 1919 г., Войтиков делает любопытный вывод, что «председатель РВСР [Л. Д. Троцкий], к которому уже привыкли бывшие офицеры и генералы, очевидно, предпочел сделать ставку на них, а не [на] партийных работников» [Там же, с. 14]. Факт, что уже «с весны 1918 г. Л. Д. Троцкий доказывал на партийных форумах необходимость постановки военных специалистов на ответственные должности в Красной армии, прекрасно зная им цену», и целеустремленно проводил указанный курс в жизнь [Там же, с. 9], оспаривать не приходится. Однако автор явно преувеличил роль Троцкого как «гонителя военных комиссаров». Утверждая это, Войтикову следовало бы привести более подробную информацию о репрессиях Троцкого, однако автор ограничился упоминанием только одного расстрелянного комиссара М. Пантелеева [Там же, с. 12]. Ряд положений этой статьи нуждается в поправках и уточнениях. Так, автор пишет: «Если, руководя центральным аппаратом управления РККА в Москве, Троцкий не мог не видеть, как прекрасно работают старые военные специалисты, то те из большевистских вождей, кто находился на фронте, *наблюдали постоянные измены бывших офицеров* и прекрасные действия таких красных героев, как К. Е. Ворошилов (курсив наш. – *В. К.*)» [Там же, с. 9]. Это положение оставлено без ссылки на источники, что снижает его научную ценность. Во-вторых, из контекста следует, что автор явно иронизирует в отношении «военных талантов» Ворошилова, но тогда почему слова «красных героев» не поставлены в кавычки? Следует заметить, что военспецы к началу 1919 г. «прекрасно работали» не только в центре, но и на местах [Каминский, 2011, с. 433–661]. Наконец, Войтиков полагает, что «в условиях массового красного террора… гонениям подвергались и военные специалисты, и их семьи…», но при этом отсутствуют ссылки на источник [Войтиков, 2014, с. 10]. Это положение также мало соответствует действительности [Каминский 2011, с. 187, 423]. Лучшей из работ, опубликованных С. С. Войтиковым в журнале, представляется статья о противостоянии И. В. Сталина и Я. М. Свердлова осенью 1918 г. в Царицыне, изложение которой отличается внутренней логикой и последовательностью [Войтиков, 2015].

В рамках новой историко-партийной тематики следует отметить выдержанную в академическом тоне, логично построенную и доказательную трилогию недавно ушедшего В. А. Кутузова об А. А. Жданове,

хотя и написанную почти без упоминания архивных материалов [Кутузов, 2011; 2012; 2013]. Качество исследования К. А. Болдовским аппарата Ленинградской партийной организации в первые послевоенные годы существенно снижено некорректностью справочного аппарата [Болдовский]. Выгодно в этом отношении отличается статья Г. Ципурского, посвященная «младшему брату» КПСС Ленинскому комсомолу, в которой автор не оставил ни одного фактографического фрагмента без должных ссылок [Ципурский]. Остается только пожелать, чтобы таких качественных статей было в журнале как можно больше.

История государственных учреждений дореволюционной России и СССР представлена 12 материалами, 11 из коих являются академическими статьями, а одна – публикацией документов. Взвешенный и беспристрастный анализ источников представлен в статье А. А. Циндика, посвященной работе правоохранительных органов в Западной Сибири в 1905–1914 гг. [Циндик]. Внушает уважение количество архивов, введенных в оборот Ф. К. Ярмоличем (всего четыре) в статье, рассматривающей кадровый состав органов цензуры в 1950-х – начале 1960-х гг. [Ярмолич, 2012].

В. А. Иванов в работе, посвященной деятельности Ленинградского городского суда в годы Великой Отечественной войны, ввел в оборот материалы трех архивов. Упомянутая публикация интересна тем, что находится на стыке двух дисциплин – истории и юриспруденции [Иванов, 2013]. М. Ф. Флоринский опубликовал вполне профессионально грамотный материал, посвященный деятельности Совета министров Российской империи в период с начала Первой мировой войны до начала Февральской революции 1917 г. Однако впечатлению солидности мешают существенные ошибки в научном аппарате и стилевые особенности статьи. Непомерно длинные, растянутые предложения весьма затрудняют усвоение этого материала [Флоринский]. Добротный анализ такого важного первоисточника, как неопубликованные дневники, демонстрирует в своей статье О. А. Патрикеева [Патрикеева]. Солидно выглядит статья юриста Е. В. Староверовой, посвященная изменению законодательных полномочий российского императора после реформ 1905–1906 гг. Материал выгодно смотрится на грани двух дисциплин – истории и юриспруденции [Староверова]. На одном дыхании читается статья аспиранта РГГУ Р. С. Закирова, посвященная борьбе царской полиции с партией социалистов-революционеров. В актив автора следует занести блестящее владение фактическим материалом и профессионально грамотный анализ первоисточников. Однако впечатление омрачает, на наш взгляд, излишняя склонность молодого ученого к недоказанным предположениям и использованию неоправданных иностранных заимствований вместо русскоязычных терминов [Закиров].

История ГУЛАГа (политические репрессии, жизнь в лагерях, реабилитация) на страницах представлена пока восемью академическими статьями и одной публикацией документов. Материалы

включают в себя исследования всех трех стадий репрессий: арест, заключение, реабилитация. Проблема ареста описана в двух статьях, написанных в соавторстве, они посвящены репрессиям в учреждениях (военные академии Ленинграда) [Лазарев, Мильбах] и в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского [Близниченко, Лазарев, 2014]. Здесь же следует упомянуть трилогию, посвященную репрессиям в «ленинградском деле» [Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф., 2012, 2013, 2015].

Стоит также отметить три статьи М. В. Ходякова и его публикацию документов, посвященных повседневной жизни заключенных в лагерях ГУЛАГа [Ходяков, 2012; 2013; 2014]. Автор выказывает дотошное знание специфики работы с источниками и понимание едва ли не главного принципа научно-исследовательской работы *об относительной точности и полноте источника.* Так, в статье, посвященной побегам иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг., автор отмечает: «Определение точного количества военнопленных, бежавших из лагерей Эстонии в послевоенные годы, не может быть сведено лишь к публикации статистических данных, отложившихся в отчетах Главного управления по делам военнопленных и интернированных. Эти цифры нельзя считать абсолютно точными и исчерпывающими» [Ходяков, 2013, с. 232].

Здесь же следует упомянуть материал Д. Козлова, посвященный отзывам читателей на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Канадский коллега написал скрупулезное исследование, введя в оборот на страницах одной статьи материалы 19 архивных дел [Козлов]. Завершая обзор этой темы, отметим публикацию статьи, посвященную реабилитации жертв политических репрессий, которая исследуется на материалах «ленинградского дела» [Амосова].

Военная разведка и контрразведка (профессиональная деятельность и повседневность) представлены шестью академическими статьями и двумя публикациями документов. Экономической стороне вопроса посвящена статья о бюджете Петроградской ЧК [Ходяков, 2012б]. Статья признанного специалиста по истории деятельности российских спецслужб А. А. Здановича, посвященная «делу Мясоедова» и его последствиям (1915–1917), отличается не только грамотным анализом источников и остроумной критикой его значительно менее компетентных оппонентов, но и отточенным стилем. Заметим только, что А. А. Зданович ошибочно произвел М. Н. Леонтьева еще на середину декабря 1914 г. в чин генерал-лейтенанта [Зданович, с. 243], тогда как уже на 8 февраля 1917 г. он был только генерал-майором, и это был его последний воинский чин в «добольшевистской» армии [Список Генерального штаба, с. 43].

Интересна статья, посвященная работе Петроградской ЧК в 1918 г. Однако, на наш взгляд, ее автор излишне доверяет в своих доказательствах мемуарам, а также такому ненадежному источнику, как «Красная книга ВЧК» [Ратьковский, 2012].

Проблема ликвидации ОУНовцев в войсках Ленинградского фронта в первые месяцы Великой Отечественной войны рассматривается в статье В. А. Иванова. В актив автора следует записать смелость обращения к столь щекотливой теме, учитывая современные события на Украине. Статья написана в очень выдержанном, спокойном стиле, что тем более важно. Кроме того, автор вводит в научный оборот новые материалы из архивов ФСБ [Иванов, 2014].

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на страницах НИР представлена пока что крайне скупо – всего три статьи и одна публикация документов. Особо следует отметить заметку Р. А. Бадикова, посвященную проблематике обороны Псковского укрепленного района в 1941 г., которая отличается строгой аргументацией и обоснованной авторской претензией на новацию. Автор предлагает нарушить устоявшиеся рамки и оценить свежим взглядом содержание начального периода войны, введя в него «понятие обороны Псковского укрепленного района (1941 г.)» [Бадиков, с. 44]. Импонирует также осторожность автора, показывающая понимание всей глубины и сложности научно-исследовательского процесса [Там же, с. 45]. Ю. В. Кривошеев, характеризуя положение советских переселенцев в начале Великой Отечественной на Карельском перешейке, вводит в научный оборот многочисленные данные областного архива г. Выборга [Кривошеев].

Военно-социальная история представлена на страницах журнала пятью статьями и одной документальной публикацией. Все они касаются не глобальных проблем тактики и стратегии, а социально-экономических вопросов, что сближает эту тему с современным направлением исследований повседневной жизни. Сказанное выше вполне применимо и к заметке А. А. Голика, посвященной социальным проблемам дальневосточного казачества в Русско-японской войне 1904–1905 гг. По мнению автора, заявленный регион казачьего расселения значительно слабее изучен в историографии, нежели другие казачьи регионы Российской империи. Однако выбор представляется не вполне удачным для углубленного исследования. В таких условиях для продолжения исследования автор должен, по нашему мнению, сфокусировать свое внимание на широком использовании *метода сравнительного анализа* [Голик].

Статья А. С. Пученкова «Даешь Варшаву!..» является примером скорее популяризации темы, нежели ее научного исследования, ибо автор обходится без единой архивной ссылки, используя широко известные материалы [Пученков, 2012].

Фундаментальные вопросы материально-технического снабжения РККА 1920–1930-х гг. исследует в своих статьях крупный специалист в этой области Е. А. Бочков. В одной из них, рассматривая связь продовольственного снабжения РККА с сельским хозяйством России, автор вводит в оборот материалы четырех архивов, что, бесспорно, повышает ее академическую ценность [Бочков, 2012].

Вторая статья того же автора, посвященная вопросам материально-технического снабжения Дальневосточного фронта РККА в период военного конфликта в районе озера Хасан (1938), представляется менее аргументированной [Бочков, 2013]. По нашему глубокому убеждению, даже если автор употребляет выражения типа «по мнению автора», он обязан подкреплять свое мнение точными ссылками на источники [Там же, с. 22, 23].

История общественных и политических движений и борьба с ними государства. Указанную тематику представляют девять статей и три документальные публикации. Статья о судьбах выпускников СПбГУ – лидеров русского либерализма, написанная в соавторстве О. А. Гавриловой и М. В. Ходяковым, бесспорно, представляет широкий спектр жизни русской интеллигенции последней трети XIX – первого десятилетия XX в. Хотя лично пишущему эти строки означенная статья показалась несколько излишне затянутой и характеризующейся недостаточным использованием научного аппарата в фактографических фрагментах текста [Гаврилова, Ходяков].

М. А. Салищев достаточно подробно рассматривает целую группу опубликованных источников, касающихся предпринимательской деятельности российского дворянства в 1914 г. [Салищев]. А. Л. Самович исследует патриотическое движение среди молодежи Минской губернии во время Первой мировой войны. Отдельной благодарности автор заслуживает за указание источника, откуда им были взяты опубликованные в статье фотоснимки [Самович, с. 31, 33, 35]. В. А. Соколова пытается решить в одной работе две проблемы, опубликовав статью про деятельность Красного Креста в Финляндии в период Русско-японской и Первой мировой войн, но оба события слишком масштабны, чтобы их можно было глубоко исследовать одновременно [Соколова].

Авторитетные в проблематике русского либерализма начала XX столетия специалисты анализируют мемуары русских либералов для выяснения их отношения к Первой мировой войне. Кроме того, авторы опубликовали четыре любопытные фотографии, забыв, к сожалению, указать источник, откуда они были взяты [Шелохаев, Соловьев, с. 190–191].

В рамках указанной темы особо следует остановиться на статье В. А. Иванова, рассматривающей деятельность и судьбу контрреволюционных организаций гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х гг. В указанной статье автор вводит в оборот данные сразу пяти архивов, два из которых являются ведомственными. В. Иванов активно вторгается в сферу уже собственно гендерных исследований, что, бесспорно, также должно быть зачтено в профессиональный актив автора. Статья, не теряя академизма, читается на одном дыхании, что само по себе до сих пор величайшая редкость [Иванов, 2013]. Однако эта же легкость стиля оборачивается своей негативной стороной. Автор допускает в оценках исторических событий предвзятость,

вводя негативно окрашенные определения («мерзопакостный опус»), что серьезному исследователю не к лицу [Там же, с. 139]. Благоприятное в целом впечатление от анонсируемой статьи омрачается недостаточно выдержанным до конца научным аппаратом.

История повседневности представлена 13 академическими статьями и тремя публикациями. Это прежде всего четыре статьи Е. Д. Твердюковой. И хотя перед читателем – попытка охвата слишком широких хронологических периодов и «скачки» по ним – с 1947 г. в 1930–1960-е, а от них – к периоду Первой мировой войны, автор показывает себя подлинным виртуозом в своем деле. Е. Д. Твердюкова не только блестяще владеет категориальным аппаратом в области социально-экономической истории, но и успешно балансирует на грани экономических и юридических аспектов исследования. В актив автора следует поставить также введение в научный оборот материалов сразу нескольких архивов: в статье, посвященной денежной реформе 1947 г. – четыре архива; в статье, посвященной личному автомобилю, два; в статье о «пивном уклоне» – три. Статьи Е. Д. Твердюковой следует признать весьма заметным и заслуживающим внимания явлением на страницах журнала [Твердюкова 2011; 2012.; 2015]. В рамках раскрытия темы истории повседневности следует рассматривать статью М. В. Ходякова, также посвященную денежной реформе 1947 г. Автор показывает профессионально грамотный анализ источников и одновременное проникновение, по крайней мере, в два жанра научного исследования – в повседневную жизнь и в экономическую историю [Ходяков, 2011]. Той же «денежной проблеме» в провинции посвящен материал Д. И. Петина [Петин].

Внутри общей темы повседневности в рамках так называемой городской антропологии следует поставить статью Л. К. Рябовой, посвященную проблемам исследования городского пространства (в данном случае на примере города Выборга) по самым различным параметрам: город как культурная форма, эффект «присутствия истории» в городе, город как социальное сообщество и т. д. Минусами этой работы являются слишком затянутое предисловие (о самом Выборге автор начинает говорить только с середины статьи) и усложненный наукообразный стиль изложения [Рябова, 2015]. Антропологии города-героя Севастополя посвящены две статьи К. Куоллса [Куоллс, 2011; 2013]. Сравнительный метод исследования успешно применила Е. С. Котова, рассматривая проблемы градостроительства в СССР и Великобритании в 1950-е гг. [Котова].

В рамках «сельской повседневности» хотелось бы отметить статью, к большому сожалению, ушедшего А. В. Островского, посвященную винопитию на широких российских просторах, прежде всего в деревне. Пишущий эти строки редко встречал на страницах научных печатных изданий образцы столь блестящего научного изложения. При этом тон изложения ученого взвешен и спокоен, но одновременно ему не чужда и острая ирония в адрес своих оппонентов, труды кото-

рых он знает досконально. Также в статье аргументированно проведена критика историографии вопроса [Островский]. К теме сельской повседневности следует отнести статью В. В. Кулачкова о сельской кооперации на западе России в 1920-е гг., соответствующую всем научным канонам [Кулачков].

История в биографиях представлена 15 статьями. Среди них следует отметить две статьи И. С. Ратьковского, посвященные детству и гимназическим годам «первого чекиста» советского режима Ф. Э. Дзержинского. На наш взгляд, эти статьи есть лучшее, что опубликовал в НИР наш уважаемый коллега: ему удалось совместить почти несовместимое – академизм с впечатляющим стилем изложения [Ратьковский, 2014; 2015]. Внося ноту личного восприятия, осмелюсь утверждать, что если И. С. Ратьковский дальше не продолжит работу в данном жанре, это будет просто преступлением перед наукой. Ибо тут у нашего коллеги явно выраженный талант.

Импонирует цель статьи К. Б. Назаренко – дать непредвзятую характеристику такой сложной фигуре в истории РККА, каким был М. Н. Тухачевский. Полагаю только ошибочным упоминание Б. В. Соколова среди академических авторов – именно по причине полного отсутствия в написанной им биографии Тухачевского каких-либо признаков научного аппарата [Назаренко, с. 57], в чем можно убедиться, пролистав ту же биографию, опубликованную в серии ЖЗЛ [Соколов]. Заслуживает внимания биографическая статья о контр-адмирале А. П. Александрове, написанная в соавторстве С. С. Близниченко и С. Е. Лазаревым. Ее особенность в том, что авторы представляют своего героя без какой-либо ретуши, не заглаживая его пороки и недостатки, приводят интересную информацию о повседневной жизни Военно-морского флота РККА в 1920–1930-е гг. [Близниченко, Лазарев, 2013].

Заслуживает внимания статья М. О. Мельцина, посвященная жизни и деятельности писателя В. Н. Долгорукова (Владимирова). Однако статью портит слишком длинная сентенция в самом ее начале, имеющая мало отношения к биографии героя [Мельцин, с. 174]. Биография французского рабочего М. Боди, ставшего советским дипломатом, в исполнении Б. Виане читается как роман [Виане]. Особо следует отметить обширный сериал о жизни и творчестве художника П. Е. Корнилова, написанный А. А. Харшаком. Автор постарался максимально соблюсти научные требования к оформлению статей. Кроме того, А. Харшак, бесспорно, является талантливым рассказчиком: его сериал (всего пять частей) не только весьма информативен, но и читается с удовольствием [Харшак, 2012; 2013; 2014; 2015а; 2015б].

К жанру «исторической персонологии» автор настоящей статьи относит и свои скромные работы, опубликованные на страницах НИР. Осознаю, что В. Каминский как исследователь отнюдь не безгрешен: он зачастую излишне категоричен в выводах, привержен теории социально-бытовой мотивации и порой дискутирует и жестко

критикует своих коллег. Однако обсуждать собственные работы здесь было бы неуместно и нескромно, а потому оставим это на суд коллег [Каминский, 2012; 2013; 2014; 2015].

Россия и мир. Этот раздел оказался в НИР самым внушительным по количеству публикаций: всего 29 статей. Весь этот массив можно разделить на два направления.

Первое – официальная дипломатия. В трех номерах НИР опубликованы серьезные по содержанию и взвешенные по тону изложения статьи М. Ф. Полынова, посвященные перестройке М. С. Горбачева и ее последствиям для России и Европы. Досадно лишь, что в статье М. Ф. Полынова, посвященной выяснению роли М. С. Горбачева в объединении Германии, и в его же статье, рассматривающей уход СССР из Европы, обнаруживаются неточности ссылочного аппарата [Полынов, 2011; 2012]. Так или иначе, статьи М. Ф. Полынова имеют полное право занимать верхнюю ступень среди журнальных статей о дипломатии. Среди работ в области дипломатической истории, на наш взгляд, самым содержательным и конструктивным материалом, лишенным даже намека на политизацию, можно было бы назвать статью таллиннского историка Я. Валге об эстонском перевороте 1934 г. Автор блестяще анализирует источники и проявляет подлинную виртуозность в постановке целей исследования, логичную последовательность в обосновании своих взглядов [Валге].

К дипломатической истории уместно отнести статью А. Ю. Комаркова о раннем этапе союзнических отношений во время Великой Отечественной войны [Комарков] и статью А. К. Порцеля, посвященную борьбе за Шпицберген во время Второй мировой войны. Причем последний материал соотносится с темой «война и дипломатия» [Порцель, 2015]. Статьи А. И. Рупасова, посвященные советско-шведским отношениям, мало соответствуют современным научным требованиям и неудачны по логике изложения материала. Автор взял на вооружение весьма своеобразную систему отображения фактографического материала: сначала он выставляет в тексте номера ссылок, а после выкладывает текст, который к ним относится, хотя, казалось бы, сама логика подсказывает обратный порядок действий. Подчеркнем факт наличия в одной из статей трех фотоснимков, не имеющих атрибуции [Рупасов, 2012; 2014].

К собственно дипломатии могут быть отнесены статьи об отношении России к непризнанным государствам в период Первой мировой войны [Добронравин], а также материалы, посвященные вступлению Болгарии в войну [Иванов, Репников], и характеристику чешского общественного мнения накануне ее [Шевченко].

Второе направление – культурный обмен, международная торговля, туризм, эмиграция и пр. Этот раздел «дипломатической истории» самый обширный, поскольку включает в себя многообразие аспектов, отчего авторские статьи складываются в мозаику тем и сюжетов. В статьях ряда авторов рассматриваются разнообразные аспекты международной торговли в различных регионах Земли [Ермаченко;

Николсон; Порцель, 2011]. В рамках темы «люди и деньги» в международном ее преломлении должна быть отмечена статья М. В. Ходякова, написанная в соавторстве с А. А. Чемакиным и посвященная денежному обращению в советской зоне оккупации Германии в первые послевоенные годы [Ходяков, Чемакин].

Ряд академических материалов отражают русско-американские культурные контакты различного уровня. В двух статьях А. С. Крымской раскрываются особенности восприятия советского образа жизни глазами американских стажеров 1950–1970-х гг. Статьи любопытны тем, что автор вообще воздержалась от комментариев к предложенному ею материалу. Последний «живет» как будто бы сам по себе, но вместе с тем «за сценой» явственно чувствуется душа автора, ее тонкий юмор, ирония и искренняя любовь к России, которые прорываются на свет сквозь описание гротеска советского высшего образования периода холодной войны [Крымская, 2011; 2014]. Богатый фактический материал содержится в статье, посвященной академическим изданиям (прежде всего российским) в США в 1860–1940 гг. [Пивоваров]. Самое больше количество статей на тему туризма и культурного обмена посвящено различным контактам России и Франции [Абенсур; Жакоб; Мийе-Жерар; Тайманова, 2015; Эльц]. Восприятие «западного образа жизни» сквозь призму личных впечатлений советских туристов в первое послесталинское десятилетие рассматривается в статье А. Н. Чистикова, основанной на материалах трех архивов [Чистиков]. Привлекает внимание статья, посвященная советской выставке в Кабуле накануне Афганской войны (1979–1989) [Джонс].

Антропология культуры. Этот раздел содержит 14 академических статей, которые фокусируют внимание читателей на самых различных сторонах культурной жизни. По музейной тематике на высоком академическом уровне написана статья Е. С. Ананьевой о сохранности коллекций Эрмитажа в 1914–1917 гг. [Ананьева]. Проблемам культурно-просветительской работы и пропаганде научных знаний посвящены статьи Ф. К. Ярмолича [Ярмолич, 2013; 2015]. Оперу как фактор социального воздействия весьма любопытно рассматривает М. Банья [Банья].

В рамках указанной рубрики «живут» в журнале материалы, касающиеся истории высшего образования в новейшей период. Статья В. В. Петрова о работе организационной комиссии ЛГУ в 1925–1926 гг. радует критикой источников, проведенной на высоком уровне [Петров]. Сюда же следует отнести материал А. Д. Гронского, пришедшего к парадоксальному выводу, что современные белорусские учебники истории, по сути, копируют учебники советского времени [Гронский]. В этом же ключе уместно назвать статью А. С. Конохо-вой, посвященную проблематике распределения выпускников вузов в СССР в 1954–1964 гг. [Конохова, 2012]. Новые сведения об истории науки приводятся в статьях, посвященных краеведческим экспедициям, проводившимся в новейший период в различных регионах России [Непомнящий; Старостин].

Самое большое число статей (шесть из 14) в рамках названной рубрики касается кинематографа и его влияния на умы и души россиян. Наибольшее впечатление произвела статья, исследующая восприятие легендарного фильма «Александр Невский» современной ему прессой. Авторы сумели виртуозно совместить анализ архивных материалов с материалами публицистики соответствующего времени [Кривошеев, Соколов]. Заинтересовали автора обзора также три статьи И. Б. Михайловой, посвященные фильму «Иван Васильевич меняет профессию» (всего три отдельных материала) [Михайлова, 2013; 2014а; 2014б]. Интересно написана ее же статья о фильме «Царь», хотя из-за отсутствия романтического флера детских воспоминаний эффект восприятия уже не тот. Как бы ни было, серьезная академичность и грамотный анализ источников в работах исследовательницы Михайловой успешно совмещаются с легким стилем изложения материала [Михайлова, 2015а; 2015б].

Хотелось бы увидеть более живое изложение в статье Е. С. Кащенко об изменении системы стереотипов в российском кинематографе 1910–1930-х гг. К тому же автор-искусствовед допускает в своей статье многочисленные неоправданные языковые заимствования («флэшбэк», «мейнстрим») [Кащенко, с. 176, 177].

Историки об историках. Эта рубрика необходима, чтобы не только помнить о тех, кто работал до нас, знать их труды, подчеркивать их достоинства, но и не повторять их ошибок. К чести НИР надо сказать, что журнал буквально пропитан уважением к труду историка как таковому. Всего на его страницах за 2011–2015 гг. опубликован 21 материал, среди которых десять академических статей, одна документальная публикация и десять юбилейных заметок, некрологов и пр.). В 2013 г. статьями Г. Л. Соболева о Ленинградской школе истории русской революции 1917 г. и В. В. Тихонова об историке С. А. Фейгиной НИР открыл серию публикаций о биографиях историков прошлого, написанных их современными коллегами [Соболев, 2013; Тихонов]. В рубрику также вошла статья о преподавателе ЛГУ историке Н. И. Ульянове, которая особенно привлекает введением в оборот материалов семи архивов [Базанов]. Следует также назвать две статьи В. С. Брачева о первом заведующем кафедрой истории средних веков Ленинградского и Одесского университетов Н. Н. Розентале и об историке И. М. Троцком [Брачев, 2013; 2015], Е. В. Никуленковой – об историческом отделении Института красной профессуры в 1920-е гг. [Никуленкова], Г. Л. Соболева – об историке революционной России О. Н. Знаменском [Соболев, 2013]. Легким языком и одновременно строгим академизмом привлекает внимание статья А. Ю. Дворниченко о трудах эмигрантского историка Г. Вернадского [Дворниченко]. В. А. Райкова посвятила свою статью рассмотрению трудов западного историка Дж. Ф. Кеннана [Райкова].

Данью уважения к труду историка проникнуты и периодические публикации творческих биографий как ныне живущих и здравству-

ющих историков (юбиляров), так и ушедших в мир иной. Так, в 2011–2015 гг. в разделах журнала «Хроника» и «Юбилеи» были опубликованы научные биографии видных специалистов в различных областях российской новейшей истории, как-то Д. Н. Альшиц, Н. И. Барышников, Р. Ш. Ганелин, И. В. Говоров, В. М. Ковальчук, И. Н. Олегина, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали. Они написаны как их коллегами [Возгрин; Смирнов, 2011; 2012], так и от имени редколлегии журнала.

Политология и социология представлены семью академическими статьями. На наш взгляд, серьезного внимания заслуживают среди них работа итальянского социолога А. Витале, рассматривающая российскую государственность в сравнительно-исторической перспективе, и две статьи словацкого социолога Р. Тота (о преобразовании российской политической системы и о кризисе культуры как факторе развязывания Первой мировой войны). Проблемы, затронутые авторами, могут быть особенно интересны для тех читателей, которые мало информированы сб исследованиях западных научных школ. К тому же материалы обоих авторов написаны хорошим образным языком [Витале; Тот].

Заслуживают внимания статьи Г. И. Макаровой и Е. А. Тарасовой, посвященные событиям, уже выходящим за рамки новейшей истории [Макарова; Тарасова]. НИР – журнал междисциплинарный, а поэтому редколлегия имеет полное право их публиковать, но под соответствующей рубрикой – не исторической.

Ряд работ из этой рубрики почти не выдерживает критики. Откровенно поверхностным, популистским видится, например, материал о феномене политической культуры, опубликованный петербургским психологом М. А. Соловьевой [Соловьева].

Публикацией документов на своих страницах НИР оправдывает одну из своих характеристик – теоретический. Начиная с первых номеров и по сегодняшний день в каждом номере публикуется от одного до четырех архивных документов с профессиональными комментариями историков. За рассматриваемый период свет увидели 33 документальных публикации 12 авторов. И этим фактом журнал, бесспорно, может гордиться. Научный эффект снижается тем, что большинство публикаторов, приводя комментарии к текстам документов, не сопровождают их ссылками на источники, как это принято в научно-академических статьях. Единственной документальной публикацией, в которой персональные биографические сведения были усилены ссылками на источники, явилась коллективная работа трех профессоров СПбГУ с выкладкой блокадных записок сотрудника НКВД за 1942 г. [«Кадры решают всё!»]. Это серьезное достижение! Работа с комментариями является обязательной частью научно-публикационной деятельности. И неизвестно еще, что труднее – написать саму научную статью, опубликовать документальный материал или составить профессионально грамотный комментарий к этой работе.

Согласимся с коллегой по цеху Н. Н. Смирновым, отметившим, что «каждый номер журнала, являясь историографическим событием, читается с неослабевающим интересом» [Смирнов, 2011, с. 146]. Однако при этом сделаем одну существенную оговорку. Пять лет для периодического академического издания – небольшой стаж. Но у журнала есть замечательные задатки: в нем заявлены важные научные темы, по которым пишут статьи интересные авторы. НИР изначально позиционировал себя не только как междисциплинарный, но и как научно-теоретический журнал. Чтобы соответствовать последнему положению, авторы должны не в последнюю очередь обращать внимание на корректное расположение в своих статьях элементов научно-справочного аппарата, а редколлегия – строже относиться к соблюдению этих правил.

Список литературы

Абенсур Ж. Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 174–181.

Акульшин П. В. Первая мировая война и трансформация вооруженных сил России в XX веке // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 162–169.

Амосова А. А. Реабилитация жертв политических репрессий (на материалах «ленинградского дела» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 153–159.

Ананьева Е. С. Проблемы обеспечения сохранности музейных коллекций в Эрмитаже в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 51–58.

Бадиков Р. А. Оборона Псковского укрепленного района в 1941 г. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 42–47.

Базанов П. Н. Историк Николай Иванович Ульянов – студент и преподаватель Ленинградского государственного университета // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 94–109.

Банья М. Композитор как интеллигент и опера как альтернативное повествование о первых годах русской революции в эпоху сталинизма (об опере «Семен Кокто» С. Прокофьева) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 187–200.

Близниченко С. С., Лазарев С. Е. Контр-адмирал А. П. Александров: исторический портрет на фоне эпохи // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 185–201.

Близниченко С. С., Лазарев С. Е. Репрессии в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 124–139.

Богомазов Н. И. «Почему бы не начать совместно с белыми русскими борьбу с большевизмом?» : Воспоминания генерала Р. фон дер Гольца как источник по истории Гражданской войны на Северо-Западе России // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 54–65.

Болдовский К. А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации в 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 149–162.

Большой энциклопедический словарь. М. : Совет. энциклопедия, 1994. 1628 с.

Бочков Е. А. Сельское хозяйство России и продовольственное обеспечение Красной армии в начале 1920-х гг. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 57–71.

Бочков Е. А. Особенности организации материально-технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан : 1938 г. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 18–41.

Брачев В. С. Историк Исаак Моисеевич Троцкий (1903–1937) // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 69–79.

Брачев В. С. Судьба профессора Н. Н. Розенталя (1892–1960) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 145–160.

Валге Я. Способствовала ли Москва государственному перевороту в Эстонии 1934 г.? // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 92–114.

Виане Б. М. Боне, типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 73–85.

Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 20–36.

Возгрин В. Е. Юбилей профессора А. В. Смолина // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 318–319.

Войтиков С. С. И. В. Сталин против Я. М. Свердлова : Осень 1918 г. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 30–45.

Войтиков С. С. «Оппозиция в собственном доме» : Поражение в Первой мировой войне и «национальное» сплочение в рядах большевистской партии : 1918 год // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 218–233.

Войтиков С. С. «Разногласие есть и вынесено в печать»: дискуссия по военному вопросу в Советской России во второй половине 1918 – начале 1919 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 8–24.

Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Санкт-Петербургский университет в судьбе лидеров русского либерализма: Ф. И. Родичев и В. Д. Набоков // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 116–133.

Геращенко Л. В. Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.

Голик А. А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 22–29.

Гребенкин И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 145–159.

Гронский А. Д. Первая мировая война в белорусской учебной литературе // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 135–145.

Данилова О. С., Слуцкая Л. В. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 16–28.

Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 101–132.

Джонс Дж. У. Накануне войны: национальная советская выставка в Кабуле, апрель-май 1979 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 97–105.

Добронравин Н. А. Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны : 1914–1916 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 60–73.

Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедиции японских войск / публ. Д. И. Петина // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 236–246.

Документы об аресте С. Ф. Платонова в 1919 г. и М. К. Любавского в 1923 г. / публ. Ю. В. Кривошеева // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 240–244.

Ермаченко И. О. Перспективы двусторонних отношений и будущего мира в оценках Русско-Итальянской торговой палаты (по материалам информационного бюллетеня 1914–1916 гг.) // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 44–59.

Жакоб Ф. От «Боже, царя храни!» до «Красных волков»: антибольшевистский поход Луи Дюмюра // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 182–189.

Закиров Р. С. Об одной провокации департамента полиции (из материалов следствия над членом Боевой организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым в 1905 г.) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 159–168.

Зданович А. А. «Дело Мясоедова»: новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 234–247.

Иванов А. А., Репников А. В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197–217.

Иванов В. А. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 126–144.

Иванов В. А. Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 48–69.

Иванов В. А. Ликвидация ОУНовцев в войсках Ленинградского фронта (август-сентябрь 1941 г.) // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 25–38.

«Кадры решают всё!» : Блокадные записки сотрудника НКВД : 1942 год / публ. В. К. Зиборова, В. А. Иванова, М. В. Ходякова // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 246–276.

Каминский В. В. Александр Яковлевич Яновский: 41 год в боевом строю // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 66–77.

Каминский В. В. Выпускники Николаевской академии генерального штаба на службе в Красной армии. СПб. : Алетейя, 2011.

Каминский В. В., Ганин А. В. «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»: несостоятельность историко-биографического исследования // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 224–241.

Каминский В. В. Генерального штаба генерал-майор М. Е. Солнышкин: от храброго терского казака и «мятежника-корниловца» к добросовестному служаке в провинциальных штабах Красной армии : 1914–1924 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 132–144.

Каминский В. В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Стогов – добросовестный военный специалист Красной армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 59–70.

Каминский В. В. Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 116–131; № 3. С. 26–61.

Каминский В. В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах : Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин – «слуга двух господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 66–80.

Каминский В. В. От Колчака в Красную армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального штаба (Томск, апрель 1919 г.) // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 40–68.

Каминский В. В., Мильбах В. С. Комкор Николай Васильевич Лисовский и его судьба // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 46–54.

Кащенко Е. С. Об изменении стереотипов в отечественном кинематографе 1910–1930 гг. (на примере фильмов «Жизнь за жизнь» (1916) и «Семеро смелых» (1936) // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 175–181.

Картотека Лихотворика А. А. Леонтьев Максим Николаевич. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=321 (дата обращения: 17.12.2015).

Ковалева Т. В. Из «разжалованной столицы…» (по материалам оппозиционной прессы 1918 г.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 35–49.

Козлов Д. Отзывы советских читателей 1960–х гг. на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 178–200; № 2. С. 192–200.

Комарков А. Ю. Проблемы становления союзнических отношений СССР с Англией и США (22 июня – октябрь 1941 г.) // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 145–152.

Конохова А. С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения…»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Новейшая история России. 2012а. № 3. С. 233–242.

Конохова А. С. Сестры милосердия в годы революции и Гражданской войны // Новейшая история России. 2012б. № 1. С. 91–99.

Котова Е. С. Особенности репрезентации проблем градостроительства в СССР и Великобритании :1950–1970-е гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 182–192.

Кривошеев Ю. В. «В связи с эвакуацией из района…»: советские переселенцы на Карельском перешейке и начало Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 133–137.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Периодическая печать о фильме «Александр Невский» : 1938–1939 гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 178–192; № 2. С. 114–135.

Крымская А. С. К истории научно-образовательных обменов между СССР и США в конце 1950-х – 1960-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 99–106.

Крымская А. С. Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 125–139.

Кузнецова О. Н. Экономический совет при Временном правительстве России в 1917 г. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 7–21.

Кулачков В. В. Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 56–63.

Куоллс К. Создание и реконструкция памяти о Севастополе // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 138–145.

Куоллс К. О перепланировке города-героя Севастополя, 1944–1953 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 70–91.

Кутузов В. А. А. А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 146–152.

Кутузов В. А. Жданов или Кузнецов? : К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193–203.

Кутузов В. А. Загадочная смерть А. А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 164–177.

Лазарев С. Е., Мильбах В. С. Политические репрессии в военных академиях Ленинграда в 1930–1938 гг. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 100–113.

Лебина Н. Б. Лингвистические источники периода десталинизации в СССР (опыт сравнительного анализа «Толкового словаря языка Совдепии», словаря-справочника «Новые слова и значения» и «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства») // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 19–26.

Лярский А. Б. «Мы сами создали себе свой мир...»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX в. как фактор социализации // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 179–196.

Мажара П. Ю. Белое движение на Северо-России в мемуарах политиков и журналистов (источниковедческий анализ) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 62–69.

Макарова Г. И. Конструируя национально-гражданские идентичности: этнокультурные политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) в 1990–2000-е годы // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 84–97.

Мельцин М. О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В. Н. Долгорукова (Владимирова) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 174–186.

Мийе-Жерар Д. Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Золотая трость» // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 191–202.

Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф. «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 214–232; 2013. № 1. С. 178–197.

Михеев Г. Ф. Волны «ленинградского дела» (по материалам следственных дел родственников «врага народа») // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 83–109.

Михайлова И. Б. С юбилеем, «Иван Васильевич»! : Кинокомедия Л. И. Гайдая в прессе // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 201–218.

Михайлова И. Б. С юбилеем, «Иван Васильевич»! : Пьеса М. А. Булгакова – литературный источник фильма Л. И. Гайдая // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 248–264.

Михайлова И. Б. С юбилеем, «Иван Васильевич»! : Кинокомедия Л. И. Гайдая: «смешно, но не только…» // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 143–156.

Михайлова И. Б. «Страшное кино» о «психологии власти» : О фильме «Царь» – его создатели // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 163–173.

Михайлова И. Б. Долой «ненастоящего» «Царя»! : Кампания против кинофильма П. С. Лунгина в печати и Интернете // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 192–208.

Назаренко К. Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 55–68.

Непомнящий А. А. Из истории подготовки Крымской экспедиции: неизвестный проект // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 142–151.

Николсон Дж. Чеканка советских полтинников в Великобритании в 1924 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 86–96.

Никуленкова Е. В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.

Новейшая история России [официальный сайт]. URL: http://www.modernhistory.ru/archiv.htm (дата обращения: 17.12.2016).

Островский А. В. «Пьяная деревня»: домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 140–158.

От редколлегии // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 7.

Патрикеева О. А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С. И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг.). // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 133–141.

Петин Д. И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 41–56.

Петров В. В. «Лучше пойду милиционером, чем ректором...»: деятельность организационной комиссии ЛГУ. 1925–1926 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 80–93.

Пивоваров Е. Г. Академические издания в США в 1860–1940 гг. (к вопросу о влиянии Первой мировой войны на развитие российско-американских культурных связей) // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 146–162.

Полынов М. Ф. «Доктрина Горбачева» и уход СССР из Восточной Европы // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 107–121.

Полынов М. Ф. М. С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 136–152.

Полынов М. Ф. М. С. Горбачев и объединение Германии // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 201–215.

Порцель А. К. Борьба за Шпицберген в годы Второй мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 78–90.

Порцель А. К. О российско-норвежской морской торговле в 1914–1920 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 80–90.

Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1918 г.): к истории отряда генерала В. Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 98–108.

Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 24–40.

Пученков А. С. Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П. П. Скоропадского // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 57–72.

Райкова В. А. Брест-Литовский договор и его значение для завершения Первой мировой войны в интерпретации Дж. Ф. Кеннана // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 260–269.

Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 48–58.

Ратьковский И. С. «Гимназистки влюблялись в него по уши» : Виленская гимназия в жизни «Железного Феликса» : 1887–1896 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 197–217.

Ратьковский И. С. Дзержиново в жизни Железного Феликса // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 8–21.

Ратьковский И. С. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 242–247.

Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115.

Рачковский В. А. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 г. в воспоминаниях социалистов // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 22–34; 2012. № 1. С. 59–73.

Рачковский В. А. Война и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 39–45.

Рупасов А. И. Советско-шведские отношения в конце 1950-х гг. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 117–137.

Рупасов А. И. «Сползающая маска нейтральности» : Советско-шведские отношения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 157–180.

Рябова Л. К. К методологии исследования восприятия городского пространства (случай Выборга) // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 110–121.

Рябова Л. К. «Новый журнал»: публицистика 1953–1963 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 128–142.

Рябова Л. К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 8–18.

Салищев М. А. Участие потомственного дворянства Санкт-Петербурга в предпринимательской деятельности в 1914 г. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 172–183.

Самович А. Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 29–38.

Смирнов Н. Н., Рачковский В. А. Профессор Г. Л. Соболев и Ленинградская школа историков революции 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 7–18.

Смирнов Н. Н. Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 8–12.

Смирнов Н. Н. Даниил Натанович Альшиц (03.02.1919–13.02.2012) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 275–279.

Смирнов Н. Н. Междисциплинарный научно-теоретический журнал «Новейшая история России» // Российская история. 2011. № 1. С. 142–146.

Смирнов Н. Н. Слово о коллеге, ученом и учителе (к 80-летию со дня рождения Алексея Николаевича Цамутали) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 263–268.

Смолин А. В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 19–53.

Соболев Г. Л. Глубокий исследователь революционной России : Памяти О. Н. Знаменского. 1927–1993 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 220–227.

Соболев Г. Л. О Ленинградской школе историков Российской революции 1917 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 142–147.

Соколов Б. В. Тухачевский. М. : Молодая гвардия, 2008. 447 с.

Соколова В. А. Красный Крест в Финляндии в период Русско-Японской и Первой мировой войн // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 48–55.

Соловьева М. А. Развитие представлений о феномене политической культуры // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 35–50.

Список Генерального штаба (исправлен по 3 января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Петроград, 1917. 164 с.

Староверова Е. В. Россия на пути к конституционной монархии: изменение нормотворческих полномочий императора Российской империи в результате реформ 1905–1906 гг. // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 7–19.

Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

Тайманова Т. С. Французский рабочий о стране Советов: исторический опыт и литература // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 121–130.

Тарасов К. А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае-июле 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 28–39.

Тарасова Е. А. Осажденный парламент: X (чрезвычайный съезд народных депутатов Российской Федерации) // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 215–230.

Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 45–53.

Твердюкова Е. Д. «Колбаса – дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 71–82.

Твердюкова Е. Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР : 1930–1960–е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 166–177.

Твердюкова Е. Д. «О пивном уклоне и торгашеских извращениях»: торговля алкоголем в Ленинграде 1930-х гг. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 88–99.

Твердюкова Е. Д. Провизионные билеты железнодорожников: к проблеме легального мешочничества в годы Гражданской войны в России // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 69–81.

Тот Р. Европейский кризис культуры как предпосылка к войне // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 122–134.

Тот Р. Преобразование российской политической системы в международном контексте // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 190–202.

Тош Дж. Стремление к истине : Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 296 с.

Флоринский М. Ф. Эволюция компетенции Совета министров Российской империи во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 116–129.

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) : Творческий путь. Становление // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 153–174.

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) : Творческий путь. Служение // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 208–240.

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) : Творческий путь. Восхождение // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 212–247.

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) : Творческий путь. Испытание // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 152–191.

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) : Творческий путь. Воскрешение // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 131–172.

Ходяков М. В. Деньги и «черный рынок» в лагерях иностранных военнопленных Эстонской ССР : 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 180–194.

Ходяков М. В. Люди и деньги: денежная реформа 1947 г. и деятельность Ленинградской бумажной фабрики Гознак // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 54–65.

Ходяков М. В. Переписка иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД Эстонии во второй половине 1940–х гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 39–55.

Ходяков М. В. Побеги иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 228–249.

Ходяков М. В. «Приходится тратить немало денег для сохранения конспиративности» : Петроградская губернская ЧК периода Гражданской войны в материалах финансовых органов // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 7–23.

Ходяков М. В., Чемакин А. А. Денежное обращение в советской зоне оккупации Германии : 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 153–165.

Циндик А. А. Источники для изучения военной и боевой работы революционного подполья в Западной Сибири : 1905 – февраль 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 17–27.

Циндик А. А. К вопросу о работе правоохранительных органов в Западной Сибири : 1905–1914 гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 134–141.

Ципурский Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг» : Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 55–83.

Чистиков А. Н. «Ладно ль за морем иль худо?»: впечатления советских людей о заграница в личных записях и выступлениях (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 167–177.

Шевченко К. В. Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 29–43.

Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 184–196.

Эльц Е. Э. о сотрудничестве России и Франции в области архивов // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 97–105.

«Эти братья МВД много хуже, чем было наше Гестапо…»: настроения военнопленных в лагерях Эстонской ССР в 1948 г. / публ. М. В. Ходякова // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 273–274.

Ярмолич Ф. К. Кадровый состав органов цензуры в 1950-х – начале 1960-х гг. (на материалах Ленинграда, Карелии и Мурманской области) // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 204–214.

Ярмолич Ф. К. Лекционная пропаганда естественнонаучных и научно-технических достижений в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Ленинграда) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 250–256.

Ярмолич Ф. К. Молодежь и культурно-просветительная работа в 1950-е гг. (на материалах Ленинграда) // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 173–181.

References

Abensour, G. (2015). *Kul'turnyy transfer mezhdu Frantsiey i emigrantskoy Rossiey: prityazhenie, bratstvo i otrechenie* [Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 174–181.

Akulshin, P. V. (2014). *Pervaya mirovaya voyna i transformatsiya vooruzhennykh sil Rossii v XX veke* [The First World War and the Transformation of the Russian Armed Forces in the 20th Century]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 162–169.

Amosova, A. A. (2011). *Reabilitatsiya zhertv politicheskikh repressiy (na materialakh "leningradskogo dela"* [Exoneration of the victims of political repressions (based on the materials of the "Leningrad affair")]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 153–159.

Ananyeva, E. S. (2012). *Problemy obespecheniya sokhrannosti muzeynykh kollektsiy v Ermitazhe v gody Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii 1917 g* [Problems of museum collection security in Hermitage Museum during the World War I and the Revolution of 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 51–58.

Badikov, R. A. (2013). *Oborona Pskovskogo ukreplennogo rayona v 1941 g* [Pskov Fortified Locality Defense (1941): Problem Statement]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 42–47.

Bazanov, P. N. (2015). *Istorik Nikolay Ivanovich Ul'yanov – student i prepodavatel' Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Historian Nikolai Oulianov – Student and Lecturer of the Leningrad State University]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 94–109.

Baña, M. (2013). *Kompozitor kak intelligent i opera kak al'ternativnoe povestvovanie o pervykh godakh russkoy revolyutsii v epokhu stalinizma* (ob opere "Semen Kokto" S. Prokop′eva) [The Composer as an Intellectual and Opera as an Alternate Narrative About the First Years of the Russian Revolution During the Stalin Epoch (on S. Prokofiev′s Opera "Semen Kotko")]. In Noveyshaya istoriya Rossii, 3, pp. 187–200.

Bliznichenko, S. S. & Lazarev, S. E. (2013). *Kontr-admiral A. P. Aleksandrov: istoricheskiy portret na fone epokhi* [Rear admiral A. P. Alexandrov: a historical portrait on the background of the epoch]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 185–201.

Bliznichenko, S. S. & Lazarev, S. E. (2014). *Repressii v Voenno-morskom inzhenernom uchilishche im. F. E. Dzerzhinskogo v 1930-e gg.* [Repressions at the F. E. Dzerzhinsky Naval Engineering School in 1930s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 124–139.

Bogomazov, N. I. (2015). "*Pochemu by ne nachat' sovmestno s belymi russkimi bor'bu s bol'shevizmom?": Vospominaniya generala R. fon der Gol'tsa kak istochnik po istorii Grazhdanskoy voyny na Severo-Zapade Rossii* [Memoirs of General R. von der Goltz as a Source on History of Civil War in North-West Russia]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 54–65

Boldovskiy, K. A. (2011). *Apparat Leningradskoy gorodskoy partiynoy organizatsii v 1945–1948 gg.* [Leningrad city party organization's apparatus in 1945–1948]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 149–162.

Bol'shoy Entsiklopedichesky Slovar' [Big encyclopedic dictionary]. (1994). 1628 p. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya.

Bochkov, E. A. (2012). *Sel'skoe khozyaystvo Rossii i prodovol'stvennoe obespechenie Krasnoy Armii v nachale 1920–kh gg.* [Russian agriculture and food supplies for the Red Army in the early 1920s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 57–71.

Bochkov, E. A. (2013). *Osobennosti organizatsii material'no-tekhnicheskogo obespecheniya voysk Dal'nevostochnogo fronta v period sovetsko-yaponskogo voennogo konflikta v rayone ozera Khasan : 1938 g.* [Features of the material support and organization of the Far-Eastern Front forces in the period of Soviet-Japanese conflict around lake Khasan (1938)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 18–41.

Brachev, V. S. (2013). *Su'ba professora N. N. Rozentalya (1892–1960)* [The Fate of Professor N. N. Rosental]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 145–160.

Brachev, V. S. (2015). *Istorik Isaak Moiseevich Trotsky (1903–1937)* [Historian Isaac Trotskiy (1903–1937)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 69–79.

Chistikov, A. N. (2011). *"Ladno l' za morem il' khudo?": vpechatleniya sovetskikh lyudey o zagranitse v lichnykh zapisyakh i vystupleniyakh (seredina 1950-kh – seredina 1960-kh gg.)* ["Is it good or bad across the ocean?": the impressions of Soviet people about life in foreign countries as found in their personal writings and presentations (from the 1950s to the 1960s)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 167–177.

Danilova, O. S. & Slutskaya, L. V. (2015). *Zapadnyy front Rossiyskoy imperii v vospominaniyakh frantsuzskikh uchastnikov Pervoy mirovoy voyny* [Memoirs Concerning the Russian Empire and its Western Front among French Participants of World War I]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 16–28.

Dvornichenko, A. Yu. (2015). *Georgy Vernadsky o sovetskoy Rossii (k publikatsii stat'i G. V. Vernadskogo "Paradoksy bol'shevizma')* [George Vernadsky about Soviet Russia

(G. V. Vernadsky's Article "Paradoxes of Bolshevism")]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 101–132.

Jones, J. W. (2014). *Nakanune voyny: natsional'naya sovetskaya vystavka v Kabule, aprel'-may 1979 g.* [On the Eve of War: The National Soviet Exhibit in Kabul, April-May 1979]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 97–105.

Dobronravin, N. A. (2014). *Rossiya i nepriznannye gosudarstva v period Pervoy mirovoy voyny : 1914–1916 g.* [Russia and Unrecognized States during the First World War (1914–1916)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 60–73.

Elts, E. E. (2012). *O sotrudnichestve Rossii i Frantsii v oblasti arkhivov* [The current issues on the Russia and France collaboration in the sphere of the State archives]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 97–105.

Ermachenko, I. O. (2014). *Perspektivy dvustoronnikh otnosheniy i budushchego mira v otsenkakh RusskoItal'yanskoy torgovoy palaty (po materialam informatsionnogo byulletenya 1914–1916 gg.)* [The Prospects for Bilateral Relations and the Future Peace in Estimates of the Russian-Italian Chamber of Commerce (Based on Newsletters, 1914–1917)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 44–59.

Florinskiy, M. F. (2014). *Evolyutsiya kompetentsii Soveta ministrov Rossiyskoy imperii vo vremya Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.)* [Evolution of the Russian Council of Ministers′ Competence during the First Wolrd War (July 1914 – February 1917)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 116–129.

Gavrilova, O. A. & Khodyakov, M. V. (2013). *Sankt-Peterburgsky universitet v sud'be liderov russkogo liberalizma: F. I. Rodichev i V. D. Nabokov* [St. Petersburg University in the fates of Russian liberalism leaders: F. I. Rodichev and V. D. Nabokov]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 116–133.

Gerashchenko, L. V. (2011). *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva na Karel'skom peresheyke v 1940–1950-kh gg. v dokumentakh Leningradskogo oblastnogo arkhiva v g. Vyborge* [The Soviet State Policy of Resettlement on the Karelian Isthmus in 1940s–1950s (research based on the Vyborg archive documents)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 141–148.

Golik, A. A. (2015). *Dal'nevostochnoe kazachestvo v Russko-Yaponskoy voyne 1904–1905 gg.* [The Far Eastern Cossacks in the Russo-Japanes War of 1904–1905]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 22–29.

Grebenkin, I. N. (2014). *Razlozhenie rossiyskoy armii v 1917 g.: faktory i aktory protsessa* [Decay of Russian Army in 1917: Factors and Actors]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 145–159.

Gronskiy, A. D. (2015). *Pervaya mirovaya voyna v belorusskoy uchebnoy literature* [The Vision of World War I in Belorussian School and Academic Textbooks]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 135–145.

Ivanov, V. A. (2013). *Kontrrevolyutsionnye organizatsii sredi gomoseksualistov Leningrada v nachale 1930-kh godov i ikh pogrom* [Counterrevolutionary Organizations Among Leningrad′s Homosexual Population During the Early 1930s and Their Destruction]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 126–144.

Ivanov, V. A. (2013). *Leningradsky gorodskoy sud v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Leningrad city court in the years of the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 48–69.

Ivanov, V. A. (2014). *Likvidatsiya OUNovtsev v voyskakh Leningradskogo fronta (avgust-sentyabr' 1941 g.)* [Liquidation of the Members of Organization of Ukrainian nationalists in the Troops of the Leningrad front (August – September 1941)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 25–38.

Ivanov, A. A. & Repnikov, A. V. (2014). *"Bolgarskaya izmena": russkie pravye o vstuplenii Bolgarii v Pervuyu mirovuyu voynu na storone Tsentral'nykh derzhav* ["Bulgarian Treason": Russian Right Politics about Bulgaria′s Entry into the First World War on the Side of the Central States]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 197–217.

Kaminskiy, V. V. (2011). *Vypuskniki Nikolaevskoy Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoy Armii* [Graduates of the Nikolay General Staff Academy on military service in Red Army]. Sankt Petersburg, Aleteyya.

Kaminskiy, V. V. (2012). *Nekotorye obstoyatel'stva "puteshestviya" Nikolaevskoy Akademii General'nogo Shtaba iz Ekaterinburga v Kazan' 23–24 iyulya 1918 g.* [Some particulars of the "voyage" of the Nicolas Academy of General Staff from Ekaterinburg to Kazan (July 23–24.1918)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp.116–131 (Part I); *3,* pp. 26–61 (Part II).

Kaminskiy, V. V. (2012). Rev. on: Ganin, A. V. *“Korpus ofitserov General'nogo Shtaba v gody Grazhdanskoy voyny 1917–1922 gg.”: nesostoyatel'nost' istoriko-biograficheskogo issledovaniya* [“Korpus oficerov General’nogo Shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg.”: The weakness of Historical-Biographic research]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 224–241.

Kaminskiy, V. V. (2013). *Sotsial'no-bytovaya motivatsiya v konkretnykh sud'bakh: General'nogo shtaba podpolkovnik Viktor Ivanovich Oberyukhtin – “sluga dvukh gospod” poocheredno (1918–1938 gg.)* [Everyday motivation at concrete biographies: General Staff Lieutenant-Colonel Viktor Ivanovich Oberiukhtin – “the servant of two misters” serially (1918–1938)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 66–80.

Kaminskiy, V. V. (2014). *General'nogo shtaba general-mayor M. E. Solnyshkin: ot khrabrogo terskogo kazaka i “myatezhnika-kornilovtsa” k dobrosovestnomu sluzhake v provintsial'nykh shtabakh Krasnoy Armii : 1914–1924 gg.* [The General Staff Major-General M. E. Solnyshkin: from Brave Terek Cossack and “Rebel-Kornikovets” to the Conscientious Red Army Employee : 1914–1924]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 132–144.

Kaminskiy, V. V. (2014). *Ot Kolchaka v Krasnuyu Armiyu: sluzhebnaya zanyatost' i dal'neyshie sud'by vypusknikov mladshego klassa 4–y ocheredi uskorennykh kursov “beloy” Akademii General'nogo Shtaba (Tomsk, aprel' 1919 g.)* [From Kolchak to the Red Army: The Career and Eventual Fate of the Graduates of the Junior Class of the “White” General Staff Academy's 4th Round of Accelerated Courses (Tomsk. April, 1919)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 40–68.

Kaminskiy, V. V. (2015). *Aleksandr Yakovlevich Yanovskiy: 41 god v boevom stroyu* [Alexander Yakovlevich Yanovsky]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 66–77.

Kaminskiy, V. V. (2015). *General'nogo shtaba general-leytenant N. N. Stogov – dobrosovestnyy voennyy spetsialist Krasnoy Armii ili zavedomyy “vreditel'” v ee ryadakh?* [Lieutenant-General of the General Staff N. N. Stogov – A Scrupulous Red Army Military Specialist or Notorious “Wrecker” within its Ranks?]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 59–70.

Kaminskiy, V. V. & Milbakh, V. S. (2015). *Komkor Nikolay Vasil'evich Lisovsky i ego sud'ba* [The Fate of Komkor Nikolay Lisovsky]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 46–54.

Kashchenko, E. S. (2012). *Ob izmenenii stereotipov v otechestvennom kinematografe 1910–1930 gg. (na primere fil'mov “Zhizn' za zhizn'” (1916) i “Semero smelykh” (1936))* [The alteration of typical models in Russian Cinema (“Zhizn za zhizn” (1916) and “Semero smelix” (1936))]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 175–181.

Kartoteka Likhotvorika A. A. (n. d.). [A. A. Likhotvorik Card Index]. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=321 (mode of access: 12.03.2016).

Kharshak, A. A. (2012). *Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981 : Tvorchesky put'. Stanovlenie* [Petr Evgenievich Kornilov (1896–1981). Creative Development. Formation]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 153–174.

Kharshak, A. A. (2013). *Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981) : Tvorchesky put'. Sluzhenie* [Petr Yevgenyevich Kornilov (1896–1981). Career. Service]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 208–240.

Kharshak, A. A. (2014). *Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981) : Tvorchesky put'. Voskhozhdenie* [Petr Evgenievich Kornilov (1896–1981). His Career Path and Ascent]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 212–247.

Kharshak, A. A. (2015). *Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981) : Tvorchesky put'. Ispytanie* [Petr Yevgenyevich Kornilov (1896–1981). Creative Career. Probation]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 152–191.

Kharshak, A. A. (2015). *Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981) : Tvorchesky put'. Voskreshenie* [Petr Kornilov (1896–1981). Creative Development]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 131–172.

Khodjakov, M. V. (2011). *Lyudi i den'gi: denezhnaya reforma 1947 g. i deyatel'nost' Leningradskoy bumazhnoy fabriki Goznak* [People and money: currency reform of 1947 and activity of the paper mill Goznak in Leningrad]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 54–65.

Khodjakov, M. V. (2012). *Den'gi i “chernyy rynok” v lageryakh inostrannykh voennoplennykh Estonskoy SSR : 1945–1949 gg.* [Money and black market in the prison camps for foreigners of the Estonian SSR :1945–1949]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 180–194.

Khodjakov, M. V. (2012). *“Prikhoditsya tratit' nemalo deneg dlya sokhraneniya konspirativnosti” : Petrogradskaya gubernskaya ChK perioda grazhdanskoy voyny*

v materialakh finansovykh organov ["Spend a lot of money to save the conspiracy" : Petrogradskaya Cheka during the Civil War in the financial Authorities materials]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 7–23.

Khodjakov, M. V. (2013). *"Eti brat'ya MVD mnogo khuzhe, chem bylo nashe Gestapo…": nastroeniya voennoplennykh v lageryakh Estonskoy SSR v 1948 g.* [«These Fellows From the MVD are Much Worse Than our Gestapo Ever Was…»: The Mood Among Prisoners-of-War in Concentration Camps of the Estonian SSR in 1948]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 273–274.

Khodjakov, M. V. (2013). *Pobegi inostrannykh voennoplennykh iz lagerey NKVD-MVD Estonii v 1945–1949 gg.* [Shoots of foreign prisoners of war from the Estonian camps of NKVD-MVD in 1945–1949]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 228–249.

Khodjakov, M. V. (2014). *Perepiska inostrannykh voennoplennykh v lageryakh NKVD-MVD Estonii vo vtoroy polovine 1940-kh gg.* [Correspondence of Foreign Prisoners in the Camps of the Estonian NKVD-MVD in the late 1940s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 39–55.

Khodjakov, M. V. & Chemakin, A. A. (2012*). Denezhnoe obrashchenie v sovetskoy zone okkupatsii Germanii : 1945–1948 gg.* [Money circulation in the Soviet occupation zone of Germany. 1945–1948]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 153–165.

Komarkov, A. Yu. (2012). *Problemy stanovleniya soyuznicheskikh otnosheniy SSSR s Angliey i SShA (22 iyunya – oktyabr' 1941 g.)* [Problems of establishment of allied relations between USSR, England and United States (22 June – October 1941)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 145–152.

Konokhova, A. S. (2012a). *"I nam v otvet razdayutsya naznacheniya po gorodam oblastnogo znacheniya…": sistema raspredeleniya vypusknikov vuzov v SSSR v gody khrushchevskoy "ottepeli"* ["We receive appointments to the backwoods towns…": graduates′ job placement in USSR during the "thaw" period]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 233–242.

Konokhova, A. S. (2012b). *Sestry miloserdiya v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Sisters of charity in the years of revolution and Civil war]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 91–99.

Kotova, E. S. (2015). *Osobennosti reprezentatsii problem gradostroitel'stva v SSSR i Velikobritanii : 1950–1970-e gg.* [Some Features of the Representation of the Problems of Urban Development in the USSR and the United Kingdom, 1950–1970s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3*, pp. 182–192.

Kovaleva, T. V. (2011). *Iz "razzhalovannoy stolitsy…" (po materialam oppozitsionnoy pressy 1918 g.)* ["From the demoted capital..." (from oppositional periodicals in 1918)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 35–49.

Kozlov, D. (2011). *Otzyvy sovetskikh chitateley 1960-kh gg. na povest' A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha": svidetel'stva iz arkhiva "Novogo mira"* [Responding to A. I. Solzhenitsyn's "One Day in the Life of Ivan Denisovich": Soviet readers' letters to "Novyi mir" in the 1960s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 178–200 (Part I), *2,* pp. 192–200 (Part II).

Krivosheev, Yu. V. (2011). *"V svyazi s evakuatsiey iz rayona…": sovetskie pereselentsy na Karel'skom peresheyke i nachalo Velikoy Otechestvennoy Voyny* ["For the reason of evacuation from the region…": Soviet migrants on the Karelian Isthmus and the beginning of the Great Patriotic War]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 133–137.

Krivosheev, Yu. V. (2013). *Dokumenty ob areste S. F. Platonova v 1919 g. i M. K. Lyubavskogo v 1923 g.* [Documents on the Arrest of S. F. Platonov in 1919 and M. K. Lyubavsky in 1923]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 240–244.

Krivosheev, Yu. V. & Sokolov, R. A. (2012). *Periodicheskaya pechat' o fil'me "Aleksandr Nevsky" : 1938–1939 gg.* [Periodicals about the "Alexander Nevsky" movie : 1938–1939]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 178–192 (Part I), *2,* pp. 114–135 (Part II).

Krymskaya, A. S. (2011). *K istorii nauchnoobrazovatel'nykh obmenov mezhdu SSSR i SShA v kontse 1950-kh – 1960-e gg.* [About USSR–USA scientific and educational exchanges at the end of 1950s–1960s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 99–106.

Krymskaya, A. S. (2014). *Sovetsky obraz zhizni glazami amerikanskikh stazherov 50–70-kh gg. XX veka: iz vospominaniy i interv'yu* [Soviet way of life as seen by American exchange scholars in the 50s–60s of the XX century]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 125–139.

Kulachkov, V. V. (2014). *Vospriyatie deyatel'nosti kooperativnykh organizatsiy krest'yanstvom Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg.* [Cooperative Organizations and the

Perception of its Activity by the Peasantry of Western Russia in the 1920s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 56–63.

Qualls, K. (2011). *Sozdanie i rekonstruktsiya pamyati o Sevastopole* [Constructing and reconstructing the memory of a hero-city Sevastopol]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 138–145.

Qualls, K. (2013). *O pereplanirovke goroda-geroya Sevastopolya, 1944–1953 gg.* [To agitate and to render service: replanning of the hero-city Sevastopol, 1944–1953]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 70–91.

Kutuzov, V. A. (2011). *A. A. Zhdanov i postanovlenie TsK VKP (b) o zhurnalakh "Zvezda" i "Leningrad"* [Zdanov and the decision of AUCP(b) about the journals "Zvezda" and "Leningrad"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 146–152.

Kutuzov, V. A. (2012). *Zhdanov ili Kuznetsov? : K voprosu o liderstve v blokirovannom Leningrade* [A. A. Zhdanov or A. A. Kuznetsov? Problem of leadership in besieged Leningrad]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 193–203

Kutuzov, V. A. (2013). *Zagadochnaya smert' A. A. Zhdanova* [Mysterious death of A. A. Zhdanov]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 164–177.

Kuznetsova, O. N. (2011). *Ekonomichesky Sovet pri Vremennom pravitel'stve Rossii v 1917 g.* [The Economic Council of the Provisional Government of Russia in 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 7–21.

Lazarev, S. E. & Milbakh, V. S. (2012). *Politicheskie repressii v voennykh akademiyakh Leningrada v 1930–1938 gg.* [Political repressions in the military academies of Leningrad in 1930–1938]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 100–113.

Lebina, N. B. (2011). *Lingvisticheskie istochniki perioda destalinizatsii v SSSR (opyt sravnitel'nogo analiza "Tolkovogo slovarya yazyka Sovdepii", slovarya-spravochnika "Novye slova i znacheniya" i "Kratkoy entsiklopedii domashnego khozyaystva")* [The linguistical sources of the De-Stalinization′s period in the USSR (The experience of the comparative analysis "Explanatory dictionary Sovdepii", dictionary-reference book "New words and importances" and "Brief household encyclopedia")]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 19–26.

Lyarskiy, A. B. (2014). *"My sami sozdali sebe svoy mir...": shkol'nye rukopisnye gazety i zhurnaly nachala XX v. kak faktor sotsializatsii* ["We created our own World by ourselves...": Early 20th Century School Handwritten Press as a Factor of Socialization]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 179–196.

Makarova, G. I. (2013). *Konstruiruya natsional'no–-identichnosti: etnokul'turnye politiki federal'nogo tsentra i regionov Rossii (na primere Respubliki Tatarstan) v 1990–2000-e gody* [Constructing National and Civil Identity: Federal and Regional Ethno-Cultural Policy in Russia (on the Example of the Republic of Tatarstan) in 1990–2000s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 84–97.

Mazhara, P. Yu. (2012). *Beloe dvizhenie na Severo-Zapade Rossii v memuarakh politikov i zhurnalistov (istochnikovedcheskiy analiz)* [White Movement in northwest Russia in the memoirs of politicians and journalists (source analysis)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 62–69.

Meltsin, M. O. (2013). *Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V. N. Dolgorukova (Vladimirova)* [From Noble Origins to the Fate of the Soviet Intelligentsia: The life and Works of V. N. Dolgorukov (Vladimirov)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 174–186.

Mikheev, V. F. & Mikheev, G. F. (2012). *"Leningradskoe delo" (po materialam sledstvennykh del)* ["The Leningrad affair" (on the base of the investigatory cases)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 214–232 (Part I).

Mikheev, V. F. & Mikheev, G. F. (2013). *"Leningradskoe delo" (po materialam sledstvennykh del)* ["The Leningrad affair" (on the base of the investigatory cases)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 178–197 (Part II).

Mikheev, G. F. (2015). *Volny "leningradskogo dela" (po materialam sledstvennykh del rodstvennikov "vraga naroda")* [Waves of the "Leningrad Affair" (A Case Study on the Repression of Relatives of the "Enemies of the People" Based on Investigatory Materials)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 83–109.

Mikhaylova, I. B. (2013). *S yubileem, "Ivan Vasil'evich"! : Kinokomediya L. I. Gaydaya v presse* [Happy Birthday "Ivan Vasilievich!" L. I. Gaidai′s Cinematic Comedy in the Press]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 201–218.

Mikhaylova, I. B. (2014). *S yubileem, "Ivan Vasil'evich"! : Kinokomediya L. I. Gaydaya: "smeshno, no ne tol'ko..."* [Happy Anniversary, "Ivan Vasilievich"! L. I. Gaidai′s comedy-film («it′s funny, but not only...»)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 143–156.

Mikhaylova, I. B. (2014). *S yubileem, "Ivan Vasil'evich"! : P'esa M. A. Bulgakova – literaturnyy istochnik fil'ma L. I. Gaydaya* [Happy Anniversary, "Ivan Vasilievich!" M. A. Bulgakov′s Play as a literary Insipartion for L. I. Gaidai′s Film]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 248–264.

Mikhaylova, I. B. (2015). *Doloy "«nenastoyashchego" "Tsarya"! : Kampaniya protiv kinofil'ma P. S. Lungina v pechati i Internete* [Down with the "Unreal" "Tsar"! The Campaign against the Film of P. S. Lungin in Press and the Internet]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 192–208.

Mikhaylova, I. B. (2015). *"Strashnoe kino" o "psikhologii vlasti" : O fil'me "Tsar'" – ego sozdateli* ["Terrible film" about "psychology of power". Creators of the film about it`s meaning]. In Noveyshaya istoriya Rossii, 1, pp. 163–173.

Millet-Gérard, D. (2015). *Russkoe prisutstvie vo Frantsii 1920–1930-kh gg. na stranitsakh zhurnala "Zolotaya trost'"* [Russian Presence in France in 1920–1930s on Pages of "Le Roseau d′Or"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1*, pp. 191–202.

Nazarenko, K. B. (2015). *Mikhail Nikolaevich Tukhachevsky: mezhdu mifami i istoricheskoy naukoy* [Mikhail Tukhachevsky: Between Myths and Historical Science]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 55–68.

Nepomnyashchiy A. A. (2015). *Iz istorii podgotovki Krymskoy ekspeditsii: neizvestnyy proekt* [The preparation of Crimean Encyclopedia: Unknown Project]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 142–151.

Nicholson, J. (2014). *Chekanka sovetskikh poltinnikov v Velikobritanii v 1924 g.* [Coining Soviet 50-kopeek pieces in Great Britain in 1924]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 86–96.

Nikulenkova, E. V. (2014). *Istoricheskoe otdelenie Instituta krasnoy professury v 1920-e gg.* [The History Department of the Institute of Red Professors in the 1920-s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 108–123.

Ostrovskiy, A. V. (2013). *"P'yanaya derevnya": domysly i fakty* ["The drunken countryside": conjectures and facts]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 140–158.

Ot redkollegii [A Word of Editorial Board]. (2011). In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* p. 7.

Patrikeeva, O. A. (2015). *Povsednevnaya zhizn' Gosudarstvennoy dumy Rossii (po neopublikovannym dnevnikam S. I. Smirnovoy-Sazonovoy. 1906–1917 gg.)* [Everyday Life of the Russian State Duma (Unpublished Diaries of S. I. Smirnova-Sazonova. 1906–1917)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 133–141.

Petin, D. I. (2012). *Emissionnaya politika dal'nevostochnogo "bufera" v 1920 g.* [Emission policy of Far Eastern "Buffer" in 1920: The new facts]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 41–56.

Petin, D. I. (2015). *Dokumenty Vremennogo pravitel'stva avtonomnoy Sibiri o khozhdenii voennykh deneg Sibirskoy ekspeditsii yaponskikh voysk* [Autonomous Siberia Provisional Government's Documents on Circulation of Siberian Expedition of Japanese Troops Military Money]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 236–246.

Petrov, V. V. (2015). *"Luchshe poydu militsionerom, chem rektorom...": deyatel'nost' Organizatsionnoy komissii LGU : 1925–1926 gg.* ["I Would rather Serve as Policeman thas as Rector...": Proceedings of the Organizational Commission of Leningrad State University]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 80–93.

Pivovarov, E. G. (2015). *Akademicheskie izdaniya v SShA v 1860–1940 gg. (k voprosu o vliyanii Pervoy mirovoy voyny na razvitie rossiysko-amerikanskikh kul'turnykh svyazey)* [Publications of the Russian Academy of Sciences in the United States in 1860–1940 (The Effect of World War I on the Development of Russian-American Cultural Relations)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 146–162.

Polynov, M. F. (2011). *"Doktrina Gorbacheva" i ukhod SSSR iz Vostochnoy Evropy* ["The Gorbachev′s doctrine" and retirement of USSR from Eastern Europe]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 107–121.

Polynov, M. F. (2011). *M. S. Gorbachev i ob"edinenie Germanii* [M. S. Gorbachev and the association of Germany]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 201–215.

Polynov, M. F. (2012). *M. S. Gorbachev i novoe politicheskoe myshlenie: istoki, osnovnye idei, rezul'taty* [M. S. Gorbachev and the "New Political Thinking"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 136–152.

Portsel, A. K. (2011). *O rossiysko-norvezhskoy morskoy torgovle v 1914–1920 gg.* [Russian-Norwegian sea trade in the Kola North in 1914–1920]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 80–90.

Portsel, A. K. (2015). *Bor'ba za Shpitsbergen v gody Vtoroy mirovoy voyny* [The Battle for Spitzbergen during World War II]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 78–90.

Puchenkov, A. S. (2011). *Kiev v kontse 1918 g.: padenie rezhima getmana P. P. Skoropadskogo* [Kiev at the end of 1918: the fall of the Hetman′s P. P. Skoropadsky regime]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 57–72.

Puchenkov, A. S. (2012). *"Daesh' Varshavu!": iz istorii sovetsko-pol'skoy voyny 1920 g.* ["To Warsaw!": From the history of Polish-Soviet War of 1920]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 24–40.

Puchenkov, A. S. (2013). *Antibol'shevistskoe dvizhenie na Kubani v nachale grazhdanskoy voyny (noyabr' 1917 g. – mart 1918 g.): k istorii otryada generala V. L. Pokrovskogo* [The Antibolshevik Movement on Kuban in the Beginning of the Civil War (November 1917 – March 1918): from the History of General V. L. Pokrovsky′ Detachment]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 98–108.

Rachkovskiy, V. A. (2011). *Petrogradsky sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v fevrale-marte 1917 g. v vospominaniyakh sotsialistov* [The Petrograd Council of Workers′ and Soldiers′ Deputies in February and March 1917 in the memories of the Socialists]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 22–34 (Part I).

Rachkovskiy, V. A. (2012). *Petrogradsky sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v fevrale – marte 1917 g. v vospominaniyakh sotsialistov* [The Petrograd Council of Workers′ and Soldiers′ Deputies in February and March 1917 in the memories of the Socialists]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 59–73 (Part II).

Rachkovskiy, V. A. (2015). *Voyna i Petrogradsky Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v fevrale-marte 1917 g.* [The War and the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in February – March 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 39–45.

Ratkovskiy, I. S. (2012). *Petrogradskaya ChK i organizatsiya doktora V. P. Kovalevskogo v 1918 g.* [Petrogradskaya Cheka and organization of doctor V. P. Kovalevsky in 1918]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 100–115.

Ratkovskiy, I. S. (2012). Rev. on: Kaminsky, V. V. (2011). *Vypuskniki Nikolaevskoy Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoy Armii.* 736 p. Sankt Petersburg, Aleteyya. []. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 242–247.

Ratkovskiy, I. S. (2014). *"Gimnazistki vlyublyalis' v nego po ushi": Vilenskaya gimnaziya v zhizni "Zheleznogo Feliksa" : 1887–1896 gg.* [Vilna Gymnasium in the Life of "Iron Felix" Dzerzhinsky]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 197–217.

Ratkovskiy, I. S. (2015). *Dzerzhinovo v zhizni zheleznogo Feliksa* [Dzerzhinowo in the Fate of «Iron Felix»]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 8–21.

Ratkovskiy, I. S. (2015). *Vosstanovlenie v Rossii smertnoy kazni na fronte letom 1917 g.* [Reinstatement of the Death Penalty in Russia in the Summer of 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 48–58.

Rupasov, A. I. (2012). *Sovetsko-shvedskie otnosheniya v kontse 1950-kh gg.* [The Soviet-Swedish relations in the late 1950s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 117–137.

Rupasov, A. I. (2014). *"Spolzayushchaya maska neytral'nosti" : Sovetsko-shvedskie otnosheniya v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh gg.* ["Mask of Neutrality Slips Away" : Soviet-Swedish Relations in the late 1940s – early 1950s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 157–180.

Ryabova, L. K. (2015). *K metodologii issledovaniya vospriyatiya gorodskogo prostranstva (sluchay Vyborga)* [A Methodology for Researching the Perception of City Space (On the Case of Vyborg)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 110–121.

Ryabova, L. K. (2014). *"Novyy zhurnal": publitsistika 1953–1963 gg.* ["The New Review" («Novy Journal»): Journalism, 1953-1963]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 128–142.

Ryabova, L. K. (2011). *O metodologicheskikh problemakh izucheniya noveyshey istorii i istorii sovremennosti* [About the methodology problems in studies of contemporary history]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 8–18.

Raykova, V. A. (2014). *Brest-Litovsky dogovor i ego znachenie dlya zaversheniya Pervoy mirovoy voyny v interpretatsii Dzh. F. Kennana* [George F. Kennan about the Brest-Litovsk Treaty and its Role for the Ending of the First World War]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 260–269.

Salishchev, M. A. (2014). *Uchastie potomstvennogo dvoryanstva Sankt-Peterburga v predprinimatel'skoy deyatel'nosti v 1914 g.* [Participation of the Hereditary Nobility of St. Petersburg in Business Activity in 1914]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 172–183.

Samovich, A. L. (2015). *Patrioticheskoe dvizhenie sredi uchashcheysya molodezhi Minskoy gubernii v gody PMV* [The Patriotic Movement among Students in Minsk Province during World War I]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 29–38.

Shelokhaev, V. V. & Soloviev, K. A. (2014). *Rossiyskie liberaly o Pervoy mirovoy voyne* [The First World War: Russian Liberal Point of View]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 184–196.

Shevchenko, K. V. (2014). *Kanun Pervoy mirovoy voyny v cheshskom obshchestvennom mnenii i presse* [Eve of the First World War in reflection of the Czech public opinion and press]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 29–43.

Smirnov, N. N. (2011). *Slovo o kollege, uchenom i uchitele (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseya Nikolaevicha Tsamutali)* [A word about a colleague, scientist and teacher (to the 80th anniversary of the birthday of Alexey Nikolayevitch Tsamutali)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 263–268.

Smirnov, N. N. (2012). *Daniil Natanovich Al'shits (03.02.1919–13.02.2012).* In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 275–279.

Smirnov, N. N. (2014). *Voyna, revolyutsionnaya Rossiya i Frantsiya v 1917 g.: novye istochniki* [War, Revolutionary Russia and France: New Sources]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 8–12.

Smirnov, N. N. (2015). *Mezhdistsiplinarnyy nauchno–teoreticheskiy zhurnal "Noveyshaya istoriya Rossii"* [Interdisciplinary journal "Contemporary Russian history"]. In *Rossiyskaya istoriya, 1,* pp. 142–146.

Smirnov, N. N. & Rachkovsky, V. A. (2015). *Professor G. L. Sobolev i leningradskaya shkola istorikov revolyutsii 1917* [Professor G. L. Sobolev and the "Leningrad School" of Historians of Russian Revolution 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 7–18.

Smolin, A. V. (2015). *1917 god: Torneo – doroga v Rossiyu* [Torneo – Way to Russia]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 19–53.

Sobolev, G. L. (2013). *Gluboky issledovatel' revolyutsionnoy Rossii. Pamyati O. N. Znamenskogo. 1927–1993 gg.* [Researcher of revolutionary Russia. In memory of O. N. Znamensky. 1927–1993]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 220–227.

Sobolev, G. L. (2013). *O Leningradskoy shkole istorikov Rossiyskoy revolyutsii 1917 g.* ["«Leningrad school" of historians of Russian revolution of 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 142–147.

Sokolov, B. V. (2008). *Tukhachevsky* [Tukhachevsky]. 447 p. Moscow, Molodaya Gvardiya.

Sokolova, V. A. (2013). *Krasnyy Krest v Finlyandii v period Russko-Yaponskoy i Pervoy mirovoy voyn* [Russian Red Cross Society in Russian-Japanese War and the World War I]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 48–55.

Solovieva, M. A. (2012). *Razvitie predstavleny o fenomene politicheskoy kul'tury* [Elaboration of political culture conception]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 35–50.

Spisok General'nogo Shtaba (ispravlen po 3 yanvarya s prilozheniem izmeneniy po 8 fevralya 1917 g.) [General Staff Register (3rd edition – till 3 January with appendix of changes till 8 February 1917]. (1917). 164 p. Petrograd.

Starostin, D. N. (2014). *Trapezundskaya ekspeditsiya 1916–1917 gg.* [Russian Trabzon Expedition (1916–1917)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 283–291.

Staroverova, E. V. (2013). *Rossiya na puti k konstitutsionnoy monarkhii: izmenenie normotvorcheskikh polnomochy Imperatora Rossiyskoy imperii v rezul'tate reform 1905–1906 gg.* [Russia on the Path to a Constitutional Monarchy: Modification of the Russian Emperors′ Norm-Setting Authority as a Result of the Reforms of 1905–1906]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 7–19.

Tarasova, E. A. (2012). *Osazhdennyy parlament: X (chrezvychaynyy s"ezd narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii)* [The besieged parliament: 10th Extraordinary Congress of people′s deputies of Russian Federation]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 215–230.

Tarasov, K. A. (2014). *Proyavleniya politicheskogo nasiliya v Petrogradskom garnizone v mae – iyule 1917 g.* [Political Violence in the Petrograd Garrison in May – July 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 28–39.

Taymanova, T. S. (2015). *Frantsuzsky rabochy o strane Sovetov: istorichesky opyt i literature* [The French Worker about the Soviet Union: Historical Experience and Literature]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 121–130.

Toth, R. (2015). *Evropeysky krizis kul'tury kak predposylka k voyne* [European Culture Crisis as Premise of War]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 122–134.

Toth, R. (2014). *Preobrazovanie rossiyskoy politicheskoy sistemy v mezhdunarodnom kontekste* [The Transformation of the Russian Political System in the International Context]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 190–202.

Tosh, J. (2000). *Stremlenie k istine : Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History]. 296 p. Moscow, Ves' Mir.

Tsindik, A. A. (2014). *Istochniki dlya izucheniya voennoy i boevoy raboty revolyutsionnogo podpol'ya v Zapadnoy Sibiri : 1905 – fevral' 1917 g.* [Sources for the Study of Military and Combat Activities within the Revolutionary Underground of Western Siberia. 1905 – February 1917]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 17–27.

Tsindik, A. A. (2013). *K voprosu o rabote pravookhranitel'nykh organov v Zapadnoy Sibiri : 1905–1914 gg.* [The work of the law enforcement agencies of the Western Siberia. 1905–1914]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 134–141.

Tsipursky, G. (2013). *"Komsomolu prikhoditsya ob"yavit' besposhchadnuyu i reshitel'nuyu voynu protiv vsekh tipov stilyag" : Politika v otnoshenii "vesternizirovannoy" molodezhi v Sovetskom Soyuze pri N. S. Khrushcheve* ["The Komsomol Needs to Announce a Merciless and Decisive War to All Kinds of 'Stiliagi'" : Managing Westernized Youth in the Soviet Union under Khrushchev]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 55–83.

Tverdyukova, E. D. (2011). *Bor'ba so zloupotrebleniyami v khode provedeniya denezhnoy reformy 1947 g.* [Struggle against abuses during currency reform of 1947]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 45–53.

Tverdyukova, E. D. (2012). *Lichnyy avtomobil' kak predmet potrebleniya v SSSR. 1930–1960-e gg.* [The privately owned vehicle as a consumer good in the USSR. 1930–1960s.]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 166–177.

Tverdyukova, E. D. (2012). *"O pivnom uklone i torgasheskikh izvrashcheniyakh": torgovlya alkogolem v Leningrade 1930-kh gg.* ["About the beer tendency and mercantile deviations": alcohol trade in Leningrad in the 1930s]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 88–99.

Tverdyukova, E. D. (2014). *Provizionnye bilety zheleznodorozhnikov: k probleme legal'nogo meshochnichestva v gody grazhdanskoy voyny v Rossii* [Provisioning Tickets for Railroad Workers: the Problem of Legal "Bag-Man" Activities during the Russian Civil War Years]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 69–81.

Tverdyukova, E. D. (2015). *"Kolbasa – delo doveriya": fal'sifikatsiya pishchevykh produktov v Rossii v gody PMV (1914–1918 gg.)* ["Sausage is a Matter of Confidence": The Counterfeiting of Foodstuffs in Russia during the Years of the First World War (1914–1918)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 71–82.

Valge, J. (2013). *Sposobstvovala li Moskva gosudarstvennomu perevorotu v Estonii 1934 g.?* [Was the Estonian coup d'etat of 1934 promoted by Moscow?]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 92–114.

Vianey, B. (2014). *Bone, tipografsky rabochy iz Frantsii, stavshy sovetskim diplomatom* [Marcel Body: Printshop Workman from France, who became a Soviet Diplomat]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 73–85.

Vitale, A. (2013). *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sravnitel'noy perspektive: russkaya traditsiya i zapadnaya model' gosudarstvennogo ustroystva* [Russian Statehood in a Comparative Perspective: the Russian Tradition and the Western Model of State-Building]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 20–36.

Vozgrin, V. E. (2013). *Yubiley professora A. V. Smolina* [Professor A. V. Smolin anniversary]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 318–319.

Voytikov, S. S. (2014). *"Oppozitsiya v sobstvennom dome" : Porazhenie v Pervoy mirovoy voyne i "natsional'noe" splochenie v ryadakh bol'shevistskoy partii. 1918 god* [Opposition in Lenin's "House" : Defeat in the First World War and "National" Unity in the Ranks of Bolshevik Party. 1918]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 218–233.

Voytikov, S. S. (2014). *"Raznoglasie est' i vyneseno v pechat'": diskussiya po voennomu voprosu v sovetskoy Rossii vo vtoroy polovine 1918 – nachale 1919 g.* ["There is a Disagreement and it has found Expression in the Press": Discussion of the Military Question in Soviet Russia in the second half of 1918 – the beginning of 1919]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 8–24.

Voytikov, S. S. (2015). *I. V. Stalin protiv Ya. M. Sverdlova : Osen' 1918 g.* [Stalin against Y. M. Sverdlov]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 30–45.

Yarmolich, F. K. (2012). *Kadrovyy sostav organov tsenzury v 1950 – nachale 1960-kh gg. (na materialakh Leningrada, Karelii i Murmanskoy oblasti)* [The Personnel Structure

of Censorship Bodies in the 1950s – early 1960s (on the data of Leningrad, Karelia and Murmansk region)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 204–214.

Yarmolich, F. K. (2013*). Lektsionnaya propaganda estestvenno-nauchnykh i nauchno–tekhnicheskikh dostizheniy v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh gg. (na materialakh Leningrada)* [Propagation of knowledge on natural science and technical achievements in the late 1940s and early 1950s (Leningrad data)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 250–256.

Yarmolich, F. K. (2015). *Molodezh' i kul'turno-prosvetitel'naya rabota v 1950-e gg. (na materialakh Leningrada)* [Young Men and the Cultural and Educational Work in the 1950s (on Materials of Leningrad)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 173–181.

Zakirov, R. S. (2013). *Ob odnoy provokatsii Departamenta politsii (iz materialov sledstviya nad chlenom Boevoy Organizatsii partii sotsialistov-revolyutsionerov I. P. Kalyaevym v 1905 g.)* [About Police department′s provocation (from the investigation records of Socialist Revolutionary Party′s organization member I. P. Kalyaev 1905)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 159–168.

Zdanovich, A. A. (2014). *"Delo Myasoedova" : Novyy etap izucheniya ili beg po krugu* ["Myasoedov′s Case" : A New Stage in Study or Running in a Circle]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 3,* pp. 234–247.

Jacob, F. (2015). *Ot "Bozhe, tsarya khrani!" do "Krasnykh volkov": antibol'shevistsky pokhod Lui Dyumyura* [From "God Save the Tsar!" to "Red Wolves": the AntiBolshevist Campaign by Louis Dumur]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1,* pp. 182–189.

Ziborov, V. K., Ivanov, V. A. & Khodyakov, M. V. (2015). *"Kadry reshayut vse!" : Blokadnye zapiski sotrudnika NKVD. 1942 god* ["Personnel Determines Everything". Blockade Memoirs of NKVD Employee. 1942]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 2,* pp. 246–276.

The article was submitted on 21.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.169
УДК 94(100)"1914/19"+323.325(470)+930(470)

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВСЕРОССИЙСКАЯ ДИСКУССИЯ

Рец. на: Русское крестьянство и Первая мировая война : междунар. круглый стол / публ. П. П. Марчени, С. Ю. Разина // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.

Сергей Любичанковский
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

THE RUSSIAN PEASANTRY AND WORLD WAR I AS A PROBLEM FOR RUSSIAN HISTORYOGRAPHY*

Rev. of: Russian Peasantry and World War I : An International Round Table / publ. by P. P. Marchenya, S. Yu. Razin // *Novyi istoricheskii vestnik*. 2014. № 2 (40). P. 8–89.

Sergei Lyubichankovsky
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

The article contains results of an analysis of the materials of the all-Russian round table (with international participation) devoted to the mutual influence of the Russian peasantry and World War I. This academic forum was held on April 11, 2014 on the basis of Historical and Archival Institute (Russian State University for the Humanities), and its shorthand report is published in the New Historical Bulletin, Issue 2, 2014. The author describes the viewpoints of modern historians of Russia, Ukraine and Belarus on the issue in question, pointing out the strengths and weaknesses of the discussion, and assessing its role in modern Russian historiography.

Keywords: World War I; peasantry; historiography.

* *Citation*: Lyubichankovsky, S. (2016). Russian Peasantry and World War I as a Problem for Russian Historyography. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169.

Цитирование: *Lyubichankovsky S.* Russian Peasantry and World War I as a Problem for Russian Historyography // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169 / *Любичанковский С.* Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169.

© Любичанковский С., 2016

В статье содержатся результаты анализа материалов всероссийского (с международным участием) круглого стола, посвященного взаимному влиянию российского крестьянства и Первой мировой войны. Названный научный форум был проведен 11 апреля 2014 г. на базе Историко-архивного института РГГУ, а стенограмма опубликована в журнале «Новый исторический вестник» в № 2 за 2014 г. Представлены основные аргументы, характеризующие позицию современных историков России, Украины и Беларуси по данной проблематике, указано на сильные и слабые стороны проведенной дискуссии, дана оценка ее места в современной российской историографии.

Ключевые слова: Первая мировая война; крестьянство; историография.

Последние несколько лет в Российской Федерации проходят под знаком крупных исторических юбилеев, которые для государства стали хорошим поводом апробировать новую политику в сфере исторической памяти, а для научного сообщества – активизировать обсуждение наиболее значимых проблем отечественного прошлого. Среди этих проблем одной из ключевых является определение отдаленных истоков и ближайших причин того системного кризиса, который «накрыл» нашу страну в начале XX в. Актуальность этого вопроса обусловлена как ломкой прежних объяснительных моделей, господствовавших в СССР, и стремлением выработать новую концепцию революционного кризиса с учетом новейших достижений мировой историографии, так и просматривающимися аналогиями в современной жизни, в которой слово «кризис» перманентно присутствует.

Реакцией на этот общественный запрос в научной среде стал проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации», который за шесть лет своего существования зарекомендовал себя как регулярно действующая солидная академическая площадка для открытого обмена мнениями по многим животрепещущим вопросам исторической науки [Хорос]. Поскольку данный проект изначально методологически нацелен на научное изучение ситуаций системного кризиса, его интерес к проблеме влияния Первой мировой войны на слом всего старого режима представляется закономерным. Обращение к этой тематике выразилось в проведении 11 апреля 2014 г. в Российском обществе историков-архивистов дискуссии по теме «Русское крестьянство и Первая мировая война», краткая стенограмма была опубликована в сборнике [Русское крестьянство и Первая мировая война]. Сразу скажу, что понятие «русское крестьянство» в контексте проведенного обсуждения не имеет этнического контекста, поскольку под ним подразумеваются все крестьяне России, и, возможно, точнее было бы определить тему мероприятия как «Российское крестьянство и Первая мировая война». Настоящая статья посвящена оценке его основных результатов.

Заявленный как международный круглый стол, по факту он являлся всероссийским с международным участием (говоря конкретно, с участием профессора А. В. Михайлюка из Украины и видного представителя как белоруской, так и российской науки профессора О. Г. Буховца). Думается, именно так он и должен был быть назван при издании полных материалов форума.

Однако это нисколько не умаляет значения той дискуссии, которая была проведена. Она стала действительно всероссийской. Во многом это было обеспечено составом участников – более 30 известных ученых, докторов и кандидатов исторических наук, специализирующихся главным образом на аграрной истории и представляющих ведущие научные центры Архангельска, Брянска, Вологды, Иркутска, Казани, Кирова, Мичуринска, Москвы, Пензы, Саратова, Тамбова, Ульяновска. Нашей науке давно не хватало сопоставления взглядов из разных регионов на вынесенную для обсуждения проблематику, а ведь только так можно приблизиться к адекватному пониманию сложнейших процессов, проходивших в нашей стране столетие назад.

Отсутствие среди коллег русистов из дальнего зарубежья, на мой взгляд, оказалось на данном этапе, как это ни парадоксально звучит, даже полезным. Ведь тот разброс мнений и подходов, который в итоге проявился на данном мероприятии, требуется увязать между собой, продумать контраргументы на прозвучавшую критику, обобщить их во что-то методологически цельное и уже с этим продуктом (продуктами?) выходить на международную апробацию. Проведенный круглый стол стал, таким образом, стал тем необходимым шагом, без которого дальнейшее развитие исторической мысли по данному направлению представляется затруднительным.

Несколько слов о формате проведенного мероприятия. Судя по прочитанным мною материалам, это был действительно круглый стол, то есть свободный обмен мнениями по заранее заданным вопросам с упором не столько на доклады, сколько на дискуссию вокруг них. Считаю, что в нынешних условиях, когда на постсоветском научном пространстве сформировалась ужасная практика проведения дежурных так называемых «научных конференций» без обсуждений докладов участников, особенно пленарных докладов наиболее маститых ученых, нашей науке не хватает дискуссий, как воздуха. Даже при всех политико-идеологических ограничениях советского времени, нужно отдать должное, имела место практика проведения всесоюзных дискуссий. В современной России она в общем и целом пришла в упадок. Факты проведения всероссийских и международных дискуссий в России чрезвычайно редки [Российская история: теории изучения и методы преподавания; Местное управление в пореформенной России], хотя имеющиеся примеры и вызывают самое заинтересованное позитивное внимание мирового научного сообщества [Evtuhov; Lyubichankovskiy; Schattenberg; Weisensel]. Проект «Народ и власть» с самого начала своего существования понимал эту проблему, его мероприятия прохо-

дили в формате реального обсуждения, причем само это обсуждение представлено на страницах соответствующих сборников, то есть не осталось за кадром и стало доступным широкому читателю. Это одна из важнейших причин, по которой я могу рекомендовать сборник по итогам круглого стола на тему «Русское крестьянство и Первая мировая война» читателю. В нем есть полемика и живой профессиональный разговор. Уже поэтому его интересно читать.

Как известно, эффективная научная полемика возможна при трех необходимых условиях: во-первых, участники дискуссии должны быть специалистами в обсуждаемом вопросе; во-вторых, сами обсуждаемые вопросы должны быть предварительно хорошо продуманы и звучать конкретно; в-третьих, в ходе самого обсуждения нужно не давать участникам сильно отвлекаться на побочные сюжеты и уходить мыслью в сторону от заявленной проблематики. Выше уже показано, что первое условие было полностью выполнено. Важно отметить, что достаточно успешно были реализованы и два других фактора. Иными словами, для проведенного круглого стола характерно умелое модерирование. Судя по опубликованной стенограмме, основная заслуга здесь принадлежит координатору проекта С. Ю. Разину. Он заранее вынес на обсуждение три центральных комплексных вопроса, которые увязали между собой феномены крестьянства, Первой мировой войны и империи в контексте процессов столкновения традиции и модерна. Судя по опубликованным материалам, большинству коллег удалось удержаться в поставленных модератором границах, что позволило дискуссии остаться в своих целевых рамках и не превратиться в «разговор глухих», когда каждый говорит о своем.

Должен еще раз подчеркнуть, что вынесенные на обсуждение вопросы являются умело подобранными и принципиально важными для понимания исторической ситуации начала XX в. Необходимо их назвать:

– Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход Первой мировой войны? Как повлияла Первая мировая война на сознание и судьбу крестьянства в России?

– Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях Первой мировой войны? Насколько связаны с этой войной генезис и особенности политического режима в СССР?

– Была ли для русского крестьянства Первая мировая «отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую и Вторую мировые войны?

Это действительно интегральные вопросы, которые, по-видимому, просто нельзя решать поодиночке. Каждый ученый провел свое конкретно-историческое исследование в определенных им хронологических и территориальных рамках и каждый продолжает «заниматься своим». Это нормально. В отношении же обобщающих вопросов

каждый ученый в отдельности напоминает человека из известной притчи про слабовидящих людей, которые на ощупь описывали слона, и их ответ зависел от того, к какой части его тела они имели доступ. Естественно, что получались разные результаты. Проведенный круглый стол предложил исследователям оптику, позволяющую взглянуть на проблему целостно.

Вместе с тем, изучение материалов дискуссии натолкнуло на мысль о том, что организацию подобных круглых столов в будущем можно еще усовершенствовать за счет более дробного представления вопросов, выносимых на обсуждение. Так, например, имело бы смысл попросить всех участников определить свое понимание базовых для данной дискуссии терминов («традиция», «новация», может быть, даже «крестьянство» и т. д.), поскольку часть споров и несогласий явно была вызвана именно тем, что коллеги вкладывали в одни и те же слова разный смысл. И это стандартная для любого научного спора ситуация. Почему же не спровоцировать всех к определению своих подходов к понятийному аппарату в явном виде? Возможно, модераторам стоило бы выделить в отдельные кластеры и другие вопросы, связанные с необходимостью фиксации мнений исследователей по важнейшим аспектам темы. Это, с одной стороны, еще более повысило бы остроту дискуссии (за счет уменьшения возможности избегать спорных моментов), а с другой стороны, позволило бы более отчетливо увидеть те фактологические и источниковые белые пятна, которые нуждаются в первоочередном изучении в рамках решения поставленных задач. Все это в совокупности позволило бы еще более увеличить основу для сравнения позиций отдельных ученых и выработки консенсуса.

Необходимо отметить, что в триаде сюжетных линий «крестьянство», «Первая мировая война» и «империя», запланированных к первоочередному анализу организаторами круглого стола, наименее раскрытым осталось имперское измерение. Эту часть «домашнего задания» коллеги, видимо, поняли только как необходимость раскрыть взаимоотношения крестьян с государственными структурами Российской империи. Однако понятие «империя» давно уже приобрело статус методологического концепта, вокруг которого развивается несколько научных направлений [Krinko, Khlynina; Magsumov; Polyakova]. В России наиболее заметной является «новая история империи», выражающая свои идеи главным образом через журнал «Ab Imperio», на страницах которого многие ученые достаточно давно и плодотворно занимаются конкретно-историческим изучением имперского социума в соответствии со специально выработанной для этого методологией. Фактически ни один из участников не раскрыл такие базовые для «имперской» тематики аспекты, как местные крестьянские элиты и война; борьба традиции и модерна внутри крестьянского общества окраин, внутренней периферии и «ядра» империи; «инородческое» крестьянство и империя и др. Такая ситуация тоже является свое-

образным итогом состоявшегося обмена мнениями – в том смысле, что зафиксирован характерный для современной российской науки историографический срез, который позволяет отметить недостаточное взаимодействие «империологов» и «крестьяноведов» между собой. А ведь на стыке научных направлений, как правило, и рождается новое понимание. Будем считать, что в этом смысле прошедший круглый стол дал ясное задание представителям обоих научных направлений двигаться навстречу друг другу.

Анализ материалов различных круглых столов, прошедших не только в нашей стране, но и за ее рубежом, убедительно показывает, что даже при высочайшем уровне их участников далеко не всегда удается избежать выступлений, авторы которых ограничиваются высказыванием базовых тезисов своей позиции без развернутой аргументации или углубляются в иллюстративные примеры до такой степени, что «забывают» пояснить, в доказательство какой именно позиции они приводят тот или иной тезис. Единичные примеры таких выступлений можно найти и в материалах данного круглого стола. Однако для большинства участников было характерно рациональное соотношение тезисов и аргументов. Как это обычно происходит в любой настоящей дискуссии, всегда находятся те участники, которым удается удачно сформулировать принципиальные тезисы (в данном случае это ответы на вопросы модераторов), вокруг которых затем разворачивается остальной разговор. В этой ситуации такими концептуализаторами, как мне показалось, выступили сразу несколько участников. Так, П. П. Марченя выступил с идеей понимания крестьянского сознания начала XX в. как матричного для массового сознания, которое, в свою очередь, в революционную эпоху выступило в качестве основного критерия политической эффективности. Как мне кажется, эта идея не нашла своего реального развития в ходе самой дискуссии, но, без сомнения, является методологически важной новацией для изучения системных кризисов в принципе. А. В. Гордон выступил с глубокой идеей об объективном процессе раскрестьянивания крестьян, участвовавших в длительной войне, связанном с переформатированием крестьянского сознания в так называемое катастрофическое. Далее этот тезис применялся многими участниками дискуссии к материалам своих регионов (с разными результатами, касающимися и времени начала этого процесса, и его сути), а В. Г. Хорос показал, что зафиксированный А. В. Гордоном процесс по своей сути является частным случаем «социокультурного люмпенства», результата выпадения из существующей системы ценностей. Методологически этот подход дополняет точка зрения Н. В. Липатовой, которая с позиций исторической психологии оценила сознание тыловых солдат-крестьян как неопределенность (одно из самых разрушительно действующих на человека состояний) и надломленную крестьянскую идентичность, находящуюся в конфликте и с фронтовиками, и с теми крестьянами, которые остались «на земле».

Выглядит само собой разумеющимся, но от этого не теряет своей принципиальной значимости тезис А. В. Кострова о том, что происходившая в окопах болезненная мировоззренческая революция мужской части крестьянства и ее силовое включение в Универсум являлись процессами с серьезной региональной спецификой. Пожалуй, эта мысль, в сжатом виде высказанная А. В. Костровым, была в тех или иных выражениях подчеркнута большинством региональных участников дискуссии, каждым – на материале своего региона.

Т. А. Трошина в своем выступлении сумела ярко обозначить новый процесс в деревне эпохи 1914–1920 гг. – первоначальный резкий разрыв внутренних социальных контактов, которые связывали членов общины, с последующим восстановлением в зачастую еще более жесткой структуре. Хочу отметить, что в рамки этого вывода хорошо укладываются данные и о статусе солдаток, и об отношении к сверстникам и резервистам, предложенные в ходе круглого стола другими исследователями. Видимо, крайним выражением мнения об ускоренной архаизации крестьянского сознания в последний период Первой мировой войны стал тезис А. В. Михайлюка о том, что крестьянство в этот период до такой степени стремилось к локализму, слому любой власти выше местного уровня и натурализации хозяйства, что объективно было несовместимо с любой государственностью, а значит, с действиями и идеями всех сколько-нибудь значимых в тот момент времени политических сил; это предопределило ситуацию гражданской войны.

Д. И. Люкшин сделал парадоксальный, но вполне аргументированный вывод о том, что в рассматриваемую эпоху российская деревня продемонстрировала свою гибкость, а система «моральной экономики» – жизнеспособность, и только свержение самодержавия изменило эту ситуацию в сторону «черного передела». С противоположной и также вполне аргументированной точкой зрения выступил В. В. Кондрашин, причем в его ответе четче, чем у других, прозвучал сравнительный аспект проблематики (между ситуациями Первой и Второй мировых войн). Ученый считает, что плачевный для самодержавия итог его многолетних усилий по превращению русского крестьянина в опору режима, а сельского хозяйства – в надежный источник государственного развития контрастирует с успехом сталинского режима, сумевшего при всех негативных сторонах и издержках его аграрной политики достигнуть указанной цели. В содержательном плане эту точку зрения хорошо дополняет высказанный В. П. Николашиным тезис о том, что феномен преломления большевистской идеологии в сознании солдат-крестьян имел не только разрушительные, но и созидательные начала: они-то и позволили добиться прочного установления Советской власти на местах уже в 1920-е гг.

Содержание круглого стола, конечно же, не исчерпывается этими идеями. Материалы обсуждения содержат ряд весьма интересных выступлений, в которых на высокопрофессиональном уровне

и зачастую с неожиданной стороны раскрываются отдельные аспекты проблематики. Так, О. Г. Буховец в ходе дискуссии блистательно раскрыл вопрос о том, выдержало ли крестьянство эпохи Первой мировой войны «тест на патриотичность» или нет, связав свой ответ с архетипами крестьянского сознания. И. А. Анфертьев показал роль отсрочек от армии в развитии крестьянского хозяйства до войны и влияние сложившейся практики на развитие военных действий. Участниками были затронуты и проблема региональных отличий в мировосприятии и поведении крестьян России, и соотношение трендов эпохи Первой мировой войны с долгосрочными тенденциями развития отечественного социума, и смена ролевых функций и статуса разных групп крестьян (солдаток, отходников и т. д.). Эти примеры можно продолжать. Но и уже приведенных достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело со сборником, который содержит самую разнообразную, иногда даже неожиданную информацию по своей теме, которая будет полезна любому специалисту, интересующемуся вопросом. Хотелось бы поздравить организаторов и модераторов проведенного круглого стола с несомненным творческим успехом, а читателей – с появлением книги, в которой на современном профессиональном уровне разбираются важнейшие вопросы нашей истории.

Список литературы

Российская история: теории изучения и методы преподавания : материалы дискуссии / публ. С. С. Секиринского // Отечественная история. 2008. № 3. С. 165–182.

Русское крестьянство и Первая мировая война : международный круглый стол / публ. П. П. Марчени, С. Ю. Разина // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.

Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск : Изд-во УрО РАН, 2010. 495 с.

Хорос В. Г. Понимание как основа историзма: о книге «Сталинизм и крестьянство» // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 135–153.

Evtuhov C. Kraevedenie Meets the Grand Narrative // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 4. P. 877–887.

Krinko E. F., Khlynina T. P. Milestones of return of “forgotten war”: main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world war // Bylye Gody. Vol. 33. Is. 3. P. 296–305.

Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After : Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 4. P. 861–875.

Magsumov T. A. Main approaches to the study of historical and educational process // Bylye Gody. Vol. 34. Is. 4. P. 720–726.

Polyakova L. G. Black Sea Governorate during World War I : A Historiographical Survey // Bylye Gody. Vol. 36. Is. 2. P. 366–372.

Schattenberg S. Max Weber in the Provinces : Measuring Imperial Russia by Modern Standards // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 4. P. 889–902.

Weisensel P. Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii : Mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost’: Svodnye materialy zaochnoi diskussii // Slavic Rev. 2012. Vol. 71. № 1. P. 176–178.

References

Evtuhov, C. (2012). Kraevedenie Meets the Grand Narrative. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 13 (4),* pp. 877–887.

Khoros, V. G. (2015). *Ponimanie kak osnova istorizma: o knige "Stalinizm i krest'yanstvo"* [Understanding as the Basis of Historicism: On the Book *Stalinism and Peasantry*]. In *Novyy istorichesky vestnik, 1 (43),* pp. 135–153.

Krinko, E. F. & Khlynina, T. P. (2014). Milestones of return of "forgotten war": main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world war. In *Bylye Gody, Vol. 33 (3),* pp. 296–305.

Lyubichankovsky, S. (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 13 (4),* pp. 861–875.

Magsumov, T. A. (2014). Main approaches to the study of historical and educational process. In *Bylye Gody, Vol. 34 (4),* pp. 720–726.

Marcheni, P. P. & Razina, S. Yu. (Publ.). (2014). *Mezhdunarodnyy kruglyy stol "Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voyna"* [An International Round Table "Russian Peasantry and World War I"]. In *Novyy istorichesky vestnik, 2 (40),* pp. 8–89.

Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'. Svodnye materialy zaochnoy diskussii [Local Government in Post-Reform Russia: Mechanisms of Power and Their Effectiveness: Collected Materials of a Distance Discussion]. (2010). 495 p. Yekaterinburg, Izhevsk, Izd-vo UrO RAN.

Polyakova, L. G. (2015). Black Sea Governorate during World War I : A Historiographical Survey. In *Bylye Gody, Vol. 36 (2),* pp. 366–372.

Sekirinsky, S. S. (Publ.). (2008). *Rossiyskaya istoriya: teorii izucheniya i metody prepodavaniya : Materialy diskussii* [Discussion Materials "Russian History": Research Theories and Teaching Methods]. In *Otechestvennaya istoriya, 3,* pp. 165–182.

Schattenberg, S. (2012). Max Weber in the Provinces : Measuring Imperial Russia by Modern Standards. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 13 (4),* pp. 889–902.

Weisensel, P. (2012). *Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii : Mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost' : Svodnye materialy zaochnoi diskussii* [Local Government in Post-Reform Russia: Mechanisms of Power and Their Effectiveness: Collected Materials of a Distance Discussion]. In *Slavic Review, Vol. 71 (1),* pp. 176–178.

The article was submitted on 27.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.2.170
УДК 94(477)+94(367)+39(=16)+323.173

BIFURCATIONS, DISCONTINUITIES, AND THE 'RUSSIAN TRACE' IN THE CONSTRUCTION OF THE UKRAINIAN NATION*

Yakov Lazarev
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Rev. of: *Плохій С. Н.* Козацький міф : Історія та націєтворення в епоху імперій. – Київ : Laurus, 2013. – 440 с. (*Plokhii, S.* (2013) Kozac'kij mif : Istorija ta nacietvorennja v epohu imperij [The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empires]. – Kiev : Laurus, 2013. – 440 p.).[1]

The review analyses one of the most recent works by Serhii Plokhii, a renowned Ukrainian historian. In *The Cossack Myth*, Plokhii provides a complex analysis of the political and intellectual mechanisms involved in the construction of the Ukrainian nation, which served as a major impetus for the destruction of the Russian Empire in 1917 and the Soviet Union in 1991. Plokhii speculates that the source of the ideas that stimulated these processes was an anonymous essay from the beginning of the 19th century entitled *The History of the Rus*. According to the author, this work appeared exclusively as a result of how the repressive policies of the Russian government impeded the rights of the Ukrainian Cossacks and the local gentry. The ideas underlying this literary composition seemingly fuelled sentiments of opposition among Ukrainian intellectuals in the pre-revolutionary and Soviet periods, and became the basis for the modern ideology of the Ukrainian nation. However, in his search for opposition among Ukrainian elites, the author seems to overlook many bifurcations, discontinuities, and the 'Russian trace' that all took part in the process of Ukrainian nation-building.

Keywords: S. N. Plokhii; History of Ukraine; History of the Rus; Ukrainian nation; Ukrainian nobility; N. G. Repnin; Nation-building.

* *Citation*: Lazarev, Ya. (2016). Bifurcations, Discontinuities, and the 'Russian Trace' in the Construction of the Ukrainian Nation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 276–289. DOI 10.15826/qr.2016.2.170.

Цитирование: *Lazarev Ya.* Bifurcations, Discontinuities, and the 'Russian Trace' in the Construction of the Ukrainian Nation // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 2. P. 276–289. DOI 10.15826/qr.2016.2.170.

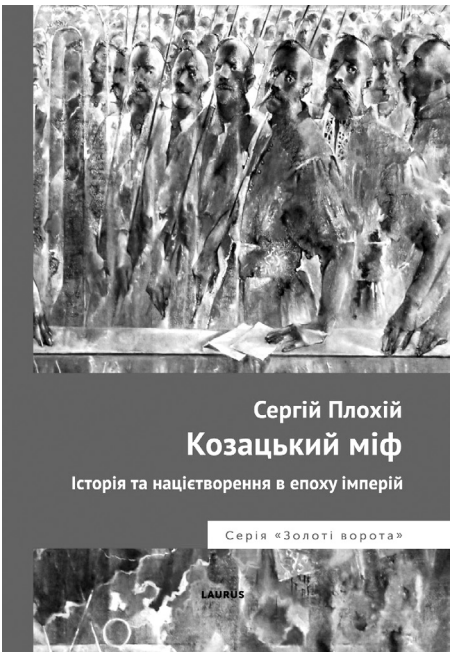
[1] The work was completed with the financial assistance of the President of the Russian Federation Grant for Young Russian Researchers. Contract 14.Y30.15.3188-MK from 16 February 2015.

© Lazarev Ya., 2016

В рецензии дан анализ одной из последних работ Сергея Плохия, известного украинского историка. В «Казацком мифе» Плохий постарался провести комплексный анализ политических и интеллектуальных механизмов строительства украинской нации, послуживших главным толчком к уничтожению Российской империи в 1917 г. и Советского Союза в 1991 г. Плохий доказывает, что интеллектуальным источником, стимулировавшим эти процессы, стало анонимное сочинение начала XIX в. «История русов». По мысли автора, данное сочинение появилось исключительно в результате репрессивной политики российского правительства, направленной против прав украинского казачества и местного дворянства. Заложенные в сочинении идеи подпитывали оппозиционные настроения украинских интеллектуалов дореволюционного и советского периодов, а также стали основной для идеологии современной Украины. В поисках оппозиционности среди украинской элиты Плохий упускает имевшие место развилки и разрывы, а также «русский след» в процессе конструирования украинской нации.

Ключевые слова: С. Н. Плохий; История Украины; «История Русов»; украинская нация; украинская шляхта; Н. Г. Репнин.

In Western historical sociology, the history of the Russian state is widely used to understand and explain major social shifts and global changes. Regardless of whether the scope of a historian's attention is revolutions, national movements, or economic crises, one of the key questions is always the same: how, in different periods of Russian history, was imperial power first weakened and then destroyed in 1917 and 1991? S. N. Plokhii, one of the most prominent contemporary Ukrainian historians (Professor of Ukrainian History at the Department of History and the Director of the Harvard University Ukrainian Research Institute), offers a solution to this problem in his work *Kozac'kij mif. Istorija ta nacietvorennja v epohu imperij* [*The Cossack Myth. History and Nationbuilding in the Age of Empires*], a Ukrainian translation of an English-language edition from 2012. In this work, Plokhii offers a simple answer: he argues that the 'destructive effect of the ideas of sovereignty and freedom of peoples' crushed the Russian Empire in 1917 and its Soviet 'reincarnation' in 1991. However, to illustrate this simple theory, the author offers a non-trivial solution, twisting his narrative into a detective story that makes the work a real page-turner. The monograph describes in detail how Ukrainian intellectuals (at least since the 19th century) stimulated political changes in the Russian Empire and the USSR. An important source that nourished this process was an anonymous essay entitled *Istoriia rusov* (*The History of the Rus*) (approx. 1810s). Indeed, this text seems to be one of the most significant in constructing a Ukrainian national mythology that remains relevant even today. Prior to Plokhii, nobody had scrutinised *The History of the Rus* in the broad context of major political changes and in terms of the Ukrainian national movement. This review tries to understand how the author substantiates his historical and sociological schemes.



It should be noted *a priori* that Plokhii can be ranked among those researchers who treat images of national memory rather critically, sometimes underlining their destructive consequences (as, for example, in the case with S. Bandera) [Плохий]: this adds to the credibility of the work.

Plokhii's work consists of five parts, an introduction, and a conclusion. The first part, entitled 'The Riddle', analyses the influence of *The History of the Rus* on the historical beliefs of Russians and Ukrainians: he also briefly describes the circumstances of the manuscript's composition (pp. 31–88). The second part, 'Along the Cold Trail', is a historiographical review of the research on *The History of the Rus* which tackles most versions of its origins (pp. 89–154). The third part, 'The Parts of the Rebus', dismantles unlikely explanations of the manuscript's origins (i.e. all of those existing) and concentrates on reconstructing the time, place, and motives of the manuscript's author(s) (pp. 155–232). In the fourth part, 'Unusual Suspects', Plokhii tries to establish a social and intellectual portrait of the putative authors of *The History of the Rus* (pp. 233–268). The book finishes with the fifth part, 'The Family Circle', where the reader is offered the author's version of the origins of *The History of the Rus* and given detailed answers to the questions posed in earlier parts (p. 317–384). The first chapters of the monograph will be of the most interest for us because this is where Plokhii explains in detail the critical influence of *The History of the Rus* on the process of the disintegration of both the Russian Empire and the Soviet Union.

In his introduction, the author formulates the goals and objectives of his research as well as his methodological principles (pp. 15–30). However, right before this, Plokhii attempts to form clearly negative perceptions about the natures of the Russian Empire and the Soviet Union in the eyes of the unsuspecting reader; he portrays them as states which brought freedom to the peoples of Europe in 1814 and 1945 while at the same time experiencing a drastic deficit of freedom themselves. A special role was played by the fact that the grain 'of the idea of the sovereignty and the freedom of peoples' sprouted in the Russian Empire among the Cossacks of Ukraine (Little Russia), who 'have excelled more than anyone in weakening the empire' (p. 16). The anti-Russian discontent of the Cossacks was nurturing soil for

the emergence of the anonymous manuscript *The History of the Rus*. According to Plokhii, this manuscript 'tells a story how the history of the Cossacks – as a social stratum and an autonomous state – became a nation-building myth that helped to crack Russian imperial identity and became a founding stone of the modern Ukrainian nation' (p. 19). In the author's view, the contents of *The History of the Rus* are a myth created during the 'epoch of fakes', much like Ossian's poems in England, the manuscript of Dvůr Králové in the Czech lands, and *The Song of Igor's Campaign*[2] in Russia.

According to Plokhii, those involved in the creation of the *History of the Rus*, or at least those who read it, were 'high-ranking officials, who built a career and amassed wealth by strengthening and expanding the empire' and who 'not only glorified the Cossack past, but also advocated a distinct Russian nation' (p. 23). Thus, behind the rather monolithic concept of 'dissatisfied Cossacks' emerges the image of a single actor, namely the Cossack elite that had gained its noble titles within the empire. It was exactly this part of Little Russian society (like the Scottish and Czech national elites) that experienced a need for a national epic in the aftermath of national disasters. To solve this problem, the author(s) of the manuscript chose to write in the genre of 'national mystification' (p. 26). In his concept of the development of Ukrainian identity, Plokhii borrows basic concepts from M. Hroch's model of the late 1960s, according to which the national elite always serves as the founder of a notion of national identity [Hroch, pp. 121–127]. However, is such an approach useful in explaining the nation-building process in Little Russia given that such a national epic required a disaster or defeat? What disasters forced these loyal imperial officials to shake the foundations of the empire during the tranquil reign of Alexander I? Was it some common historical memory about a distant historical trauma that presumably motivated the representatives of the Ukrainian noble elites to create *The History of the Rus*? The answer to these questions can be found in the following sections of the book.

The first chapter starts with a section entitled 'The Call of Freedom', which begins with an emotional description of the Decembrists' execution. According to the author, *The History of the Rus* played an essential role in the 1825 uprising, when a few 'idealistic officers' tried to change the political system of the Russian Empire ('overthrow the autocracy, destroy serfdom, and convene a constitutional assembly') (p. 32). To establish the connection, Plokhii refers to the famous Russian poet K. F. Ryleyev, who served as the ideological mastermind of the Decembrist movement during the last year and a half of his life [Готовцева, Киянская, с. 212–213]. Ryleyev, while igniting the hearts of the undecided with the fire of his speeches, dramatically radicalised his own views by drawing upon images from Ukrainian history. In Plokhii's opinion, *The History of the Rus* played a fateful role. Ryleyev may have become acquainted with the text in 1824: in a letter from A. F. Briggen (21 October

[2] Granted, the inclusion of *The Song of Igor's Campaign* raises doubts because the authenticity of this manuscript had recently been proven by Zaliznyak of the Russian Academy of Sciences [Зализняк].

1825), it is called the 'Konissky History' (p. 45). The ideas of freedom contained in the text inspired Ryleyev to write the long poems 'Nalivaiko' and 'Voynarovsky'. In the latter, the Ukrainian hetman I. S. Mazepa is a mouthpiece for Ryleyev's own views on tyranny and freedom (p. 39). Such a narration is designed to demonstrate the cumulative effect of *The History of the Rus* on Russian political history. However, once we remove the drama from the narrative, we are left with a number of serious reservations.

Indeed, 'Voynarovsky' is certainly distinct from some of the other works of Ryleyev such as 'Bohdan Khmelnytsky' (1821) or 'Ivan Susanin' (1822), where absolute loyalty is replaced by the theme of the resistance of Ukrainian patriots to the Russian throne. Researchers into Ryleyev's biography note that before the creation of 'Voynarovsky', the poet had drafted a tragedy entitled 'Mazepa', an outline of which was ready as early as 1822. In the early drafts, the author describes Mazepa as a 'power-greedy and cunning person', 'the greatest hypocrite, who hides his evil intentions under the false pretence of wishing to benefit his homeland' [Готовцева, Киянская, с. 224]. In the prose preface to the poem 'Peter the Great in Ostrogozhsk', Ryleyev also attributed negative traits to Mazepa: 'at that time [1696] Mazepa was still not guilty... but this evasive, sly Hetman succeeded in creeping under the mercy of [Tsar] Peter' [Рылеев, p. 135]. In the complete collection of Ryleyev's works, there is a short sketch (1824) where we find the hetman described as a traitor who deemed nothing sacred 'except for the purpose to which he aspired', for the sake of which he could use 'guile in the highest degree, even the most cunning' [Готовцева, Киянская, p. 225]. Evidently the image of Mazepa had notable negative connotations in Ryleyev's work before the creation of 'Voynarovsky'. So, did *The History of the Rus*, where Mazepa is shown rather favourably, indeed play a decisive role?

We would suggest that the situation should be seen differently. Under the patronage of Prince A. N. Golitsyn, the Russian Minister of Education (1816–1824), Ryleyev 'struggled' quite legally with despotism on the pages of the magazine *Polyarnaya zvezda*. Perhaps, in the last year and a half of his life, Ryleyev experienced the problem of 'self-betrayal' in his struggle against the autocracy. This inner conflict was exacerbated by the fact that Ryleyev served as an ideologist in the Decembrist movement, since he was the one who had to persuade the undecided and to show the price that had to be paid for true freedom [Там же, с. 192; 209–210]. However, it is evident in 'Voynarovsky' that the ideal hero, the patriot, is Voynarovsky himself, not Mazepa. It is Voynarovsky who reads 'Brutus from childhood'. His hopes were crushed by the old hetman, whose intentions regarding Ukraine ('whether to save it from woes or erect a throne') remain a mystery to Voynarovsky. This is particularly evident in the scene where the prisoners report to him that «…Мазепу, как Иуду, // Клянут украинцы повсюду» ('...Mazepa, as Judas, // is being cursed by Ukrainians everywhere'). Voynarovsky contemplates: «Ко нраву хитрого вождя // Успел я в десять лет привыкнуть; // Но никогда не в силах я // Был замыслов его проникнуть» ('To the character of the cunning leader // I had time to get used

over a decade; // But never could I // Penetrate his plans'). Voynarovsky gets ready to kill Mazepa in case he learned that the latter was an 'enemy of freedom': overwhelmed and anguished by uncertainty, Voynarovsky 'as a child, began to cry' [Рылеев, с. 184]. Voynarovsky fails to dispel his doubts, and we are left to wonder what exactly the role of the contradictory Hetman-traitor was in the poem.

The use of this character could be a consequence of Ryleyev's desire to hide important ideas about the struggle against despotism behind a patriotic theme. Ryleyev admitted this to Pushkin [Готовцева, Киянская, с. 225]; however, was the Decembrist poet indeed inspired by *The History of the Rus*? This idea seems ill founded. The image of Mazepa as a traitor had entered Russian culture long beforehand; it is no coincidence Ryleyev could freely publish his poem and get a favourable review from F. V. Bulgarin [Там же, с. 233].

On the other hand, by placing his own inner conflict (his 'personal betrayal') into a historical context, Ryleyev could hide his depiction of one powerful figure, Tsar Alexander I, behind the characters of *both* Mazepa and Peter I. Voynarovsky fulsomely 'honours Peter': he says that «и Петр, и я – мы оба правы; // Как он, и я живу для славы, // Для пользы родины моей» ('Peter and I – we both are right; // As him, I also live for the glory, // For the benefit of my country'). This can be read as praise for Alexander. However, in contrast to Peter, Hetman Mazepa stands for Alexander's unfulfilled plans and reforms (for example, the introduction of a constitution) and for the conservative turn in domestic policy. Thoughts of a possible assassination circulated at the time in the 'Northern Society' (for example, A. I. Yakubovich was openly committed to the assassination of the tsar). As for the notion that Ryleyev's idea of freedom originated in the image of Mazepa in *The History of the Rus*, one might ask the question: how is this hero more prominent and important than, say, General Riego y Nuñez, the hero of the Spanish Revolution and Civil War (1820–1823), whose acts of bravery were an example to other Decembrists and to whom Ryleyev himself devoted a poem ('The Citizen', 1824) [Волк, с. 269, 275]? Therefore, the concept of Mazepa as 'the Trailblazer' of the Decembrists rings hollow, and Plokhii's tone of intrigue only serves to make the argument read like good fiction. However, the analysis above does not eliminate the problem of 'Ukrainian separatism' and how thoroughly and impartially Plokhii reconstructs discontent among the Ukrainian Cossack noble elite. Plokhii's strong value judgments about the policies of Alexander I and the activities of Ukrainian intellectuals at the beginning of the 19th century, especially those from the inner circle of N. G. Repnin, Governor General of Little Russia (1816–1834), deserve special attention.

In Plokhii's opinion, Alexander I's polonophiliac policy, which climaxed with the creation of the autonomous Kingdom of Poland (1815) that spawned 'bitter envy in the hearts of the Ukrainian *szlachta*' (p. 179), was a painful blow to the ego of the Ukrainian nobility, which was supposedly vigilant about the past autonomy of hetman-ruled Ukraine. Another mani-

festation of hostility towards the local elite was the deliberate reassessment of the nobility diplomas possessed by the Little Russian noblemen, which belittled their privileged position (pp. 180–189).

Continued dissatisfaction was reflected in the anti-Polish sentiment in *The History of the Rus*. Most importantly, it also allowed for a 'national discourse' to begin because the representatives of the Ukrainian nobility allegedly used 'nationalist terminology for the defence of their rights and privileges' (p. 190). These motives prompted the author(s) of the manuscript to distance the 'Great Russians' from the historical heritage of 'Old Russia', which was assigned to and kept by 'Cossack heroes'. This became a strategy of 'supercompensation' (Plokhii) for the policies of the Russian government among the heirs of the Cossack elite (pp. 190–191). The cause of the Ukrainian nation, initiated by the nobles of the Ukrainian *szlachta*, was then pursued by members of the Cyril and Methodius Brotherhood (1845–1847), such as T. G. Shevchenko, N. I. Kostomarov, and P. A. Kulish.

For these individuals, *The History of the Rus* became a kind of 'Bible' in the framework of which they constructed a national story, separate from the history of the Russian state. In the works of the serf-born Ukrainian poet Taras Shevchenko (1814–1861), this division manifested itself clearly in the comedy 'Dream' (1844) (pp. 65–69). In this work, one finds many critical sentences aimed at prominent figures in Russian history, like Peter I ('who crucified our Ukraine') and Catherine II (who 'finished off the widowed orphan'). Deputy Hetman P. L. Polubotko (1722–1723), who condemned Peter (he is 'erecting the capital upon their [Cossacks] beaten corpses!') [Shevchenko], also has a voice in the comedy. Further on, the same illegal organisation gave birth to an ideologically important work, *The Book of Life of the Ukrainian People* (authored by N. I. Kostomarov), in which the basic ideas of *The History of the Rus* were raised to the conceptual level. The Ukrainians and the Russians (the 'moskals') were both parts of the Slavic people, but they had divided because of the despotic character of tsarist power (the Moscow tsar was 'an idol and a despot') that had its origins in the Tatar yoke. Ukraine's desire to have 'neither a tsar nor a [Polish] pan' led to the emergence of the Cossacks, where everyone who joined was deemed a brother and where the elders were chosen by the Rada and had to keep their word. This was the freedom that Ukraine fought for, both against Poland and the '*Moskovschina*'. Having spent all its strength, the western part of the country was subjugated to the last Tsar of Muscovy (Peter), who drowned 'hundreds of thousands in the channels and built himself a capital on their bones': finally, the 'German' Catherine II (a loose and godless woman) 'finished off Cossackdom' [Кирило-Мефодіївське товариство, с. 164–167]. Hence, the members of the Cyril and Methodius Brotherhood, inspired by *The History of the Rus*, formed the final version of the national canon, where the 'Great Russians' were opposed to the 'Little Russians' ('the true Rus') and the tsarist government was depicted as being obsessed with destroying the freedom of the Ukrainian people and their statehood. This canon became the basis for the ideology of the Ukrainian national movement during the Soviet period

and in modern Ukraine (pp. 135–176). These, according to Plokhii, were the consequences of autocratic rule in the Russian Empire.

In order for this sociological scheme to make sense, the author unfortunately makes use of simplifications and even omits key evidence and arguments. Let us discuss these in chronological order.

First of all, the reassessment of the nobility diplomas possessed by the Cossack elite was not a deliberate action against the local gentry. The problem of the authenticity of nobility diplomas was not anything new in Russian history. During the second half of the 18th century, the Herald's Office (*Geroľdmejsterskaja Kontora*), the institution that confirmed and issued nobility diplomas, was repeatedly faced with fake documentary evidence and fictional stories [Хоруженко, с. 152].

In Little Russia, the meetings of the deputies of the local nobility between the 1780s and 1790s faced the same problems [Миллер, с. 47]. The number of questionable practices used to obtain noble status in Ukraine by people from the tax-paying classes (merchants, Cossacks and other '*raznochintsy*') caused a negative reaction from the Ukrainian Cossack elite. This reaction is reflected in the anonymous text *Remarks on Little Russia*, which talks about the emergence of an incredible number of nobles (about 100,000) and the need to verify their origins [Замечания, с. 19–24]. The final settlement of disputes involved the Herald's Office, which in some cases was on the side of those who had not received ennoblement and thus was opposed to the will of the local noble assembly [Миллер, с. 49–50]. Therefore, the process of incorporating the Ukrainian Cossack elite into the empire demonstrated clear commitment to the closure of class borders and the development of practices directed against the 'unworthy' in their circles.

The verification process for dubious cases severely overloaded the Herald's Office, especially after the Senate Decree of 20 March 1797 declared that only this institution (and not the noble assembly) could confirm noble status [Там же, с. 83]. Tsar Alexander I took this legacy further. During his reign, the overwhelming majority of problems dealt with by the Herald's Office related to finding a way to legally ennoble the Little Russian nobility by correlating Little Russian ranks with official titles in the Table of Ranks [Там же, с. 91–94].

However, if we look at the opinions of the Little Russian nobility and discount their somewhat dubious assertions of striving for the 'common good' of their Little Russian people/nation/compatriots, it is difficult to detect any rhetoric for common national rights. The Chernigov nobleman T. Kalinowski wrote that the title 'Cossack' was a 'knight's rank and [of the] *szlachta* [noble] class': participating in the elections for the position of elder gave the Cossack the right to be a part of the 'gentry estate' (p. 183). The Poltava nobleman V. G. Poletika reasoned that the 'Little Russian nobility, which voluntarily joined the Russians as the only blood brothers of the same faith and served along with them' (p. 186) could not stand the humiliation from the Herald's Office.[3]

[3] See full citation in: [Миллер, с. 97].

Another prominent Little Russian nobleman V. Charnysh lamented that 'refusing the Little Russians ranks nobility status destroys them and their merits, [and] diminishes their personal dignity and that of their offspring': only after this litany does he mention that the practice 'upsets the rights and privileges of this nation' (p. 186). The very rights of this 'nation' are confined to the rights and privileges of the *szlachta*, such as the Lithuanian statute. For most of the second half of the 1800s, the representatives of the Little Russian nobility sought any kind of historical evidence (the tsar charters, nobility charters, government rulings) that would demonstrate the equivalence of 'Little Russian' and 'Great Russian' ranks and thus confirm their noble status [Миллер, с. 100–123]. In their appeals, the members of the local nobility (e.g., the Chernigov nobility) even made direct claims that the Cossack ranks had always been considered *szlachta* [Там же, с. 116]. These claims, however, were later changed into more delicate juridical arguments because they were damaging nobility 'pureness'. References to the Cossack past, or, more precisely, to the 'fundamental basis' of the rights of a Cossack elder, gained a strictly instrumental character because they served as a transition to *szlachta* virtue. It was no coincidence that the Little Russian elite supported the idea that the hetmans had to be restrained by the Russian government because the 'Hetman's rule was the most hellish of all' (A. I. Chepa) [Журба, с. 203]. This anti-Hetman and anti-Cossack rhetoric was a continuation of the ideas that emerged among the Ukrainian Cossack elite in the first half of the 1760s (in the writings of G. A. Poletika, for example).

Thus, among the heirs of the Cossack elite, the perceived circle of 'compatriots' was limited to a specific set of elitist characteristics which were looked upon with suspicion by one of the highest institutions of the empire. It is no accident that in 1809, right after the recognition of the Little Russian Cossack ranks as noble ones, the demands placed before the tsarist government instantly waned (p. 188). Plokhii, however, interprets this as a mere temporary 'truce' that 'the imperial government' broke in 1834, once again assaulting the 'traditional rights' of the Ukrainian gentry elites and their 'Cossack heritage' (p. 189). As a result, the Ukrainian *szlachta* intellectually separated themselves from an 'all-Russian' identity. It is truly incredible that Plokhii comes to such conclusions despite the evidence in the sources.

For example, A. I. Chepa, in a letter discussing the works of G. A. Poletika, pointed out that before 1762 there were 'limitations of rights for the Russian nobility': because of this 'contradictions, quarrels, and bloody conflicts' arose. On the other hand, after the publication of Peter III's decree 'On freedom of the nobility' (1762) and Catherine II's 'The highest charter on the nobility' (1785), 'Russian noblemen were made equal in privileges with the Little Russian *szlachta*, then the Little Russians began to boldly enter the Russian service, they got rid of the Tatar and Polish clothing, they began to speak, sing, and dance in Russian…' [Из истории южно-русскаго общества, с. 54]. Thus, it is clear that one of the most prominent Ukrainian figures of that time advocated a united 'all-Russian' (noble) identity. It is thus difficult to discern intellectual separation from the 'all-Russian' nation;

instead, this seems to point to competition within one nation. To a certain extent, this suggests that the historical and political traditions of the late 17th-century Ukrainian Cossack elite continued: it manifested itself in the further development of the thesis that all parts of Russia belonged under the sceptre of the Russian tsar [Кочегаров, с. 19–36]. It is not surprising that *The History of the Rus* features a notion of '*Russian Tsardom*'.

Another one of Plokhii's simplifications is the way he represents the opposition of the Ukrainian nobility to the polonophiliac policy of Alexander I. When trying to identify the provenance of *The History of the Rus* and its author(s), Plokhii provides descriptions of Little Russian noble families from the Starodub (Lashkevich, Skorupa, Miklashevsky, and Gudovich) and Chernigov regions (Shiryay) who opposed the Russian government. To reconstruct their views, Plokhii resorts to the 1812 memoirs of the captured French doctor Dominique Pierre de la Flise. According to the memoirs, in Zavodovsky's palace only the image of Alexander I was lacking among the portraits of Paul I, Alexander Suvorov, and Catherine II. It is the absence of this one portrait that prompts Plokhii to articulate the dreams of the Ukrainian nobility 'about the resumption of Cossack autonomy' (p. 263). Among the sketches made by the doctor, he notes that some of the local nobility were favourable to the ideas of the French Revolution (especially the Skorupas) (pp. 286–287). As another proof of anti-government sentiment, the author uses the 1824 memoirs of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky, Alexander I's senior adjutant. However, excerpts from the memoir contain the affirmation that 'at every opportunity, Little Russians condemned the reign of Alexander [I] and praised the reign of Catherine [II]': this would be the same Catherine who destroyed their 'ancient privileges' (p. 267). The prominent imperial figure D. P. Troshchinsky (1749–1829), who 'was revered as an oracle in Little Russia' (p. 267), and whose house was a 'centrepiece for liberals', promoted this opinion [Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, p. 214]. What a sensational confession! Equally, Mikhaylovsky-Danilevsky noted that he had not found 'a single person among those I've managed to speak to who would be favourable to Russia' and that 'everyone possessed a distinct spirit of opposition' (p. 267). Plokhii, while focusing on this short emotional fragment, omits Mikhailovsky-Danilevsky's critical statements about local landowners, their poor education, and the inferior farming methods that had ruined the economy of Little Russia [Там же, с. 213–214]. With this extremely circumstantial evidence, Plokhii is trying to represent the Ukrainian nobility's opposition as a homogeneous and powerful phenomenon of social life in Little Russia. Plokhii's most unfortunate omission is that he misses the *Russian trace* in the process of Ukrainian nation-building in the first quarter of the 19th century. Throughout almost the entire monograph, the figure of Governor General N. G. Repnin is repeatedly brought up. This nobleman, who was married to the granddaughter of the last Hetman K. G. Razumovsky, was related to the poet Ryleyev: according to some accounts, the author of *The History of the Rus* was most probably a member of his close circle. Many

Ukrainian nobles who at one time or another are considered by Plokhii as possible authors of the *History* or as 'opposition' figures were friends with Repnin; however, Repnin appears to have been an intellectual opponent of the probable author of *The History of the Rus*, S. M. Shiryai [c. 34, 100, 360–384]. Despite this, Plokhii does not detect anything circumspect in this evidence and thus belittles the importance of N. G. Repnin in the political and intellectual life of Little Russia.Some questions remain: why did K. F. Ryleyev obsequiously seek Repnin's favour and even possibly devote his famous epic poem 'Bogdan Khmelnitsky' to him? Why would this nobleman gather various intellectuals of Little Russia, mentioned in Plokhii's book as patriots (V. V. Kapnist, I. P. Kotlyarevsky), around himself and sponsor their activities? According to a recent study by O. I. Kiyanskaya (2008), during Repnin's years in office, the discourse of 'lost freedom' among Ukrainian intellectuals began to be translated into real and meaningful actions. This was accelerated by the desire of Prince Repnin to present himself not merely as an independent politician, but also as the leader of the local community. To this end, he contributed to cultural and historical initiatives (like those of D. N. Bantysh-Kamensky, for example): he favoured the poet Kotlyarevsky (the founder of modern Ukrainian literature), supported him materially, and promoted his works. He did the same for V. V. Kapnist. In collaboration with Bantysh-Kamensky, Repnin searched for all the necessary documents to create a history of Little Russia. Repnin commissioned A. I. Chepa and M. Markov, an amateur historian, director of the Chernigov gymnasium, and the superior of Ya. F. Radkevich, to write this work. It was during Repnin's governorship that rumours about the prince's ambitions began to circulate. Therefore, behind his support for the rights of the local nobility, Repnin could have been hiding plans to create an independent state (he had experience as a viceroy in Saxony in 1814). It is no coincidence that the prince continued to be accused of separatism and Ukrainophilia during the reign of Nicholas I.

These rumours were probably encouraged by the fact that M. I. Novikov, the head of Repnin's secretariat, opened a Masonic lodge called 'Love of Truth' in Poltava (1818–1823). Novikov himself had a special status in the Decembrist society 'the Union of Prosperity', especially in terms of recruiting new members. Among the members of the lodge were people from Repnin's close circle and the cream of the local nobility: I. Kotlyarevsky and S. Kochubey were active members. This society was known to the Decembrists (including P. I. Pestel, the head of the Southern Society). According to one account, the purpose of this secret society might have been the separation of Little Russia from the empire [Киянская, p. 251–295]. And who knows what would have happened if 'the revolt of the reformers' was a success! As can be seen from the above facts, if one may talk about the opposition movement in Little Russia, it had a 'state' character (the *Russian trace*) and was little more than a tool for realising the political ambitions of someone other than Ukrainian (or Little Russian) patriots. Thus, Plokhii's work is simultaneously a valuable and a controversial study that may indeed mis-

lead the inexperienced reader. The whole book is based on a negative image of the notion of 'empire' embodied in the Russian Empire and the Soviet Union. This monolithic meta-image (the image of the enemy), while possessing a logic of its own, permanently interfered with the 'Ukrainian national revival'. In an attempt to reconstruct the possible influence of the idea of freedom contained in *The History of the Rus* upon Ukrainian and Russian history, the author has succumbed to romantic temptations. The author has constructed the history of the formation of the Ukrainian nation through the lens of a supposedly permanent opposition of Ukrainian elites to their Russian rulers, omitting important discontinuities in this process. The oppositional character of the Little Russian elite is based on shaky hunches and controversial reconstructions. However, if one considers the contents of the 'Cossack myth', one can see that the Ukrainian opposition of the 18th and 19th centuries could earnestly defend a united 'all-Russian' (noble) identity. The Ukrainian (Little Russian) nobility did not put tales from Cossack antiquity at the forefront of their politics: indeed, it sought to disown them. Manifestations of local patriotism were often provoked by the pro-Polish policy of Alexander I, not those of his predecessors. Shiryays was probably the only partial exception (if one trusts the diary of M. P. Pogodin and the memoirs of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky). The notion that *The History of the Rus* had an 'explosive impact' on the ideas of prominent Decembrists is also the product of psychological second-guessing in the monograph. Another question is how the 'state' version (the *Russian trace*) of Ukrainian separatism formed under the influence of Repnin, then the Governor General of Little Russia. Perhaps it was this very 'permission from above' that gave people the opportunity to express some form of dissatisfaction, even if they had completely different political goals. These goals had nothing to do with the ones that the representatives of the Ukrainian *raznochintsy* intellectuals, inspired by the *History of the Rus*, chose for themselves. The members of the Cyril and Methodius Brotherhood conceptually fixated on those very 'historical traumas' that later formed the basic concepts of Ukrainian national history. The main value of the reviewed monograph lies in the fact that Plokhii, by using extremely extensive materials, has demonstrated how text and images from an anonymous manuscript have been mobilised by activists in the Ukrainian national movement from the mid-19th to the 21st centuries to design and preserve a national myth which, unfortunately, contributes little to Russian-Ukrainian scientific dialogue.

Список литературы

Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 462 с.

Готовцева А., Киянская О. Рылеев. М. : Молодая гвардия, 2013. 352 с.

Журба О. І. «Представте вы себе, какой зверь был Гетман! Это были пренечестивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ : Ліра, 2009. Вип. 3. С. 161–220.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.

Замечания, до Малой России принадлежащия / предисл. О. Бодянский. М. : В университет. типографии, 1848, 55 с.

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского : 1824 год (сообщ. Н. К. Шильдер) // Русская старина. 1900. Т. 104. № 10. С. 201–210.

Из истории южно-русскаго общества начала XIX века (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и заметки к ним) // Киевская старина. 1893. № 1. С. 41–76.

Кирило-Мефодіївське товариство: у трьох томах / упор. І. І. Глизь, М. І. Бутич, О. О. Франко. Т. 1. Київ : Наукова думка, 1990. 544 с.

Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб. : Нестор – История, 2008. 304 с.

Кочегаров К. А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века // Славяноведение. 2015. № 2. С. 19–36.

Миллер Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии : Превращение казацкой старшины в дворянство. Киев : Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1897. 135 с.

Плохій С. Козацький міф : Історія та націєтворення в епоху імперій. Київ : Laurus, 2013. 440 с.

Рылеев К. Ф. Сочинения / под ред. С. А. Фомичева. Л. : Худож. лит., 1987. 416 с.

Сергей Плохий о новом гарвардском проекте историков-украинистов : «То, что мы делаем – это не улица с односторонним движением» : интервью // URL: http://net.abimperio.net/node/2145 (дата обращения: 25.09.2015).

Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М. : Наука, 1999. 419 с.

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 121–144.

Шевченко Т. Г. Сон // URL: http://litopys.org.ua/shevchenko/shev128.htm (дата обращения: 5.10.2015).

References

Bodyansky, O. (Foreword). (1848). *Zamechaniya, do Maloy Rossii prinadlezhashchiya* [Notes on Little Russia]. 55 p. Moscow, Universitetskaya Tipografiya.

Charnysh, V. I., Chepa, A. I. & Poletika, V. G. (1893). *Iz istorii yuzhno-russkago obshchestva nachala XIX veka (pis'ma V. I. Charnysha, A. I. Chepy, V. G. Poletiki i zametki k nim)* [From the History of the South Russian Society at the Beginning of the 19th Century (Charnysh, Chepa, and Poletika's Letters and Notes on It)]. (1893). In *Kievskaya starina, 1,* pp. 41–76.

Gliz′, I. I., Butich, M. I. & Franko, O. O. (1990). *Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo: u tr'okh tomakh* [The Cyril and Methodius society: in Three Volumes]. 544 p. Vol. 1. Kiev, Naukova dumka.

Gotovtseva, A. & Kiyanskaya, O. (2013). *Ryleev* [Ryleyev]. 352 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Khoruzhenko, O. I. (1999). *Dvoryanskie diplomy XVIII veka v Rossii* [Nobility Diplomas of the 18th Century in Russia]. 419 p. Moscow, Nauka.

Khrokh, M. (2002). *Ot natsional'nykh dvizheny k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope* [From National Movements to a Fully-Formed Nation: The Process of Nation-building in Europe]. In *Natsii i natsionalizm* (pp. 121–144). Moscow, Praksis.

Kiyanskaya, O. I. (2008). *Ocherki iz istorii obshchestvennogo dvizheniya v Rossii v pravlenie Aleksandra I* [Essays from the History of the Social Movement in Russia during the Reign of Alexander I]. 304 p. Sankt Petersburg, Nestor-Istoriya.

Kochegarov, K. A. (2015). *Drevnerusskoe proshloe v politicheskikh kontseptsiyakh ukrainskoy elity vtoroy poloviny XVII veka* [The Old Russian Past in the Political Concepts of the Ukrainian Elite of the Second Half of the 17th Century]. In *Slavyanovedenie, 2,* pp. 19–36.

Miller, D. P. (1897). *Ocherki iz istorii i yuridicheskogo byta staroy Malorossii. Prevrashchenie kazatskoy starshiny v dvoryanstvo* [Essays from the History and the Legal Life of Old Little Russia: Conversion of the Cossack Officers into Russian Nobility]. 135 p. Kiev, Tip. Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira.

Plokhy, S. (2013). *Kozats'ky mif. Istoriya ta natsiєtvorennya v epokhu impery* [The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empires]. 440 p. Kiev, Laurus.

Ryleev, K. F. & Fomichev, S. A. (Ed.). (1987). *Sochineniya* [Works]. 416 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literature.

Sergey Plokhiy o novom garvardskom proekte istorikov-ukrainistov: "To, chto my delaem – eto ne ulitsa s odnostoronnim dvizheniem" : interv'yu [Serhii Plokhii about the New Harvard Ukrainian History Project: "What we do is not a one way street" : Interview]. URL: http://net.abimperio.net/node/2145 (mode of access: 25.09.2015).

Shevchenko, T. G. (n. d.). *Son* [The Dream]. URL: http://litopys.org.ua/shevchenko/shev128.htm (mode of access: 5.10.2015).

Shil′der, N. K. (Rep.). (1900). *Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo : 1824 god* [From the Memoirs of Mihaylovsky-Danilevsky. 1824]. In *Russkaya starina, Vol. 104, № 10,* pp. 201–210.

Volk, S. S. (1958). *Istoricheskie vzglyady dekabristov* [Historical Views of the Decembrists]. 462 p. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR.

Zaliznyak, A. A. (2008). *"Slovo o polku Igoreve": vzglyad lingvista* [The Tale of Igor's Campaign: A Linguist's Opinion]. 480 p. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

Zhurba, O. I. (2009). *"Predstavte vy sebe, kakoy zver' byl Getman! Eto byli prenechestivye despoty!" (z lista svidomogo ukraïns'kogo patriota, avtonomista ta traditsionalista pochatku KhIKh stolittya)* ["Imagine what a Beast the Hetman was! They were the Most Wicked Despots!" (From a Letter by a Known Ukrainian Patriot, Separatist, and Traditionalist of the Early 19th Century)]. In *Dnipropetrovs'ky istoriko-arkheografichniy zbirnik* (Iss. 3, pp. 161–220). Dnipropetrovsk, "Lira".

The article was submitted on 11.04.2016
Translated by Anna Dergacheva

© Dergacheva A., translated, 2016

ОБ АВТОРАХ

ON THE AUTHORS

Алексеев Евгений Павлович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ev-alex@yandex.ru

Белякова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Семакова, 10.
i21081976@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
k.d.bugrov@gmail.com

Бурденков Евгений Александрович, заведующий научно-информационным отделом, МБУК «Музей истории Екатеринбурга».
620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 26.
eubur@yandex.ru

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
irina_vepreva@mail.ru

Дмитриева Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
lidiadmitrieva@ngs.ru

Жук Сергей Иванович, доктор исторических наук, партнер-профессор восточноевропейской и русской истории, Государственный университет Болла, Манси, Индиана, США; приглашенный партнер-профессор истории, кафедра истории, институт имени Гарримана, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США.
Muncie, Indiana 47306, США.
sz2572@columbia.edu

Каминский Валерий Владимирович, PhD (история), независимый исследователь.
Израиль, Ашдод.
svkamin@zahav.net.il

Куденис Вим, доктор, профессор, председатель Ассоциации русистов Бельгии, кафедра прикладной лингвистики и славистики, Католический университет г. Лёвена.
Oude Markt 13, 3000, Leuven, Бельгия.
wim.coudenys@kuleuven.be

Купина Наталия Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
natalia_kupina@mail.ru

Лагерберг Роберт, PhD, доцент, специалист по русскому языку, Школа языков и лингвистики, Мельбурнский университет.
Victoria 3010, Мельбурн, Австралия.
robertjl@unimelb.edu.au

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
9Lazarev@gmail.com

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет.
460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19.
svlubich@yandex.ru

Макгрегор Эндрю, PhD, лектор, специалист по французским исследованиям, Школа языков и лингвистики, Мельбурнский университет.
Victoria 3010, Мельбурн, Австралия.
ajmcg@unimelb.edu.au

Матвеева Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
julia-matveeva@yandex.ru

Никонова Наталья Егоровна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
nikonat2002@yandex.ru

Плахина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Семакова, 10.
plahina@mail.ru

Ратьковский Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
i.ratkovskij@spbu.ru

Сидорова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ogs531@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.
xvsarhiv@rambler.ru

Alekseev Yevgeny, PhD (Art), Associate Professor, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ev-alex@yandex.ru

Belyakova Irina, PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Tyumen State University.
10 Semakov Str., 625003, Tyumen, Russia.
i21081976@mail.ru

Bugrov Konstantin, PhD (History), research fellow, Institute of History and Archaeology, UB of RAS.
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
k.d.bugrov@gmail.com

Burdenkov Yevgeny, Researcher, Manager of Academic Information Department, Yekaterinburg History Museum.
26 Karl Liebknecht Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
eubur@yandex.ru

Coudenys Wim, Dr., Professor, Chairman of the Belgian Association of Russian Studies, Chair of Applied Linguistics and Slavonic Studies, Catholic University of Leuven.
13 Oude Markt, 3000 Leuven, Belgium (KU Leuven).
wim.coudenys@kuleuven.be

Dmitrieva Lidia, PhD (Philology), Associate Professor, Romance and Germanic Philology Department, National Research Tomsk State University.
36 Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
lidiadmitrieva@ngs.ru

Kaminsky Valery, PhD (History), Independent Researcher.
Ashdod, Israel.
svkamin@zahav.net.il

Khristoforov Vasily, Dr. Hab. (Law), professor, Russian State University for the Humanities.
6, Miusskaya Str., 125993, Moscow, Russia.
xvsarhiv@rambler.ru

Kupina Natalia, PhD, Professor, Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
natalia_kupina@mail.ru

Lagerberg Robert, PhD, Senior Lecturer in Russian, School of Languages and Linguistics, University of Melbourne.
Victoria 3010, Melbourne, Australia.
robertjl@unimelb.edu.au

Lazarev Iakov, PhD (History), Research Fellow, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
9Lazarev@gmail.com

Lyubichankovsky Sergei, Dr. Hab. (History), Professor, Orenburg State Pedagogical University.
19 Sovetskaya Str., 460014, Orenburg, Russia.
svlubich@yandex.ru

McGregor Andrew, PhD, Lecturer in French Studies, School of Languages and Linguistics, University of Melbourne.
Victoria 3010, Melbourne, Australia.
ajmcg@unimelb.edu.au

Matveeva Yulia, Dr. Hab. (Philology), associate professor, Chair of 20th and 21st Centuries Russian Literature (professor), Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
julia-matveeva@yandex.ru

Nikonova Natalia, Dr. Hab. (Philology), Head of Romance and Germanic Philology Department, National Research Tomsk State University.
36 Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
nikonat2002@yandex.ru.

Plakhina Elena, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Journalism, Tyumen State University.
10 Semakov Str., 625003, Tyumen, Russia.
plahina@mail.ru

Ratkovsky Ilia, PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University.
5 Mendeleevsky Line, 199034, St. Petersburg, Russia.
i.ratkovskij@spbu.ru

Sidorova Olga, Dr. Hab. (Philology), professor, Head of Germanic Philology Department, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ogs531@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. hab. (Philology), professor, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Vepreva Irina, PhD, Head of the Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Professor, Ural Federal University.
19 Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
irina_vepreva@mail.ru

Zhuk Sergei, Associate Professor, East European and Russian History at Ball State University, Muncie, Indiana; Visiting Associate Professor of History, Department of History and Harriman Institute, Columbia University, New York.
Muncie, Indiana 47306, USA.
sz2572@columbia.edu

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

МИЕ – Музей истории Екатеринбурга
MIE – Arkhiv Muzeya istorii Ekaterinburga

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
CDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsy Sverdlovskoy oblasti

ТСУ – Толковый словарь русского языка
TSU – Tolkovyy slovar′ russkogo yazyka

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
TODRL – Trudy Otdela drevnerusskoy literatury

ЦА ФСБ России – Центральный архив ФСБ России
TA FSB Rossii – Tsentral′nyy arkhiv FSB Rossii

КЛА-18 – Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век
KLA-18 – Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vyp. 1. XVIII vek

СРП-18 – Словарь русских писателей XVIII века
SRP-18 – Slovar′ russkikh pisateley XVIII veka

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит четыре раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

• зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

• зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;

• включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № Е43166.

• Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (http://urfu.ru/science/proceedings/) и на собственном сайте журнала (http://qr.urfu.ru). Журнал индексируется в *Web of Science*, основная коллекция.

• При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

• Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

• К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства,* а также исследования компаративистского характера.

• Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

• Страницы рукописи ***нумеруются***.

• Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

• К статье прилагаются таблица со сведениями об авторами и таблица со сведениями о статье.

• Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

• Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

• Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

• **Формат бумаги** – А4 (210 х 279 мм), ориентация книжная.

• **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.

• **Поля** – все по 2 см.

• **Размер шрифта** (кегль) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)

• **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).

• **Межбуквенный интервал** – обычный.

• **Абзацный отступ – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).**

• **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).

• Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).

• Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).

• Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).

• **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д., т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995.* В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*

• **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*

• **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61.*

• **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («…» – внешние, "…" – внутренние).

• **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак1.*

• **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.

• **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём.*

• При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

• Не допускаются пробелы между абзацами.

• Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

• Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).

• Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).

• Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирый курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пу**сть встр**еча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

• Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.

• Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

• Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитирова-

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL:http://www.prognosis.ru (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы:

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ћосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01 (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора /Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 4, № 2, 2016

Редакторы	*Е. Березина*
	А. Иванова
	Дж. Уайт (*английский текст*)
Верстка	*А. Матвеев*

Editors	*Ekaterina Berezina*
	Anastasia Ivanova
	James White (English)
Imposition	*Alexey Matveev*

Подписано в печать 15.06.2016. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,3.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:
Е. Алексеев, Е. Бурденков. «Иконография» Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества

Illustration for article:
Ye. Alekseev, Ye. Burdenkov. “The Iconography” of Comrade Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking

В. С. Зинов. Свердлов за письменным столом. Председатель ВЦИК. 1930-е. Холст, масло

V. S. Zinov. Sverdlov at a writing desk. Chairman of Central Executive Committee of the RSFSR. 1930s. Canvas, oil

В. С. Зинов. Посещение Лениным больного Свердлова. 1940. Холст, масло

V. S. Zinov. Lenin visiting ailing Sverdlov. 1940. Canvas, oil

П. А. Воинков. Свердлов, Ленин и Сталин в кабинете. 1947. Холст, масло

P. A. Voinkov. Sverdlov, Lenin and Stalin in a Study. 1947. Canvas, oil

П. А. Воинков. Свердлов проводит занятия в подпольной школе пропагандистов-агитаторов, 1905 год. 1948. Холст, масло

P. A. Voinkov. Sverdlov gives lessons in an underground school of propagandists, 1905. 1948. Canvas, oil

В. С. Зинов. Выступление Свердлова на I свободной уральской конференции РСДРП(б) в 1917 году. 1948. Холст, масло

V. S. Zinov. Sverdlov's Speech at the 1st Free Ural Conference of the Russian Social Democratic Labour Party (Bolsheviks)

Г. А. Мелентьев. Арест Я. Свердлова и К. Новгородцевой в 1906 году. 1951. Холст, масло

G. A. Melentyev. Ya. Sverdlov and K. Novgorodtseva's Arrest in 1906. 1951. Canvas, oil

Н. Г. Чесноков. Выступление Свердлова на Каменных Палатках
с призывом к вооруженному восстанию. 1951. Холст, масло

N. G. Tchesnokov. Sverdlov's Speech at the Stone Tents Hills
with a Call for an Armed Uprising. 1951. Canvas, oil

Н. Г. Чесноков. Заседание екатеринбургского комитета РСДРП(б)
19 октября 1905 года. 1951. Холст, масло.

N. G. Tchesnokov. A meeting of the Yekaterinburg Committee
of the Russian Social Democratic Labour Party,
October 19, 1905. 1951. Canvas, oil

Б. М. Витомский. Я. М. Свердлов изучает работу
В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»
в екатеринбургской тюрьме. 1951. Холст, масло

B. M. Vitomsky. Ya. M. Sverdlov studying V.I. Lenin's
Materialism and Empirio-criticism in Yekaterinburg
Prison. 1951. Canvas, oil

В. А. Терехин. Посещение Я. М. Свердловым больного Ленина.
1954. Холст, масло

V. A. Terekhin. Ya. M. Sverdlov visiting ailing Lenin. 1954. Canvas, oil

И. И. Симонов. Я. М. Свердлов предупреждает Ленина
в июльские дни 1917 года. 1957. Холст, масло

I. I. Simonov. Ya. M. Sverdlov Warning Lenin in July, 1917.
1957. Canvas, oil

Г. С. Мосин. Индийская делегация вручает Свердлову
меморандум. 1957. Холст, масло

G. S. Mosin. The Indian Delegation Handing
a Memorandum to Sverdlov. 1957. Canvas, oil